

9(4)

Л 65 Лихтенбергэ

Современная

Германия

СТРАНЫ

ВЪКА-И

НАРОДЫ

А. ЛИХТЕНБЕРЖЭ

СОВРЕМЕННАЯ
ГЕРМАНИЯ

524367

Установа адукцацый
«Віцебскі адрэдакцыйны
цэнтр імя П. М. Шырава»
БІБЛІОТЕКА

В. Мигунович

МОСКВА —
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемая вниманию читателя книга сорбонскаго профессора Henri Lichtenberger *L'Allemagne moderne. Son evolution* представляет изъ себя попытку дать сжатую характеристику того развитія, которое протѣкла Германия въ теченіе XIX вѣка. Въ общемъ, эту попытку нужно признать вполне удавшейся. Основываясь на обширной общей и специальной литературѣ, авторъ даетъ рядъ блестящихъ очерковъ хозяйственной, политической и культурной эволюціи Германіи. Особенно удачны главы, посвященныя развитію философской мысли и искусства, такъ какъ здѣсь Лихтенберже опирается на свои собственные оригинальныя работы о Гейне, Ницше и Рихардѣ Вагнерѣ.

Конечно, въ небольшой книгѣ, ставящей себѣ столь широкія задачи, пробѣлы неизбежны. Съ другой стороны, читатель едва ли согласится со всеми выводами, которые дѣлаетъ авторъ. Въ этомъ отношеніи Лихтенберже можно поставить одинъ общій упрекъ: онъ слишкомъ уже стремится опредѣлить среднюю равнодѣйствующую тѣхъ силъ и теченій, которыя борются между собой въ современной Германіи, позабывая при этомъ, что такая равнодѣйствующая весьма часто является лишь нашей фикціей.

Все это, однако, нисколько не умаляетъ достоинствъ работы Лихтенберже. Большая эрудиція, строгая объектив-

ность, полная свобода отъ всякихъ националистическихъ антипатій, блестящее изложеніе, умѣніе выпукло и ярко очертить въ немногихъ словахъ весьма сложныя общественныя и умственныя теченія позволяютъ считать книгу Лихтенберга образцомъ дѣйствительно научной популяризаціи. Нѣмецкій читатель оцѣнилъ достоинства «Современной Германіи», сочувственно принявъ ея переводъ на нѣмецкій языкъ. Не менѣе цѣнной, я думаю, она окажется и для русской читающей публики.

В В Е Д Е Н І Е.

При сравненіи нашего времени съ предшествующими эпохами бросается въ глаза одинъ крупный фактъ: огромный ростъ человѣческаго могущества, совершившійся въ теченіе послѣдняго столѣтія. Можно, если угодно, сомнѣваться въ «прогрессъ» человѣчества, т. е. можно поставить вопросъ, сталъ ли современный человѣкъ счастливѣе, мудрѣе или даже обезпеченнѣе въ сравненіи съ человѣкомъ предшествующихъ эпохъ. Но за то для насъ вполне ясно, что коллективная власть надъ природой, которою располагаетъ цивилизованное человѣчество, возросла въ огромныхъ размѣрахъ. Завоеваніе и подчиненіе природныхъ силъ человѣческимъ разумомъ сдѣлало значительные успѣхи въ теченіе XIX вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ сталъ смотрѣть на мръ не такъ и испытывать при этомъ не тѣ чувства, какъ раньше. Характеръ его мышленія глубоко измѣнился: оно, если воспользоваться постоянно употребляемымъ нѣмецкими критиками выраженіемъ, развилось въ сторону «субъективизма».

Средніе вѣка проникнуты прежде всего глубокимъ чувствомъ нашей зависимости отъ безконечно превосходящихъ насъ силъ. Анализируя характеръ мышленія, которое преобладаетъ еще въ XV столѣтіи, мы найдемъ, что глубочайшее различіе между людьми того времени и нами состоитъ въ томъ, что у нихъ еще отсутствуетъ строгое понятіе причинности. Мы живемъ въ твердомъ убѣжденіи, что всякій фактъ безъ исключенія можетъ быть объясненъ, какъ дѣйствіе одной или нѣсколькихъ причинъ. Мы прини-

маемъ существованіе строгой причинной связи между всѣми явленіями безъ исключенія. Мы стремимся во всей области нашего опыта ясно устанавливать эти отношенія причины-слѣдствія. И даже въ томъ случаѣ, когда это отношеніе ускользаетъ отъ насъ, мы убѣждены, что наука лучше освѣдомленная сумѣетъ открыть его. Этого то основного убѣжденія и недостаетъ средневѣковому человѣку. Знаніе внѣшняго міра у него еще слабо развито. Онъ не располагаетъ, какъ современный человѣкъ, огромной суммой систематически упорядоченныхъ и организованныхъ опытныхъ фактовъ. Его мышленіе не требуетъ настоятельно причиннаго объясненія каждаго факта, каждаго событія. Чтобы ориентироваться въ хаосѣ явленій, онъ довольствуется обычно заключеніями по болѣе или менѣе произвольнымъ и поверхностнымъ аналогіямъ, а не обращается къ строгой индукціи. Не удивительно, поэтому, что на ряду съ довольно еще ограниченной группой явленій, въ которыхъ привычка уже научила его различать извѣстную закономерность, онъ охотно принимаетъ существованіе гораздо болѣе обширнаго міра чудесъ, не подчиненнаго законамъ природы, который совсѣмъ близокъ къ намъ, и вліяніе котораго можетъ въ любой моментъ нарушить нормальную связь явленій. Не удивительно, съ другой стороны, что въ виду отсутствія разработанной положительной науки и незначительности опытныхъ свѣдѣній, которыя можетъ пріобрѣсти отдѣльный индивидъ, традиціонная мудрость, унаслѣдованная отъ прошлаго, оказываетъ на него большое вліяніе. Не удивительно и то, что религія, основанная на вѣрѣ въ чудеса и покоящаяся на авторитетѣ вѣковой традиціи, господствуетъ надъ умами и оказываетъ непреодолимое вліяніе, какъ на понятія, такъ и на чувства людей.

Совершенно иной характеръ носить современное мышленіе.

Если въ средніе вѣка умы охотно склоняются передъ авторитетомъ традиціи и видятъ всюду чудеса, скрытое, произвольное, таинственное вліяніе высшихъ силъ на міръ явленій, современное мышленіе становится все болѣе автономнымъ. Интеллектуальный горизонтъ челоѣчества расширяется въ необъятныхъ размѣрахъ; сумма упорядоченныхъ и кодифицированныхъ данныхъ его опыта становится все болѣе громадной. Наука и научный инстинктъ развиваются параллельно. На мѣсто вѣры въ сверхъестественное становится мало-по-малу вѣра въ абсолютный детерминизмъ явленій, строго индуктивное мышленіе занимаетъ мѣсто умозаключенія по аналогіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ образомъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, организуется все болѣе развитое и полное рациональное и экспериментальное знаніе міра. Благодаря великимъ открытіямъ Симона Стевина, Галилея, Ньютона, Декарта, Лейбница, Эйлера, д'Аламбера и Лапласа въ XVII и XVIII вѣкахъ складываются математика и механика. Къ концу XVIII вѣка выходятъ въ свою очередь изъ младенческаго состоянія и экспериментальныя науки. Съ Лавуазье начинается исторія современной химіи, съ Гальвани и Вольты — исторія науки объ электричествѣ. Въ теченіе XIX вѣка постепенно вырабатывается великое механическое міропониманіе. Человѣческій разумъ научается представлять себѣ всѣ физическіе факторы природы, механическую работу, теплоту, свѣтъ, звукъ, электричество, какъ различныя выраженія одной и той же основной энергіи, которая, всегда оставаясь тождественной самой себѣ, проявляется во всѣхъ физическихъ явленіяхъ. Такимъ образомъ, онъ доказываетъ единство силъ природы и устанавливаетъ, что энергія подчиняется всюду и во всѣхъ своихъ формахъ одному основному космологическому закону, закону сохранения энергіи, закону неистребимости силы и матеріи во вселенной. Дѣлая все новыя и новыя завоеванія,

онъ, въ концѣ-концовъ, пытается распространить этотъ законъ и на органическую природу. Онъ открываетъ въ одномъ изъ простыхъ, неразложимыхъ тѣлъ, въ углеродѣ, тотъ удивительный элементъ, который опредѣляетъ безконечное разнообразіе органическихъ агрегатовъ и тѣмъ самымъ является химической основой жизни (Геккель); онъ открываетъ въ простой клѣткѣ элементарный организмъ, порождающій путемъ послѣдовательныхъ соединеній всѣ ткани, изъ которыхъ состоятъ растительные и животные организмы. Въ теоріи развитія, которую пророчески предугадалъ Гете въ концѣ XVIII вѣка, и которую научно формулировалъ Дарвинъ въ 1859 году, онъ распространяетъ механическую гипотезу на біологію и провозглашаетъ, что міръ, взятый въ цѣломъ, есть ничто иное, какъ вѣчная эволюція субстанціи.

Но разумъ не ограничивается однимъ объясненіемъ міра, основаннымъ на принципѣ причинности; онъ не остается только теоретическимъ, онъ становится также практическимъ, онъ дѣйствуетъ и творитъ. По мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ все лучше и лучше понимать законы, управляющіе явленіями, онъ научается также подчинять себѣ силы природы, дисциплинировать ихъ, заставлять ихъ работать на свою пользу. Закладывая основы науки, онъ въ то же время создаетъ и раціональную технику.

Старая техника была прежде всего эмпирической. Ремесленникъ зналъ отъ своихъ предшественниковъ, какъ взяться за дѣло, чтобы получить данный продуктъ. Его мастеръ передавалъ ему практически тѣ эмпирическіе способы, тѣ ручные приемы, при помощи которыхъ изготовлялись тѣ или иные предметы. Въ своемъ невѣдѣніи законовъ природы, онъ примѣнялъ эти правила, не зная большею частью, какъ и почему они приводятъ къ желанному результату. Иногда благодаря счастливому случаю онъ открывалъ новый приемъ, позволявшій ему болѣе быстро и

вѣрно достигать преслѣдуемую цѣль, и въ этомъ случаѣ онъ обогащалъ новымъ правиломъ технической кодексъ, который онъ передавалъ слѣдующему поколѣнію. Но этотъ кодексъ всегда оставался только нѣкоторою суммой случайно открытыхъ эмпирическихъ правилъ, а не хорошо координированной системой продуманныхъ и научно до-
стовѣрныхъ знаній.

Напротивъ, отличительной чертой современной техники, является какъ-разъ все прогрессирующая замѣна эмпиризма раціональнымъ знаніемъ, традиціонныхъ правилъ— научными приѣмами. Такимъ образомъ, научное познаніе природы приводитъ къ глубокому измѣненію всей техники, которая мало-по-малу принимаетъ совершенно новый характеръ. Какова цѣль, къ которой стремится наука о природѣ? Она старается главнымъ образомъ привести качественныя различія въ количественнымъ, найти математическую формулу, которая бы адекватнымъ образомъ выражала тѣ или иные естественные факты, наконецъ, свести всѣ явленія самой органической жизни къ все болѣе сложнымъ движеніямъ первоначальныхъ элементовъ, не отличающихся по своей сущности отъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ неорганическія тѣла. Точно также и современная техника во всѣхъ ея формахъ, механика, термофизика, химія, электротехника и т. д., всюду стремится изъять живыя силы и поставить на ихъ мѣсто мертвые элементы, замѣнить, напри-
мѣръ, двигательную силу человѣка и животныхъ силой пара или электричества, работниковъ изъ костей и мяса,—желѣзными и стальными организмами, машиной, органическіе и естественные продукты, какъ дерево, растительныя краски, навозъ, — неорганическими и искусственными продуктами, каменнымъ углемъ, желѣзомъ, анилиновыми красками, химическими удобреніями. Идя впередъ по этому пути, она становится все болѣе точной, безличной,

независимой отъ времени и пространства; она уже не зависитъ отъ естественныхъ или пріобрѣтенныхъ способностей—искусства рукъ, остроты зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія—той или иной группы людей; она работаетъ съ строгой, безыменной, неизмѣнной точностью машины; она не должна болѣе подчиняться условіямъ времени и пространства, отъ которыхъ зависитъ естественный ростъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, а производить тѣ продукты, которые хочетъ сздать, путемъ искусственного синтеза элементовъ и силъ, всегда находящихся въ ея распоряженіи. Она уже не болѣе или менѣе тонкое искусство, секрету котораго грозитъ опасность затеряться, а окончательное завоеваніе для всѣхъ временъ и народовъ коллективнаго знанія человѣчества.

Такимъ образомъ, развитіе науки и рациональной техники увеличиваютъ въ неслыханныхъ размѣрахъ могущество человѣка, его господство надъ природой. При этихъ условіяхъ происходитъ глубокая перемѣна во всей его манерѣ воспринимать міръ и жизнь.

Въ средніе вѣка человѣкъ, какъ мы сказали, чувствуетъ себя глубоко зависимымъ. Во всѣхъ областяхъ своей матеріальной и духовной жизни онъ повинуется Богу или традиціи. Въ сферѣ религіи Библія и церковь предлагаютъ ему окончательное и полное рѣшеніе всѣхъ великихъ метафизическихъ проблемъ, рѣшеніе, которое внушило ему само Божество и которое онъ обязанъ принять безъ всякаго контроля и возраженій. Нравственный законъ предписывается ему, какъ божья заповѣдь, которой онъ можетъ лишь смиренно подчиниться. Соціальная организація, покоящаяся на вѣковой традиціи, также имѣетъ какъ бы священный характеръ. Во всѣхъ важныхъ актахъ своей жизни человѣкъ повинуется приказаніямъ силы или воли, которая стоитъ неизмѣримо выше его самого, и единственно возможнымъ отношеніемъ

къ которой является смиренное и униженное подчиненіе.

Это покорное подчиненіе внѣшнему авторитету измѣняется, по мѣрѣ того какъ человѣкъ все болѣе приходитъ къ сознанію своего могущества. Въ теченіе долгихъ столѣтій христіанство давало Западу космологію, объясненіе исторической эволюціи, истолкованіе смысла жизни, правила поведенія; въ теченіе столѣтій во главѣ его цѣнностей стояла Вѣра. По мѣрѣ того, какъ развиваются раціональное знаніе и даваемая этимъ знаніемъ организаторская власть, человѣкъ начинаетъ чувствовать все большее довѣріе къ самому себѣ. Наука становится соперницей Вѣры. Разумъ, гордый своими величавыми успѣхами, стремится занять мѣсто религіи во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни. Онъ въ свою очередь притязаетъ на первое мѣсто въ таблицѣ цѣнностей. Въ XVII и XVIII вѣкахъ раціоналистическое движеніе приводитъ къ обширнымъ синтетическимъ конструкціямъ, къ великимъ системамъ Декарта, Спинозы и Лейбница, въ которыхъ Разумъ, вознесенный на мѣсто верховнаго судьи истины, ставитъ своею задачей построить систему міра, опираясь исключительно на свои собственные силы, независимо отъ всякаго авторитета, всякой традиціи, всякаго откровенія. Въ началѣ новѣйшаго періода нѣмецкая мысль въ лицѣ Канта и Фихте отчетливо провозглашаетъ великій принципъ автономіи Воли. Она разрываетъ связь, существовавшую до тѣхъ поръ между религіей и моралью. Старая этика, видѣвшая принципъ нравственности въ божественной волѣ и заставлявшая человѣческую волю склоняться передъ приказаніями Божества, является для Канта гетерономною моралью, основанной на авторитарномъ принципѣ, и отвергается имъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Утверждая, что «чистая воля», т. е. воля, опредѣляемая исключительно чистымъ Разумомъ, управляемая единственно тѣмъ закономъ, который она сама себѣ предписываетъ, является принципомъ всей

истинной нравственности, провозглашая, что въ мірѣ не существуетъ авторитета, который могъ бы повелѣвать человѣческой свободѣ, что человѣкъ самъ является своимъ собственнымъ законодателемъ, и что, повинаясь нравственному закону, онъ повинуется голосу своего собственного Разума, Кантъ совершилъ въ области этики дѣло огромной важности и дѣйствительно открылъ новую эпоху въ исторіи нравственнаго сознанія. Съ этимъ человѣчество окончательно пришло къ сознанію своей автономіи.

Эту идею автономіи человѣчество утверждаетъ съ все возрастающей силой. Оно все болѣе и болѣе приходитъ къ убѣжденію, что мыслящій и дѣйствующій «субъектъ» не знаетъ надъ собою никакой силы, передъ которой онъ долженъ былъ бы склониться. Современный человѣкъ все болѣе и болѣе чувствуетъ, что онъ долженъ не повиноваться, а повелѣвать и организовывать. Онъ смѣло беретъ за разрѣшеніе проблемы раціональной эксплуатаціи вселенной и работаетъ надъ научной организаціей жизни во всѣхъ ея аспектахъ, моральномъ, экономическомъ, социальномъ и политическомъ.

Современный субъективизмъ въ лицѣ своего крайняго и парадоксальнаго представителя, Ницше, провозглашаетъ смерть Бога, отрицаетъ не только трансцендентнаго Бога теологовъ, но и имманентнаго Бога метафизиковъ и приглашаетъ человѣка остаться «вѣрнымъ землѣ», рѣшительно отбросить въ сторону всякія мысли о потустороннемъ мірѣ, понять, что онъ самъ долженъ быть «творцомъ цѣнностей», что внѣ него самого нѣтъ «объективной» истины, моральной и метафизической, которой онъ долженъ былъ бы подчиняться, что онъ долженъ самостоятельно дать себѣ свой законъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ силовыхъ центровъ, находящихся въ состояніи вѣчной эволюціи, вѣчнаго взаимодѣйствія. Стремленіе къ могуществу, къ все большему могуществу, подчиняющему своей власти все

большую массу энергии, является основнымъ и изначальнымъ фактомъ міровой жизни. Контрастъ съ средневѣковымъ мышлениемъ сдѣлался полнымъ. Съ одной стороны,—вѣрующій, который чувствуетъ себя окруженнымъ тайнами и чудесами и покорно подчиняется авторитету религіозной, моральной и ученой традиціи. Съ другой стороны,—суровый титанъ, который не признаетъ надъ собой никакого закона, никакого повелителя и видитъ въ неумолимомъ стремленіи къ могуществу вѣчный законъ человѣка, человѣчества, всего міра.

Противопологая старый авторитаризмъ современному субъективизму, я вовсе не хочу сказать, что я признаю за однимъ изъ этихъ жизнепониманій болѣе высокую внутреннюю цѣнность, чѣмъ за другимъ, что одно неизбежно должно занять мѣсто другого, что исторія является намъ прогрессивную, непрерывную и безконечную эволюцію въ сторону рационалистическаго субъективизма. Я утверждаю лишь, что въ новое время и особенно въ XIX вѣкѣ у человѣка необычайно усилилось чувство организаторской силы человѣческаго ума и воли, что онъ съ замѣчательной интенсивностью приложилъ свою энергию къ завоеванію научной и технической, экономической и политической «мощи», и что стремление создать мировое царство автономнаго разума и науки является, можетъ-быть, самымъ значительнымъ фактомъ XIX вѣка. Однако, несомнѣнно, что «религіозное» чувство, которое въ средніе вѣка, заставляло души склониться передъ тайной Божества и чтить въ традиціи манифестацію этого Божества, которое приводило ихъ къ обожествленію міра, къ подчиненію міровому порядку, къ повиновенію міровому закону, словомъ, не къ желанію властвовать, а къ почтительной покорности передъ лицомъ міровыхъ загадокъ,—не перестало еще проявлять себя въ наше время. Современный человѣкъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы господствовать надъ міромъ своимъ умомъ и своей

сознательной волей. Онъ гордится своей силой. Но онъ сознаетъ также, какъ узки предѣлы его власти надъ вещами. Онъ не пересталъ чтить тѣ безконечныя и страшныя силы, которыя его окружаютъ, и отъ которыхъ онъ зависитъ. И онъ охотно, именно въ Германіи, уважаетъ и чтить на-ряду съ продиктованными разумомъ правилами поведенія, ту бессознательную мудрость, которая находитъ свое выраженіе въ великихъ религіозныхъ, моральныхъ, политическихъ и социальныхъ традиціяхъ.

Германія XIX вѣка интересна, поэтому, въ двухъ отношеніяхъ. Нѣмцы принадлежатъ къ числу тѣхъ народовъ Европы, у которыхъ научное мышленіе и организаторская воля совершили самые необычайные подвиги, у которыхъ особенно гордо расцвѣлъ современный субъективизмъ. Но они принадлежатъ также и къ числу тѣхъ націй, у которыхъ болѣе всего сохранили свою силу «религіозное» чувство, уваженіе къ традиціи и авторитету. Нѣмецкая мысль оказала могущественное содѣйствіе развитію положительныхъ наукъ, выработкѣ рационалистическаго объясненія міра. Нѣмецкая сила организовалась методически и внушительно; она устремилась съ ни съ чѣмъ не сравнимой энергіей къ завоеванію экономической мощи и политическаго господства и сдѣлала изъ Германіи одну изъ самыхъ экспансивныхъ націй въ мірѣ, стоящую рядомъ съ Англійей и Соединенными Штатами. Такимъ образомъ, нѣмецкая мысль проявила себя, какъ первостепенный источникъ силы, какъ несравненное орудіе могущества. Но она не оказалась исключительнымъ и нетерпимымъ властителемъ. Она всегда стремилась, насколько возможно, согласоваться съ силами прошлаго. Въ области религіи она старалась заключить «компромиссъ» съ традиционными вѣрованіями, хотѣла скорѣе «усовершенствовать» христіанство, чѣмъ бороться съ нимъ до конца. Въ политической области вмѣсто того, чтобы создать цѣльное,

раціонально построенное государство, она старалась возможно болѣе щадить традицію, проявила большое уваженіе къ монархической власти и приняла всѣ предосторожности, чтобы не нарушить пріобрѣтенныхъ правъ и не ускорить темпа той эволюціи, которая ведетъ современныя націи къ демократіи.

Является ли это силой или слабостью? Одни удивляются безпрерывности политическаго и религіознаго развитія Германіи, видятъ цѣнное преимущество для націи въ томъ, что она не превратила своего прошлаго въ *tabula rasa*; они считаютъ вѣроятнымъ, что она и впредь будетъ развиваться тѣмъ же путемъ, безъ насильственныхъ потрясеній, и найдетъ среднюю линію между крайними соціально-демократическими и клерикально-феодальными рѣшеніями, приемлемую для огромнаго большинства. Другіе, напротивъ, считаютъ, что современная милитаристическая и феодальная, имперіалистическая и строго реалистическая Германія, влюбленная въ могущество и богатство, относящаяся съ пренебреженіемъ ко всякой демократической и гуманитарной идеологіи, является анахронизмомъ въ современной Европѣ и должна испытать, можетъ-быть, въ ближайшемъ будущемъ серьезныя и даже насильственные превращенія.

Я, съ своей стороны, не претендую на оригинальное рѣшеніе этихъ столь горячо дебатировавшихся вопросовъ. Не скрывая отъ себя невозможности достигнуть полной объективности въ этой области, я, по крайней мѣрѣ, буду стараться описать возможно безпристрастиѣ и возможно болѣе отвлекаясь отъ своихъ личныхъ чувствъ совокупность фактовъ, имѣющихъ для насъ столь высокій интересъ. Нѣмецкая наука старалась, особенно за послѣдніе годы, подвести въ рядѣ отдѣльныхъ и коллективныхъ работъ итоги истекшему столѣтію. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ, — я назову лишь превосходную «Исторію Герма-

ни» Лампрехта,—первоклассны. Я думаю, что было бы не лишено интереса представить французской читающей публикѣ въ возможно болѣе упрощенной формѣ нѣкоторые общіе результаты этой обширной научной анкеты ¹⁾. Какъ-разъ въ силу глубокихъ различій, которыя отдѣляютъ современную Францію отъ современной Германіи, полезно составить себѣ безпристрастную и ясную картину, возможно болѣе точное общее представленіе о тенденціяхъ Германіи. Въ этой работѣ я преслѣдую лишь одну цѣль: нарисовать эту картину возможно вѣрнѣе и правдивѣе.

¹⁾ Назовемъ изъ нихъ наиболее важныя: „Das XIX Jahrhundert in Deutschlands Entwicklung“, herausgegeben von P. Schlenther, Berlin, Bondi, 1898.—„Die allgemeinen Grundlagen der Kultur der Gegenwart“, herausgegeben von P. Hinneberg, Berlin und Leipzig, Teubner 1906 ff.—„Am Ende des Jahrhunderts“, Berlin, Cronbach 1898 ff.—„Das deutsche Jahrhundert in Einzelschriften“, herausgegeben von G. Stockhausen, Berlin, Schneider 1901.—H. St. Chamberlain, „Die Grundlagen des 19 Jahrhunderts“, München, Bruckmann, 1899.— Не желая чрезмерно увеличивать объема этой книги, я не стану давать полной библиографіи использованных мною работъ и подробно перечислять авторовъ, на которыхъ я опираюсь. Изъ произведеній, которыя принесли мнѣ особенную пользу, я назову въ первую очередь 3 тома „Zur jüngsten deutschen Vergangenheit“ (Freiburg, 1902—1904) Лампрехта, выпущенные имъ въ качествѣ дополненія къ его „Deutsche Geschichte“, затѣмъ нѣмецкія работы Зомбарта, Циглера, Трейчке, Э. Маркса, Ленца, Цвиденекъ-Зюденгорста, Ф. Меринга, Паульсена, Трѣльча, Ниппольда, Брюкка, Виндельбанда, Ибервегъ-Гейнце, Кюльпе, Р.-М. Мейера, Бартельса, Гурлитта, Муттера, Майера-Грефе, Римана и др., французскія работы Андлера, Баша, Дени, Гуао, Леви Брюля, Альбера Леви, Маттера, Мильо, Париже, Ружа и др. Само собою разумѣется, что я могъ бы значительно увеличить этотъ списокъ. Но я не знаю, какую пользу могло бы принести подобное перечисленіе французскому читателю. Для меня важно предупредить читателя, что развиваемая въ этой книгѣ идеи принадлежатъ не мнѣ. Моя книга, подчеркиваю еще разъ, ставить своею цѣлью лишь резюмировать вышедшія за послѣднее время работы историковъ современной нѣмецкой культуры, безъ которыхъ она и не могла бы появиться на свѣтъ.

КНИГА I.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ.

ГЛАВА I.

Развитіе капитализма.

Великимъ фактомъ, господствующимъ въ экономической и соціальной исторіи Германіи такъ же, какъ и всей Европы XIX вѣка, является развитіе капитализма, или, если воспользоваться болѣе обычной у нѣмецкихъ экономистовъ формулой, развитіе предпринимательства (*Unternehmung*).

Предшествующіе періоды не знаютъ въ той степени, какъ XIX столѣтіе, того безпредѣльнаго стремленія къ прибыли, которое характерно для современнаго спекулянта во всѣхъ его разновидностяхъ. Въ докапиталистическую эпоху каждый индивидуумъ, находится ли онъ на самой верхней или самой нижней ступени соціальной лѣстницы, старается добыть лишь то, что ему необходимо для поддержанія своего существованія (*Nahrung*), для жизни въ соответствіи съ привычками своего сословія. Таковъ идеалъ благороднаго землевладѣльца, юнкера, который болѣею частью не стремится къ интенсивной эксплуатаціи своего имѣнія съ цѣлью полученія съ него максимума продуктовъ, а требуетъ лишь, чтобы доходы съ земли давали ему возможности поддерживать его достоинство и позволяли жить въ теченіе части года сеньеромъ въ своемъ имѣніи, осенью охотиться, зиму проводить въ столицѣ

или главномъ городѣ провинціи, дать приданое дочерямъ и содержаніе сыну-офицеру. Таковъ же идеаль и ремесленника—«мастера». Онъ стремится къ тому, чтобы ремесло кормило его, семью, подмастерій и учениковъ, которымъ онъ даетъ квартиру и столъ. Онъ не мечтаетъ о безпредѣльномъ увеличеніи своего производства; онъ хочетъ лишь жить въ качествѣ независимаго производителя, добросовѣстно исполняя нормальныя требованія весьма ограниченной кліентуры, отбить которую у него никто не имѣетъ права. Торговецъ совершенно такъ же, какъ и ремесленникъ, заботится лишь о томъ, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе, сбывая свои товары среди болѣе или менѣе узкаго круга покупателей, традиціонные вкусы и потребности которыхъ ему хорошо извѣстны.

При этихъ условіяхъ общая тенденція эпохи направлена къ тому, чтобы защищать пріобрѣтенное и традиціонное положеніе каждаго индивидуума противъ воздѣйствія свободной конкуренціи, противъ захватовъ слишкомъ жадныхъ и слишкомъ предприимчивыхъ сосѣдей. Землевладѣлецъ обязанъ не превращать своихъ земель въ пустоши, не сокращать количества держаній, не уменьшать числа крестьянскихъ семей, живущихъ въ его помѣстьѣ. Зато благодаря крѣпостному праву и барщинѣ ему постоянно обезпечена рабочая сила, необходимая для обработки имѣнія. Такимъ же точно образомъ ремесленникъ находится подъ покровительствомъ цеховой организаціи, которая, несмотря на полный упадокъ, все-же продолжаетъ въ общихъ чертахъ существовать въ началѣ XIX вѣка. Она стремится создать въ каждомъ городѣ юридическую или фактическую монополію въ пользу «мастеровъ» разныхъ ремеселъ и ограничить конкуренцію этихъ мастеровъ между собой, препятствуя сосредоточенію въ однихъ рукахъ сырыхъ матеріаловъ и рабочей силы, и запрещая отбивать кліентуру.

На мѣсто этого идеала «пропитанія», мало-по-малу становится идеаль «свободнаго предпринимательства». Съ конца XVIII вѣка, всюду начинаютъ раздаваться протесты противъ преградъ, которыя мѣшаютъ индивидуальной инициативѣ. Протестуютъ противъ старинной организаціи сельской общины, которая вслѣдствіе раздробленія земельной собственности и крайней черезполосицы связываетъ общими узами солидарности всѣхъ жителей деревни и заставляетъ ихъ обрабатывать свои надѣлы по традиціонному плану, выработанному предшествующими поколѣніями и охватывающему всю культурную площадь деревни. Возстаютъ противъ феодальной организаціи дворянскаго помѣстья, которая ставитъ крестьянина въ полную зависимость отъ помѣщика и лишаетъ его возможности добиться когда-нибудь экономической независимости. Жалуются на многочисленныя преграды, которыя ставитъ цеховая организація нормальному развитію индустріи и торговли. Но особенно протестуютъ противъ административной опеки просвѣщеннаго абсолютизма, который въ XVIII вѣкѣ оставляетъ исключительно за собой всякую инициативу въ области хозяйства и вмѣшивается даже въ мельчайшія детали національной жизни и производства. Физиократы во Франціи, Адамъ Смитъ въ Англіи громко провозглашаютъ благотѣльность принципа: «laissez faire». Точно также Вильгельмъ Гумбольдъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Опытъ установленія границъ государственнаго вмѣшательства» (1795), энергично выступаетъ противъ бюрократическаго механизма, который превращаетъ человѣка въ машину, дѣлаетъ изъ чиновниковъ послушныхъ рабовъ и подавляетъ у подданныхъ всякую самостоятельную дѣятельность.

Въ началѣ XIX вѣка, вслѣдъ за разгромомъ Пруссіи при Іенѣ, эта точка зрѣнія получаетъ преобладаніе среди патріотовъ, стремящихся къ возрожденію страны. Слабость Пруссіи въ сравненіи съ императорскою Франціей обусло-

вливается, по ихъ мнѣнію, тѣмъ, что въ Пруссіи просвѣщенный абсолютизмъ и феодальный режимъ задушили малѣйшія проявленія самостоятельности, въ то время какъ во Франціи революція пробудила къ политической жизни весь народъ. Поэтому они ставятъ своею задачей пробудить національное сознаніе, вдохнуть жизнь въ инертную массу, какой является Прусское государство, преобразить ее въ организмъ, всѣ члены котораго были бы жезнесноспособны и добровольно внесли бы свою долю въ общее дѣло. Они убѣждаютъ короля произвести сверху ту революцію, которую французы сдѣлали снизу.

Нація должна быть освобождена отъ правительственной и феодальной опеки. Не будучи въ состояніи собственными средствами исправить нанесенный войной вредъ и успѣшно справиться со всѣми индивидуальными бѣдствіями, абсолютизмъ отказывается отъ своихъ экономическихъ прерогативъ и рѣшается «уничтожить всѣ преграды, препятствовавшія до сихъ поръ каждому индивидууму достигнуть той степени благосостоянія, на которую давали ему право размѣры его собственныхъ силъ». Въ администраціи Штейнъ старается ввести на всѣхъ ступеняхъ принципъ самоуправленія. Далѣе Штейнъ, и послѣ него Гарденбергъ, стремятся поднять положеніе сельскаго населенія, отмѣняя крѣпостное право, разрѣшая выкупъ барщины, эмансипируя держателя отъ сеньеріального помѣстья, и крестьянина отъ сельской общины, благопріятствуя образованію класса свободныхъ и владѣющихъ независимой землей крестьянъ. Съ другой стороны, они освобождаютъ городское третье сословіе, провозглашая свободу промышленности и торговли, разрушая цеховой строй, вводя широкое муниципальное самоуправленіе. Несмотря на сопротивленіе феодальной партіи, которой удается отсрочить на долгіе годы осуществленіе аграрной реформы и, въ концѣ-концовъ, обезпечить себѣ при ликвидаціи феодальнаго землевладѣнія

непомѣрные матеріальные выгоды, старый порядокъ безвозвратно рушится. Государство отказывается отъ руководства экономической жизнью страны. Въ цѣломъ рядъ важныхъ областей оно предоставляетъ полную свободу частной инициативѣ. Оно освобождаетъ духъ предпринимательства отъ оковъ, которыя до сихъ поръ налагала на него феодальная и цеховая организація. Открывается эра свободной конкуренціи. Сначала среди землевладѣльцевъ, а затѣмъ и среди промышленниковъ и торговцевъ появляется и быстро развивается новый классъ спекулянтовъ, въ которомъ воплощается духъ предпринимательства и стремленіе безпредѣльно развернуть свое экономическое могущество. Съ этихъ поръ онъ становится во главѣ экономическаго движенія. Используя въ своихъ цѣляхъ поразительный прогрессъ науки и техники, изображенный нами выше, свободное предпринимательство опрокидываетъ и трансформируетъ съ неслыханной до тѣхъ поръ быстротой условія существованія всей націи.

Прослѣдимъ главнѣйшія фазы этой эволюціи въ теченіи XIX вѣка.

Въ началѣ вѣка Германія представляетъ изъ себя земледѣльческую страну, довольно бѣдную и мало развитую въ экономическомъ отношеніи. Вычисляють, что въ это время на территоріи современной Имперіи жило около 25-ти милліоновъ человекъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три четверти обитали въ деревнѣ, и двѣ трети—занимались земледѣльческимъ трудомъ. Промышленность и торговля почти отсутствуютъ. Средства сообщенія малочисленны и крайне несовершенны: въ 1816 году въ Пруссіи насчитывается всего на всего 523 мили шоссейныхъ дорогъ, и эти дороги находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. Почта—медленна, неудобна и дорога. Мало того, Вѣнскій трактатъ освятилъ политическую и экономическую раздробленность Германіи. Немедленно же послѣ заключенія мира 38

таможенныхъ линій парализуютъ внутреннюю торговлю и производить, по извѣстному выраженію Листа, «приблизительно такое же дѣйствіе, какъ если бы мы перевязали каждый членъ человѣческаго тѣла, чтобы помѣшать крови переливаться изъ одного органа въ другой». Такимъ образомъ, какой-либо промышленный подъемъ въ это время невозможенъ. Впрочемъ, экономическая жизнь страны находится еще въ довольно примитивномъ состояніи. Дифференціація между земледѣльческими и промышленными занятіями продолжаетъ быть очень не полной. Крестьянинъ изготовляетъ самъ еще большую часть нужныхъ ему орудій, одежды и всякаго рода другихъ предметовъ, и, обратно, значительное число ремесленниковъ и поденщиковъ, помимо своихъ ремесленныхъ занятій, обрабатываютъ еще свои небольшіе участки земли. Развито одно лишь сельское хозяйство; оно даже процвѣтаетъ. Англія, вслѣдствіе развитія индустріи и скопленія населенія въ городахъ, предъявляетъ значительный спросъ на сельскохозяйственные продукты. Голландія и скандинавскія страны также импортируютъ хлѣбъ. Въ это время Германія въ состояніи экспортировать часть продуктовъ своего сельскаго хозяйства и продаетъ за границу въ довольно большомъ количествѣ, главнымъ образомъ, рожь. Эта благопріятная ситуація позволяетъ землевладѣльцамъ улучшить хозяйство. Агронмическая техника подъ умѣлымъ управленіемъ Таэра совершенствуется. Цѣны на землю повышаются. И, такъ какъ вслѣдствіе разныхъ причинъ на сѣверѣ Германіи въ это время происходитъ аккумуляція значительныхъ капиталовъ, пробуждается духъ предпринимательства, и развивается довольно оживленная спекуляція пригодными для обработки землями.

Въ теченіе всей первой половины вѣка положеніе вещей почти не мѣняется. Подготавливаются условія, которыя нѣсколько позднѣе приведутъ къ экономическому расцвѣту

Германіи. Прежде всего, благодаря цвѣтущему состоянію сельскаго хозяйства значительно растетъ населеніе: съ 25-ти милліоновъ въ 1816 году оно увеличивается до 34½ милліоновъ въ 1845 году, т. е. на 38,7%,—наиболѣе крупный приростъ за весь вѣкъ. Далѣе, организація въ 30-хъ годахъ Таможеннаго союза создала въ Германіи территорію въ 8,253 квадратныя мили, свободную отъ всякихъ внутреннихъ таможенныхъ границъ, съ населеніемъ, по меньшей мѣрѣ, въ 25 милліоновъ человекъ. Ритмъ обмѣна начинаетъ ускоряться, сношенія дѣлаются болѣе частыми. Число дорогъ увеличивается. Подъ энергичнымъ управленіемъ генераль-почтмейстера Наглера почтовая служба становится болѣе быстрой и аккуратной. Въ 1835 году строится первая нѣмецкая желѣзнодорожная линія, между Нюренбергомъ и Фюртомъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1845 году, длина желѣзнодорожной сѣти достигаетъ 2,131 километра. Къ этому же времени относятся первыя робкія еще проявленія предпринимательскаго духа и въ области промышленности. Крупная горная индустрія мало-по-малу эмансипируется отъ старыхъ формъ, затруднявшихъ ея развитіе; значеніе ея все болѣе увеличивается. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ текстильной индустріи, именно въ бумагопрядильной и ткацкой отрасляхъ, фабрики становятся все многочисленнѣе и стремятся захватить въ свои руки все производство. Но въ цѣломъ періодъ отъ 1820 года до 1850 г. не приноситъ съ собою рѣшительнаго экономическаго прогресса. Около 1820 г. сельское хозяйство испытываетъ даже кризисъ, который тянется почти десять лѣтъ и находитъ свое выраженіе въ паденіи цѣвъ на землю и многочисленныхъ банкротствахъ. Съ своей стороны, нѣмецкая индустрія испытываетъ очень большія затрудненія въ борьбѣ съ подавляющей конкуренціей Англій, которая за отсутствіемъ достаточно высокихъ покровительственныхъ пошлинъ наводняетъ Германію своимъ

дешевыми продуктами. Страна переживаетъ періодъ безденежья и затрудненій: всюду раздаются жалобы на недостатокъ въ деньгахъ и трудныя времена.

Но послѣ великаго кризиса 1848 года все немедленно мѣняется. Такъ какъ коммерческій балансъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ становится благопріятнымъ для Германіи, деньги снова начинаютъ стекаться въ страну и накапливаться въ ней. Цѣны на сельскохозяйственные продукты, а, слѣдовательно, и цѣны на землю непрерывно повышаются. Съ другой стороны, побѣда реакціи общаегъ эру внутренняго спокойствія. Вся страна, утомленная политической борьбой и бесплодностью политической агитаціи, съ удвоеннымъ рвеніемъ бросается на приобрѣтеніе матеріальнаго благосостоянія и богатства. Духъ предпринимательства и интересъ къ спекуляціямъ уже не ограничиваются, какъ это было въ началѣ вѣка, небольшою частью общества. Они захватываютъ глубокіе слои націи и окончательно завладѣваютъ дѣловымъ міромъ. Современная капиталистическая Германія возникаетъ въ теченіе двадцати лѣтъ, отдѣляющихъ кризисъ 1848—1849 гг. отъ франко-прусской войны. Основываются кредитныя учрежденія, напр., «Bank für Handel und Industrie zu Darmstadt» (въ 1853 году), цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы собрать финансовыя средства, необходимыя для организаціи крупныхъ промышленныхъ и транспортныхъ предпріятій. Они еще болѣе стимулируютъ духъ предпринимательства, который породилъ ихъ, и которымъ они живутъ. Акціонерныя компаніи, въ извѣстной мѣрѣ демократизирующія спекуляцію и приобщающія самыя скромныя кошельки къ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ, растутъ всюду, какъ грибы, и размножаются съ необычайной быстротой. Вычисляютъ, что за періодъ отъ 1853 до 1857 г. одни лишь выпуски акцій новыхъ банковъ достигли 200 милліоновъ талеровъ, а выпуски желѣзнодорожныхъ акцій—140

милліоновъ талеровъ; въ той же пропорціи растутъ выпуски и другихъ цѣнныхъ бумагъ: желѣзнодорожныхъ или промышленныхъ облигацій, акцій страховыхъ компаній, горныхъ предприятий, пароходныхъ обществъ, машиностроительныхъ и рафинадныхъ заводовъ, прядильныхъ фабрикъ и т. д. Начало второй половины столѣтія является первой стадіей того поразительнаго экономическаго развитія, которое впоследствии поставило Германію во главѣ промышленныхъ націй Европы. Въ это время создается сѣть большихъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ между собой главные города Германіи и связывающихъ периферію съ центромъ. Въ это же время горная и текстильная индустрія окончательно принимаетъ современный характеръ, а въ области сельскаго хозяйства получаютъ все большее распространеніе приемы рациональной культуры.

Четырехлѣтіе, слѣдующее за войной 1870 года, извѣстно въ экономической исторіи Германіи подъ названіемъ «Gründerjahre». Оплодотворяющій дождь милліардовъ военной контрибуціи вызываетъ роскошный и безпорядочный расцвѣтъ капиталистическихъ предприятий. Германіей овладѣваетъ настоящая спекуляціонная горячка. Экономическія явленія, слѣдовавшія за кризисомъ 1848 года, возрождаются, но въ неизмѣримо болѣе сложной формѣ. Всюду бьетъ черезъ край напряженная экономическая дѣятельность, всюду наблюдается бѣссная погожа за наживой. Достаточно немногихъ цифръ, чтобы почувствовать необычайную интенсивность этого движенія. Въ теченіе двадцатилѣтняго періода, съ 1850 года и по первую половину 1871 года, возникло 205 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 2 милліарда 404 милліоновъ марокъ. За четырехлѣтіе, со второй половины 1871 года по 1874 годъ, появилось 857 компаній съ капиталомъ въ 3 милліарда 306 милліоновъ марокъ. Результатомъ этой спекуляціонной вакханаліи, какъ и слѣдовало ожидать, былъ грандіозный крахъ.

По миновении этого ужаснаго кризиса экономическое развитіе Германіи принимаетъ болѣе нормальный темпъ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ страна идетъ впередъ на пути прогресса гигантскими шагами. Несомнѣнно, что нѣмецкому сельскому хозяйству приходится бороться съ серьезными затрудненіями. Несмотря на замѣчательный прогрессъ техники въ теченіе второй половины вѣка, сельское хозяйство вступаетъ въ періодъ кризиса, который подготавливается исподволь, обостряется около 1875 года и до сихъ поръ еще не можетъ считаться законченнымъ. Но въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преимущественно проявляется духъ капиталистическаго предпринимательства, въ банковомъ дѣлѣ, въ транспортѣ, индустріи и торговлѣ, нѣмцы творятъ настоящія чудеса. Великій законъ концентраціи капитала, въ силу котораго современное предпріятіе стремится аккумуляировать все болѣе значительныя массы капиталовъ, непрерывно увеличивать размѣры заводовъ, фабрикъ и всякаго рода другихъ промышленныхъ заведешій, собирать въ нихъ все болѣе многочисленныя арміи рабочихъ, производить все болѣе огромное количество товаровъ, оправдался по отношенію къ Германіи самымъ блестящимъ образомъ.

Въ Германіи въ сравнительно короткій промежутокъ времени быстро развиваются кредитныя учрежденія ¹⁾, средства сообщенія, желѣзнодорожный, рѣч-

¹⁾ Нѣсколько цифровыхъ данныхъ могутъ лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій иллюстрировать прогрессъ, достигнутый Германіей въ организаціи кредита и концентраціи банковаго дѣла. Въ 1846 году въ Пруссіи насчитывалось 1,100 лицъ, занимающихся торговлею деньгами. Они работали въ 442-хъ учрежденіяхъ, что даетъ 658 служащихъ на 442 хозяина. Въ 1895 году въ 2,763 учрежденіяхъ работаетъ 17,896 лицъ, что составляетъ 15,133 служащихъ на 2,763 хозяина, или въ среднемъ 6 служащихъ на одного хозяина. Первые крупныя кредитныя банки въ Германіи, — „Darmstädter Bank“ и „Diskontogesellschaft“, основываются, первый — въ 1853 году съ капиталомъ 6,8 милліоновъ марокъ, второй — въ 1856 году съ

ной и морской транспортъ, почтовой, телеграфныя и телефонныя учрежденія ²⁾), всякаго рода крупныя промыш-

капиталомъ въ 37,2 милліона марокъ. Въ 1912 году крупѣйшій изъ современныхъ банковъ, Deutsche Bank, работаетъ съ общимъ капиталомъ въ 310 милліоновъ марокъ. Семь наиболѣе крупныхъ кредитныхъ учреждений въ 1905 году владѣютъ капиталомъ (какъ основнымъ, такъ и запаснымъ) приблизительно въ 1,400 милліоновъ марокъ. Среднее ежедневное обращеніе кредитныхъ билетовъ поднимается съ 120-ти милліоновъ марокъ въ 1850 году до 1,316 милліоновъ марокъ въ 1900 г. и до 1,485 милліоновъ въ 1905 г. Сумма векселей, учтенныхъ въ берлинскомъ Королевскомъ банкѣ (Königliche Bank) въ 1820 году равняется приблизительно 1,3 милліонамъ марокъ, сумма же векселей, учтенныхъ въ Имперскомъ банкѣ (Reichsbank) въ 1905 году составляетъ уже почти 9 милліардовъ марокъ. Средняя годовая сумма векселей, учтенныхъ въ главнѣйшихъ банкахъ Имперіи повышается съ 5,26 милліардовъ марокъ въ годъ за періодъ 1876—1880, до 20,4 милліардовъ марокъ за періодъ 1896—1900, и 28,8 милліардовъ за періодъ 1901—1905. Въ то же время ежегодное движеніе текущихъ счетовъ съ 3,5 милліардовъ марокъ въ 1875 г. (Preussische Bank и Hamburger Bank) повышается до 164-хъ милліардовъ марокъ въ 1900 г. и до 222-хъ милліардовъ въ 1905 г. (Reichsbank), между тѣмъ какъ общая сумма расчетовъ, совершенныхъ при посредствѣ расчетныхъ палатъ основанныхъ Имперскимъ банкомъ поднимается съ 12,1 милліардовъ марокъ въ 1884 г. до 29,5 милліардовъ въ 1900 г. и 37,6 милліардовъ въ 1905 г. (Большая часть приведенныхъ мною цифръ сообщена или проверена „Service des études financières du Crédit Lyonnais“, которому я считаю своимъ долгомъ выразить свою глубокую признательность за это).

²⁾ Опиять приведемъ нѣсколько характерныхъ цифръ.

Сѣть шоссейныхъ дорогъ, равнявшаяся въ 1857 г. 30,000 километровъ, въ 1900 г. составляетъ 96,000 километровъ. Длина желѣзнодорожной сѣти съ 469-ти километровъ въ 1840 г. увеличивается до 54,164 кил. въ 1905 г.; доходъ съ нея превышаетъ $\frac{1}{2}$ милліарда марокъ; вложенный въ нее капиталъ опредѣляется болѣе чѣмъ въ 14 милліардовъ марокъ. Морской флотъ Германіи увеличивается съ 500,000 тоннъ въ 1850 г. до 2-хъ милліоновъ тоннъ въ 1900 г. и $3\frac{1}{2}$ милліоновъ въ 1905 г.; онъ, такимъ образомъ, занимаетъ второе мѣсто въ мірѣ непосредственно послѣ англійскаго флота. Одновременно съ развитіемъ путей сообщенія, растетъ и ихъ грузоподъемность. Большія запряженные четверкой лошадей повозки перево-

шленные предприятия. Цѣнность ежегоднаго производства

зили нѣкогда максимумъ 5 или 6 тоннъ товару; локомотивъ при появленіи желѣзныхъ дорогъ тащилъ 40 вагоновъ съ грузомъ въ двѣ тонны каждый, или всего 80 тоннъ; въ настоящее же время локомотивъ тащить 100 вагоновъ, съ грузомъ въ десять тоннъ каждый, а всего 1,000 тоннъ. Большая суда, перевозящія товары по Рейну, перевозятъ 400 тоннъ въ 1840 г., 800 тоннъ въ 1880 г. и 2,000—въ 1900 г. Средній тоннажъ судовъ гамбургскаго порта поднимается съ 187 тоннъ за періодъ 1841—45, до 1,233 тоннъ въ 1900 г. Тоннажъ одного лишь пакетбота „Wilhelm II“ равняется 19,500 тоннъ или половинѣ тоннажа всего гамбургскаго флота въ 1840 г., который состоялъ изъ 211 судовъ съ 39,670 тоннъ водоизмѣщенія. Мощность машинъ „Great Eastern“ (1850 г.) составляла 3,000 лошадиныхъ силъ, между тѣмъ какъ мощность машинъ большихъ современныхъ пакетботовъ достигаетъ 40,000. Пассажирское и товарное движеніе растетъ въ той же пропорціи. Въ 1834 г. почта перевозила около 1 милліона пассажировъ; въ 1905 г. она перевозитъ въ экипажахъ болѣе 3-хъ милліоновъ; но къ этой цифрѣ слѣдуетъ прибавить болѣе милліарда пассажировъ, пользующихся желѣзными дорогами (въ 1905 г.), не считая 761½ милліоновъ трамвайныхъ, и тѣхъ, которые ѣздятъ на 15,410 извозчикахъ, циркулирующихъ въ городахъ (1899 г.). Въ 1846 г. на территории Таможеннаго союза насчитывалось 38,349 лошадей, служившихъ для перевозки пассажировъ и товаровъ; сила ихъ опредѣлялась въ 130 милліоновъ тонно-километровъ. Сила, примѣнявшаяся въ 1900 г. на желѣзнодорожной сѣти, опредѣляется въ 37 милліардовъ тонно-километровъ, что соответствуетъ работѣ 11 милліоновъ лошадей. Вместимость судовъ, прибывающихъ въ Гамбургъ, составлявшая въ 1831 г. 232,000 тоннъ, достигаетъ въ 1900 г. 8 милліоновъ тоннъ и въ 1905 г. 9,3 милліоновъ тоннъ. Соответствующія цифры для всѣхъ нѣмецкихъ портовъ составляютъ въ 1873 г.—6,228,000 тоннъ, въ 1900 г.—18 милліоновъ тоннъ и въ 1905 г.—22,4 милліона тоннъ. Сравнительная статистика рѣчнаго транспорта отмѣчаетъ огромный ростъ движенія за послѣднюю четверть вѣка. Обмѣнъ пяти важнѣйшихъ портовъ (Дуйсбурга, Рурорта, Мангейма, Берлина и Магдебурга) поднялся съ 7,761,000 тоннъ въ 1882 г. до 28,813,000 тоннъ въ 1903 году; за тотъ же промежутокъ времени экспортъ и импортъ рейнскихъ портовъ выросъ съ 6,400,000 тоннъ до 36,000,000 тоннъ. Наконецъ, огромный ростъ отмѣчается и въ почтово-телеграфной службѣ. Въ 1851 г. на каждаго жителя приходилось лишь 3 письма, въ 1900 г. каждый

нѣмецкой горной промышленности и металлургической индустріи, составлявшая около 1800 года приблизительно 25 милліоновъ марокъ, въ 1900 году доходитъ почти до четырехъ милліардовъ марокъ ¹⁾. Химическая индустрія, еще очень незначительная въ серединѣ вѣка, быстро развивается особенно за два послѣднихъ десятилѣтія XIX вѣка въслѣдствіе прогресса научной химіи. Цѣнность производимыхъ ею въ настоящее время продуктовъ, опредѣляется въ 1905 г. въ 1¼ милліарда марокъ. Электротехническая индустрія, послѣднее изъ великихъ созданій капитали-

нѣмецъ получаетъ въ среднемъ 58,87 писемъ, въ 1904 г.—72,26. Общее количество всѣхъ почтовыхъ отправленій достигаетъ почти 7 милліардовъ въ годъ. Телеграфъ, передававшій въ 1850 г. 35,000 телеграммъ, въ 1904 г. передаетъ 46 милліоновъ. Телефонъ, обслуживавшій въ 1881 г. 7 мѣстностей съ 1,504 аппаратами, въ 1904 г. обслуживаетъ уже 22,792 мѣстностей съ 515,300 аппаратами частнаго или общественнаго пользованія.

¹⁾ Слѣдующія цифры могутъ наглядно показать, какіе успѣхи сдѣлала горная и металлургическая промышленность за послѣднее время. Въ 1880 г. добыча каменнаго угля равняется 50 милліонамъ тоннъ, чугуна—2,7 милліоновъ тоннъ; въ 1905 г. добыча перваго—121 милліонъ тоннъ, втораго—почти 11 милліоновъ тоннъ; въ 1911 г. добыча перваго—234,3 милліоновъ тоннъ, добыча втораго—15,8 милліоновъ тоннъ. За 25 лѣтъ съ 1887 г. по 1911 г. добыча угля возросла на 207%, добыча чугуна на 337%. Въ производствѣ желѣза и стали съ 1903 г. Германія обогнала Англію и уступаетъ лишь Соединеннымъ Штатамъ. Количество механической силы возросло въ такихъ же размѣрахъ. Въ 1840 г. на всей территоріи таможеннаго союза существуетъ едва 500 двигателей. Въ 1873 г. мощность всѣхъ двигателей превышаетъ уже 1 милліонъ лошадиныхъ силъ; въ 1895 она достигаетъ 3,4 милліона, и съ этого времени она, какъ думаютъ, должна была увеличиться еще на 90 или 100%. Мюлголлъ (Mulhall) вычислилъ общее количество всей силы (человѣческой, животной и механической), которую располагаетъ Германія. Принимая за единицу количество силы, необходимое для того, чтобы поднять тонну на высоту одного фута, онъ опредѣляетъ, что на одного жителя приходилось приблизительно въ 1840 г. 310 единицъ, въ 1860—415, и въ 1895—900.

стического духа, развивается съ необыкновенной быстротой съ 1880 г. и особенно съ 1895 года, побѣдоносно преодолеваетъ страшный кризисъ первыхъ годовъ XX вѣка, работаетъ въ настоящее время съ капиталомъ въ 625 милліоновъ марокъ и вмѣстѣ съ капиталами, вложенными въ электротехническія сооруженія, представляетъ изъ себя цѣнность въ $2\frac{1}{2}$ милліарда марокъ. Такимъ образомъ, нѣмецкая индустрія въ началѣ XX вѣка достигла небывалой степени могущества и процвѣтанія, которыя наполняютъ ея представителей чувствомъ вполне законной гордости.

Проникнутая совершенно исключительнымъ творческимъ духомъ, она увеличиваетъ число своихъ предпріятій съ быстротой и смѣлостью, которыя поражаютъ воображеніе. Годы 1895—1899 были эрой особенно интенсивнаго экономическаго творчества. Общая цифра выпущенныхъ за это пятилѣтіе цѣнностей превысила 10 милліардовъ марокъ, изъ которыхъ $1\frac{1}{4}$ милліарда приходится на акціи банковъ, и болѣе $2\frac{1}{4}$ милліардовъ на акціи промышленныхъ предпріятій. И, если первые годы XX вѣка были отмѣчены довольно серьезнымъ кризисомъ, то въ настоящее время вполне отчетливо намѣчается новый подъемъ. Общая сумма выпущенныхъ цѣнностей (акцій, облигацій, займовъ) составлявшая въ 1900 году $1\frac{1}{2}$ милліарда, въ 1905 году превысила 3 милліарда марокъ.

Въ цѣломъ, результаты послѣднихъ лѣтъ были блестящимъ триумфомъ для нѣмецкой индустріи и торговли.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ Германія занимала четвертое мѣсто въ ряду торговыхъ державъ, послѣ Англій, Франціи и Соединенныхъ Шатовъ. Теперь же, въ то время какъ Франція спустилась со втораго мѣста на четвертое, Германія обогнала Францію и Соединенные Штаты и заняла второе мѣсто. Общая сумма ея торговаго обмѣна достигла въ 1905 г. 12,7 милліардовъ марокъ, изъ которыхъ 7 милліардовъ

приходится на ввозъ и 5,7—на вывозъ ¹⁾ ²⁾. Она угрожаетъ даже старому торговому преобладанію самой Англійи. Общая цѣнность ея индустріальныхъ продуктовъ однимъ американскимъ статистикомъ опредѣляется болѣе чѣмъ въ 2,900 милліоновъ долларовъ, превосходя такимъ образомъ на 650 милліоновъ Францію (2,245 милліоновъ) и уступаая лишь Англійи (4,100 милліоновъ) и Соединеннымъ Штатамъ (7,000 милліоновъ).

¹⁾ Соотвѣтствующія цифры составляютъ: для Англійи—19,3 для Соединенныхъ Штатовъ—11,8; для Франціи—7,6 милліардовъ марокъ.

²⁾ Слѣдующая таблица дастъ намъ представленіе о ростѣ внѣшней торговли Германіи за послѣднія 20 лѣтъ:

Цѣнность въ милліонахъ марокъ.			
Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Общая сумма.
1890	4.403	3.339	7.742
1900	6.043	4.752	10.795
1910	9.310	7.644	16.954

Прим. переводчика.

ГЛАВА II.

Вліяніе капиталистическаго строя на старыя формы промышленности.

I. Домашняя промышленность.

Давъ опредѣленіе капиталистическаго строя и описавъ его главнѣйшія проявленія, мы должны теперь разсмотрѣть, какимъ образомъ онъ видоизмѣняетъ старыя формы экономической дѣятельности, домашней индустріи, ремесла и сельскаго хозяйства.

Извѣстно, какое значеніе имѣла съ самыхъ отдаленныхъ временъ до весьма недавняго прошлаго домашняя промышленность среди сельскаго населенія. Вплоть до середины послѣдняго столѣтія нѣмецкій крестьянинъ мало отличался отъ крестьянина далекой старины, который съ помощью членовъ своего дома самъ удовлетворялъ почти всѣ свои потребности. Еще въ XIX вѣкѣ нѣмецкій крестьянинъ не ограничивается производствомъ необходимыхъ для жизни сельскохозяйственныхъ продуктовъ, но и изготовляетъ въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время разнообразныя предметы для своего домашняго обихода. Онъ — свой собственный пекарь и мясникъ. Онъ самъ прядетъ и ткеть шерсть или ленъ, необходимые для изготовленія его платья и бѣлья. Онъ въ состояніи построить и починить свой деревянный домъ съ промазанными глиной стѣнами и соломенной крышей и достаточно хорошо знакомъ съ кузнечнымъ и телѣжнымъ мастерствомъ, чтобы при случаѣ изготовить и починить свои земледѣльческія орудія и

всякаго рода повозки. Если онъ не въ состояніи самъ изготовить нужныя ему вещи, онъ обращается къ содѣйствию специалистовъ-ремесленниковъ—портного, сапожника, столяра,—которые по общему правилу работаютъ въ его жилищѣ и подъ его надзоромъ. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ вынужденъ обращаться на сторону и покупать на рынкѣ или въ городѣ вещи и припасы, которые онъ не можетъ произвести въ собственномъ хозяйствѣ. Итакъ, крестьянинъ обычно самъ еще удовлетворяетъ всѣ свои важнѣйшія потребности и почти совершенно не зависитъ отъ колебанія цѣнъ, отъ вліянія закона спроса и предложенія.

Этотъ патріархальный строй быстро мѣняется во второй половинѣ вѣка. Производитель все болѣе и болѣе специализируется на одной опредѣленной отрасли и начинаетъ производить не только для собственнаго потребленія, но и для рынка; на вырученные деньги онъ покупаетъ все, что нужно для удовлетворенія различныхъ потребностей. Экономисты приводятъ типичный случай гагсфельдской крестьянки (въ Баденѣ), заявлявшей, что у нея нѣтъ даже времени стирать дома бѣлье семьи, и посылавшей мыть его въ паровую прачечную въ Карлсруэ. Конечно, далеко не всѣ нѣмецкія хозяйки дошли до этого, и во многихъ городахъ и деревняхъ Германіи домашній трудъ продолжаетъ оставаться въ почетѣ. Однако, несомнѣнно, что онъ занимаетъ все меньшее и меньшее мѣсто въ хозяйственной жизни городского и сельскаго населенія. Если въ теченіе послѣдняго столѣтія крупная индустрія дѣлала все большіе и большіе успѣхи, если часть населенія, занятая промышленнымъ трудомъ, возросла до очень большихъ размѣровъ, то одной изъ важнѣйшихъ причинъ этого роста является исчезновеніе домашняго труда. Предметы, изготовлявшіеся нѣкогда въ часы досуга у семейнаго очага, фабрикуются теперь специалистами, ведущими свое

производство въ крупныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, столь, повидимому, удивительный прогрессъ промышленности находитъ своей объясненіе по крайней мѣрѣ отчасти въ постепенной спеціализаціи хозяйственной дѣятельности. Крестьянинъ все болѣе спеціализируется на земледѣльческихъ работахъ въ собственномъ смыслѣ слова, онъ отказывается отъ домашней промышленности, и въ этой сферѣ его мѣсто занимаетъ все болѣе многочисленный классъ индустріальныхъ рабочихъ, совершенно оторванныхъ отъ земледѣльческихъ занятій.

Тамъ, гдѣ сохранилась домашняя промышленность, она путемъ ряда послѣдовательныхъ трансформаций совершенно измѣнила свой характеръ. Крестьянинъ, занимавшійся въ свободное отъ полевыхъ работъ время тѣмъ или инымъ дополнительнымъ промысломъ, работалъ на себя, а не для того, чтобы продавать на сторону свои продукты. Теперь онъ мало-по-малу превращается въ производителя, работающаго на рынокъ. Онъ соединяется съ нѣсколькими товарищами для эксплуатаціи рудника, становится ткачемъ, рабочимъ по металлу или дереву. Въ этотъ моментъ онъ является мелкимъ промышленникомъ, который сбываетъ свои продукты черезъ посредниковъ. Позднѣе, его положеніе мѣняется: изъ первоначально независимаго производителя онъ постепенно превращается въ кустаря, зависящаго отъ крупнаго городского купца, который даетъ ему сырой матеріалъ и орудія производства. Онъ становится фактически простымъ рабочимъ на службѣ у предпринимателя, находящаго выгоду въ томъ, чтобы предоставить своимъ рабочимъ возможность работать у себя дома, вмѣсто того, чтобы соединять ихъ въ мастерской или фабрикѣ. Первоначально, впрочемъ, рабочій находится до известной степени подъ защитой государства, которое, подчиняя предпринимателей мелочнымъ предписаніямъ придирчиваго фискальнаго законодательства, держитъ ихъ подъ строгимъ

контролемъ и не допускаетъ чрезмѣрной эксплуатаціи рабочихъ. Эта форма домашней промышленности находится въ началѣ XIX вѣка въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Въ гористыхъ и неплодородныхъ областяхъ средней Германіи, а именно въ Силезіи, Рудныхъ горахъ, Франкенвальдѣ, Гарцѣ, Вестфалии, значительная часть населенія занята въ текстильной промышленности. Но и эта форма домашней промышленности обречена на исчезновеніе передъ быстрымъ прогрессомъ крупной индустріи. Изолированный рабочий, работающій ручнымъ способомъ, не въ состояніи конкурировать съ машиннымъ производствомъ, работающимъ при помощи двигателей и сконцентрированнымъ на фабрикахъ. Для борьбы съ этой всеподавляющею конкуренціей предприниматели, постепенно освобождавшіеся отъ государственнаго контроля, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ средствъ кромѣ уменьшенія заработной платы, что обрекаетъ рабочихъ на крайнюю нужду, а иногда и на ужасы голодной смерти. Извѣстна жестокая нужда, въ которую впали въ сороковыхъ годахъ силезскіе ткачи, страдавія и возмущенія которыхъ изобразилъ Гергардъ Гауптманъ въ своей знаменитой драмѣ «Ткачи». Конечнымъ результатомъ этой борьбы почти всегда является исчезновеніе домашней промышленности. Всюду, гдѣ она раньше встрѣчалась, въ горномъ дѣлѣ, въ текстильной промышленности, въ рядѣ второстепенныхъ отраслей металлической индустріи, окончательную побѣду одержало крупное производство, централизованное на фабрикахъ и заводахъ.

Все болѣе и болѣе исчезая въ деревняхъ, домашняя промышленность возрождается въ новой формѣ въ большихъ городскихъ центрахъ, какъ Берлинъ, Штеттинъ, Франкфуртъ, Нюрнбергъ, Штутгартъ, Мюнхенъ и Барменъ-Эльберфельдъ. Здѣсь во второй половинѣ столѣтія развиваются цвѣтушія индустріи, изготовляющія одежду и бѣлье. Эти индустріи въ настоящее время сконцентрированы въ

нѣсколькихъ большихъ предпріятійхъ, занимающихъ огромное число рабочихъ, работающихъ у себя на дому или въ небольшихъ мастерскихъ, во главѣ которыхъ стоятъ предприниматели-посредники. Но хорошо извѣстно, какой цѣной куплено это процвѣтаніе, какъ ничтожна заработная плата, предлагаемая крупными фабрикантами и ихъ посредниками своимъ несчастнымъ жертвамъ, обреченнымъ на нужду или проституцію. Представляя большія трудности для контроля и регламентаціи, домашняя промышленность связана съ самыми вопіющими злоупотребленіями, и ея исторія во всѣхъ странахъ является, несомнѣнно, одной изъ самыхъ плачевныхъ главъ въ исторіи капиталистическаго развитія.

II. Р е м е с л о .

Развитіе капитализма, оказавъ разрушительное вліяніе на домашнюю промышленность, потрясло сверху до низу и старую цеховую организацію ремесла.

Цеховой мастеръ стараго времени былъ мелкимъ промышленникомъ, соединяющимъ въ своемъ лицѣ и капиталиста, и техническаго руководителя производства, и квалированнаго рабочаго, и коммерсанта. Независимый производитель, онъ работалъ одинъ, съ членами своей семьи и нѣсколькими подмастерьями и учениками, входившими въ составъ его дома. При этихъ условіяхъ его честолюбіе не могло подняться высоко. Онъ не стремился ни къ безпредѣльному расширенію сферы своихъ операцій, ни къ чрезмѣрной эксплуатаціи своихъ подчиненныхъ. Да и цеховая организація, въ своихъ существенныхъ чертахъ сохранившаяся еще къ началу XIX вѣка, позволяла ему развертывать свою предпріимчивость не далѣе извѣстныхъ весьма опредѣленныхъ границъ. Цеховая организація, дѣйствительно, стремилась гарантировать каждому мастеру

опредѣленную сферу дѣятельности, защищая его въ этихъ предѣлахъ отъ всякой конкуренціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяя перешагнуть поставленные ему границы. Устанавливая въ каждомъ городѣ своего рода монополію въ пользу мастеровъ, ограничивая число послѣднихъ, запрещая скупку сырыхъ матеріаловъ въ однѣ руки, опредѣляя число подмастерій и учениковъ, которое могъ держать у себя отдѣльный мастеръ, наказывая, наконецъ, отбиваніе кліентуры, цеховая организація защищала мастера какъ отъ конкуренціи чужихъ соперниковъ, такъ и отъ конкуренціи его же городскихъ товарищей по ремеслу, но съ другой стороны не позволяла ему подняться выше извѣстнаго въ общемъ довольно скромнаго положенія.

Находясь въ началѣ вѣка уже въ состояніи полного упадка, цеховая организація окончательно разлагается къ половинѣ XIX столѣтія. Въ сороковыхъ годахъ происходитъ первый кризисъ. Старинная регламентація все болѣе разрушается. Всеюду множатся жалобы: ученики и подмастерья не подчиняются болѣе цеховымъ обычаямъ; границы, указанныя для каждаго цеха въ раздѣленіи труда, постоянно нарушаются, вездѣ появляются «зайцы» (Bönnhasen), которыхъ обычно не преслѣдуютъ. Напрасно рабочій парламентъ, засѣдавшій въ 1848 году во Франкфуртѣ рядомъ съ Національнымъ Парламентомъ (съ середины іюля до середины августа), протестуетъ при своемъ открытіи противъ промышленной свободы; напрасно требуетъ онъ возвращенія къ цеховымъ регламентамъ среднихъ вѣковъ. Нельзя уже затормозить движенія, которое увлекаетъ всю эпоху къ господству свободной конкуренціи. Старая организація разрушается, несмотря на всѣ безсилныя попытки законодателей поддержать ее. Весь ремесленный классъ, вся эта мелкая буржуазія, скромная, трудолюбивая, экономная, относящаяся съ уваженіемъ къ традиціямъ, сдвинута съ своихъ вѣковыхъ устоевъ и жестоко потрясена кризисомъ, который угро-

жаютъ самымъ основамъ ея существованія. Наибольше предприимчивые и состоятельные мастера все болѣе стремятся стряхнуть съ себя цеховую регламентацію. Они принимаютъ систему свободной конкуренціи, увеличиваютъ число учениковъ и подмастерій, вводятъ раздѣленіе труда, создаютъ себѣ новыя спеціальности, организуютъ свои предприятия наиболѣе соответствующимъ ихъ интересамъ способомъ, нисколько не заботясь о старыхъ обычаяхъ. Словомъ, они становятся мелкими предпринимателями, они завоевываютъ себѣ мѣсто въ новомъ обществѣ; благодаря ихъ предприимчивости и умѣнью имъ удается отстоять свое экономическое положеніе. Менѣе энергичные продолжаютъ старую рутину и болѣе или менѣе быстро идутъ на встрѣчу окончательному разоренію, жалуясь на худыя времена, на паденіе старыхъ обычаевъ и привилегій. Многіе приходятъ въ отчаяніе, бросаютъ свое ремесло, становятся мелкими чиновниками, ищутъ службы на желѣзныхъ дорогахъ, въ промышленныхъ или торговыхъ предприятияхъ. Другіе, главнымъ образомъ изъ Швабіи и Пфальца, эмигрируютъ въ большомъ числѣ и отправляются искать счастья за океаномъ—въ южной и юго-восточной Америкѣ. Наконецъ, менѣе предприимчивые переселяются изъ города въ деревню, гдѣ, несмотря на насмѣшки своихъ городскихъ товарищей, въ концѣ концовъ основываются и добиваются сколько-нибудь сноснаго положенія. Ремесленный классъ, видоизмѣненный такимъ образомъ подъ вліяніемъ капиталистическаго духа, удерживаетъ свои позиціи еще въ теченіе приблизительно четверти вѣка.

Однако, около 1880 года, начинается новый кризисъ, еще болѣе страшный и острый, чѣмъ первый, грозящій окончательно отнять у ремесленниковъ послѣдніе слѣды ихъ экономической независимости. Этотъ кризисъ не вызванъ, какъ первый, рожденіемъ новой психологіи въ рабочемъ классѣ. Онъ находитъ свое объясненіе въ конкуренціи

крупной промышленности, которая подавляет изолированного рабочего почти во всех областях хозяйственной деятельности.

Действительно, крупное производство, централизованное на фабриках или заводах, все больше и больше утверждает свое господство и непрерывно дѣлает все новыя завоеванія. Во всехъ областяхъ страны, во всехъ отрасляхъ индустріи мелкій производитель, изолированный рабочий, мало-по-малу вытѣсняется силою самихъ вещей. Упадокъ ремесла происходитъ всюду, не только въ большихъ и малыхъ городахъ, но и въ деревняхъ, гдѣ крестьянинъ все больше привыкаетъ покупать готовые продукты, которые поставляетъ ему по дешевой цѣнѣ крупная индустрія. Всѣ профессіи одинаково находятся въ опасности. Прогрессъ крупной индустріи въ разныхъ отрасляхъ идетъ не однимъ и тѣмъ же темпомъ. Онъ происходитъ нѣсколько быстрее, напримѣръ, въ конфекціонной индустріи или мебельномъ производствѣ, нѣсколько медленнѣе въ производствѣ състныхъ припасовъ или строительномъ дѣлѣ. Но нѣтъ никакихъ указаній на то, что эта эволюція должна остановиться прежде, чѣмъ капитализмъ одержитъ верхъ во всехъ областяхъ промышленности.

Въ настоящее время представители почти всехъ ремеселъ, столяры, сапожники, портные, каменщики, кровельщики и другіе, подпали уже подъ больше или менѣе замаскированное господство нѣсколькихъ предпринимателей-капиталистовъ и находятся фактически въ столь же зависимомъ положеніи, какъ и фабричныя рабочіе, хотя номинально они и остаются независимыми. Строительныя рабочіе зависятъ отъ подрядчика, который даетъ имъ работу; столяры находятся въ рукахъ торговца мебелью, который скупаетъ по низкимъ цѣнамъ производимый ими товаръ; портные зависятъ отъ конфекціоннаго магазина, дающаго имъ работу. При наиболѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ ремеслен-

никъ можетъ стать мелкимъ капиталистомъ — посредникомъ между прежнимъ мастеромъ и крупнымъ промышленникомъ. Онъ можетъ еще и въ настоящее время честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба въ качествѣ булочника, мясника, портного, шьющаго на заказъ, слесаря, столяра и т. д. Но, въ концѣ концовъ, онъ всегда наталкивается на конкуренцію крупной индустріи. Последняя или цѣликомъ захватываетъ въ свои руки все производство, оставляя ремесленнику лишь починку (производство обуви); или производитъ почти всѣ продукты, предоставляя рабочему лишь прилаживаніе, передѣлку и починку (слесарное дѣло); или беретъ въ свои руки изготовленіе лишь опредѣленныхъ предметовъ, такъ что производство совершается частью на фабрикѣ, частью же въ мастерской или мануфактурѣ (столярное дѣло); или, наконецъ, она беретъ на себя изготовленіе только небольшого числа специальныхъ продуктовъ, при чемъ старая организація по общему правилу продолжаетъ существовать по-прежнему (мясоторговля и хлѣбопеченіе).

Въ общемъ, классъ независимыхъ ремесленниковъ находится въ полномъ упадкѣ. Правда, статистика насчитываетъ все еще около двухъ милліоновъ ремесленниковъ. Несомнѣнно также, что можно отмѣтить даже ростъ абсолютнаго числа ихъ: такъ, за періодъ съ 1834 года до 1895 число ремесленниковъ въ Пруссіи возросло почти на 450,000. Но отношеніе ихъ численности ко всему населенію, повидимому, нѣсколько уменьшилось, — въ Пруссіи за разсматриваемый періодъ оно упало съ 4,1% до 3,7%. Соціальныи же вѣсь класса ремесленниковъ уменьшился гораздо больше, чѣмъ говорятъ объ этомъ статистическія данныя. Нѣкогда независимый рабочій, ремесленникъ является имъ теперь только по имени: его положеніе, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, ничѣмъ уже не отличается отъ положенія простаго пролетарія.

ГЛАВА III.

Вліяніе капитализма на земледѣліе.

Вліяніе надвигающагося предпринимательскаго духа на развитіе сельскаго хозяйства въ Германіи гораздо менѣе поразительно, чѣмъ то дѣйствіе, которое оказалъ онъ за тотъ же промежутокъ времени на развитіе индустріи. Можно сказать даже, что внѣшній видъ Германіи съ точки зрѣнія распредѣленія земельной собственности почти не измѣнился въ теченіе послѣдняго столѣтія. Въ 1800 году, какъ и въ настоящее время, уже существуетъ область, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе (территорія на востокъ отъ Эльбы), область, гдѣ много крупныхъ крестьянскихъ имѣній (Шлезвигъ, Ганноверъ, Вестфалія, Брауншвейгъ) и, наконецъ, область, гдѣ преобладаетъ среднее и мелкое землевладѣніе (юго-западъ и долина Рейна). Впрочемъ, самые разнообразныя типы хозяйства мирно уживаются другъ подле друга, и ничто не указываетъ, чтобы какой-либо одинъ изъ нихъ долженъ взять верхъ надъ другими въ ближайшемъ будущемъ. И все же несомнѣнно, что сельское хозяйство въ Германіи испытало рядъ глубокихъ внутреннихъ измѣненій, основныя черты которыхъ мы и попытаемся сейчасъ изобразить.

Прежде всего мы должны указать, что сельскохозяйственное производство значительно увеличилось. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ болѣе полной утилизаціи поверхности земли вслѣдствіе развитія культурной площади за счетъ пустошей и пастбищъ. Считаютъ, что площадь, занятая полями и садами, увеличилась въ теченіе послѣдняго столѣтія на одну четверть или даже на одну треть.

Но особенно важную роль сыграли здѣсь техническія усовершенствованія. Научное изслѣдованіе условій развитія растений, особенно же канитальные открытія Либиха въ области агрономической химіи имѣли своимъ слѣдствіемъ замѣну прежняго эмпиризма рациональными методами. Практиковавшееся изстари трехполье уступаетъ мѣсто сначала системѣ плодосмѣна, а затѣмъ свободной интенсивной культурѣ съ помощью химическихъ удобреній. Прimitивныя орудія средневѣковаго крестьянина замѣняются мало-по-малу рядомъ сложныхъ земледѣльческихъ машинъ: паровыми плугами, машинами, сѣялками, боронами, молотилками, число которыхъ быстро увеличивается, начиная приблизительно съ 1880-хъ годовъ. Болѣе доходныя культуры развиваются за счетъ менѣе доходныхъ. Рядомъ съ сельскохозяйственными культурами появляются заводы, на которыхъ земледѣльческіе продукты подвергаются промышленной переработкѣ: производитель свекловицы становится въ то же время и сахароваромъ; производитель картофеля—винокуромъ. Методы лѣсного хозяйства и скотоводства прогрессивно совершенствуются. Достигаются все лучшіе и лучшіе результаты. Доходность гектара земли прогрессивно возрастаетъ. Значительно увеличивается число головъ разнаго скота, породы совершенствуются, средній вѣсъ животнаго возрастаетъ. Словомъ, за послѣднія сто лѣтъ сумма сельскохозяйственныхъ продуктовъ по крайней мѣрѣ удвоилась, а, можетъ-быть, и утроилась. А такъ какъ число сельскихъ рабочихъ увеличилось въ гораздо меньшей пропорціи, то ясно, что производительность земледѣльческаго труда значительно возросла за послѣднее столѣтіе благодаря успѣхамъ техники, хотя сейчасъ и трудно рѣшить, въ какой пропорціи произошло это увеличеніе, обнаруживаетъ ли въ настоящее время эта производительность тенденцію къ прогрессу или къ регрессу, и подтверждается ли въ Германіи законъ прогрессивнаго истощенія почвы.

Но, если и въ области сельскаго хозяйства, и въ области индустріи мы можемъ констатировать прогрессъ, покоящійся на примѣненіи болѣе раціональной техники, то все же аграрная эволюція весьма отличается отъ индустріальной. Мы могли прослѣдить, какъ происходитъ въ индустріи концентрація капитала во все болѣе грандіозныхъ предпріятіяхъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ дѣйствіе этого закона принимаетъ иныя формы. Не видно, чтобы крупныя предпріятія обнаруживали здѣсь тенденцію къ безпредѣльному увеличенію. Напротивъ, они по своимъ размѣрамъ не представляютъ ничего поразительнаго, и хозяйства, превышающія тысячу гектаровъ, являются крайне рѣдкимъ исключеніемъ. Незамѣтно также, чтобы мелкія и среднія предпріятія стояли фатальнымъ образомъ ниже крупныхъ. Они не только продолжаютъ существовать, но можно даже констатировать убыль, правда, очень незначительную, числа крупныхъ владѣній. Съ другой стороны, въ сельскомъ хозяйствѣ не замѣчается и характерной для индустріи тенденціи къ спеціализаціи. Напротивъ, можно скорѣе сказать, что въ данномъ хозяйствѣ въ настоящее время производятся болѣе разнообразные продукты, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Нельзя принципиально утверждать, что капиталистъ, эксплуатирующій крупное имѣніе, производитъ дешевле, чѣмъ крестьянинъ, и слѣдовательно, что въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство является экономической необходимостью. Поэтому, было-бы ошибкою утверждать, что крестьянинъ неспособенъ бороться съ конкуренціей крупныхъ земельныхъ собственниковъ и неизбѣжно идетъ навстрѣчу разоренію, подобно тому какъ мелкая индустрія побѣждается крупной.

Однако, новый духъ проявляется и въ сферѣ аграрныхъ отношеній въ рядѣ характерныхъ симптомовъ.

Наиболѣе важнымъ изъ нихъ является революція, происшедшая въ теченіе первой половины XIX вѣка въ

строѣ земельной собственности: коллективное хозяйство уступает мѣсто хозяйству индивидуальному.

Въ началѣ XIX вѣка крестьянская деревня составляетъ еще общину. Каждый крестьянинъ, въ качествѣ члена общины, имѣетъ гуфу (Hufe), или право на долю въ совокупности всѣхъ владѣній деревни: обработанной земли, рѣкъ, озеръ, путей сообщенія, пастбищъ и лѣсовъ. Въ силу этого принципа, во владѣнii каждого члена общины долженъ находиться надѣлъ, достаточно большой для того, чтобы его владѣлецъ могъ приложить къ нему свой трудъ и получить съ него продукты, необходимые для поддержанія своей жизни и жизни своей семьи. Гуфа, такимъ образомъ, состоитъ: 1) изъ усадьбы съ строениями, являющейся частной собственностью крестьянина; 2) изъ права пользованія неподѣленной частью общинной земли; 3) наконецъ, изъ извѣстнаго количества полевыхъ угодій. Но эти угодія никогда не составляли сплошнаго участка. Въ моментъ возникновенія деревни вся площадь полевой земли (Flug) была раздѣлена на извѣстное число коновъ (отъ 30-ти до 40), каждый изъ которыхъ заключалъ въ себѣ земли приблизительно одинаковаго качества; и въ каждомъ изъ этихъ коновъ крестьянская семья получила по моргену (Morgen) или юху (Joch), т. е. по такому участку земли, который можно вспахать съ помощью пары воловъ въ одно утро. Благодаря этому, вся принадлежащая деревнѣ полевая площадь, несмотря на всѣ позднѣйшія измѣненія, распадалась еще въ началѣ XIX столѣтія на сотни, иногда тысячи полосъ, и каждый крестьянинъ являлся владѣльцемъ большого количества парцеллъ, разбросанныхъ по всей территоріи деревни. Эта черезполосица полевыхъ угодій (Gemengelage) неизбѣжно приводитъ къ ихъ коллективной обработкѣ. Такъ какъ всѣ эти полосы непосредственно примыкаютъ другъ къ другу, и нѣтъ дорогъ, которыя бы позволяли владѣльцу пробраться на свою

полосу, не проходя по полю сосѣдей, то вся полевая площадь обрабатывается по одному плану, установленному деревенскими стариками. Въ силу принудительнаго сѣвооборота (Flugzwang) каждый крестьянинъ обязанъ сѣять на данной полосѣ опредѣленное растеніе, обязанъ приступать къ вспашкѣ или къ жатвѣ въ точно опредѣленные сроки. Словомъ, его право собственности на обрабатываемую имъ землю ограничено цѣлымъ рядомъ весьма строгихъ обязательствъ, которые не позволяютъ ему обрабатывать свое поле по своей волѣ и во многомъ подчиняютъ его рѣшеніямъ общины.

Однако, съ теченіемъ времени, крестьянинъ почти всюду впалъ въ экономическую и соціальную зависимость отъ помѣщика, крупнаго землевладѣльца. Эта зависимость въ началѣ XIX вѣка выражается въ двухъ видахъ повинностей. Во-первыхъ, поскольку помѣщикъ является верховнымъ собственникомъ земли (Grundherr), крестьянинъ обязанъ дѣлать ему взносы натурой или деньгами. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ существовали только этого рода повинности, типичная организація деревни въ томъ видѣ, какъ мы ее описали выше, продолжала существовать безъ всякихъ перемѣнъ. Во-вторыхъ, поскольку помѣщикъ является собственникомъ домена (Gutsherr), крестьянинъ обязанъ безвозмездно нести барщину для обработки его имѣнія (Frondienst). Въ этомъ случаѣ помѣщикъ является владѣльцемъ полосъ, разбросанныхъ между полосами его крестьянъ или держателей, обязанныхъ воздѣлывать не только свои собственные участки, но также и участки помѣщика. Земледѣльческія работы регулируются для всей полевой площади старостой сельской общины (Schulze), который является агентомъ помѣщика. Право держателя на его землю является совершенно необезпеченнымъ, и помѣщикъ, дѣйствительно, считаетъ себя совладѣльцемъ крестьянскихъ держаній. Если онъ и не можетъ присоединить крестьянскихъ земель къ своимъ

или превратить ихъ въ пустошь, онъ все-же сохраняетъ право замѣнить одного держателя другимъ и, слѣдовательно, согнать крестьянина съ его держанія, перемѣстить его на другое, лучшее или худшее, или даже превратить его въ простаго поденщика. Обязанный барщиной, прикрѣпленный къ землѣ запрещеніемъ покидать дворянское помѣстье безъ согласія своего господина, отданный безъ всякой защиты на произволъ помѣщика и его агентовъ, крестьянинъ въ этомъ случаѣ представляетъ изъ себя лишь эксплуатируемое рабочее животное, которое немедленно бы бѣжало, если-бы не было привязано къ землѣ узами крѣпостнаго права.

Ликвидация феодальнаго землевладѣнія происходитъ по всей Германіи въ теченіе первой половины XIX вѣка. Она совершается болѣе или менѣе быстро и носитъ болѣе или менѣе радикальный характеръ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Она начинается въ первые годы XIX столѣтія и заканчивается лишь послѣ революціи 1848 года подѣ давленіемъ новыхъ экономическихъ и социальныхъ условій ¹⁾. Но, въ концѣ-концовъ, она всюду эмансипируетъ крестьянина изъ-подъ власти помѣщика и сельской общины и превращаетъ его въ полнаго и независимаго собственника своей земли. Посмотримъ теперь, каковы были результаты этого переворота какъ для помѣщика-землевладѣльца, такъ и для крестьянина.

Для крупнаго землевладѣльца переходъ отъ стараго порядка къ новому совершился безъ всякихъ затрудненій. Владѣлецъ дворянскаго помѣстья превратился еще до 1800

¹⁾ Последовательные этапы этой ликвидации въ Пруссіи: 1) эдиктъ Штейна 7-го октября 1807 г., отмѣнившій крѣпостное право; 2) „Regulirungsedikt“ и „Landeskulturedikt“ Гарденберга, 14-го сентября 1811 г.; 3) „Gemeinheitsteilungsordnung“ 7-го іюля 1821 г.; 4) эдиктъ 2-го марта 1850 г., ускорившій осуществленіе реформы, приостановленной своекорыстіемъ заинтересованныхъ.

года въ предпринимателя, експлуатировавшаго свое имѣніе съ помощью дароваго труда, который доставляла ему барщина. Правда, аграрная реформа лишаетъ его этого дароваго труда. Но, прежде всего, онъ получаетъ весьма значительное возмѣщеніе натурой (землей) или деньгами въ качествѣ выкупа за повинности, барщину и взносы, за что онъ соглашается возратить крестьянамъ свободу, нѣкогда отнятую у нихъ безъ всякаго вознагражденія. Затѣмъ, онъ скоро замѣчаетъ всю выгоду замѣны старыхъ произвольно облагаемыхъ повинностями держателей свободными рабочими. Конечно, онъ долженъ платить имъ, чего онъ раньше не дѣлалъ. Но за-то онъ извлекаетъ изъ нихъ больше производительнаго труда. Уже въ 1809 году Таеръ высчиталъ, что два свободныхъ рабочихъ исполняютъ работу трехъ крѣпостныхъ. Мало того, разъ заплативъ имъ за работу, помѣщикъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ нимъ и не обязанъ заботиться объ обезпеченіи ихъ существованія. Благодаря этому, онъ можетъ въ горячую пору нанимать цѣлыя арміи рабочихъ, которыхъ по минованіи надобности онъ спѣшитъ отпустить, совершенно не думая о томъ, что съ ними произойдетъ.

Въ этихъ условіяхъ ликвидація феодальнаго землевладѣнія содѣйствуетъ лишь развитію среди землевладѣльцевъ типа предпринимателя-капиталиста. Въ началѣ XIX вѣка землевладѣлецъ рассматривалъ свое имѣніе не только съ точки зрѣнія дохода, который можно было извлечь изъ него. Онъ видѣлъ въ немъ не только источникъ своего благосостоянія, но и наследственную колыбель своего рода, основу своего соціальнаго могущества. Его главная цѣль состояла въ томъ, чтобы получить съ земли продукты, необходимые для поддержанія жизни его самого, его семьи и держателей, и только во вторую очередь онъ стремился получить нѣкоторый избытокъ, который предназначался

для продажи и долженъ былъ доставлять ему деньги. Теперь все измѣнилось. Прежде всего, крупный землевладѣлецъ теперь уже не является обязательно дворяниномъ.

Въ концѣ XVIII вѣка буржуа было запрещено покупать дворянскія помѣстья. Между тѣмъ въ 1880 году въ однихъ только восточныхъ провинціяхъ Пруссіи изъ 11,065 имѣній 7,086 принадлежали не-дворянамъ, и, слѣдовательно, были приобретены за деньги. Далѣе, потерявъ свою помѣщичью власть, землевладѣлецъ пересталъ заботиться о душахъ подвластнаго ему раньше населенія и сталъ къ занятымъ у него работникамъ въ тѣ же отношенія, которыя существуютъ между предпринимателемъ и рабочими. Естественная связь, нѣкогда соединявшая помѣщика съ его землей, значительно ослабѣла. Современный землевладѣлецъ все болѣе и болѣе привыкаетъ смотрѣть на землю единственно, какъ на источникъ дохода, какъ на рационально эксплуатируемый капиталъ, съ котораго стараются получить максимальную, по возможности, прибыль, который сдаютъ въ аренду фермеру, если хотять избавиться отъ безпокойствъ, связанныхъ съ непосредственнымъ управленіемъ, и который продаютъ новому собственнику, когда представится благоприятный случай. И, если несмотря на все въ наши дни сохранилось еще много пережитковъ стараго порядка вещей, если нѣкоторыя дворянскія имѣнія еще и теперь управляются, какъ въ патриархальную эпоху, если во многихъ другихъ капиталистическая эволюція остается далеко не завершенной, то, съ другой стороны, весьма многие землевладѣльцы превратились въ настоящихъ предпринимателей, которые имѣютъ свой текущій счетъ въ имперскомъ банкѣ, ведутъ отчетность такъ же строго, какъ любой торговый домъ, и эксплуатируютъ свои имѣнія, исходя изъ принциповъ самаго рациональнаго утилитаризма, свободнаго отъ всякой сантиментальности.

Для крестьянина аграрная реформа являлась эманси-

паціей изъ-подъ власти, какъ помѣщика, такъ и сельской общины. Съ одной стороны, держатель путемъ выкупныхъ платежей превращается въ собственника своей фермы и получаетъ право свободно располагать своимъ имѣніемъ и своею личною. Съ другой стороны, крестьянинъ освобождается отъ обязанностей по отношенію къ сельской общинѣ. Альменды дѣлятся между всѣми имѣющими на нихъ право; сервитуты выкупаются; черезполосицу уничтожаютъ, соединяя многочисленныя парцеллы, принадлежащія одному и тому же владѣльцу, въ одинъ сплошной участокъ или въ небольшое число участковъ значительной величины. Такимъ образомъ возстановляется существовавшій въ сѣдую старину классъ крестьянъ-собственниковъ, свободныхъ отъ помѣщичьей и общинной опеки, могущихъ по своему усмотрѣнію и подъ своею отвѣтственностью вести хозяйство на своихъ имѣніяхъ, которыми они владѣютъ безраздѣльно, на правѣ частной собственности. Каковъ же былъ результатъ этого переворота для сельскаго класса?

Индивидуализація земельной собственности была, несомнѣнно, благодѣяніемъ для умнаго и предприимчиваго крестьянина. Она позволила ему освободиться отъ рутины, лучше поставить хозяйство, принять участіе въ прогрессѣ агрономической техники, словомъ, она позволила ему стать маленькимъ предпринимателемъ. Такъ какъ выкупъ сервитутовъ предоставилъ въ его распоряженіе даже небольшой капиталъ, то онъ оказался въ состояніи произвести на своей землѣ нѣкоторыя необходимыя улучшенія. Расцвѣтъ нѣмецкаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ, значительное увеличеніе доходности земли, быстрый ростъ населенія доказываютъ, что ликвидація феодальнаго землевладѣнія дѣйствительно явилась причиной прогресса по крайней мѣрѣ для нѣкоторой части крестьянства.

Наоборотъ, для другихъ она явилась почти разореніемъ. Положеніе мелкаго держателя, на долю котораго выпалъ

лишь небольшой уголокъ земли, совершенно недостаточный, чтобы дать ему средства къ существованію, точно такъ же, какъ и положеніе неспособнаго или неудачливаго крестьянина, не сумѣвшаго должнымъ образомъ поставить свое хозяйство, ухудшилось. Разрушеніе узъ солидарности, которыя нѣкогда связывали жителей деревни между собой и держателей съ помѣщикомъ, привело къ тому, что масса бѣдняковъ, неспособныхъ самостоятельно поддерживать свое существованіе, очутилась въ самомъ безвыходномъ положеніи благодаря вліянію закона свободной конкуренціи.

Несомнѣнно, крестьянинъ, и въ этомъ онъ отличается отъ мелкаго ремесленника и мелкаго торговца, производитъ не только на продажу, но главнымъ образомъ для собственнаго потребленія. Благодаря этому онъ въ известной мѣрѣ ускользаетъ отъ наиболѣе разорительныхъ дѣйствій капиталистической конкуренціи. Дѣйствительно, теоретически не существуетъ никакихъ основаній, чтобы крестьянская семья, которая нѣкогда жила на своемъ участкѣ и производила все, что было для нея необходимо, не могла бы и теперь самостоятельно удовлетворять всѣхъ своихъ потребностей. Если она работаетъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а не на продажу, ясно, что она можетъ быть совершенно незаинтересована въ цѣнахъ на хлѣбъ, и что ей нечего бояться конкуренціи технически лучше обставленнаго производителя или болѣе умѣлаго сельскаго хозяина на томъ простомъ основаніи, что она ни съ кѣмъ не конкурируетъ. Но вся картина немедленно мѣняется, какъ только крестьянину понадобятся деньги, какъ только, слѣдовательно, онъ будетъ вынужденъ продавать всю свою жатву или часть ея. Если онъ недостаточно хорошо обставленъ технически или недостаточно ловокъ, если, слѣдовательно, его трудъ мало производителенъ, то неизбежно наступитъ моментъ, когда онъ не сможетъ произвести достаточно продуктовъ,

чтобы выручить изъ ихъ продажи нужное ему количество денегъ; или же, что то же самое, онъ окажется вынужденнымъ продавать свои продукты по цѣнамъ, которые, будучи еще достаточно выгодными для конкурентовъ, явятся для него самого разореніемъ. Въ настоящее время крестьянинъ долженъ имѣть деньги. Если бы даже онъ смогъ самъ произвести все, что нужно ему для потребленія, какъ въ доброе старое время, если бы даже онъ смогъ не дѣлать долговъ, то капиталистическое государство, не спрашивая его разрѣшенія, само вводитъ его въ долги, заставляя его нести свою долю государственныхъ повинностей. Налоги являются главной причиной крестьянскаго разоренія. Какъ бы то ни было, крестьянинъ вынужденъ работать на рынокъ; онъ вынужденъ возмѣщать упорнымъ трудомъ первобытность своихъ средствъ производства и устарѣлость методовъ обработки. Непомѣрно напрягая свои собственные силы, онъ до крайности эксплуатируетъ всѣхъ, кто работаетъ въ его маленькомъ хозяйствѣ: жену, дѣтей, батрака, служанку, поденщиковъ. И все-же онъ лишь съ трудомъ можетъ поддерживать свое хозяйство. Его судьба зависитъ отъ малѣйшей случайности, отъ дурнаго урожая или болѣзни. Несмотря на всѣ отчаянныя усилія, роковымъ образомъ наступаетъ моментъ, когда несчастный вынужденъ заложить свое имѣніе. Залогъ является прелюдіей неизбежной катастрофы, потому что къ прежнимъ затрудненіямъ крестьянина, присоединяется необходимость платить проценты по долгу: прежде чѣмъ ѣсть самому, онъ долженъ удовлетворить своихъ кредиторовъ. Правда, его не могутъ уже согнать съ его владѣнія, какъ нѣкогда, путемъ обмана или насилія, — но выигрышъ отъ этого не великъ, такъ какъ, лишь только онъ не окажется въ состояніи погашать свой долгъ, у него отбираютъ поле, какъ дѣлали это прежде, — правда, на совершенно законныхъ основаніяхъ, что, впрочемъ, является очень слабымъ утѣшеніемъ. Сельское населеніе,

жившее до тѣхъ поръ въ состояннн вѣковой неподвижности, внезапно отрывается отъ земли и мобилизуется. Безчисленныя массы держателей, согнанныхъ съ своихъ небольшихъ клочковъ земли, и крестьянъ, оказавшихся не въ состояннн вести свое хозяйство и разорившихся, вынуждены эмигрировать за границу или направиться въ городъ, чтобы увеличить здѣсь все разрастающуюся армію промышленнаго пролетаріата.

Еще болѣе печально положеніе сельскихъ рабочихъ, собственниковъ мельчайшихъ парцеллъ, мелкихъ фермеровъ, половниковъ или простыхъ поденщиковъ, которые стараются жить плодами своего труда.

Главная причина ихъ бѣдствій заключается въ томъ, что крупный землевладѣлецъ, дающій имъ работу, нуждается въ ихъ рукахъ, не въ теченіе всего года, а лишь во время страдной поры, чрезвычайно сократившейся благодаря примѣненію машинъ. Въ его интересахъ, слѣдовательно, привлечь значительное количество рабочихъ на короткій періодъ интенсивнаго труда, чтобы затѣмъ разсчитать большую часть изъ нихъ. Эти несчастные вѣчно стоятъ передъ альтернативой изнурительнаго труда, отъ 15-ти до 18-ти часовъ въ день въ разгаръ сезона, и вынужденной безработицы. Осѣдлые рабочіе лишены даже надежды на улучшеніе своей судьбы. Имъ, дѣйствительно, постоянно грозитъ конкуренція толпъ переходящихъ рабочихъ, большей частью иностранцевъ, русскихъ или поляковъ, которые стекаются всюду, гдѣ есть работа, и охотно принимаются землевладѣльцами, потому что эти несчастные—покорны и неспособны къ сопротивленію, довольствуются ничтожной заработной платой и уходятъ, какъ только минетъ надобность въ нихъ.

Индивидуализація земельной собственности не только имѣла самыя серьезныя послѣдствія для внѣшняго положенія сельскихъ массъ, но и оказала весьма глубокое вліяніе на психику крестьянина. Раньше существовала крѣпкая связь между крестьянской семьей и землей, которую она воз-

дѣляла въ теченіе долгихъ поколѣній. Семья, казалось, считала себя коллективно обязанной отдавать свои труды и заботы землѣ. Смотри по областямъ, земля или оставалась неподѣленной между всѣми, пмѣющими на нее право, и воздѣлывалась ими сообща; или переходила къ привилегированному наслѣднику (то старшему, то младшему изъ сыновей), который становился главой семьи и оставлялъ, по общему правилу, на своей службѣ своихъ братьевъ и сестеръ. Съ батраками и служанками обращались не какъ съ наемниками, а какъ съ членами семьи, и они въ извѣстной степени также раздѣляли это благовѣйное отношеніе къ землѣ. Теперь все это мѣняется. Крестьянская семья рассыпается: на мѣсто инстинкта солидарности становится хозяйственный расчетъ. Отдѣлившіеся братья вмѣсто того, чтобы оставаться на родовой землѣ, отправляются искать счастья въ индустріи или эмигрируютъ. Дѣйствительно, въ рубрикѣ «члены семьи, занятые въ сельскихъ работахъ», статистика зарегистрировала только за время отъ 1882 до 1895 г. убыль въ размѣрѣ приблизительно 500,000 человекъ (382,872 въ 1895 году, вмѣсто 866,413 въ 1882 г.), убыль, отчасти, впрочемъ, компенсированную увеличеніемъ числа рабочихъ, батраковъ и служанокъ, численность которыхъ поднялась съ 1,589,083 до 1,718,885. Крестьянинъ-собственникъ превращается въ предпринимателя, который стремится возможно больше эксплуатировать своихъ рабочихъ, въ то время какъ послѣдніе стремятся добиться у хозяина возможно лучшихъ условій труда. Распространеніе этихъ индивидуалистическихъ тенденцій представляетъ серьезную опасность для сохраненія крестьянской собственности. Онѣ приводятъ или къ безконечному раздробленію земли, если послѣдняя дѣлится между всѣми наслѣдниками, или къ задолженности владѣльца, если всю землю беретъ себѣ одинъ наслѣдникъ съ обязательствомъ дать денежное вознагражденіе своимъ сонаслѣдникамъ.

Такимъ образомъ, и въ области сельскаго хозяйства развитіе носить рѣзко выраженный предпринимательскій характеръ. Типъ «дѣльца» начинаетъ мало-по-малу все чаще встрѣчаться среди крупныхъ землевладѣльцевъ, крестьянъ и фермеровъ. Но, въ то время какъ дѣла спекулянта-промышленника достигаютъ необычайнаго расцвѣта, особенно въ концѣ истекшаго столѣтія, сельскому хозяину уже въ теченіе 30-ти съ лишнимъ лѣтъ приходится бороться съ опаснымъ кризисомъ, окончаніе котораго, повидимому, еще не близко. Какъ возникъ этотъ кризисъ?

Періодъ отъ 30-хъ до 70-хъ годовъ XIX вѣка является для нѣмецкаго сельскаго хозяйства эпохой замѣчательнаго расцвѣта.

Въ началѣ вѣка Германія была въ состояніи не только прокармливать туземное населеніе, но и продавать за границу излишки своего производства. Однако населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребленіе пищевыхъ припасовъ, растетъ такъ быстро, что нѣмецкое земледѣліе, несмотря на увеличеніе производства благодаря успѣхамъ агрономической техники, скоро не оказывается въ состояніи самостоятельно удовлетворять требованій внутренняго рынка. Около середины вѣка, привозъ ржи начинаетъ превышать вывозъ ея; и въ 80-хъ годахъ вслѣдствіе все увеличивающагося роста ввоза Германія не только оказывается въ положеніи данницы чужихъ странъ по отношенію ко всѣмъ родамъ хлѣба, пшеницѣ, ржи, ячменю, овсу, но вынуждена ввозить и домашнихъ животныхъ, — овецъ, лошадей, рогатый скотъ. Это положеніе было, несомнѣнно, чрезвычайно благопріятно для сельскаго хозяйства. Приблизительно съ 1830 года начинается болѣе чѣмъ сорокалѣтняя эра благоденствія, въ теченіе которой констатируется общее повышеніе цѣнъ на всѣ сельскохозяйственные продукты, размѣры котораго колеблются отъ 60% (на хлѣбъ) до 148% (на говядину). Это повышеніе естественно влечетъ

за собой соответственное повышение земельных цѣнъ. Считаютъ, что арендная плата за это время удвоилась, а цѣны на землю утроились, а можетъ-быть, и учетверились.

Начиная приблизительно съ 1880 г. положеніе рѣзко мѣняется. Въ Германіи, какъ впрочемъ и во всей Западной Европѣ, начинается чувствоваться конкуренція новыхъ странъ, въ изобиліи производящихъ дешевый хлѣбъ: Россіи, Румыніи, Соединенныхъ Штатовъ, Остъ-Индіи, Уругвая, Аргентины. Вслѣдствіе развитія международныхъ сношеній и прогрессивнаго уменьшенія издержекъ желѣзно-дорожнаго и пароходнаго транспорта, хлѣбъ предлагается на нѣмецкомъ рынкѣ по все болѣе дешевымъ цѣнамъ. Наступаетъ эра паденія хлѣбныхъ цѣнъ: за періодъ отъ 1896 г. до 1900 г. онѣ понизились, смотря по категоріи хлѣба, отъ 13,5% до 23,5% въ сравненіи съ періодомъ отъ 1876—1880 гг. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ сопровождается соответственнымъ пониженіемъ арендныхъ и земельныхъ цѣнъ. Эти колебанія хлѣбнаго курса и земельныхъ цѣнъ имѣютъ для нѣмецкаго сельскаго хозяина самыя печальныя послѣдствія, въ особенности благодаря задолженности земельной собственности. Дѣйствительно, ипотечный долгъ вырастаетъ въ теченіе XIX вѣка до огромныхъ размѣровъ. Задолженность вызывается различными причинами. Землевладѣлецъ заключаетъ заемъ, чтобы произвести улучшенія съ цѣлью повысить производительность земли; наследникъ, желая сохранить за собой все имѣніе, вынужденъ заложить его, чтобы вознаградить деньгами своихъ сонаслѣдниковъ. Наконецъ, играющій на повышение спекулянтъ рассчитываетъ, что ожидаемая имъ прибыль окажется болѣе значительной, если онъ будетъ оперировать сильно заложеными имѣніями, которыя онъ сможетъ купить, располагая небольшимъ капиталомъ. Словомъ, задолженность землевладѣльцевъ непрерывно растетъ благодаря самымъ разнообразнымъ причинамъ. Въ одной только

Пруссія съ 1883 года по 1896 г. она возросла почти на $2\frac{1}{2}$ миллиарда марокъ. Вполнѣ очевидно, что для владѣльца обремененной большимъ долгомъ земли уменьшеніе дохода быстро превращается въ весьма ощутительное затрудненіе и влечетъ за собой полное разореніе, какъ только доходъ съ земли упадетъ ниже годового процента, который онъ долженъ выплачивать своимъ кредиторамъ.

Такимъ образомъ, конкуренція новыхъ странъ и задолженность земельной собственности вызвали аграрный кризисъ, который былъ осложненъ другими дополнительными обстоятельствами, а именно. трудностью для крупнаго землевладѣльца найти нужныя для ихъ хозяйствъ рабочія руки. Правда, этотъ кризисъ былъ нѣсколько смягченъ рядомъ мѣръ, рассчитанныхъ на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и стремившихся прійти на помощь землевладѣльцамъ. Это—протекціонистская политика, провозглашенная Бисмаркомъ въ 1879 году; желѣзнодорожный тарифъ, удешевлявшій провозъ туземныхъ продуктовъ и облегчавшій имъ борьбу съ иностранной конкуренціей; развитіе агрономическаго образованія и организація сельскохозяйственнаго кредита. Но въ настоящее время кризисъ еще не закончился. Сельское хозяйство въ Германіи держится благодаря протекціонистскому тарифу и заботамъ правительства объ интересахъ землевладѣльческаго дворянства и крестьянъ. Ему, однако, далеко до того расцвѣта, котораго достигла нѣмецкая промышленность, и экономистамъ остается возлагать надежды лишь на то, что прогрессирующая «индустриализація» сельскаго хозяйства, быть-можетъ, вдохнетъ въ него въ будущемъ новую силу.

Пока же не подлежитъ сомнѣнію, что сельское хозяйство потеряло большую долю своего значенія въ жизни народа. Еще въ 1830 году сельскимъ хозяйствомъ занимались четыре пятыхъ населенія страны. Въ 1860 году занятая въ земледѣлія часть населенія составляетъ только

$\frac{3}{5}$, въ 1882 году она едва превышаетъ $\frac{2}{5}$ (42,5%), а въ 1895 году она падаетъ еще ниже (35,7%)¹⁾. Въ то время какъ сельское хозяйство за недостаткомъ рабочихъ рукъ вынуждено ежегодно въ страдную пору обращаться къ иностраннымъ рабочимъ, преимущественно полякамъ, часть населенія, живущая индустріей и торговлей, непрерывно увеличивается. Въ Пруссіи въ 1843 году она составляла 25,3%, въ 1895—почти 50%. Для всей Германіи эта цифра уже превзойдена—50,6%. Очевидно, что значительная часть сельскаго населенія эмигрируетъ въ города или за границу. Германія становится промышленной страной. По вычисленіямъ одного нѣмецкаго статистика, котораго цитируетъ Лампрехтъ, въ началѣ XX вѣка годовое производство сельскаго хозяйства достигаетъ 6 миллиардовъ марокъ, годовое же производство крупной и мелкой индустріи вдвое большей суммы; доходъ, получаемый отъ сельскохозяйственныхъ предпріятій,—3 миллиардовъ, доходъ же отъ промышленности и торговли—13½ миллиардовъ.

Изученіе торговаго баланса блестящимъ образомъ подтверждаетъ это развитіе. Хорошо извѣстно, что въ Гер-

1) Последняя промысловая перепись (1907) показала, что доля населенія, живущая доходами отъ сельскаго хозяйства, продолжаетъ падать. Нужно отмѣтить, что это паденіе является не только относительнымъ, но и абсолютнымъ:

Г о д ы:	1882	1895	1907
Общая численность населенія	45,223,113	51,770,283	61,720,529
Лица, живущія доходами отъ сельскаго хозяйства	19,225,455	18,501,307	17,681,176
Процентное отношеніе ихъ ко всему населенію	45,3%	35,7%	28,6%

Прим. пер.

мані со времени 1885 — 1888 гг. ввозъ значительно превышаетъ вывозъ, такъ что въ 1900 г. превышеніе ввоза, составлявшаго 5,833 милліоновъ марокъ, надъ вывозомъ, равнявшимся лишь 4,555 милліонамъ марокъ, достигло 1,278 милліоновъ марокъ. Этотъ фактъ означаетъ, прежде всего, что Германія въ настоящее время является индустріальной страной и живетъ уже не продуктами своей земли, а промышленной дѣятельностью своихъ жителей. Экономисты вычислили, что, если бы Германія должна была извлекать изъ собственной земли пищевые припасы и сырые матеріалы, необходимые для потребленія и промышленности, она должна была бы обладать по крайней мѣрѣ вдвое или втрое большей территоріей, если даже не принимать во вниманіе продукты тропическихъ странъ, какъ пряности, кофе, хлопокъ, которыхъ она не можетъ производить уже по своему географическому положенію. Такимъ образомъ, современное населеніе Имперіи не могло бы существовать, если бы оно не было въ состояніи пріобрѣтать себѣ огромную массу иностранныхъ товаровъ, производство которыхъ предполагаетъ территорію значительно большую, чѣмъ территорія Германіи. Какимъ же образомъ оно существуетъ? Во-первыхъ, обмѣнивая продукты на продукты, продавая съ своей стороны за границу часть продуктовъ своей почвы, главнымъ же образомъ продукты своей индустріи. Во-вторыхъ, покрывая разницу между своими закупками и продажами изъ двухъ главныхъ источниковъ дохода: изъ дохода отъ морской торговли и доходовъ отъ капиталовъ, вложенныхъ въ чужихъ странахъ. Прибыль, полученную отъ нѣмецкой морской торговли въ 1899 году, опредѣляютъ приблизительно въ 250 милліоновъ марокъ, доходы же отъ помѣщенныхъ за границей капиталовъ—въ 1 милліардъ марокъ. Если мы сложимъ эти суммы, то получимъ количество приблизительно соответствующее дефициту, отмѣченному нами въ торговомъ балансѣ 1900 г.

Необычайная быстрота этой эволюціи выясняется изъ того, что еще въ 1880 году торговый балансъ имѣлъ активъ въ 86 милліоновъ марокъ, что въ 1888 году онъ былъ сведенъ съ пассивомъ лишь въ 67 милліоновъ, что въ 1900 году этотъ пассивъ достигъ 1,278 милліоновъ, а въ 1905 г. онъ увеличился до 1,353 милліоновъ¹⁾.

Такимъ образомъ очевидно, что населеніе Германіи не можетъ жить лишь одними продуктами своей почвы. Оно живетъ на доходы отъ своей промышленности, своей морской торговли, своихъ накопленныхъ капиталовъ. Германія, бывшая въ началѣ XIX столѣтія земледѣльческой страной, готова въ настоящее время превратиться въ огромное капиталистическое промышленное государство. Это превращеніе вызываетъ у многихъ нѣмцевъ чувство сожалѣнія и опасенія. Они спрашиваютъ себя, не повлечетъ ли переходъ отъ сельской жизни къ городской жизни, отъ земледѣльческаго труда къ промышленному труду, вредныхъ для физическаго и нравственнаго здоровья расы послѣдствій. Они усматриваютъ, если не реальную, то по крайней мѣрѣ возможную опасность въ томъ, что Германія становится все менѣе и менѣе способной прокармливать свое населеніе собственными средствами и все болѣе должна рассчитывать на свою внѣшнюю торговлю и, слѣдовательно, на внѣшній рынокъ.

1) Дополнимъ приведенныя авторомъ цифры слѣдующей таблицей, характеризующей эволюцію торговаго баланса Германіи за послѣдніе 20 лѣтъ:

Годы:	Ввозъ. Въ милліонахъ	Вывозъ.	Пассивъ. марокъ.
1891	4,403	3,339	1,064
1900	6,043	4,752	1,291
1910	9,310	7,644	1,666

Прим. пер.

ГЛАВА IV.

Соціальная еволюція.

I. Соціальныя слѣдствія капиталистическаго строя.

Капиталистическое предпринимательство не только значительно измѣнило условія производства, но произвело рѣшительный переворотъ и во всей соціальной структурѣ народа.

Въ Германіи начала XIX вѣка обычно различаютъ три класса. «Знать», въ которую помимо аристократіи въ собственномъ смыслѣ слова входятъ и старыя патриціанскія семьи вольныхъ имперскихъ городовъ. «Средній» классъ съ довольно неопредѣленными границами; въ него входятъ съ одной стороны образованная часть общества, а съ другой—всѣ люди средняго благосостоянія, крупныя и мелкія чиновники, фабриканты, торговцы, словомъ большая часть тѣхъ элементовъ, которые теперь носятъ названіе буржуазіи. Наконецъ, «народъ», состоящій изъ массы ремесленниковъ, сельскаго населенія и нарождающагося пролетаріата. Вплоть до середины вѣка границы между этими тремя классами еще не отчетливы. Переходъ отъ крупнаго буржуа къ дворянину съ одной стороны, отъ мелкаго буржуа къ рабочему съ другой, почти не ощутителенъ. Капиталистической буржуазіи, какъ класса, еще не существуетъ. Подъ пролетаріатомъ понимается совокупность всѣхъ деклассированныхъ, всѣхъ подонковъ общества; распространено убѣжденіе, что правительство обязано заставить пролетаріевъ мало-по-малу войти въ другія общественныя категоріи и такимъ образомъ пріостановить ихъ размноженіе.

Во второй половинѣ вѣка, съ развитіемъ капита-

стическаго предпринимательства, положеніе быстро мѣняется. Съ одной стороны образуется огромная армія труда, въ составъ которой наряду съ общественными подонками разнообразнаго происхожденія входят рабочіе домашней индустріи, большая часть ремесленниковъ, разоренныхъ конкуренціей крупной промышленности, масса сельскихъ рабочихъ и экспропрированныхъ крестьянъ. На другомъ концѣ соціальной лѣстницы образуется классъ предпринимателей, гдѣ группируются всѣ принимающіе то или иное участіе въ капиталистическомъ предпринимательствѣ, начиная съ крупныхъ землевладѣльцевъ изъ старой знати и промышленныхъ и финансовыхъ бароновъ и кончая разбогатѣвшими рабочими, мелкими торговцами и высшими служащими крупныхъ предпріятій.

Пролетаріатъ, по опредѣленію Зомбарта,—классъ рабочихъ, лишенныхъ иныхъ средствъ существованія кромѣ заработной платы въ денежной формѣ и нанимаемыхъ на опредѣленную работу съ очень краткимъ срокомъ отказа или вовсе безъ него,—до 1850 г. еще малочислененъ. Несомнѣнно, что рабочій классъ, зависящій отъ капиталистическаго предпринимательства, существовалъ уже въ концѣ XVIII вѣка. Несомнѣнно также, что этотъ классъ медленно растетъ между 1820 г. и 1840 г., по мѣрѣ развитія капитализма въ Германіи. Но ему недостаетъ еще ясно выраженныхъ классовыхъ чертъ, и нѣтъ еще отчетливой демаркаціонной линіи между рабочимъ-пролетаріемъ и ремесленникомъ или мелкимъ крестьяниномъ. Дѣйствительное образованіе нѣмецкаго пролетаріата падаетъ на пятидесятыя и шестидесятыя годы, на моментъ перваго большого кризиса, потрясшаго старыя формы промышленности. Съ этого времени онъ не перестаетъ расти. Эта фаза его эволюціи, повидимому, была самой болѣзненной. Хорошо извѣстна крайняя необезпеченность пролетарскаго существованія, полная зависимость пролетарія

отъ предпринимателя, который можетъ въ любой моментъ лишить его заработка и ввергнуть въ нищету; опасности, которымъ подвергаютъ его промышленные или торговые кризисы, періодически потрясающіе индустрію; все возрастающая трудность для рабочаго подняться до положенія хозяина; ухудшеніе условій труда вслѣдствіе все большаго распространенія машинъ, которыя превращаютъ рабочаго въ простой придатокъ машины и обрекаютъ его на притупляющій трудъ, не дающій никакого удовольствія. Известны потрясающая трагедія пролетарской нужды, безстыдная эксплуатація не только рабочихъ, но и женщинъ и дѣтей, безконечное удлиненіе рабочаго дня, антигигіеническія условія работы, голодная заработная плата, кризисы безработицы, повергающіе въ отчаяніе цѣлые районы. Германія столь же мало избѣжала этихъ золъ, какъ и другія промышленныя націи. Самое большее ей, можетъ-быть, пришлось перенести меньше страданій, чѣмъ Англіи, такъ какъ капитализмъ развился въ Германіи позднѣе, и злоупотребленія новаго режима встрѣтили съ самаго начала рѣшительнѣйшую оппозицію со стороны общественнаго мнѣнія.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что «классовое самосознаніе» нѣмецкаго рабочаго развивается довольно быстро. По мѣрѣ своего количественнаго роста ¹⁾, пролетаріатъ въ послѣднюю треть вѣка организуется и въ политическую партію. Соціалистическій идеалъ, созданный въ мозгахъ философовъ, мечтающихъ обратить на пользу всего общества открытія изобрѣтателей и видящихъ въ общности богатства и социализаціи средствъ производства единственное средство противъ народныхъ бѣдствій, дѣлается мало-по-малу идеаломъ пролетаріевъ. Въ то же время на мѣсто инстинктивнаго и хаотическаго возмущенія рабочихъ

¹⁾ Зомбартъ полагаетъ, что въ 1895 году, рабочій классъ обнимаетъ немного болѣе 35-ти милліоновъ лицъ, или около 67,5%⁰/₁₀ всего населенія имперіи.

противъ гнета и нищеты становится методическая организація пролетарскихъ силъ для борьбы съ капитализмомъ. Фихте и Гегель, затѣмъ Фейербахъ и Молодая Германія, Моисей Гессъ и Карль Грюнъ, наконецъ, Марксъ и Энгельсъ создаютъ матеріалистическое пониманіе исторіи и социалистическое ученіе. Въ началѣ 1848 года Союзъ коммунистовъ, гдѣ встрѣтились народные и интеллигентскіе элементы нарождающейся партіи, выпускаетъ свой знаменитый манифестъ, который въ основныхъ чертахъ формулируетъ социалистическую программу и призываетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ къ объединенію для классовой борьбы. Въ 1863 году подъ руководствомъ Лассалля учреждается «Всеобщій нѣмецкій рабочій союзъ», который организуетъ силы рабочаго класса въ партію, независимую отъ буржуазной прогрессивистской партіи. Эта социалистическая партія, распадавшаяся сначала на «лассальянцевъ» и сторонниковъ Интернационала, объединившаяся затѣмъ на Готскомъ конгрессѣ 1875 года подъ названіемъ «Нѣмецкой социаль-демократической рабочей партіи», непрерывно развивается. Получивъ на выборахъ въ рейхстагъ 1871 года 113,000 голосовъ, въ 1881 году она собрала уже 318,000 въ 1890 году—1,427,000, въ 1896 г.—2,107,000, въ 1907 году—3,259,000 ¹⁾. Изъ всѣхъ партій она располагаетъ

¹⁾ На послѣднихъ выборахъ въ январѣ 1912 года число собранныхъ партіей голосовъ возросло до 4,250,000, а количество завоеванныхъ мандатовъ—до 110. Число членовъ партійныхъ организацій составляло въ 1911 году 836,000, въ 1913 году—982,000. Правда, лѣтомъ 1913 года въ развитіи партіи наступила какъ-будто нѣкоторая заминка. Число членовъ и подписчиковъ социалистическихъ газетъ (50 ежедневныхъ и 20 выходящихъ одинъ или нѣсколько разъ въ недѣлю) мѣстами не увеличилось, а кое-гдѣ и сократилось. Но поставленный всей буржуазной печатью прогнозъ о кризисѣ, переживаемомъ социаль-демократіей, не оправдался. Въ мартѣ 1914 г. число членовъ партіи увеличилось на 132,000, число подписчиковъ рабочихъ газетъ на 80,000, а въ рейхстагъ партія завоевала 111-й мандатъ. *Прим. пер.*

наибольше многочисленными избирательными кадрами. Конечно, эти кадры состоятъ не только изъ однихъ подлинныхъ социалистовъ; въ нихъ входитъ также большое количество недовольныхъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, которые, голосуя за социаль-демократическаго кандидата, хотять лишь проявить въ рѣшительной формѣ свою оппозицію существующему строю. Тѣмъ не менѣе несомѣнно, что социаль-демократія въ цѣломъ есть созданіе рабочаго класса, и что этотъ классъ, организованный въ многочисленную партію, подчиненный строгой дисциплинѣ, воодушевленный живымъ чувствомъ солидарности, представляетъ изъ себя внушительную массу, все болѣе созпающую свою силу.

Рабочее движеніе въ Германіи въ теченіе долгаго времени было преимущественно политическимъ движеніемъ. Въ противоположность тому, что происходило въ Англии, странѣ могущественныхъ тредъ-унионовъ и процвѣтающихъ кооперативовъ, нѣмецкій пролетаріатъ лишь медленно вступилъ на путь экономической организаци. Все же въ настоящее время онъ дѣлаеть большіе успѣхи и въ этой области. Рядомъ съ социаль-демократической партіей и въ постоянномъ идейномъ общеніи съ нею развились сильныя профессиональныя организаци, вліяніе которыхъ значительно возросло, особенно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и которыя дѣйствуютъ рука объ руку съ социаль-демократической партіей. Правда, существуютъ и несоціалистическіе союзы. Гиршъ-дункеровскіе профессиональныя союзы, созданныя партіей прогрессистовъ въ 1868 году, и христіанскіе союзы, основанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ католическимъ центромъ, не стоятъ на почвѣ классовой борьбы, а, напротивъ, отстаиваютъ гармонію интересовъ предпринимателей и рабочихъ и признають, что у капитала и труда существуютъ одинаковыя права и обязанности. Но эти организаци далеко не имѣють того значенія, какъ

свободные профессиональные союзы ¹⁾, которые, оставаясь в теории нейтральными и не требуя от своих членов никакого определеннаго политическаго сгедо, фактически состоятъ большею частью изъ социалистовъ. При этихъ условіяхъ, несмотря на неизбѣжныя тренія, несмотря на временное соперничество между «политиками» и «профессионалистами», союзы почти всегда идутъ рука объ руку съ социаль-демократическою партіей. Организованные для защиты профессиональныхъ интересовъ рабочихъ, они проявили, особенно за послѣдніе годы, очень большую жизнеспособность. Несмотря на ожесточенную войну, начатую противъ нихъ могущественными синдикатами нѣмецкихъ предпринимателей, рабочіе союзы не были дезорганизованы, но даже почерпнули новыя силы изъ направленныхъ противъ нихъ нападеній. Рабочая печать не безъ гордости констатируетъ, что локауты, объявляемые союзами предпринимателей въ отвѣтъ на стачки, приводили до сихъ поръ лишь къ усилению солидарности рабочаго класса и увеличенію числа членовъ профессиональныхъ союзовъ.

Организованный въ большую политическую партію, объединенный въ сильные профессиональные союзы, нѣмецкій пролетаріатъ ведетъ энергичную борьбу за болѣе сносныя условія существованія. И его усилія не остаются совер-

¹⁾ Представленіе о развитіи профессиональныхъ организацій нѣмецкаго пролетаріата можетъ дать слѣдующая таблица.

Ч и с л о ч л е н о в ъ .

	1901	1905	1910	1912
Свободные (социаль-демократическіе) союзы.	687.000	1.300.000	2.128.000	2.583.000
Гиршъ - Дункеровскіе союзы	96.000	120.000	122.000	109.000
Христіанскіе союзы	175.000	250.000	316.000	350.000
Независим. союзы.	49.000	75.000	717.000	815.000

Прим. пер.

шенно безрезультатными. Повидимому, социальный пессимизм уступает въ настоящее время мѣсто по крайней мѣрѣ относительному оптимизму. Соціалисты съ вѣрой идутъ на завоеваніе политической и экономической власти. Они все болѣе ждутъ реализаціи своихъ надеждъ не отъ великаго социальнаго катаклизма, какъ раньше, а отъ постепенной и мирной эволюціи, которая изнутри трансформируетъ капиталистическое общество. Пассивное отчаяніе начальной поры капиталистическаго развитія уступаетъ мѣсто боевому пылу. Къ заботамъ о матеріальной жизни присоединилось весьма замѣтное стремленіе къ образованію и искусству. Многіе экономисты смотрятъ съ большимъ довѣріемъ на хозяйственное будущее страны. Они съ удовлетвореніемъ констатируютъ общій ростъ доходовъ, нѣкоторое относительное уменьшеніе наиболѣе бѣднаго класса, повышеніе заработной платы, улучшеніе условій существованія широкихъ народныхъ массъ ¹⁾, уменьшеніе эмиграціи ²⁾. Они отмѣчаютъ болшую обеспеченность рабочаго

¹⁾ Вычисляютъ, что за послѣднюю треть XIX в. потребление хлопка утроилось, а потребление пива, хлѣба, мяса, яицъ и молока почти удвоилось. Этотъ прогрессъ, несомнѣнно, пошелъ на пользу въ значительной степени и рабочему классу. Статистики указываютъ, что къ чести нѣмецкаго пролетаріата за тотъ же періодъ потребление алкоголя и табака осталось почти безъ перемѣнъ.

²⁾ За послѣднія 30 лѣтъ эмиграція неуклонно падаетъ, несмотря на то, что населеніе имперіи возрастаетъ:

Г о д ы.	Количество эмигрировавшихъ.
1881—1890	1,342,000
1891—1900	528,000
1901—1910	220,000
1912	18,000

Прим. пер.

класса благодаря страхованию от несчастных случаев, болѣзни, инвалидности и старости ¹⁾. Они указываютъ, что въ средѣ самого пролетаріата наблюдается тенденція къ дифференціаціи, что надъ массой неспособныхъ, несчастныхъ, деклассированныхъ, надъ массой неквалифицированныхъ рабочихъ появляется рабочая аристократія, квалифицированные рабочіе, уровень существованія которыхъ улучшается съ каждымъ днемъ. Всѣ эти симптомы позволяютъ надѣяться, что страшная проблема, созданная огромнымъ развитіемъ пролетаріата, можетъ быть разрѣшена путемъ мирной эволюціи, а не путемъ насильственного переворота.

Капиталистическая система, создавъ на нижнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы обширный рабочий классъ, въ то же время глубоко видоизмѣнила высшіе и средніе слои нѣмецкаго общества.

Новѣйшая соціальная эволюція вообще стремится поста-

¹⁾ Приведемъ нѣсколько цифръ, чтобы дать болѣе отчетливое представленіе о значеніи рабочаго страхованія въ Германіи.

Виды страхованія.	Г о д ы.	Въ миллионaxъ.			
		Число застрахованныхъ.	Сумма вознагражденій.	Общая сумма расходовъ.	Капиталь
Страхованіе отъ болѣзни.....	1909	13,4	342	362	286
	1885—1909		3.994	4.237	
Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ.	1909	23,7	162	189	510
	1885—1909		1.888	2.127	
Страхованіе отъ инвалидности и старости.	1909	15,4	189	204	1.574
	1891—1909		1.871	2.076	
Всѣ виды страхованія.	1909		693	762	2.371
	1885—1909		7.674	8.441	

Прим. пер.

вить на мѣсто старыхъ группировокъ, основанныхъ на различіи соціальныхъ функцій, новыя подраздѣленія, покоящіяся только на неодинаковости дохода. Она стираетъ или смягчаетъ различія между жителемъ деревни и горожаниномъ, между крестьяниномъ, торговцемъ и промышленникомъ, обладающими одинаковымъ состояніемъ. Для всѣхъ, кто располагаетъ приблизительно одинаковыми средствами, она создаетъ болѣе или менѣе однообразные нравы и условія жизни. И, если между безчисленными соціальными типами, которые входятъ въ составъ высшихъ и среднихъ классовъ, между мелкими предпринимателями и торговцами въ городѣ и въ деревнѣ, высшими служащими разнаго рода крупныхъ предпріятій, запоздалыми представителями стараго средняго класса, интеллигентами—представителями либеральныхъ профессій, чиновниками и офицерами, промышленной и родовой аристократіей, и существуютъ глубокія различія, то они зависятъ скорѣе отъ неравенства дохода, чѣмъ отъ спеціальныхъ особенностей ихъ занятій или отъ соблюденія тѣхъ или иныхъ традиціонныхъ нравовъ и обычаевъ.

Съ другой стороны наблюдается полная переоцѣнка всѣхъ признанныхъ цѣнностей. На мѣсто древней аристократіи происхожденія и образованія становится новая аристократія предпринимательства, для которой основнымъ критеріемъ при опредѣленіи заслугъ и ранговъ являются знаніе дѣла и успѣхъ. Само собой разумѣется, что эта эволюція далеко еще не дошла до своего конца, и что большинство старыхъ группировокъ продолжаетъ существовать въ современномъ обществѣ въ болѣе или менѣе нетронутомъ видѣ. Такъ, буржуазія либеральныхъ профессій, служители церкви, преподаватели, чиновники и офицеры, едва еще затронуты духомъ предпринимательства. Однако, этотъ новый духъ прогрессивно проникаетъ почти всюду и мало-по-малу разлагаетъ старую іерархію. Даже аристо-

кратія, отвергавшая меркантильный характер современной экономической жизни и принципиально заявлявшая, что не может, не унизивъ себя, принимать въ ней участія, не могла уберечься отъ заразы. Дѣйствительно, дворянство, поскольку оно является землевладѣльческимъ классомъ, вынуждено принять капиталистическую систему. Оно находится въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ въ настоящее время доходы, даваемые сельскимъ хозяйствомъ, значительно ниже прибыли отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Нѣкоторые наблюдатели задаютъ себѣ даже вопросъ, является ли экономическій базисъ, на который опирается теперь могущество дворянства, достаточно крѣпкимъ, чтобы послѣднее могло еще долгое время сохранять свое политическое преобладаніе и социальный престижъ.

Во всякомъ случаѣ, теперь рядомъ съ аристократіей рожденія вырастаетъ со все большей силой и со все большимъ сознаниемъ своего могущества новая аристократія предпринимателей. Въ теченіе долгаго времени (до 80-хъ годовъ) она старалась возможно болѣе подражать старой знати, усвоить ея нравы и укладъ жизни. Но теперь, повидимому, она скорѣе стремится утвердить свою независимость и сохранить индивидуальность. Она готова превратиться въ особенную и въ свою очередь распадающуюся на нѣсколько слоевъ касту, во главѣ которой стоитъ олигархическая группа высшей финансовкратіи.

II. Общіе результаты экономической эволюціи.

Итакъ, каковы общіе результаты того безпредѣльнаго стремленія къ экономической мощи, которое составляетъ характерную особенность XIX столѣтія?

Утилизируя и эксплуатируя грандіозныя открытія науки и техники, безостановочно работая надъ прогрессомъ знаний

съ цѣлью создать новые источники дохода, духъ капиталистическаго предпринимательства методически организовалъ рациональную эксплуатацію природныхъ силъ, почвенныхъ богатствъ и человѣческаго труда. Онъ достигъ этихъ поразительныхъ результатовъ, провозглашая принципъ свободной конкуренціи, право каждаго индивидуума дѣлать возможно лучшее употребленіе разныхъ своихъ дарованій и силъ, разрушая традиціонныя учрежденія, мѣшавшія свободному проявленію индивидуальной энергіи, ставившія преграды безпредѣльному развитію честолюбія и указывавшія каждому точно опредѣленный кругъ дѣятельности, за предѣлы котораго индивидуумъ почти не могъ выйти. Ясно, что совершенная имъ работа—грандіозна. Въ XIX вѣкѣ человѣкъ значительно увеличилъ свою власть надъ вещами. Онъ съ успѣхомъ работалъ надъ постепенной «раціонализацией» жизни. Онъ развернулъ до колоссальныхъ размѣровъ производство матеріальныхъ богатствъ. Онъ разрѣшилъ проблему, заключающуюся въ томъ, чтобы дать возможность сноснымъ образомъ жить на территоріи Германіи 60-ти милліонамъ человѣкъ, въ то время какъ въ началѣ XIX вѣка на томъ же пространствѣ жило лишь 25 милліоновъ людей и при томъ въ условіяхъ, болѣе суровыхъ, чѣмъ въ настоящее время. Онъ превратилъ бѣдную земледѣльческую страну въ чудовищную фабрику, которая снабжена самыми усовершенствованными индустриальными и коммерческими средствами, и процвѣтаетъ благодаря искусству ея работниковъ и доходамъ съ приобретенныхъ богатствъ. Нѣмцы имѣютъ полное право гордиться своею практичностью, упорной энергіей, научной добросовѣстностью, въ особенности же порядкомъ и дисциплиной, которые позволили имъ занять въ международномъ соперничествѣ одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ индустриальныхъ націй.

Нѣмцы, впрочемъ, признають, что этотъ огромный

переворотъ имѣлъ рядъ печальныхъ послѣдствій. Многие съ безпокойствомъ смотрятъ на то, что Германія уже не въ состояніи прокормить свое населеніе собственными продуктами и спрашиваютъ себя, не приведетъ ли прогрессивная индустриализація національной жизни къ печальнымъ результатамъ съ точки зрѣнія физическаго и моральнаго равновѣсія расы. Они съ прискорбіемъ отмѣчаютъ непрерывное ускореніе жизненнаго ритма, все большую нервность и быстроту движенія, которое увлекаетъ людей и вещи и захватываетъ въ свой водоворотъ все, что принимаетъ то или иное участіе въ предпринимательствѣ. Они жалуются на необезпеченность существованія, на которую обрекаетъ система неограниченной конкуренціи съ ея анархическимъ способомъ производства, періодическими кризисами, вѣчною неустойчивостью, всѣхъ захваченныхъ ею, будь то капиталисты или пролетаріи, предприниматели, служащіе или простые рабочіе. Они отмѣчаютъ, что человѣкъ въ концѣ концовъ попадаетъ подъ власть созданныхъ имъ самимъ вещей. Современныя индустрія и торговля навязываютъ потребителю ограниченное число опредѣленныхъ продуктовъ, которые оказываютъ тиранническое давленіе на его вкусъ. Въ результатѣ разнообразіе индивидуальной жизни теряется, и на его мѣсто становится все возрастающее однообразіе потребностей, которыя удовлетворяетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ крупное производство. Словомъ, многихъ нѣмцевъ мало удовлетворяютъ результаты примѣненія къ развитію расы великаго принципа о замѣнѣ качества количествомъ. Они безъ всякаго энтузіазма смотрятъ на современнаго горожанина, этого искусственнаго человѣка нашей эпохи, этотъ продуктъ асфальта большихъ городовъ, безъ непосредственной связи съ природой, безъ традицій и прошлаго, безъ собственной индивидуальности, этотъ абстрактный и средній типъ, созданный нашей городской цивилизаціей.

Они спрашивают себя не безъ нѣкотораго безпокойства, куда вѣдетъ эта эволюція. Приведетъ ли она къ катастрофѣ или медленному упадку, къ царству тѣхъ «последнихъ людей», безчисленныхъ, какъ тля на травѣ, слишкомъ осторожныхъ и слишкомъ разсудительныхъ, безъ надеждъ и идеаловъ, которыхъ рисовало себѣ пламенное воображеніе Ницше?

Если, тѣмъ не менѣе, нѣмцы въ общемъ съ надеждой смотрятъ на будущее, то это объясняется тѣмъ, что они вѣрятъ въ возможность глубокаго видоизмѣненія капиталистической системы. На эту трансформацію, произойдетъ ли она путемъ соціальной революціи или путемъ постепенной мирной социализаціи общества, возлагаютъ свои надежды не только одни социалисты. Люди, которые рѣшительно отвергаютъ всякій насильственный переворотъ и восторженно привѣтствуютъ экономическую и политическую работу истекшаго столѣтія, также думаютъ, что эра неограниченной конкуренціи приходитъ къ своему концу. Напримѣръ, Лампрехтъ, весьма далекій отъ вѣры въ соціальную революцію, предсказываемую ортодоксальнымъ марксизмомъ, все-же убѣжденъ въ томъ, что незамѣтно готовятся глубокія перемѣны. По его мнѣнію, рядъ признаковъ ясно говоритъ о неизбѣжномъ наступленіи новаго порядка вещей: развитіе кредитныхъ и производительныхъ кооперацій; расширеніе государственныхъ предпріятій; ростъ профессиональныхъ союзовъ и картелей предпринимателей; развитіе потребительныхъ обществъ; распространеніе среди рабочихъ и интеллигенціи все болѣе практическихъ и менѣе утопическихъ соціальныхъ теорій; безостановочный прогрессъ страхованія, частнаго и государственнаго; наконецъ, широкія мѣры рабочаго законодательства. Всѣ эти симптомы, какъ-будто, указываютъ, что принципъ свободнаго предпринимательства мало-по-малу рушится, что существуетъ тенденція все болѣе и болѣе ограничить конкуренцію, что Германія постепенно при-

ближається къ способу производства, менше анархическому, къ організації, болше обезпечивающей индивидуума. Такимъ образомъ, мѣсто свободнаго предпринимательства и неограниченной конкуренціи мало-по-малу займетъ система организованнаго предпринимательства и регламентированной, ограниченной конкуренціи (*Gebundene Unternehmung*), которая придастъ большую устойчивость и постоянство соціальной ієрархіи, организуетъ новую аристократію труда и капитала и обезпечитъ массѣ пролетаріата менше прекарныя и болше человѣчныя условія существованія. На наступленіе этой эры соціальной и экономической солидарности и возлагаетъ въ настоящее время свои надежды цвѣтъ нѣмецкой интеллигенціи.

КНИГА II.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

ГЛАВА I.

Проблема единства и свободы въ Германіи.

I. Безсиліе Германіи въ началѣ XIX вѣка.

Торжество системы свободнаго предпринимательства, которая, какъ мы видѣли, привела въ XIX вѣкѣ къ поразительной интенсификаціи человѣческаго труда, къ удивительному развитію экономическаго творчества, не могло не оказать рѣшительнаго вліянія и на политическую эволюцію Германіи.

Свободное предпринимательство, стремящееся къ безпредѣльному экономическому расширенію, имѣетъ своимъ логическимъ слѣдствіемъ стремленіе къ завоеванію политической власти. Его высшимъ принципомъ является количественное производство; оно создаетъ все большія и большія массы продуктовъ и стремится накопить запасы товаровъ, превышающія спросъ потребителя въ данный моментъ. Поэтому, оно вынуждено всѣми средствами искать сбыта для своихъ продуктовъ, возможно болѣе расширять сферу своихъ операцій, объединить сначала свою естественную экономическую область—Германію, искать затѣмъ загра-

вичныхъ рынковъ, провозглашая всюду свободу торговли, свободу доступа на весь міровой рынокъ. Словомъ, оно стремится безпредѣльно расширить сферу своего вліянія. Чтобы лучше обезпечить свое преобладаніе, чтобы лучше защитить себя отъ иностранной конкуренціи, оно должно строить свое экономическое господство на базисѣ политической гегемоніи.

Такимъ образомъ, нѣмецкая политика въ XIX вѣкѣ является унитарной и имперіалистической. Она стремится осуществить политическое единство, реставрировать сначала Имперію, развитъ далѣе ея организацію въ унитарномъ направленіи. Но на этомъ она не останавливается. Она мало-по-малу приучаетъ себя видѣть въ Германской Имперіи въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ результатѣ побѣдъ 1866 и 1870 гг., лишь основное ядро несравненно болѣе широкой пангерманистской державы. Эта Великая Германія обнимаетъ всю сферу нѣмецкихъ интересовъ во всемъ мірѣ. Она охватываетъ не только національную территорію, но и всѣ страны, гдѣ нѣмецкій элементъ играетъ болѣе или менѣе преобладающую роль, — Австрію, русскій Прибалтійскій край, Швейцарію, Голландію, фламандскую часть Бельгіи. Она простирается на колоніи, разсѣянныя нѣмецкой эмиграціей по всему міру. Она обнимаетъ всѣ матеріальные и духовные интересы Германіи во всѣхъ частяхъ свѣта. Такимъ образомъ, Германія привыкаетъ обращать свои взоры далеко за предѣлы своихъ политическихъ границъ. Изъ государства національнаго она превращается въ государство имперіалистическое. Она усваиваетъ себѣ имперіалистическую концепцію, видящую въ націи уже не этническую группу, ограниченную опредѣленною замкнутой территоріей, а дѣятельную энергію, которая стремится непрерывно расширять сферу своего вліянія и безъ устали борется во всемъ мірѣ, во всѣхъ пунктахъ земнаго шара съ другими соперничающими на-

ціями, сила расширенія которыхъ ставитъ предѣлы ея собственному могуществу. Благодаря этому, Германія должна была построить флотъ и стать морской державой, создала себѣ колониальную имперію и все дѣятельнѣе вмѣшивается въ міровую политику. Вмѣстѣ съ Англіей и Соединенными Штатами она является одной изъ наиболѣе империалистическихъ націй нашего времени.

Одновременно съ объединеніемъ Германія перестраиваетъ и свои внутреннія учрежденія. Эта внутренняя эволюція также является борьбой за власть между соперничающими партіями, каждая изъ которыхъ стремится получить въ національномъ организмѣ ту долю вліянія, на которую даетъ ей право ея сила. Въ XIX вѣкѣ эта борьба припимаетъ все болѣе реалистическій и практическій характеръ. Партіи, бывшія первоначально группировкамъ, основанными на принципахъ, постепенно превращаются въ соціальныя группировки, и въ концѣ-концовъ становятся настоящими синдикатами для защиты интересовъ. Въ началѣ XIX вѣка боролись за авторитарный принципъ или за религію свободы. Въ началѣ XX вѣка представители сельскаго хозяйства, торговли и промышленности, пролетаріата и католической церкви образуютъ могущественные союзы, которые ожесточенно борются за свои интересы и за разрѣшеніемъ своихъ споровъ обращаются, въ качествѣ послѣдней инстанціи, къ посредничеству монарха, стоящаго надъ партіями представителя общихъ національных интересовъ.

Исторія внѣшней политики Германіи показываетъ намъ стремленіе націи развернуть возможно шире свое господство въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Ея внутренняя исторія говоритъ намъ объ постепенномъ усиленіи буржуазіи и пролетаріата, о борьбѣ нѣмецкой демократіи съ монархіей Божіей милостью и правящимъ классомъ, который монополю держалъ въ своихъ рукахъ реальную власть въ

XVIII вѣкѣ, объ эволюціи, преобразующей мало-по-малу политическія учрежденія и ставящей на мѣсто просвѣщеннаго абсолютизма эпохи просвѣщенія режимъ, все еще строго монархическій, но въ то же время и конституціонный.

Распространеніе капиталистическаго духа на сферу политическихъ отношеній привело къ раскрѣпощенію воли къ могуществу какъ со стороны отдѣльныхъ государствъ, такъ и со стороны партій. Оно создало состояніе скрытой войны между соперничающими націями и классами. Но въ сферѣ политической, какъ и въ экономической, современная Германія надѣется, что этотъ порядокъ вещей измѣнится. На ряду съ реалистическимъ стремленіемъ къ могуществу и матеріальнымъ богатствамъ снова развивается идеалистическое стремленіе къ образованію и высшей культурѣ, къ справедливому разрѣшенію соціального вопроса. Германія не теряетъ надежды, что послѣ бурь XIX вѣка наступитъ состояніе равновѣсія, основаннаго на сознаніи солидарности и покоящагося на удачномъ компромиссѣ между принципомъ авторитета и принципомъ свободы, между монархіей и демократіей.

* * *

Если мы взглянемъ на политическое состояніе Германіи въ 1815 году, вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, мы должны будемъ констатировать, что въ этотъ моментъ у Германіи нѣтъ ни единства, ни свободы.

Прежде всего, у нея нѣтъ единства. Священная Римская Имперія уже долгое время влачила совершенно номинальное существованіе. Когда въ 1806 году она рассыпалась подъ ударами Наполеона, когда императоръ Францъ-Иосифъ II добровольно отрекся отъ своего чисто иллюзорнаго суверенитета и объявилъ императорское званіе уничтоженнымъ,

общественное мнѣніе отнеслось довольно индифферентно къ окончательной гибели славной имперіи Оттоновъ и Гогенштауфеновъ. «Майнцская Газета» («Mainzer Zeitung») лишь констатировала безъ особаго волненія, что Германія уже болѣе не существуетъ. И отчего, въ самомъ дѣлѣ, она должна была огорчаться? «Германія» фактически уже давно не существовало. Феодальная связь, соединявшая князей съ императоромъ, уже давно потеряла всякое значеніе. Императорская власть уже не оказывала никакого замѣтнаго вліянія на внутреннюю жизнь отдѣльныхъ государствъ, управляемыхъ суверенными князьями и созданнымъ ими чиновничествомъ. Она не смогла даже обезпечить Германіи безопасность отъ внѣшнихъ враговъ и создать армію, способную успѣшно защитить границы Имперіи. Самое большее, она являлась оплотомъ, довольно впрочемъ сомнительнымъ, для мелкихъ государствъ, неспособныхъ собственными силами отстоять свою самостоятельность. Она защищала ихъ отъ покушеній сосѣдей и ставила, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя преграды борьбѣ за существованіе, которая не могла не завязаться между германскими князьями. Словомъ, Имперія уже давно потеряла всякое органическое единство; ея центральный органъ замеръ. Германія распалась на рядъ независимыхъ государствъ, ревниво оберегавшихъ свой суверенитетъ, совершенно утратившихъ всякое чувство національной солидарности и проникнутыхъ самымъ грубымъ и циничнымъ партикуляристическимъ эгоизмомъ. Оффиціальное упраздненіе Имперіи въ 1806 году явилось лишь публичнымъ признаніемъ давно уже установившагося положенія вещей.

Война за независимость, положившая конецъ господству Наполеона въ Германіи ни номинально, ни фактически не возстановила Имперіи, реставраціи которой такъ страстно жаждали патріоты и романтики. Правда, «Союзный актъ» отъ 8-го іюня 1815 года, присоединенный

къ «Заключительному акту» Вѣнскаго конгресса, учреждалъ «Германскій союзъ». Тридцать восемь государей и вольныхъ городовъ Германіи объединились, чтобы обезпечить внѣшнюю и внутреннюю безопасность страны, а также независимость и неприкосновенность вступившихъ въ союзъ государствъ. Но никто не могъ сказать точно, что нужно было понимать подъ словомъ «Германія». Было ли это политическое, географическое или этническое цѣлое? Теоретикъ союзнаго права Клюберъ (Klüber) утверждалъ, что не существуетъ даже, въ собственномъ смыслѣ слова, союзной территоріи. Во всякомъ случаѣ, у союза не было ни императора, ни даже признаннаго всѣми вождя. Всѣ усилія дипломатіи сгруппировать мелкія государства вокругъ двухъ большихъ нѣмецкихъ державъ — Австріи и Пруссіи — не увѣнчались успѣхомъ. Князья сохранили въ неприкосновенности всю полноту своего суверенитета. Они, правда, обязались не воевать другъ съ другомъ и передавать свои споры на разсмотрѣніе сейма; они общались также въ случаѣ союзной войны не вести переговоровъ съ непріятелемъ безъ согласія другихъ союзныхъ государей. Но за-то они сохранили право заключать частные договоры съ государями, не входящими въ составъ союза. Германія безъ верховнаго государя, безъ парламента, безъ высшаго суда имѣла лишь одно центральное учрежденіе—сеймъ, который собирался подъ предсѣдательствомъ Австріи во Франкфуртѣ и пользовался, въ теоріи довольно широкими политическими правами, фактически же былъ осужденъ на полнѣйшее безсиліе. Являясь простымъ конгрессомъ посланниковъ, не имѣя ни собственного авторитета, ни связи съ націей, онъ былъ обреченъ на неподвижность, ибо всѣ сколько-нибудь важныя рѣшенія должны были приниматься большинствомъ двухъ третей голосовъ или даже единогласно, и съ другой стороны, онъ не располагалъ ни однимъ дѣйствительнымъ средствомъ,

чтобы обезпечить исполненіе своей воли или принудить къ повиновенію мятежнаго члена союза.

Германія, лишенная единства, лишена была и какихъ бы то ни было либеральныхъ учрежденій. Вся дѣйствительная власть была сосредоточена въ рукахъ князей и чиновниковъ, черезъ посредство которыхъ князья осуществляли свою власть. Что же касается до самого народа, то его держали въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ, и онъ долженъ былъ исполнять распоряженія начальства, не имѣя никакой легальной возможности заявить о своихъ желаніяхъ и добиваться ихъ осуществленія. «Патріоты», безуспѣшно старавшіеся во время переговоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ создать въ Германіи сильную и авторитетную центральную власть, пытались также организовать участіе народныхъ представителей въ управленіи страной. Баронъ Штейнъ предлагалъ учредить рядомъ съ центральною исполнительною властью рейхстагъ, который долженъ былъ получить довольно широкія законодательныя права и служить посредникомъ какъ между отдѣльными государствами союза, такъ и между государями и ихъ сеймами. Но всѣ мѣры, стремившіяся ограничить абсолютный суверенитетъ государей, были отклонены. Декларация правъ нѣмецкаго гражданина, которую Штейнъ хотѣлъ включить въ конституціонный актъ союза, свелась въ концѣ концовъ къ нѣсколькимъ весьма общимъ постановленіямъ о гражданскихъ правахъ, которыми долженъ былъ пользоваться подданный каждаго союзнаго государства въ другихъ государствахъ. Нѣмцамъ не дали никакихъ политическихъ правъ; 13-я статья заключала въ себѣ лишь обѣщаніе, «что въ союзныхъ государствахъ будутъ учреждены сеймы». Помимо этого совершенно неяснаго и неопредѣленнаго обѣщанія ничто не указывало, чтобы государи были расположены дать своимъ подданнымъ автономію болѣе широкую, чѣмъ прежде.

II. Австрія.

Если конституціонный актъ Германскаго союза обманулъ надежды патріотовъ, мечтавшихъ объ единой и свободной Германіи, то причина этого состоитъ въ томъ, что эти мечтанія были въ данный моментъ неосуществимы. Неудача объединительныхъ проектовъ въ 1815 году не можетъ быть отнесена на счетъ злой воли или неспособности лицъ, ведшихъ переговоры на Вѣнскомъ конгрессѣ. Она явилась естественнымъ результатомъ положенія вещей, противъ котораго пожеланія патріотовъ были безсильны. Въ самомъ дѣлѣ, Германія оставалась глубоко партикуляристическою. Государи не хотѣли единства, которое грозило подорвать ихъ суверенитетъ. И, такъ какъ Пруссія и Австрія уравновѣшивали другъ-друга, ни одна держава не была достаточно сильной, чтобы навязать свою гегемонію Германіи. Присмотримся поближе къ этому положенію.

Австрія была рѣшительно враждебна какъ національному, такъ и демократическому движенію. Императоръ Францъ-Іосифъ и его канцлеръ Меттернихъ видѣли въ стремленіи къ единству и свободѣ наслѣдіе французской революціи и оказывали ему самое упорное сопротивленіе. При поддержкѣ дворянства, видѣвшаго въ монархическомъ абсолютизмѣ вѣрнѣйшую гарантію соціального порядка, при помощи аристократической бюрократіи, лишь подготовлявшей и исполнявшей рѣшенія монарха, не проявляя при этомъ ни собственной воли, ни самостоятельной дѣятельности, императоръ обладалъ абсолютной властью, осуществляемою имъ при посредствѣ совѣтниковъ-фаворитовъ, которыми онъ себя окружилъ, и начальниковъ отдѣльныхъ административныхъ частей. Этой властью онъ пользовался для борьбы съ «революционнымъ» духомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Онъ самъ заявлялъ, что его Имперія представляетъ изъ себя старый домъ, который немедленно

обрушится при первой же попыткѣ починить его. Онъ сознавалъ, что Австрія владѣеть всѣмъ, чѣмъ она вообще можетъ владѣть, что всякое измѣненіе можетъ принести ей только ущербъ, что ея сила скорѣе кажущаяся, чѣмъ реальная. И онъ думалъ, что въ этихъ условіяхъ лучшимъ способомъ сохранить ее въ неприкосновенности является полная неподвижность. Онъ проводилъ съ неутомимой настойчивостью «политику неподвижности», общепризнаннымъ направителемъ которой во всей Европѣ былъ Меттернихъ.

Итакъ, австрійская политика всегда и всюду старается подавлять всякія попытки измѣнить положеніе вещей, созданное въ Европѣ Вѣнскимъ конгрессомъ, всегда и всюду направлена на то, чтобы поддержать status quo. Во Франціи она поддерживаетъ Бурбоновъ какъ противъ происковъ бонапартистовъ, такъ и противъ демократическаго движенія. Въ Италіи она старается увѣковѣчить австрійское преобладаніе и съ этой цѣлью поддерживаетъ состояніе раздробленности и рабства, лежащее тяжелымъ бременемъ на этой несчастной странѣ, поддерживаетъ даже такихъ презрѣнныхъ деспотовъ, какъ скандальныхъ, но «легитимныхъ» неаполитанскихъ королей. Въ Испаніи она борется съ успліями либераловъ возстановить конституціонный строй, уничтоженный путемъ насильственнаго государственнаго переворота. На Востокѣ она защищаетъ цѣлость Оттоманской имперіи, какъ отъ завоевательныхъ аппетитовъ Россіи, такъ и отъ возстанія грековъ.

Она относится съ величайшимъ недоверіемъ и къ объединительнымъ стремленіямъ въ Германіи. Австрійская имперія представляетъ изъ себя разнородный агрегатъ самыхъ различныхъ элементовъ: нѣмцевъ, грековъ, мадьяръ, кроатовъ, сербовъ, руссовъ, румынъ, итальянцевъ, которыхъ связываетъ лишь династическая лояльность. Поэтому, у австрійскаго императора не можетъ быть національной политики, онъ можетъ вести только династическую по-

литику. Онъ не чувствуетъ себя представителемъ какого-либо народа или расы; его единственная цѣль—безпрерывно увеличивать свои владѣнія во всѣхъ направленіяхъ: въ Германіи, Польшѣ, на равнинѣ Дуная, въ Италиі. Вслѣдствіе этого, онъ по необходимости враждебенъ росту національнаго чувства, которое въ его монархіи можетъ быть лишь источникомъ конфликтовъ и грозить привести къ распаденію Имперіи. Его не манитъ корона германскаго императора, которая при случаѣ могла бы стать для него тяжелымъ бременемъ. При этихъ условіяхъ онъ не желаетъ также образованія дѣйствительно крѣпкаго союза между нѣмецкими государствами. Онъ съ подозрѣніемъ относится къ Пруссіи; ея честолюбіе и патріотическій энтузіазмъ, такъ ярко проявившійся въ 1813-мъ году, возбуждаютъ его опасенія. Онъ предчувствуетъ, что эта полная жизни и чисто нѣмецкая держава неизбежно получатъ все большее вліяніе въ крѣпко организованномъ германскомъ союзѣ. Поэтому онъ не ищетъ чрезмѣрной близости съ этимъ безпокойнымъ соперникомъ и старается изолировать его въ Германіи, искусно эксплуатируя недовѣріе второстепенныхъ государствъ къ монархіи Гогенцеллерновъ. Съ другой стороны, онъ стремится заставить Пруссію плестись въ хвостѣ австрійской политики. Словомъ,—австрійская политика систематически направлена на усиленіе всѣхъ центробѣжныхъ тенденцій въ Германіи. На Вѣнскомъ конгрессѣ она стала на сторону партикулярнаго эгоизма князей, чтобы провалить объединительные проекты патріотовъ и государственныхъ людей Пруссіи. Послѣ заключенія мира она препятствуетъ всѣмъ попыткамъ крѣпче спаять союзъ, парализуетъ дѣятельность Франкфуртскаго сейма, всюду поощряетъ партикуляризмъ, всѣми силами противодѣйствуетъ стремленію Пруссіи сгруппировать вокругъ себя второстепенныя государства.

Относясь непріязненно къ проявленіямъ нѣмецкаго на-

ціональнаго чувства, австрійское правительство проявляет рѣшительную враждебность и ко всѣмъ либеральнымъ стремленіямъ. Оно даетъ статьѣ 13-й конституціоннаго акта такое толкованіе, которое лишаетъ ее всякаго значенія. Въмѣсто того, чтобы видѣть въ ней обѣщаніе конституціоннаго строя и народнаго представительства, оно думаетъ, что князья только въ томъ случаѣ будутъ дѣйствовать согласно съ требованіями этой статьи, если сохранять или возстановятъ въ своихъ владѣніяхъ сеймы стараго порядка. Въ этомъ духѣ оно толкуетъ статью 13-ю и въ австрійскихъ провинціяхъ, гдѣ она фактически остается мертвой буквой, и гдѣ старый абсолютизмъ продолжаетъ существовать въ полной неприкосновенности. Подавляя конституціонныя стремленія въ Австріи, она выступаетъ противъ нихъ и во всѣхъ другихъ странахъ. Дипломатія Меттерниха борется съ либеральными тенденціями въ Пруссіи, которымъ симпатизируютъ нѣкоторые совѣтники короля, и пользуется всѣми средствами, чтобы отговорить короля отъ дарованія подданнымъ обѣщанной конституціи. Такимъ образомъ, она немало способствуетъ тому, чтобы задержать установленіе конституціоннаго строя въ Пруссіи до самаго 1848 года. Она въ то же время поощряетъ конституціонныхъ государей южной Германіи въ ихъ попыткахъ къ государственнымъ переворотамъ. Она покровительствуетъ худшимъ деспотамъ Германіи, герцогу Гессенскому, курфюрсту Брауншвейгскому и Ганноверскому королю. Наконецъ, австрійское правительство становится духовнымъ гасителемъ всей Германіи. Оно душитъ малѣйшіе проблески независимой мысли въ Австріи, вводя тираническую и придирчивую цензуру, которая не допускаетъ ни малѣйшей критики дѣйствій правительства, наблюдаетъ за собраніями, подслушиваетъ разговоры, цензуруетъ съ непреклонной строгостью всѣ книги и жур-

налы и въ теченіе долгихъ лѣтъ парализуетъ всякое развитіе высшей культуры. Оно пытается распространить этотъ режимъ гнета и безмолвія на всю Германію и является вдохновителемъ всѣхъ суровыхъ мѣръ, направленныхъ противъ университетской молодежи и «демагоговъ», всѣхъ реакціонныхъ попытокъ зажать ротъ прессы и ограничить свободу мысли.

III. П р у с с і я.

Хотя Пруссія также проникнута партикуляризмомъ и также является абсолютной монархіей, она представляетъ во многихъ отношеніяхъ полную противоположность Австріи,

Въ противоположность Австріи, державѣ дряхлѣющей, реальная сила которой уже не соответствуетъ ея виѣшнему авторитету, Пруссія представляетъ изъ себя организованную и дисциплинированную силу перваго разряда, «волю къ власти» замѣчательной напряженности и исключительной жизнеспособности. Ея судьбами руководить династія монарховъ, глубоко проникнутыхъ сознаниемъ своего долга, заботящихся прежде всего о благѣ государства, живущихъ единственно для выполненія своей державной миссіи, для величія королевства. Аристократія, привязанная къ королю чувствомъ самой горячей преданности, образуетъ военную касту, въ которой воинскія доблести передаются по наслѣдству. Чиновничество, неподкупное и образованное, хотя нерѣдко грубое и педантичное, дисциплинированное и въ то же время способное къ собственной инициативѣ, глубоко, но не рабски предано королю и способно даже защищать противъ него то, что считаетъ интересами государства. Національная армія, хорошо обученная, полная вѣры и энтузіазма, доказала свои превосходныя качества во время войны за независимость.

Населеніе, трудолюбивое и бережливое, проникнутое духомъ дисциплины, искренно привязано къ своимъ государямъ и относится съ уваженіемъ къ существующему строю. Таковы главные элементы, составлявшіе силу Пруссіи. Въ противоположность разслабленной и чувственной Австріи, преданной удовольствіямъ и деморализованной гнетомъ деспотизма, въ противоположность мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ, гдѣ иногда пышно расцвѣтала высокая научная и художественная культура, но не было мѣста для мужскихъ добродѣтелей, превращающихъ челоуѣка въ полезнаго гражданина, крѣпкая и воинственная Пруссія являлась суровой и строгой школой дисциплины, отреченія, терпѣливой и упорной энергіи.

Прусская политика, явнымъ образомъ, опиралась на сильный національный эгоизмъ. Очень живучій и развитый прусскій партикуляризмъ вовсе не хотѣлъ приносить частные интересы королевства въ жертву обще-нѣмецкимъ или подчинить первые послѣднимъ. Однако, такъ какъ монархія Гогенцоллерновъ была чисто нѣмецкой державой, то ея интересы не расходились существенно съ интересами всей Германіи, и поэтому она, въ противоположность Австріи, представляла изъ себя удобную почву для развитія національнаго единства. Несомнѣнно, что въ своемъ самоотреченіи она не могла дойти до того, чтобы пожертвовать своимъ великодержавнымъ положеніемъ. Открытая соперница монархіи Габсбурговъ, она никогда не согласилась бы склониться передъ австрійской гегемоніей, никогда не допустила бы, чтобы ей диктовалъ законы союзъ, руководимый Австріей. Но, если - бы за ней признали законную долю вліянія въ союзѣ, она была готова поддержать учрежденіе сильной центральной власти и содѣйствовать тому, чтобы нѣмецкое единство не оставалось пустой фразой.

Патріоты-объединители во время войны за независимость возлагали большія надежды на Пруссію. Прусское

правительство, въ свою очередь, чувствовало извѣстную симпатію къ пангерманистскимъ стремленіямъ патріотовъ. Правда, въ эпоху Вѣнскаго конгресса оно вовсе не думало вести радикальной объединительной политики. Руководящіе государственные люди, какъ Гарденбергъ и Гумбольдтъ, думали, напротивъ, что раздробленіе Германіи на рядъ независимыхъ, взаимно уравновѣшивающихъ другъ-друга государствъ, вовсе не является зломъ и дѣлаеть Германію болѣе способной превратиться въ центральную націю Европы, покоящейся на принципѣ равновѣсія державъ. Но они допускали необходимость извѣстнаго единства и осуждали безстыдный партикуляризмъ государей. Во время дипломатическихъ переговоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, они склоняются на сторону объединительныхъ проектовъ барона Штейна. Они открыто заявляютъ, что «король считаетъ своимъ монаршимъ долгомъ ввести своихъ подданныхъ въ союзъ, при помощи котораго они смогутъ образовать вмѣстѣ съ другими нѣмцами единую націю». Они дѣлають все возможное, чтобы усилить власть новаго союза и выработать конституцію, дѣйствительно способную обуздать сепаратистскія стремленія и постыдный эгоизмъ мелкихъ деспотовъ. И, если ихъ усилія терпятъ крушеніе благодаря открытому сопротивленію князей и замаскированной оппозиціи Австріи, все-же ихъ поведеніе показываетъ, что Пруссія понимаетъ объединительныя стремленія нѣмецкихъ патріотовъ и искренно желаетъ содѣйствовать ихъ побѣдѣ въ будущемъ.

Она сочувствуетъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной степени, и либеральнымъ стремленіямъ, которыя пробиваютъ себѣ дорогу въ это время.

Извѣстна выработанная нѣмецкими учеными общая концепція развитія ихъ страны къ политической свободѣ. Нѣмцы, со временъ еще Тацита народъ по преимуществу военный, во всѣ моменты своей исторіи чувствовали по-

требность въ вождѣ, въ королѣ. Но эта монархія, по ихъ представлѣнiю, не является деспотизмомъ. Ей повируются и ее уважаютъ, какъ уважаютъ авторитетъ вождя во время войны; но она не произвольна. Она должна быть явно или молчаливо поддержана и одобрена вооруженнымъ народомъ. Нѣмецъ, такимъ образомъ, инстинктивно стремится примирить принципъ авторитета съ принципомъ свободной инициативы индивидуума. Онъ относится съ большимъ уваженiемъ къ традиционной іерархiи и проникнуть воплѣ искреннимъ монархическимъ лоялизмомъ. Въ самый разгаръ XIX вѣка онъ сохраняетъ традиционную преданность къ знати. Онъ остается вѣрнымъ прошлому, нисколько не стремится порвать съ существующимъ порядкомъ вещей и традиціями, въ которыхъ онъ видитъ гарантію государственной безопасности и правильного развитiя культуры. Но онъ хочетъ также сохранить и свою индивидуальную свободу. Онъ хочетъ, чтобы каждая личность въ предѣлахъ отведенной ей сферы имѣла право и обязанность свободно развивать свою самостоятельную дѣятельность. Такимъ образомъ, онъ стремится примирить повиновенiе съ независимостью, дисциплину съ свободной инициативой. Онъ не требуетъ равенства для всѣхъ, потому что онъ хорошо понимаетъ, что сфера самостоятельности имѣетъ неодинаковыя границы для всѣхъ гражданъ. Но въ то же время онъ не допускаетъ и деспотизма; ибо всякому индивидууму должна быть предоставлена возможность свободно проявить себя въ отмежеванной имъ области, и общественное мнѣнiе не терпитъ вмѣшательства власти въ эту область.

Такимъ образомъ, въ политической сферѣ онъ не склоняется къ республиканской формѣ правленiя, которая устраняетъ личность короля и обезглавливаетъ національную армію, лишая ее верховнаго вождя. Онъ не стремится также и къ парламентаризму, къ господству хартіи и закона,

при которомъ реальная власть принадлежитъ народнымъ представителямъ, а королевская власть, если и не уничтожена, то безвозвратно принижена. Его симпатіи склоняются къ конституціонной монархіи, гдѣ власть вытекаетъ изъ соглашенія между волей короля и волей народа.

Такимъ образомъ, эволюція старой абсолютной монархіи въ конституціонную монархію произошла въ Пруссіи «органически», параллельно развитію политическаго воспитанія народа. По мѣрѣ того, какъ у индивидуумовъ и общественныхъ группъ пробуждалась потребность въ автономіи и способность къ самодѣятельности, они призывались къ все болѣе активному участию въ народной жизни. Послѣ пораженія при Іенѣ, прусскіе государственные дѣятели поняли глубокія причины пережитаго націей разгрома. Они поняли, что старая Пруссія была разгромлена потому, что просвѣщенный абсолютизмъ XVIII вѣка подавилъ всякую самодѣятельность, потому что крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ, горожанинъ, привязанный къ своей профессіи и своему городу, дворянинъ, заботящійся исключительно о своихъ сословныхъ интересахъ, утратили всякое понятіе о національной солидарности и всякій интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Они поняли необходимость постепенно освободить націю изъ-подъ власти бюрократіи, которая по словамъ Гумбольдта, превращала человѣка въ машину, подавляла у подданныхъ всякую способность къ самодѣятельности и приводила націю къ физическому и духовному вырожденію. Они сознали, что необходимымъ условіемъ національнаго подъема является социальное обновленіе, что на мѣсто старой Пруссіи, побѣжденной при Іенѣ, должна стать новая Пруссія, опирающаяся подобно революціонной Франціи на свободную и сознательную волю гражданъ, что Пруссія для того, чтобы снова занять свое мѣсто среди европейскихъ націй, неизбѣжно должна совершить,—безъ насилій, безъ кровопролитія, безъ гру-

баго разрыва съ прошлымъ, — ту эволюцію, которую Франція продѣлала въ теченіе революціонной эпохи.

Началомъ этого великаго дѣла соціального воспитанія являются реформы Штейна и Гарденберга. Освобождая крестьянство отъ крѣпостнаго права, подготавливая образованіе класса свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, отмѣняя цехи, устанавливая полную промышленную свободу, прусскіе министры освобождаютъ націю изъ-подъ опеки, въ которой она до тѣхъ поръ находилась. Приглашая народъ къ свободному труду, Штейнъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается привить ему привычку къ самоуправленію. Онъ думаетъ, что народъ достаточно созрѣлъ для того, чтобы можно было передать въ его руки коммунальное и окружное управленіе. Съ этой цѣлью онъ даруетъ городамъ широкую муниципальную автономію и старается освободить сельскія общины изъ-подъ исключительнаго господства аристократіи. Онъ пытается организовать сотрудничество народа и правительства на всѣхъ ступеняхъ управленія. Въ округѣ, въ провинціи, въ королевствѣ, рядомъ съ представителями правительства должны, по его мысли, дѣйствовать и выборные люди, которые могли бы свободно выражать пожеланія народа и обсуждать мѣстныя, провинціальныя и національныя нужды.

Можно спорить о реальномъ значеніи реформъ Штейна, можно задать себѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ ему удалось дѣйствительно освободить націю, положить конецъ всемогуществу аристократіи и придирчивой бюрократической опеки. Можно оспаривать дѣйствительность той системы самоуправления, которую онъ пытался ввести въ Пруссіи, и утверждать, что она оказалась не въ силахъ разбить аристократическую олигархію, которая держала въ состояніи фактическаго рабства большую часть народа. Но несомнѣнно, что этотъ великій министр, бывшій одновременно и феодаломъ и демократомъ, проникнутый глубо-

кимъ уваженіемъ къ королевской власти и традиціонной іерархіи, враждебный къ конституціонному режиму и административному централизму революціонной и императорской Франціи, но убѣжденный въ необходимости замѣнить просвѣщенный абсолютизмъ и феодальную тиранию системой все болѣе и болѣе широкаго національнаго самоуправленія, является типическимъ представителемъ того консервативнаго, но не реакціоннаго духа, который вдохновлялъ въ теченіе XIX вѣка столь многихъ государственныхъ людей Пруссіи. Нѣмецкое общественное мнѣніе должно быть благодарно Штейну и Гарденбергу за то, что они начали дѣло ликвидаціи феодальнаго прошлаго и заложили основы новаго общества, покоящагося на широкомъ коммунальномъ и муниципальномъ самоуправленіи, управляемаго твердой монархической властью и защищеннаго отъ всякаго внѣшняго врага національной арміей, набирающей на основаніи всеобщей воинской повинности.

* * *

Такимъ образомъ, Германія въ началѣ XIX вѣка, остается глубоко раздробленной. Съ одной стороны, Австрія старается поддержать свою традиціонную гегемонію и вовлечь нѣмецкихъ князей въ кругъ своей политики. Съ другой стороны, Пруссія, пока еще не пытаясь вытѣснить Австрію, стремится, насколько возможно, увеличить сферу своего вліянія. Между этими двумя большими соперницами лавируютъ, какъ только могутъ, нѣмецкіе князья, чтобы сохранить свою независимость. Ихъ суверенитетъ большей частью совершенно иллюзоренъ, потому что онъ не опирается на реальную силу и неспособенъ заставить уважать себя извнѣ. Тѣмъ не менѣе власть, которую они имѣютъ надъ своими подданными, почти неограничена. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются ею мудро, на благо странъ. Нѣко-

торыя обнаруживаютъ даже извѣстную склонность даровать своимъ подданнымъ болѣе или менѣе либеральный строй и конституціонныя учрежденія. Напротивъ, другіе представляютъ изъ себя высокомерныхъ и ненавистныхъ деспотовъ, злыхъ тиранновъ, которые позорнѣйшимъ образомъ эксплуатируютъ своихъ подданныхъ и разоряютъ страну, возлагая на нее непосильное податное бремя, смѣшныя фигуры, которыя упиваются своимъ кажущимся величіемъ и предъявляютъ притязанія, совершенно несоотвѣтствующія ихъ реальной власти.

Впрочемъ, всѣ они сходятся въ томъ, что они ведутъ строго партикулярнистическую политику. Дѣйствительно, они хорошо понимаютъ, что нѣмецкое единство возможно только за ихъ счетъ, что учрежденіе сильной центральной власти въ Германіи неизбежно нанесетъ ударъ ихъ слабому суверенитету. Поэтому, они всѣми силами противятся объединительному движенію. Они инстинктивно недоувѣряютъ Пруссіи; они опасаются ея силы и угадываютъ ея честолюбивые замыслы. Они стараются взаимно нейтрализовать обѣ великихъ державы, которыя оспариваютъ другъ у друга гегемонію въ Германіи, и помѣшать всякому нововведенію, которое могло бы нанести ударъ ихъ драгоцѣнной независимости.

Какъ могла развиваться при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ національная организація Германіи, едва намѣченная дипломатами Вѣнскаго конгресса?

ГЛАВА II.

Идеалистическое стремление въ единству и свободѣ.

I. Возникновеніе либерализма.

Въ теченіе первой половины XIX вѣка борьба за единство Германіи сливается съ борьбой за политическую свободу и носить въ высшей степени идеалистическій характеръ. Партіи, которыя въ это время складываются въ Германіи, борются не столько за власть или осуществленіе опредѣленныхъ практическихъ реформъ, сколько за торжество извѣстнаго моральнаго ученія, извѣстной политической религіи. Апостолы свободы и единства кажутся намъ скорѣе идеологами, формулирующими передъ дряхлѣющими силами монархическаго абсолютизма и феодальной или клерикальной реакціи основныя требованія новѣйшаго субъективизма: право народа на самоуправленіе, его желаніе участвовать въ рѣшеніи политическихъ дѣлъ. Это не столько люди партіи, выставяющіе опредѣленную программу и стремящіеся къ практическимъ реформамъ, сколько люди мысли, утверждающіе извѣстный идеалъ и рассчитывающіе для торжества своего дѣла на ту непреодолимую силу убѣжденія, которую оказываетъ на умы разъ провозглашенная и признанная истина. Они мечтаютъ создать свободу и единство Германіи, опираясь на всемогущество идеи.

Объединительныя стремленія появляются въ Германіи

въ началѣ XIX вѣка, вскорѣ послѣ іенскаго разгрома, прежде всего среди нѣмецкой интеллигенціи и тѣсно связаны съ литературными и философскими воззрѣніями.

Типичнымъ представителемъ этихъ объединителей ранней эпохи является Фихте. Нѣмецкое отечество, по его мнѣнію, состоитъ изъ совокупности людей, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ и принимающихъ участіе въ философской, литературной и религіозной культурѣ, развившейся среди народовъ германскаго языка. Надъ этимъ лингвистическимъ и литературнымъ критеріемъ возвышается другой критерій, метафизическій и моральный. Нѣмцы являются «первобытнымъ народомъ», который вѣритъ въ свободу, въ безконечное совершенствованіе, въ вѣчный прогрессъ человѣческой расы, въ противоположность «иностраннымъ народамъ», которые вѣрятъ въ всеобщій детерминизмъ и, дѣйствительно, подчинены ему, которые считаютъ свободу иллюзіей и всюду видятъ неумолимую неизбѣжность, всегда равную самой себѣ. Нѣмецкое единство въ глазахъ Фихте является въ сущности единствомъ моральнымъ. Политическое объединеніе кажется ему бесполезнымъ. Онъ видитъ въ раздѣленіи Германіи на рядъ независимыхъ государствъ гарантію свободы и считаетъ большимъ несчастіемъ поглощеніе всѣхъ государствъ однимъ изъ нихъ или образованіе единой нѣмецкой монархіи. Нѣмецкое единство, по его мнѣнію, можетъ развиваться лишь изъ свободы. Только тогда, когда свобода будетъ постепенно достигнута внутри отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, сможетъ самопроизвольно возникнуть Германская республика, безъ наслѣдственнаго государя и царствующаго дома; она явится живымъ воплощеніемъ раціональнаго государства, какимъ представляетъ его себѣ Фихте, и образуетъ въ центрѣ Европы грозную и мирную державу, способную не только заставить сосѣдей относиться къ ней съ уваженіемъ, но и предписать миръ другимъ націямъ.

Мы видимъ, какъ утопичны, какъ далеки отъ кон-

кретной исторической дѣйствительности политическія убѣжденія автора «Рѣчей къ нѣмецкому народу». Его энтузіазмъ, его увлеченіе великимъ нѣмецкимъ отечествомъ и святой свободой раздѣляютъ самые разнообразныя умы. Одни изъ нихъ—люди дѣла, какъ Блюхеръ и Гнейзенау, Штейнъ и Шарнторстъ, и борятся прежде всего за освобожденіе Германіи изъ-подъ французскаго ига, но въ то же время вмѣстѣ съ Гнейзенау видятъ въ «трѣйпомъ превосходствѣ оружія, конституціи и науки» лучшую защиту страны. Другіе—романтики, въ родѣ Гёрреса; они соединяютъ въ своихъ мысляхъ видѣнія будущаго съ воспоминаніями изъ германской старины, призываютъ къ образованію новой Германіи, долженствующей явиться реставраціей славной имперіи Оттоновъ, рекомендуютъ въ «Рейнскомъ Меркуріи» всеобщую воинскую повинность и отмѣну внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, воскрешаютъ «монархію» Данте и хотятъ исправить учрежденія ХІХ вѣка при помощи институтовъ ХІІІ столѣтія.

Затѣмъ идутъ диллетанты въ политикѣ, многочисленные публицисты, которые разсуждаютъ о реставраціи Священной Римской имперіи, стараются найти практическое средство примирить притязанія Пруссіи и Австріи, или, подобно профессору Липсу, предлагаютъ замѣщать императорскій престолъ поочередно нѣмецкими государями каждыя пять лѣтъ. Сторонники единства и либералы, явно, не образуютъ еще партіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Просвѣщенная буржуазія этой эпохи благодаря недостатку въ политическомъ опытѣ не видѣла затрудненій въ томъ, чтобы примирить свои старыя партикуляристическія привычки съ неопредѣленными мечтаніями о реставраціи имперіи и политической эмансипаціи. Въ журналахъ или брошюрахъ предлагались все новыя и новыя фантастическія планы, причѣмъ совѣтчики нисколько не задумывались надъ тѣмъ, какъ трудно осуществить на практикѣ идеаль единой и

свободной Германіи, который такъ легко составляли въ абстракціи.

Послѣ 1815 года, въ первые годы существованія Германскаго союза, объединительныя и демократическія тенденціи становятся болѣе опредѣленными и настойчивыми. Стремленія «патріотовъ» распространяются все шире и шире среди университетской молодежи, объединившейся въ «*Algemeine deutsche Burschenschaft*», среди буржуазіи и рабочаго класса западной и южной Германіи, среди всей нѣмецкой интеллигенціи. Реорганизация Германіи на Вѣнскомъ конгрессѣ вызвала во всемъ населеніи чувство глубокаго разочарованія, и общественное мнѣніе возлагало, естественно, на правителей отвѣтственность за банкротство надеждъ, возбужденныхъ войной за независимость. Съ этого времени либералы мало-по-малу привыкають противопоставлять народъ правительствамъ, превозносить первый и осуждать послѣднія. Народъ взялся за оружіе, чтобы освободить Германію, попряную чужеземной тиранией. Наполеоновскія арміи были разбиты всѣмъ вооруженнымъ народомъ,—строевыми войсками, народнымъ ополченіемъ и особенно—отрядами добровольцевъ, которые поднялись, какъ одинъ человѣкъ, чтобы освободить порабощенную родину. Но послѣ того какъ была одержана побѣда, дворы и кабинеты не позволили націи пожать плоды своихъ усилій. Дипломаты не сумѣли довести до конца дѣло освобожденія. Они оставили въ рукахъ Франціи Эльзасъ, отторгнутый нѣкогда у Имперіи и необходимый для безопасности Германіи. Они не смогли организовать матеріальнаго и моральнаго единства, котораго требовала нація. Государя изъ эгоистическихъ побужденій помѣшали образованію могущественнаго нѣмецкаго союза. И тѣ, и другіе доказали, такимъ образомъ, свою неспособность и злую волю.

Либералы не давали себѣ отчета въ томъ, что ихъ

разсужденія покоились въ конечномъ счетѣ на иллюзіи.

Они не замѣчали, прежде всего, что, приписывая народу заслуги побѣды 1813 года, они являлись жертвами романтическаго миража. Война за независимость вовсе не носила характера народнаго и стихійнаго возстанія. Она, напротивъ, въ теченіе долгаго времени старательно подготавлилась великолѣпными организаторами; побѣды были одержаны не отрядами добровольцевъ, роль которыхъ все время оставалась крайне незначительной, а регулярными войсками, созданными и обученными Шарнгорстомъ и его сотрудниками. Было бы ошибочно и несправедливо, какъ замѣчаетъ Трейчке, прославлять исключительно подвиги народа и относиться съ презрѣніемъ къ непосредственнымъ дѣятелямъ освобожденія — генераламъ, дипломатамъ, государственнымъ людямъ, администраторамъ, дворянамъ, которые подготовили войну и руководили ею. Ошибочно было бы также возлагать отвѣтственность за неудачу объединительныхъ стремленій на одни только правительства. Духъ партигуляризма, мѣстный эгоизмъ, сосѣдскія антипатіи вовсе не являлись изобрѣтеніемъ кабинетовъ. Неправильно было бы утверждать, чтобы въ это время дѣйствительно существовалъ конфликтъ между національной волей, требовавшей единства, и волей государей, которые эгоистически отвергали единство, чтобы сохранить свой суверенитетъ. Въ дѣйствительности сама душа нѣмецкаго народа раскалывалась между стремленіемъ къ единству и партикуляристическими шривычками. Національный парламентъ, по всей вѣроятности, оказался бы въ той же мѣрѣ неспособнымъ осуществить нѣмецкое единство, какъ и конгрессъ дипломатовъ.

Но общественное мнѣніе судило иначе. Оно считало болѣе удобнымъ обвинять въ неудачѣ своихъ ожиданій одни лишь правительства вмѣсто того, чтобы принять часть отвѣтственности и на себя.

Такъ возникаетъ тянувшійся долгіе годы антагонизмъ между сторонниками либерализма и единства и правительствами. Либералы все болѣе и болѣе склоняются видѣть въ государяхъ эгоистическихъ, неспособныхъ и злонамѣренныхъ деспотовъ. Они съ истеричнѣемъ ждутъ момента, когда, по выраженію Дальмана, «загорится свѣтъ добрыхъ конституцій, и потускнѣють смрадные лампы кабинетовъ». Они открыто выражаютъ свое недовольство и свои демократическія убѣжденія въ шумныхъ и безплодныхъ манифестаціяхъ, какъ Вартбургскія и Гамбахскія торжества. Въ свою очередь правительства, въ вѣчномъ страхѣ передъ призракомъ революціи, путаются безъ серьезныхъ основаній, принимаютъ безобидныхъ идеалистовъ за опасныхъ революціонеровъ и хотятъ остановить демократическое движеніе, которое увлекаетъ за собой все новое время. Они думаютъ спасти общественный порядокъ, затыкая ротъ прессѣ, надѣвая шамордникъ на университеты, преслѣдуя студентовъ и интеллигенцію, гоняясь за демагогами.

Борьба между либерализмомъ и абсолютизмомъ представляетъ изъ себя въ Пруссіи иную картину, чѣмъ въ государствахъ Южной Германіи.

Пруссія осталась, въ сущности, абсолютной монархіей. Ея короли, — Фридрихъ-Вильгельмъ III и Фридрихъ-Вильгельмъ IV, — имѣютъ чрезвычайно высокое представленіе о своихъ суверенныхъ правахъ и твердо намѣрены не уступать ни одной пяди изъ нихъ. Наиболѣе законченнымъ типомъ монарха «Божіею милостью» является Фридрихъ - Вильгельмъ IV. Онъ дѣйствительно видитъ въ себѣ посредника, чрезъ котораго Богъ объявляетъ народу свою волю. Онъ чтитъ въ своемъ лицѣ помазанника Божія и счелъ бы всякое обращеніе къ мудрости своихъ совѣтниковъ или даже къ голосу народа при рѣшеніи великихъ государственныхъ задачъ тяжкимъ нарушеніемъ своего основного долга. Подобное отреченіе было бы съ его стороны измѣ-

ной народу; этимъ онъ лишилъ бы его Божьей помощи, въ которой онъ такъ нуждается. Король не только въ правѣ, но и обязанъ самодержавно осуществлять ввѣренную ему власть.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, поэтому, относится свысока къ своимъ совѣтникамъ и министрамъ. Онъ видитъ въ нихъ подчиненныхъ, которые не могутъ имѣть собственной воли или преслѣдовать личныхъ плановъ и существуютъ лишь для выполнения его королевской воли. Онъ считаетъ ихъ простыми слугами, которыми онъ пользуется до тѣхъ поръ, пока ему это угодно, и которыхъ онъ увольняетъ безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, лишь только перестаетъ нуждаться въ ихъ службѣ, потому что они являются лишь человѣческими и случайными орудіями одной и той же, единой и вѣчной божественной воли монарха.

Народъ во всѣхъ своихъ слояхъ глубоко проникнутъ этой монархической идеей. Ее мы наблюдаемъ у принцевъ крови: такъ, принцъ Вильгельмъ весьма открыто высказываетъ свои мнѣнія даже тогда, когда расходится съ взглядами императора, но склоняется безъ ропота, какъ только монархъ объявитъ свою волю. Она существуетъ у министровъ и чиновниковъ, которые сознаютъ себя органами королевской воли, вполне откровенно высказываютъ свои сужденія, нисколько не опасаясь не угодить этимъ королю, но въ то же время чувствуютъ себя обязанными служить своему господину при всѣхъ обстоятельствахъ, даже тогда, когда онъ рѣшаетъ вопреки ихъ мнѣнію, даже, когда онъ заставляетъ ихъ дѣлать то, чего они не одобряютъ. Они не признаютъ за собой права покидать королевскую службу безъ разрѣшенія короля и не пытаются даже оказать давленія на его рѣшеніе угрозой оставки, потому что лоялизмъ требуетъ, чтобы они, даже потерпѣвъ поражение, оставались на своемъ посту, если того потребуетъ

король. Подобно министрамъ дворянство сохраняетъ въ неприкосновенности свой монархическій лоялизмъ, свою вѣрность дому Гогенцоллерновъ и преданно служитъ монархіи мечемъ и совѣтомъ. Привязанность къ династіи по-прежнему жива и среди народа: онъ исполняетъ свои обязанности передъ государствомъ не изъ своекорыстнаго эгоизма, не изъ отвлеченнаго уваженія къ авторитету, а вслѣдствіе глубокаго инстинкта, который заставляетъ его видѣть въ королѣ воплощеніе національной воли.

При этихъ условіяхъ никто, очевидно, не думалъ вводить въ Пруссіи парламентарную систему въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ. Пруссійскій король былъ твердо намѣренъ сохранить свою власть во всей полнотѣ, не передавая ни малѣйшей доли ея въ руки парламента. Въ свою очередь, патріоты отнюдь не стремились ослабить королевскую власть. Когда Штейнъ предлагалъ учредить рядомъ съ центральнымъ правительствомъ ландтагъ, онъ вовсе не думалъ о созданіи новой власти, соперничающей съ королевской. Онъ хотѣлъ лишь, чтобы нація участвовала въ свободныхъ рѣшеніяхъ центральной власти. Король долженъ былъ остаться по отношенію къ ландтагу такимъ же абсолютнымъ государемъ, какимъ онъ былъ по отношенію къ министрамъ. Сохраняя всю полноту своего суверенитета, онъ по-прежнему долженъ былъ рѣшать въ послѣдней инстанціи всѣ важнѣйшіе вопросы: онъ лишь выслушивалъ мнѣнія ландтага, свободный согласиться съ этими мнѣніями или отвергнуть ихъ. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, дарованіе конституціи и представительныхъ учреждений не казалось королю и его совѣтникамъ революціонной мѣрой. Дѣло шло вовсе не объ ограниченіи авторитета короля и не о созданіи рядомъ съ королевскою властью соперничающей власти выборнаго собранія. Дѣло шло даже не о созданіи чего-либо совершенно новаго. Будущее долж-

но было родиться изъ прошлаго. Провинціальныя ландтаги, созваніе которыхъ предполагалось прусскимъ правительствомъ, должны были быть продолженіемъ старыхъ провинціальныхъ собраній, побѣжденныхъ и обезсиленныхъ нѣкогда королевскою властью. Всеобщій прусскій ландтагъ, въ свою очередь долженъ былъ выйти изъ этихъ провинціальныхъ ландтаговъ. Депутаты должны были явиться не «народными избранниками», а представителями своихъ «сословій», своихъ «курій», дворянства, земельныхъ собственниковъ, горожанъ и крестьянъ.

Но, если проектируемый ландтагъ былъ совершенно не похожъ на парламентъ англійскаго или французскаго типа, дарованіе конституціи и созваніе этого ландтага все-же являлись уступкой общественному мнѣнію и политическимъ стремленіямъ образованной буржуазіи. Впрочемъ, король и часть его совѣтниковъ искренне желали дать народу возможность участвовать въ обсужденіи общихъ интересовъ націи. Они чувствовали, что народъ становится совершенно инымъ, и что нельзя вѣчно держать его подъ опекой. Это чувство совершенно отчетливо и сознательно у такихъ государственныхъ людей, какъ Гарденбергъ, Гумбольдтъ, или Шёнъ. Король не осуждаетъ ихъ за это. Онъ не является противникомъ созыва ландтага. Но осуществленіе этого проекта наталкивается на большія затрудненія. Очень трудно было уже учредить провинціальныя ландтаги, которые должны были служить основой для будущаго общаго ландтага. Еще труднѣе было организовать этотъ ландтагъ такъ, чтобы онъ не былъ прусскимъ парламентомъ, конкурирующимъ съ королевскою властью, а оставался простымъ совѣщательнымъ собраніемъ, рѣшенія котораго не были бы обязательны для короля, и которое послѣдній не долженъ былъ бы регулярно созывать.

Отсюда—замедленіе въ организаціи представительныхъ

учрежденій, энервирующее и раздражающее общественное мнѣніе. 22-го мая 1815 года прусскій король торжественно обѣщалъ дать королевству писанную конституцію и созвать національный ландтагъ. Однако, прошло болѣе 20-ти лѣтъ, прежде чѣмъ это обѣщаніе было выполнено. Собравъ и распустивъ послѣдовательно четыре коммисіи, на которыя была возложена выработка проекта конституціи, Фридрихъ-Вильгельмъ III отказался отъ мысли организовать національное представительство и ограничился учрежденіемъ провинціальныхъ ландтаговъ въ каждой изъ восьми провинцій королевства. При его преемникѣ дѣла пошли не быстрѣе. Въ теченіе долгихъ лѣтъ опять тянутся подготовительныя работы, но безъ всякаго результата. Когда же король внезапно рѣшился въ февралѣ 1847 года обнародовать патентъ, которымъ онъ соединилъ провинціальные ландтаги въ Соединенный ландтагъ (Vereinigter Landtag), было уже поздно. Либеральное общественное мнѣніе уже не могло удовлетвориться собраніемъ, которое за исключеніемъ финансовыхъ вопросовъ являлось законосовѣщательнымъ, всѣ дѣла, кромѣ финансовыхъ, обсуждало, раздѣлившись на двѣ куріи, и не было даже увѣрено въ періодическомъ созывѣ.

Въ этотъ долгій періодъ напрасныхъ ожиданій, особенно до 1840 года, прусскіе либералы проявляли необычайное терпѣніе. Династическій лоялизмъ и вполне понятное благоразуміе (у прусскихъ властей была тяжелая рука) заставляютъ ихъ избѣгать шумныхъ протестовъ и тщательно воздерживаться отъ всякаго шага, который походилъ бы на давленіе на монарха. Открытой борьбы между абсолютизмомъ и демократической партіей еще нѣтъ. Королевская власть нигдѣ не встрѣчаетъ организованной оппозиціи. Увеличивается лишь особенно послѣ 1840 года число симптомовъ, указывающихъ на то, что культурная промышленная буржуазія все болѣе хочетъ сказать свое

слово и принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

На югѣ Германіи положеніе совершенно иное.

Тамъ государства средней величины — Баварія, Вюртембергъ, великое герцогство Баденское—уже давно ввели у себя конституціонный режимъ. Самые разнообразные мотивы содѣйствовали тому, чтобы склонить южно-германскія правительства къ введенію представительныхъ учрежденій. Во-первыхъ, территории названныхъ выше государствъ настолько разрослись во время наполеоновской эпохи, что національные ландтаги должны были показаться правительствамъ удобнымъ средствомъ для установленія связи и солидарности между старыми и вновь присоединенными землями. Далѣе, эти три государства, уже въ силу своего внезапнаго расширенія, а также и благодаря французскому вліянію, оказавшему на нихъ болѣе глубокое дѣйствіе, чѣмъ на другія области Германіи, выпущены были сразу порвать со своимъ феодальнымъ прошлымъ. Великій герцогъ баденскій Карлъ-Фридрихъ и его преемникъ Карлъ, министръ Монттеласъ въ Баваріи, король Фридрихъ I въ Вюртембергѣ отмѣнили не безъ крутыхъ мѣръ большую часть привилегій дворянства и духовенства и старались провести въ жизнь принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ и одинаковую для всѣхъ обязанность участвовать въ несеніи государственныхъ тягостей. Проводя эти социальныя преобразованія, они чувствовали необходимость опереться на общественное мнѣніе. Наконецъ, въ ландтагахъ и конституціонномъ режимѣ монархи видѣли стимулъ, способный поддержать партикуляристическія чувства, средство отвлечь общественное мнѣніе отъ опасной химеры германскаго единства, возможную опору противъ объединительныхъ намѣреній Нѣмецкаго Союза. При этихъ условіяхъ монархи, когда въ 1815 году Союзъ пригрозилъ принудительнымъ путемъ ввести въ нихъ владѣніяхъ конституцію и народное представительство, поспѣшили взять

дѣло въ свои руки и свободно обѣщали подданнымъ либеральныя учрежденія.

Такимъ образомъ, конституціонный режимъ на югѣ Германіи былъ введенъ гораздо раньше, чѣмъ въ Пруссіи. Съ этого времени Пруссія стала въ глазахъ либераловъ очагомъ реакціи, отсталой страной, родиной юнкерства и фельдфебельской палки.

Нѣмецкіе историки обычно не придаютъ большого значенія южно-нѣмецкимъ государствамъ, которыя ставятъ себѣ въ заслугу то, что дали Германіи примѣръ либерализма. Они думаютъ, что ихъ политическое развитіе было «неорганическимъ». Ихъ конституціи, въ противоположность прусской, не являются естественнымъ и необходимымъ продуктомъ національной эволюціи. Дѣйствительно, всѣ среднія государства южной Германіи, испытали въ наполеоновскую эпоху и позднѣе, именно въ 1830 г., французское вліяніе. Одни изъ нихъ, какъ, на примѣръ, Баварія, просто и безъ всякихъ измѣненій скопировали французскую конституцію и администрацію. На остальныхъ, т. е. почти на всѣхъ, имѣвшихъ конституцію и представительный строй до 1848 года, это вліяніе сказалось не столь непосредственнымъ, но все-же очень замѣтнымъ образомъ. Для всѣхъ нихъ характерно, что они управляются на основаніи не самобытныхъ, а заимствованныхъ извнѣ конституцій.

Въ государствахъ «органической формации», какъ, на примѣръ, въ Англіи, основой и гарантіей общественной безопасности является правильное функционированіе основныхъ національныхъ учреждений: сельскаго, городского и провинціального управленія. Разграниченіе между правами государя и правами подданныхъ, раздѣленіе между функціями центральнаго правительства и функціями мѣстнаго самоуправленія устанавливаются практикой, путемъ многолѣтняго опыта.

Напротивъ, въ «неорганическихъ» государствахъ эти отношенія вмѣсто того, чтобы опредѣляться гибкимъ и живымъ обычаемъ, закономъ неписаннымъ, превращаются въ правовой договоръ, въ сводъ юридическихъ обязанностей монарха по отношенію къ своему государству. Свободная и верховная воля государя вынуждена преклониться передъ требованіями строгой нормы, повелительнаго закона. Между повелителемъ и его народомъ становится, по извѣстному выраженію Фридриха-Вильгельма IV, листъ бумаги. Режимъ взаимнаго довѣрія между государемъ и его подданными исчезаетъ и уступаетъ мѣсто бесплодному и изсушающему юридическому формализму.

Государства южной Германіи принадлежать къ «неорганическимъ» государствамъ именно этого типа. Буржуазія, образующая здѣсь либеральную или радикальную партію, не является живой и дѣятельной группой, одаренной организаторскою властью, при помощи которой она могла бы обезпечить себѣ преобладаніе. Она видитъ спасеніе въ абстрактной теоріи конституціоннаго государства, въ кодексѣ политическихъ формулъ, которыя заимствованы за границей и не соответствуютъ фактическому положенію вещей. Ея вожди—узкіе доктринеры конституціонной догмы, лишенные опыта и широты кругозора. Не будучи въ состояніи выработать практической программы, которая могла бы послужить основой общественной жизни той Великой Германіи, которую они мечтаютъ создать, они изготовляютъ *in abstracto* прекрасные планы будущаго, практически неосуществимые, и проявляютъ полную неспособность провести возможные реформы въ настоящее время. Эти идеологи, разрабатывающіе абстрактныя концепціи, эти теоретики, погрязшіе въ бесплодномъ юридическомъ формализмѣ, совершаютъ грубѣйшія ошибки въ оцѣнкѣ силъ, оказывающихъ вліяніе на политическое развитіе Германіи. Они остаются космополитами даже послѣ 1830 года, между

тѣмъ какъ страна все болѣе и болѣе эволюционируетъ въ сторону націонализма. Они относятся враждебно къ постоянной арміи, въ которой видятъ опору деспотизма и школу сервилитета, въ то время какъ Пруссія строитъ свое величіе какъ-разъ на военной силѣ, а Германія все болѣе и болѣе пріучается смотрѣть на національную армію, какъ на школу солидарности и гражданской добродѣтели. Они относятся съ презрѣніемъ къ наследственному дворянству и желаетъ его гибели и разоренія, между тѣмъ какъ дворянство сыграло важную и славную роль во время войны за независимость и долго еще сохранить, особенно въ Пруссіи, руководящее положеніе въ національной жизни. Они исповѣдуютъ часто педантически узкій раціонализмъ и презираютъ «средневѣковое варварство», между тѣмъ какъ романтизмъ всюду возродилъ любовь къ народной старинѣ, и какъ въ протестантизмѣ, такъ и въ католицизмѣ намѣчается новое пробужденіе религіознаго чувства.

И все-же, можетъ-быть, слѣдуетъ лишь съ оговорками принять суровый приговоръ, который произносятъ обычно историки надъ либерализмомъ. Очевидно либералы не предвидѣли того оборота, который должны были принять событія. Они за рѣдкими исключеніями и не угадали, и не желали, и не готовили завоеванія Германіи Пруссіей и торжества нѣмецкаго имперіализма во второй половинѣ XIX вѣка. Космополиты, сторонники мира и сердечнаго согласія между Франціей и Германіей, они плохо понимали знаменія времени, осуждая братоубійственную борьбу народовъ за политическое могущество. Они ошибались, заявляя вмѣстѣ съ Гейне, «что въ Европѣ уже нѣтъ націй, а есть только партіи»; ошибались, пророчествуя о приближеніи великой нѣмецкой революціи, которая смететъ королей и аристократію; ошибались, мечтая о духовной гегемоніи Германіи. Но ихъ идеалистическія стремленія къ демократіи не остались,—какъ мы уви-

димъ ниже,—безъ вліянія на ходъ событій. Если имперализмъ не является послѣдней цѣлью, къ которой стремится Германія, если онъ представляетъ изъ себя лишь одну изъ переходныхъ стадій ея развитія, если настанетъ день, когда Германія снова возвратится къ гуманитарнымъ мечтаніямъ начала XIX вѣка, то не исключена возможность, что либералы, несмотря на свои ошибки и узость, снова будутъ считаться первыми борцами за лучшее будущее, за царство мира и согласія, въ которомъ на мѣсто кровавой борьбы народовъ между собой станетъ согласованное усиліе всѣхъ людей къ прогрессу и счастью.

II. Эволюція либерализма.

Около 1840 года внутри либеральной партіи намѣчается двойное теченіе.

Съ одной стороны, на первый планъ выступаютъ элементы націонализма и единства, съ которыми либерализмъ былъ тѣсно связанъ съ самаго начала. Здѣсь дѣйствовали различныя причины. Прежде всего—вступленіе на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, который въ началѣ своего правленія вызываетъ своей высокопарной риторикой во всемъ королевствѣ сильный энтузіазмъ и оживляетъ національное чувство и романтическій культъ германской старины. Въ то же время, воинственные настроенія, которыя вспыхнули въ 1840 году во Франціи, когда благодаря лондонской конвенціи она оказалась исключенной изъ европейскаго концерта и натолкнулась на внезапныя затрудненія въ своихъ египетскихъ планахъ, вызвали необычайную вспышку патріотизма во всей Германіи. Въ первый моментъ досады и гнѣва Франція неосторожно заявила о своей готовности возобновить борьбу противъ Священнаго

союза. Французскіе публицисты обрушились на трактаты 1815 года, потребовали обратно лѣвый берегъ Рейна, грозили вооруженной Европѣ возобновить противъ нея «страшную революціонную игру». Германія, жившая тогда въ глубокомъ мирѣ и совершенно не думавшая искать столкновенія съ Франціей, внезапно очутилась передъ грознымъ призракомъ войны, которой съ своей стороны ничѣмъ не вызвала. Намѣренія Франціи искать на Рейнѣ компенсаціи за неудачи своей египетской политики вызываютъ въ Германіи сильное раздраженіе. Снова разгораются страсти 1813 года. Журналисты и поэты, писатели и военные мечутъ молніи противъ безнравственности французовъ, требуютъ безпощадной войны противъ народа-провокатора и снова заявляютъ притязанія на Эльзасъ и Лотарингію. Въ убѣжденіи, что наслѣдственный врагъ готовится возобновить вѣковую борьбу за обладаніе Рейномъ, нѣмцы опять охватываются объединительными стремленіями. Они чувствуютъ необходимость объединиться, чтобы отразить нападеніе и отнять у Франціи еще находящіяся въ ея власти имперскія владѣнія.

Либерализмъ, нѣкогда космополитическій и искренно сочувствовавшій Франціи, становится съ этого времени узконаціоналистическимъ. Напрасно Гейне протестуетъ противъ этой волны шовинизма, которая, по его мнѣнію, является оскорбительнымъ возвратомъ къ духу прошлаго. Онъ обрушивается на патріотическую фразеологию поэтовъ, заставляющихъ музу служить «доброму» дѣлу маркитанткой свободы или прачкой христіанскаго германизма. Въ лицѣ танцующаго медвѣдя, Атта Троля, онъ пародируетъ новый типъ демократа-патріота, религіозно настроеннаго націоналиста и убѣжденнаго гимнаста. Заявляя о своей несокрушимой преданности Франціи, онъ обрушивается со всей силой своей страсти на жаждущій войны и побѣдъ имперіализмъ, который начинаетъ распространяться среди его соотечественниковъ. Но, напрасно! Гейне остается одинокимъ. Либерала-

лизмъ въ цѣломъ эволюционируетъ въ сторону рѣшительнаго имперіализма, который съ все большею страстью стремится къ единству и могуществу Германіи. «Либераль» превращается въ «національ-либерала».

Въ то же время передовые элементы партіи склоняются къ крайнему радикализму. Въ 30-хъ годахъ демократическія стремленія не шли дальше идеала конституціонной монархіи. Послѣ 1840 года они доходятъ часто до непримиримаго республиканства. Политика крайнихъ репрессій и неудачной реакціи, на путь которой сталъ послѣ кратковременной вспышки либерализма Фридрихъ-Вильгельмъ IV, глубоко возмущаетъ общественное мнѣніе Пруссіи. Драконовскія мѣры противъ печати и политическихъ поэтовъ, педантичскій деспотизмъ министра Эйхгорна, тяготѣющій надъ университетами и преподавательскимъ персоналомъ, неумолимая суровость, съ которой подавляются всѣ демократическія манифестаціи, дѣлаютъ правительство все болѣе непопулярнымъ. Либеральное мнѣніе начинаетъ относиться съ все болѣею враждебностью къ личности самого короля, на котораго оно, не безъ основанія, возлагаетъ отвѣтственность за свирѣпствующую въ Пруссіи абсолютистическую, феодальную и шѣтистскую реакцію. Анти-религіозный и анти-монархическій радикализмъ, проповѣдуемый Штрауссомъ, братьями Бауэръ, Арнольдомъ Руге, Карломъ Марксомъ и Фейербахомъ, дѣлаетъ все новыя завоеванія. Въ то же время цѣлая плеяда политическихъ поэтовъ, какъ Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ, Дингельштедтъ, Фрейлигратъ, Мейснеръ, Карлъ Бекъ, Готфридъ Кингель и др., съ воодушевленіемъ беретъ въ свои руки защиту дѣла народной свободы; ихъ пламенные призывы раздаются по всей Германіи. Вражда къ королю доходитъ до того, что послѣ искушенія Чеха на Фридриха-Вильгельма IV, въ общественномъ мнѣніи возникаетъ теченіе, оправдывающее убійцу; нѣкоторые даже открыто защищаютъ преступство

Въ то время какъ въ Пруссіи оппозиція противъ короля растетъ съ неимовѣрной быстротой, въ конституціонныхъ государствахъ юга все болѣе обостряется конфликтъ между демократическими палатами и реакціонными министрами. Въ Баденѣ борьба противъ правительства принимаетъ особенно ожесточенный характеръ. Рядомъ съ либералами-конституціоналистами, какъ Велькеръ, Бассерманъ и Карлъ Мати, возникаетъ подъ руководствомъ Геккера, Струве, Ицштейна радикальная партія, требующая введенія чисто-демократическаго строя, до котораго страна далеко еще не dorosла. Радикалы стремятся возбудить среди избирателей недовѣріе къ умѣренности конституціоналистовъ и поддерживаютъ путемъ пламенной пропаганды опасное недовольство среди массъ. Когда въ Парижѣ вспыхиваетъ февральская революція, Германія находится уже въ состояніи полного броженія. Либералы всѣхъ отгѣнковъ, сторонники единства и конституціоналисты, радикалы и социалисты согласны въ томъ, что существующее положеніе вещей не можетъ продолжаться далѣе, что нужна глубокая реформа, которая дала бы странѣ столь необходимыя ей единство и свободу.

III. Революція 1848—49 гг.

Революція 1848 года во Франціи немедленно вызываетъ въ Германіи всеобщій пожаръ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль добрая треть страны погружается въ состояніе анархіи, впрочемъ, довольно мирной, такъ какъ въ виду единодушія движенія власти почти нигдѣ не пытаются оказывать сопротивленіе.

Государи пугаются и идутъ на уступки. Король Вюртембергскій, великіе герцоги Баденскій и Гессенскій, сенатъ Франкфурта спѣшатъ объявить свободу печати. Франкфуртскій сеймъ, ошеломленный событіями, постановляетъ произвести пересмотръ союзнаго акта «на дѣйствительно національной

основѣ» и приглашаетъ правительства послать для этого делегатовъ. Въ Мюнхенѣ вспыхиваютъ беспорядки, которые приводятъ 20-го марта къ отреченію короля Людвигъ I; на престолъ вступаетъ Максимилианъ II, у власти становится либеральный кабинетъ. 13-го марта революція вспыхиваетъ въ Вѣнѣ и сметаетъ режимъ Меттерниха; одновременно возстаютъ Венгрія и Италія. 18-го марта возстаніе бушуетъ на улицахъ Берлина, и отступление войскъ передаетъ на слѣдующій день столицу и короля въ руки возставшихъ. Абсолютизмъ вездѣ рунится. Во главѣ движенія идетъ образованная буржуазія—профессора, писатели, адвокаты, врачи, торговцы, промышленники,—и требуетъ единства и свободы. Ея основными требованіями являются созывъ національнаго парламента, свобода печати, введеніе суда присяжныхъ, замѣна постоянной арміи народной милиціей. Впрочемъ, въ рядахъ этой великой либеральной партіи имѣются болѣе и менѣе прогрессивныя теченія: одни, болѣе умѣренные, для благополучнаго завершения реформъ, разсчитываютъ на содѣйствіе существующихъ властей, королей и князей; другіе, болѣе радикальные, требуютъ установленія республиканскаго строя, отмѣны дворянства и королевской власти. А за буржуазіей встаютъ и народныя массы, требующія кромѣ политической реформы и соціальныхъ преобразованій, которыя должны установить на землѣ всеобщее счастье: равенства всѣхъ, отмѣны въ деревнѣ привилегій крупныхъ землевладѣльцевъ, реформы промышленнаго строя въ городахъ, защиты ремесла отъ конкуренціи крупнаго производства, охраны фабричнаго рабочаго отъ эксплуатаціи предпринимателя.

Апогеемъ этого революціоннаго движенія является созывъ Франкфуртскаго парламента. Инициатива созыва и предварительная организація принадлежитъ самому народу и его довѣреннѣйшимъ лицамъ. Обезсиленные правительства отказы-

ваются отъ руководства движеніемъ; но они допускаютъ созывъ парламента, разрѣшаютъ выборы, соглашаются, чтобы избранные посредствомъ всеобщаго избирательнаго права депутаты собрались для обсужденія общихъ интересовъ страны и оказали свое содѣйствіе угрожаемымъ революціей государямъ.

Нѣмецкій либерализмъ внезапно становится силой и получаетъ возможность осуществить на практикѣ свою программу. Результаты этого опыта извѣстны. Онъ закончился полнымъ пораженіемъ либераловъ. Парламентъ собрался въ Франкфуртъ 18-го мая 1848 года. Въ началѣ іюня 1849 года, разсѣялись послѣдніе остатки «Rumpfparlament»'а въ Штуттгартѣ, обратившись на своемъ послѣднемъ собраніи въ отелѣ «Марквардтъ» къ странѣ съ призывомъ къ возстанію. Съ осени реакція снова господствуетъ во всей Германіи. Каковы значеніе и результаты этого кризиса?

Прежде всего, чего хотѣла либеральная буржуазія?

Мы должны констатировать, во-первыхъ, что она не желала брать непосредственно въ свои руки управленія страной. Правда, крайніе радикалы очень хорошо понимали, что народъ, если онъ хочетъ обезпечить себѣ власть, неизбѣжно долженъ захватить въ свои руки орудія власти, администрацію и войско. Поэтому, на подготовительномъ собраніи въ Гейдельбергѣ баденскіе радикалы требуютъ провозглашенія республики. На предварительномъ парламентѣ (Vorparlament), Струве предлагаетъ уничтожить монархію во всей Германіи и замѣнить ее свободною избранными парламентами, каждый изъ которыхъ долженъ былъ самъ назначить себѣ президента; Германія должна была превратиться въ федерацію на подобіе Америки. Пока же, чтобы подготовить этотъ переворотъ, національный парламентъ долженъ объявить себя перманентнымъ и взять въ свои руки исполнительную власть.

Но радикалы—въ меньшинствѣ и въ парламентѣ, и въ странѣ. Парламентъ отвергаетъ подавляющимъ большинствомъ ихъ революціонныя предложенія. Когда же они пытаются ашнелировать къ силѣ, скоро выясняется, что они немногочисленны, и что ихъ недисциплинированные, плохо организованные и еще хуже руководимые отряды не въ состояніи держаться противъ регулярныхъ войскъ. Революціонная демократія побѣждена силой оружія въ Берлинѣ, Вѣнѣ, въ Венгріи, Баденѣ, Дрезденѣ. Небольшая кучка нѣмецкихъ республиканцевъ не была въ состояніи увлечь за собою широкихъ слоевъ умѣренно-либеральной партіи, а съ другой стороны, не нашла достаточной поддержки въ недисциплинированныхъ и раздробленныхъ пародныхъ массахъ. Поэтому, она, въ концѣ-концовъ, оказалась слишкомъ слабой, чтобы захватить власть и создать новую политическую и социальную организацію Германіи.

Либеральное большинство и въ парламентѣ, и въ странѣ оставалось, такимъ образомъ, монархическимъ. Оно не хотѣло лишить государей власти и поставить себя на ихъ мѣсто; оно желало лишь подчинить ихъ контролю конституціоннаго и парламентарнаго режима. Государи же являлись единственной реальной и организованной силой, которая еще существовала въ Германіи. Правда, эта сила была поколеблена и ослаблена мартовскими возстаніями 1848 года, но все-же она продолжала еще существовать. Она опиралась на двойную основу, матеріальную и моральную. Съ одной стороны, династическій лоялизмъ былъ еще, несмотря на все, живъ среди значительной части общества, и общественное мнѣніе встрѣтило бы съ крайнимъ неудовольствіемъ гибель старыхъ династій въ революціонномъ водоворотѣ. Съ другой стороны, и это было важнѣйшимъ ихъ преимуществомъ, государи продолжали сохранять въ своихъ рукахъ орудія власти. Армія и чиновничество почти всюду остались имъ вѣрны. Та-

кимъ образомъ, они располагали административной и военной машиной, которую они въ любой моментъ могли привести въ движеніе, чтобы добиться повиновенія.

Напротивъ, парламентъ, вышедшій изъ воли народа, имѣлъ лишь чисто моральный авторитетъ. Его сила была результатомъ слабости правительствъ. Чѣмъ болѣе слабѣла власть государей подъ вліяніемъ возстанія, чѣмъ болѣе беспорядки на улицахъ разстраивали государственную машину, тѣмъ болѣе положительной и реальной казалась власть парламента. Но, если не считать моральнаго авторитета, парламентъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одного средства, чтобы добиться исполненія своихъ рѣшеній. Онъ могъ, правда, провозгласить свой суверенитетъ, назначить регента Имперіи, образовать министерства, законодательствовать, издать конституцію. Но, чтобы его рѣшенія могли получить какую-нибудь реальную силу, они должны были быть приняты правительствами, иначе они оставались мертвой буквой и чисто платоническими манифестаціями. Суверенный парламентъ, чтобы взять конкретный примѣръ, могъ, конечно, постановить, чтобы союзныя войска носили черно-красно-золотую кокарду; его военный министръ могъ назначить на 6-е августа 1848 года парадный смотръ всѣхъ имперскихъ войскъ, которыя должны были встрѣтить крикомъ «ура» имперскаго регента, верховнаго вождя всей имперской арміи, но у него не было средствъ принудить къ повиновенію австрійскаго императора, королей прусскаго и баварскаго и курфюрста ганноверскаго; и послѣдніе совершенно не считаются съ этими постановленіями и, такимъ образомъ, наглядно демонстрируютъ слабость центральнаго правительства, безсильнаго заставить уважать себя собственными средствами.

При этихъ условіяхъ передъ парламентомъ, если онъ хотѣлъ добиться какихъ-нибудь практическихъ результа-

товъ, былъ открыть одинъ только путь: соглашеніе съ правительствами.

Парламентъ испробовалъ его. Съ очень вѣрнымъ чувствомъ политической необходимости онъ понялъ, что главной задачей момента является единство Германіи, и что это единство можетъ-быть, достигнуто только чрезъ посредство Пруссіи; поэтому, онъ рѣшился торжественно предложить отъ имени нѣмецкаго народа императорскую корону Фридриху-Вильгельму IV. Извѣстенъ неуспѣхъ этой попытки. Разные мотивы: нежеланіе получить «булыжную корону» изъ буржуазныхъ рукъ, отвращеніе къ демократической конституціи, которую пришлось бы принять одновременно съ императорскимъ скипетромъ, сомнѣнія, слѣдуетъ ли воспользоваться затрудненіями Австріи, чтобы выключить ее изъ Германіи, боязнь войны, въ которую могло вовлечь Пруссію принятіе императорской власти,—заставили Фридриха-Вильгельма отказаться отъ предлагаемой ему короны. Мнѣнія историковъ по поводу этого отказа расходятся. Одни видятъ въ немъ неизбѣжную необходимость. Они признаютъ, что прусскій король не могъ получить короны изъ рукъ собранія безъ правильныхъ полномочій, и что ея принятіе вовлекло бы его въ авантюру, въ которой онъ рисковалъ не только своимъ трономъ, но, можетъ-быть, и будущностью Германіи. Другіе, напротивъ, думаютъ, что онъ изъ-за абсолютистическихъ предразсудковъ, помѣшалъ осуществленію нѣмецкаго единства, провозглашеннаго свободнымъ вотумомъ національнаго парламента; они полагаютъ, что, если бы онъ принялъ предложенный ему скипетръ, нѣмецкое единство возникло бы мирнымъ путемъ, и стало бы величественнѣе и прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Но, по винѣ ли парламента или по винѣ короля, необходимое сотрудничество между національнымъ собраніемъ и прусскою королевскою властью не могло осуществиться. А это означало неизбѣжный крахъ всей дѣятельности парламента.

Прибавимъ, впрочемъ, что это крушеніе лишь отчасти можетъ быть объяснено ошибками отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей; въ цѣломъ же оно является результатомъ причинъ гораздо болѣе общаго свойства.

Парламентъ потерпѣлъ крушеніе прежде всего потому, что было объективно невозможно найти способъ примирить разнородные интересы. Дѣйствительно, почти во всѣхъ важныхъ вопросахъ общественное мнѣніе Германіи рѣзко расходилось. Было чрезвычайно трудно установить компромиссъ между приверженцами единства и партикуляристами, между консерваторами, либералами и радикалами, между сторонниками «Великой Германіи», включавшими Австрію въ Имперію, и сторонниками «Малой Германіи», исключавшими Австрію изъ ея состава. Этимъ объясняется, что какъ разъ наиболѣе важныя рѣшенія парламента принимались лишь очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Напримѣръ, 27-го марта 1849 года при третьемъ чтеніи парламента вопреки своимъ прежнимъ голосованіямъ рѣшилъ большинствомъ всего-на-всего четырехъ голосовъ, что въ Германіи будетъ существовать наслѣдственная императорская власть, и 28-го марта избралъ на этотъ постъ прусскаго короля, большинствомъ 290-ти голосовъ при 248-ми воздержавшихся. Вполнѣ очевидно, что моральный авторитетъ подобнаго рѣшенія былъ крайне незначителенъ, и что было мало надежды, чтобы оно получило всеобщее признаніе въ нѣмецкомъ обществѣ.

Но рѣшающею причиною неудачи парламента, на которой особенно любятъ настаивать нѣмецкіе историки, является психологія людей, стоявшихъ во главѣ движенія. Повидимому, вожди нѣмецкаго либерализма были въ своемъ большинствѣ скорѣе людьми мысли, стремившимися съ горячимъ энтузіазмомъ къ реализаціи теоретическаго идеала, чѣмъ практическими политиками, старающимися осуществить положительную цѣль. Этотъ фактъ легко объясняется,

если обратить вниманіе на общую эволюцію нѣмецкой буржуазіи. Въ теченіе первой половины XIX вѣка главную роль играютъ интеллигенты, люди съ высшимъ образованіемъ, въ особенности университетскіе профессора. Буржуазія представляетъ изъ себя еще въ значительной степени интеллигентскій классъ. Капиталистическая буржуазія, аристократія предпринимателей еще только нарождается и занимаетъ незначительное мѣсто въ общественной жизни. А нѣмецкій интеллигентъ этого времени неизбѣжно является идеалистомъ. Онъ вѣритъ во всемогущество идеи, въ непреодолимую силу убѣжденія, присущую истинѣ.

Въ объединеніи Германіи онъ, поэтому, видитъ теоретическую проблему, рѣшеніе которой должно быть найдено путемъ отвлеченныхъ академическихъ разсужденій. Онъ не даетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что этотъ вопросъ является прежде всего вопросомъ силы, и что онъ можетъ быть разрѣшенъ лишь при помощи «крови и желѣза», по извѣстной формулѣ Бисмарка. Это идеалистическое настроеніе значительной части депутатовъ объясняетъ нѣкоторыя ошибки, въ которыхъ такъ часто обвиняли парламентъ: абстрактный и доктринерскій характеръ преній, вѣра въ возможность устранить всѣ затрудненія и разрѣшить всѣ конфликты съ помощью простаго голосованія, легкомысліе, съ которымъ онъ принималъ принципиальныя постановленія, нисколько не заботясь о возможности осуществить ихъ на дѣлѣ. Франкфуртскій парламентъ съ трогательной искренностью и воодушевленіемъ, съ твердой вѣрой, заслуживающей полнаго уваженія, стремился найти формулу нѣмецкаго единства; онъ вѣрилъ, что, лишь только эта формула будетъ найдена, единство будетъ немедленно достигнуто. Это была опасная иллюзія. Въ настоящее время историки стараются воздать справедливость великодушнымъ усиліямъ этихъ идеалистовъ, которые, быть-можетъ, были не такъ бесплодны, какъ это казалось долгое время. Теперь

признають, что и они приняли участіе въ созиданіи нѣмецкаго единства, и относятся къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, какъ и къ фактическимъ основателямъ этого единства. Но признають также, что эти идеологи неизбежно должны были потерпѣть крушеніе. Нужны были люди сильной воли, чтобы довести до конца трудную задачу возстановленія Германской Имперіи.

ГЛАВА III.

Основаніе Германской Имперіи.

I. Новая психологія.

Революція 1848—1849 гт. является поворотнымъ пунктомъ въ развитіи Германіи. Сущность этого кризиса, заключается, я думаю, въ томъ, что Германія въ этотъ моментъ перешла отъ идеалистической концепціи политическихъ проблемъ къ концепціи болѣе реалистической и практической.

Этотъ переходъ выяснится отчетливо, если обратить вниманіе на эволюцію буржуазіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ ея средѣ, начиная съ половины XIX вѣка, быстро развиваются инстинкты капиталистическаго предпринимательства, стремленіе къ богатству и вообще къ могуществу. Выше мы изобразили матеріальные факты, свидѣтельствующіе о развитіи капитализма въ 50-хъ годахъ. Но перемѣна въ настроеніи умовъ проявляется не только въ экономической жизни націи, она отражается и въ области политическихъ отношеній. Наиболѣе активнымъ элементомъ буржуазіи въ началѣ XIX вѣка была интеллигенція, которая стремилась не къ матеріальному могуществу, а къ научной и художественной культурѣ и, слѣдовательно, ставила себѣ прежде всего духовныя задачи. Теперь эту образованную часть буржуазіи обгоняетъ и мало-по-малу оттѣсняетъ на задній планъ новая предпринимательская аристократія. Представители капитала, крупные промышленники

и коммерсанты получают все большее значение въ общественной жизни. Ихъ социальное вліяніе становится преобладающимъ, они начинаютъ пользоваться все большимъ уваженіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ все большее вліяніе получаетъ и ихъ психологія. Эта предпринимательская аристократія весьма рѣзко отличается отъ прежней интеллигенціи. Ея стремленія направлены уже не на образованіе; или, точнѣе, научное образованіе представляется ей уже не цѣлью въ себѣ, а лишь средствомъ къ могуществу. Она стремится прежде всего къ богатству и власти. Она ставитъ себѣ не идейныя, безкорыстныя, общія цѣли, а преслѣдуетъ положительныя, конкретныя, осязаемые интересы. Ея дѣйствія опредѣляются не общими теоріями и отвлеченными принципами. Она, напротивъ, старается соразмѣрять свои задачи съ своимъ могуществомъ, точно опредѣлять имѣющіяся у нея силы и возможные препятствія, точно направлять средства къ цѣлямъ, которыя она себѣ ставитъ. Такимъ образомъ, съ этого времени въ нѣмецкой буржуазіи на первый планъ все болѣе и болѣе выдвигаются люди дѣла. Ихъ реалистическія стремленія и положительныя тенденціи смѣняютъ мало-по-малу идеализмъ людей мысли, руководившихъ либеральной партіей до эпохи франкфуртскаго парламента.

Но этотъ поворотъ отъ идеализма къ реализму, естественное слѣдствіе распространенія духа свободнаго предпринимательства, наблюдается не только въ рядахъ буржуазіи. Его можно замѣтить и среди дворянства, и въ правящихъ сферахъ. Правда, здѣсь чувство реальности никогда не теряло своихъ правъ. Оно, безъ всякаго сомнѣнія, существовало и у дворянъ-землевладѣльцевъ, которые, какъ мы видѣли выше, явились первыми представителями капиталистическаго духа въ Германіи, и у государственныхъ дѣятелей, подготовившихъ войну за независимость, а, по заключеніи мира,

медленно возведшихъ зданіе прусскаго величія, реорганизовавшихъ финансы и армію и создавшихъ таможенный союзъ. Но реализмъ Штейна и Гумбольдта соединялся съ либеральнымъ идеализмомъ. У другихъ, въ особенности у довѣренныхъ людей Фридриха-Вильгельма IV, къ нему примѣшивалась сильная доза романтическихъ убѣжденій. Консерваторы этого типа, поборники теории божественнаго права и легитимизма, ненавидѣвшие всѣми своими силами революцію, мечтавшіе реставрировать идеальное христіанское государство и средневѣковую іерархію, благовѣрно почитавшіе Священный союзъ и представлявшіе себѣ Германскую Имперію лишь подъ главенствомъ австрійскаго дома, являются такими же идеологами-доктринерами, какъ и самые пылкіе приверженцы конституціоннаго либерализма или республиканскаго строя.

Мы лучше всего представимъ себѣ прогрессъ, совершенный въ сторону реализма, если сравнимъ этихъ романтиковъ съ государственнымъ дѣятелемъ, колоссальная фигура котораго доминируетъ во всей второй половинѣ XIX вѣка и начало политической дѣятельности котораго падаетъ какъ-разъ на революціонную эпоху 1848 года: съ княземъ Бисмаркомъ.

Бисмаркъ, несомнѣнно, является законченнымъ типомъ феодала. Соединяя въ себѣ боевое, надменное высокомеріе бранденбургскаго юнкера съ предпріимчивостью и дѣловитостью померанскаго помѣщика, проникнутый теоріями исторической школы и романтизма, Гуго, Геерена, Савиньи, Гофмана, онъ всецѣло раздѣляетъ основные предразсудки своей касты. Онъ — пылкій приверженецъ монархіи «Божіею милостію», мистикъ, глубоко искренній въ своемъ благочестіи, послѣ невѣрія молодости всю душу обратившійся къ религіи Евангелія. Въ качествѣ подлиннаго романтика, онъ любитъ «настоящій народъ», это невидимое множество душъ, черпающее въ сознаніи тра-

дичи́и силу, которая ведетъ ее къ предустановленнымъ цѣлямъ; онъ думаетъ, что одинъ только монархъ въ силу осѣняющей его свыше благодати можетъ читать въ національной душѣ, дешифровать ея волю, руководить ея провиденціальными судьбами. Онъ ненавидитъ и презираетъ революціонныя силы, недисциплинированную толпу, которая возстаетъ противъ законной власти, рабочаго, который позволяетъ себѣ разсуждать и хотѣть. Онъ мечетъ грома и молнію противъ духа невѣрія и безнравственности, котораго порождаетъ вся современная городская цивилизація. Но никто не вызываетъ въ немъ столько презрѣнія, какъ буржуазная интеллигенція, которая такъ неумѣло стремится къ власти, какъ парламентаріи, которые мнятъ себя представителями сувереннаго народа, какъ конституціоналисты, которые признаютъ за неспособными совѣщательными собраніями, этими смѣшными карриатурами на народную волю, священное и божественное право законодательствовать. Онъ всѣмъ своимъ сердцемъ ненавидитъ этихъ тщеславныхъ идеологовъ, выставляющихъ на-показъ свою наивную и дерзкую вѣру въ абстрактный разумъ и его искусственныя созданія.

Но этотъ феодалъ, и романтикъ, этотъ «красный реакціонеръ», увлекавшій и безпокойвшій одновременно Фридриха-Вильгельма IV, обладаетъ въ высокой мѣрѣ характерными чертами современной души: волей къ власти, ясностью интеллекта, напряженностью нервной жизни.

Онъ стремился съ неслыханной страстностью къ власти для себя, для своей партіи, своей страны, своей расы. И это онъ дѣлалъ безъ тѣни сантиментальности, въ силу самаго элементарнаго, самаго основнаго инстинкта своего существа, инстинкта, который онъ ясно сознавалъ и одобрялъ въ себѣ. Онъ въ рѣдкой степени обладалъ любовью къ силѣ, радостью проявлять и увеличивать

силу свою и своего народа. И онъ постоянно проводилъ въ жизнь концепцію жизни, какъ борьбы, безъ раздумья и угрызений совѣсти, безъ жалости къ слабымъ, безъ великодушія къ побѣжденнымъ; онъ былъ неустаннымъ борцомъ, всегда готовымъ вести свой народъ впередъ по трудному пути къ власти. Его обвиняютъ въ цинизмъ, его упрекаютъ за выставленный имъ принципъ: «Сила стоитъ выше права». Было бы, однако, справедливѣе сказать, что Бисмаркъ такъ же, какъ и все вообще нѣмцы, считаютъ ошибкой всякую попытку установить между правомъ и силой ту противоположность, на которой такъ любятъ настаивать правовое сознаніе французовъ. Въ его глазахъ нѣтъ ни права безъ силы, ни силы безъ права. Въ безграничномъ стремленіи къ власти онъ видѣлъ не насиліе надъ справедливостью, не циническую узурпацію грубой силы, а основной долгъ, священную миссію сильныхъ индивидуумовъ и здоровыхъ народовъ.

На помощь этой желѣзной волѣ приходила удивительная способность необыкновенно точно разбираться въ дѣйствительности, понимать людей, разгадывать смыслъ событий.

Исключительный талантъ Бисмарка состоялъ, какъ было однажды сказано, не столько въ умѣннн создавать обширные планы и готовить отдаленное будущее, сколько въ томъ удивительномъ искусствѣ, съ которымъ онъ всегда умѣлъ находить лучшій выходъ изъ создавагося положенія вещей. Для него, говорить, не было большей радости, чѣмъ творить каждый день, каждый часъ новую постоянно мѣнявшуюся, по мѣрѣ того какъ развертывались событія, картину міроваго положенія, непрерывно съ безошибочной точностью находить тотъ актъ, который нужно было совершить, ту позицію, которую надлежало занять, чтобы двинуть впередъ свои планы. Онъ жилъ

постоянно въ настоящемъ, которое онъ цѣльно охватывалъ усиленіемъ своей гениальной фантазіи; онъ отдавался задачѣ дня, не слишкомъ заботясь объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ. Съ этимъ удивительнымъ даромъ ясно и вѣрно отражать вѣчно мѣняющееся многообразіе повседневной дѣйствительности онъ соединялъ тонкое пониманіе основныхъ теченій общественнаго мнѣнія, способность схватывать «неуловимое», благодаря чему онъ почти до самаго конца своей жизни умѣлъ угадывать основныя тенденціи современнаго развитія и приспособлять свою политику къ глубокимъ нуждамъ своего времени.

Реалистъ по своей волѣ, направленной на завоеваніе власти, богатства и матеріальнаго господства, по свѣтлой ясности своего интеллекта, по неисчерпаемымъ ресурсамъ своей изобрѣтательности, Бисмаркъ является несомнѣннымъ сыномъ новѣйшаго времени и по сложности своей психической организаціи, по исключительной интенсивности своей нервной жизни. Мы составили бы неполное представленіе о Бисмаркѣ, если бы видѣли въ немъ лишь крѣпкаго и здороваго великана, гениальнаго наѣздника, любившаго основательно поѣсть и выпить, страстнаго любителя охоты, опасной верховой ѣзды, свѣжаго воздуха и деревенской жизни, черпающаго въ первобытной энергіи своей природы силу, необходимую для того, чтобы вынести тяжкое бремя государственныхъ заботъ. Нельзя упускать изъ виду, что такая активная и полная жизнь, какою была жизнь Бисмарка, предполагаетъ чрезвычайно впечатлительную и въ то же время выносливую нервную систему. И, дѣйствительно, Бисмаркъ — въ высшей степени нервная натура, легко возбуждающаяся, склонная къ страннымъ недомоганіямъ, которыя являются какъ-бы физическимъ выраженіемъ психическихъ потрясеній и борьбы. Несмотря на это, онъ достаточно крѣпокъ, чтобы сохранить равновѣсіе и не-

редств неэкономную трату нервной энергии, не причиняя себѣ непоправимаго ущерба. Но внутреннее содроганіе, во власти котораго онъ всегда находился, ука-зываетъ на ускоренный темпъ и страшное напряженіе, съ которымъ работалъ этотъ впечатлительный и въ то же время могучій организмъ.

Съ торжествомъ реалистическаго духа въ политикѣ начинается новая фаза развитія Германіи.

II. Осуществленіе нѣмецкаго единства.

На переднемъ планѣ политической сцены разворачивается въ многообразныхъ перипетіяхъ великая борьба за единство Германіи. Впрочемъ съ начала вѣка ея характеръ значительно измѣнился.

Стремленіе къ единству коренилось первоначально въ чувствѣ солидарности всѣхъ народовъ германскаго языка и культуры. Объединители хотѣли создать между этими народами связь скорѣе моральную, чѣмъ матеріальную. Союзъ нѣмецкихъ государствъ долженъ былъ явиться результатомъ сознательной воли націи, которая мало-по-малу одержитъ побѣду надъ партикуляристическимъ эгоизмомъ государей. Не жертвуя самостоятельностью отдѣльныхъ частей Германіи, онъ долженъ былъ создать единство, котораго требовало національное сознаніе, и которое было столь необходимо какъ для внѣшней безопасности страны, такъ и для ея экономическаго развитія. Мы видѣли, какъ это движеніе къ единству едва не достигло цѣли, когда Франкфуртскій парламентъ предложилъ отъ имени нѣмецкаго народа императорскую корону прусскому королю, и какъ эти блестящія надежды потерпѣли крушеніе въслѣдствіе отказа Фридриха-Вильгельма IV.

Съ этого времени проблема единства постепенно при-

нимаетъ новую форму. Изъ идеалистическаго порыва къ національной солидарности она превращается прежде всего въ вопросъ силы.

Система нѣмецкихъ государствъ имѣетъ два соперничающихъ притягательныхъ центра, которые взаимно нейтрализуютъ и уничтожаютъ другъ друга,—Пруссію и Австрію. Ихъ открытое или тайное соперничество парализуетъ силы Германіи и благопріятствуетъ центробѣжнымъ и партикуляристическимъ тенденціямъ второстепенныхъ государствъ. Для того, чтобы нѣмецкое единство могло быть достигнуто, этотъ дуализмъ долженъ былъ прекратиться, Пруссія, наиболѣе жизнеспособное изъ нѣмецкихъ государствъ должна была мало-по-малу увеличить свои силы, утвердить свое преобладаніе, выключить изъ Имперіи своего непримиримаго врага, Австрію, и соединить вокругъ себя, опираясь на свою силу и престижъ своихъ побѣдъ, всѣ остальные государства. Исторія этого завоеванія Германіи Пруссіей достаточно хорошо извѣстна; поэтому, я могу ограничиться лишь общимъ очеркомъ его главныхъ перипетій.

Первымъ шагомъ къ практическому осуществленію единства является организація Таможеннаго союза (1834). Заслуга прусскихъ государственныхъ дѣятелей состоитъ въ томъ, что они поняли коренную необходимость для современной индустріи широкаго рынка еще въ то время, когда Австрія не сознавала этой необходимости. Далѣе, они были достаточно дальновидны, чтобы понять, какую крупную политическую выгоду представляетъ для Пруссіи укрѣпленіе ея экономической связи съ другими нѣмецкими государствами, хотя бы цѣной извѣстныхъ матеріальныхъ жертвъ. Въ концѣ концовъ, они успѣли въ этомъ трудномъ предпріятіи, несмотря на всѣ встрѣченныя ими препятствія. Они одержали верхъ надъ противодѣйствіемъ Австріи, которая чула въ этомъ первомъ шагѣ къ единству революціонную ма-

хинацію и опасный маневръ Пруссіи съ цѣлью расширить сферу своего вліянія. Они сумѣли разсѣять партикулярнстическія опасенія мелкихъ государствъ, видѣвшихъ въ вмѣшательствѣ Пруссіи въ ихъ администрацію и финансы ущербъ ихъ суверенитету. Они сумѣли сдержать безпокойное нетерпѣніе нѣкоторыхъ не въ мѣру ретивыхъ сторонниковъ объединенія, которые, какъ напримѣръ Листъ, хотѣли добиться экономическаго единства Германіи сразу посредствомъ постановленія сейма вмѣсто того, чтобы идти шагъ за шагомъ путемъ постепенныхъ переговоровъ. Они одержали побѣду надъ всѣми затрудненіями благодаря ясной, упорной и честной политикѣ, которую они вели методически, безъ излишней поспѣшности, безъ насилія, но также и безъ слабости.

Впрочемъ, ихъ дѣлу благоприятствовала естественная игра экономическихъ законовъ. Пруссія, являясь единственной въ Германіи крупной территоріей, одна могла обезпечить процвѣтаніе крупной индустріи, которая необходимо должна была чувствовать себя стѣсненной узкими предѣлами мелкихъ государствъ. Поэтому, таможенный договоръ съ Пруссіей былъ для мелкихъ государствъ настолько выгоднымъ дѣломъ, что они съ теченіемъ времени должны были покориться. Далѣе, такъ какъ таможенные пошлины составляли крупный источникъ дохода, то перспектива немедленнаго и вѣрнаго повышенія доходовъ являлась великимъ соблазномъ для тѣхъ государствъ, финансовое положеніе которыхъ оставляло желать лучшаго. Наконецъ, таможенный тарифъ и транзитныя пошлины были очень дѣйствительнымъ оружіемъ противъ злнамѣренныхъ, и упорствующихъ, и Пруссія при случаѣ пользовалась ими, чтобы образумить не въ мѣру упрямаго сосѣда. Таможенный союзъ, охватывающій подъ гегемоніей Пруссіи большую часть Германіи, складывается окончательно въ 30-хъ годахъ; въ него не входитъ лишь Ганноверъ и

нѣсколько маленькихъ сѣверныхъ государствъ. Непосредственные экономическіе результаты этого соглашения замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ. Таможенный союзъ, построенный на твердой основѣ матеріальныхъ интересовъ, быстро превращается въ окончательно сложившееся учрежденіе, способное отразить всѣ нападенія и побѣдносно перенести революціонныя бури 1848—1849 годовъ.

Стоя во главѣ германскаго Таможеннаго союза, Пруссія весной 1849 года послѣ отказа Фридриха-Вильгельма IV отъ предложенной ему Франкфуртскимъ парламентомъ императорской короны пытается осуществить политическое единство Германіи дипломатическимъ путемъ.

По совѣту своего друга, генерала фонъ-Радовицъ, прусскій король пытается создать внутри нѣмецкаго союза и съ согласія Австріи болѣе тѣсный союзъ, который долженъ былъ развиваться путемъ добровольнаго присоединенія второстепенныхъ государствъ къ Пруссіи. Въ этомъ удивительно сложномъ проектѣ энтузіазмъ объединителей 1848 года причудливымъ образомъ соединялся съ стремленіями Пруссіи къ гегемоніи въ Германіи и вѣрностью традиціонной политикѣ соглашенія съ Австріей. Этотъ проектъ былъ заранѣе обреченъ на неуспѣхъ. Прежде всего, потому что стремленіе къ единству, ослабленное неудачей Франкфуртскаго парламента, уже не было достаточно сильно, чтобы заставить эгоистическій партикуляризмъ второстепенныхъ государствъ принести необходимыя жертвы; затѣмъ п, это главное, потому, что Австрія, мало-по-малу возстановившая свои потрясенныя революціоннымъ кризисомъ силы, проявляла все большую враждебность къ программѣ, грозившей уменьшить ея вліяніе въ Германіи. Слабость и нерѣшительность короля Фридриха-Вильгельма IV въ этомъ трудномъ положеніи чуть не привели къ катастрофѣ. Собравъ сначала вокругъ Пруссіи нѣсколько второстепенныхъ государствъ, онъ не сумѣлъ ни предупредить отпаденія своихъ союз-

пиковъ, ни своевременно отступить отъ своего плана и не нашелъ также въ себѣ достаточно мужества, чтобы начать открытую борьбу противъ Австріи въ тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ она предлагалась ему. Эта дипломатическая кампанія, начатая необдуманно, проведенная безъ достаточной энергіи, закончилась жалкимъ отступленіемъ въ Ольмюцѣ. Изолированная и плохо подготовленная къ войнѣ Пруссія была вынуждена уступить по всей линіи и подчиниться унижительнымъ условіямъ, продиктованнымъ ей побѣдоносной Австріей.

Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ Пруссія собирается съ силами и дѣятельно готовится къ ставшей съ этого момента неизбежной великой борьбѣ, которая должна рѣшить, кому будетъ принадлежать гегемонія въ Германіи.

Внутри прусское правительство возстановляетъ свой авторитетъ, опираясь на реакцію, охватившую послѣ 1848 года Германію, какъ и всю Европу; возстановляетъ его съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что пользуется своею побѣдой относительно очень умѣренно. Въ Австріи Шварценбергъ и его преемники возвращаются къ самымъ устарѣлымъ формамъ абсолютизма. Они уничтожаютъ всѣ конституціонныя гарантіи и вводятъ полицейско-бюрократическій и клерикальный режимъ, оскорбляющій самые элементарныя чувства современнаго сознанія. Такимъ образомъ, они осуждаютъ себя на политику систематическихъ репрессій, нивелирующаго деспотизма и грубаго насилія. Во второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ оправившіеся отъ страха передъ революціей монархи, мстятъ своимъ внутреннимъ врагамъ, сами не замѣчая того, что своими жалкими преслѣдованіями они окончательно уничтожаютъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ послѣдніе слѣды династической вѣрности, которая была до сихъ поръ лучшей опорой ихъ власти. Правда, реакція торжествуетъ и въ Пруссіи. Чиновники всѣхъ разрядовъ подчинены строжайшей дисципли-

плинѣ и стоять передъ альтернативой или подать въ отставку или превратиться въ послушныя орудія центрального правительства. Право союзовъ фактически уничтожено для всѣхъ, кто не является сторонникомъ правительства. Печати тщательно зажимаютъ ротъ; она безсильна. Всемогущая полиція всюду даетъ чувствовать свой тяжелый кулакъ, и покорные суды санкционируютъ смѣлой интерпретаціей законовъ самые произвольные акты центральной власти. Но феодальной и платитстской правой все-же не удается ни разрушить созданныя правительствомъ представительныя учрежденія, ни реставрировать зданіе социальныхъ привилегій, ни основать христіанское государство, о которомъ мечтали романтики.

Прусскій король, разогнавъ при помощи арміи Национальное собраніе, избранное послѣ мартовской революціи, и возстановивъ путемъ государственнаго переворота свою самодержавную власть, отъ которой, казалось, одно время онъ готовъ былъ совершенно отказаться, октроируетъ конституцію, которая совпадаетъ въ общемъ съ проектомъ, предложеннымъ имъ незадолго передъ тѣмъ Национальному собранію, и воспроизводитъ въ существенныхъ чертахъ бельгійскую конституцію. Эта конституція удовлетворяетъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, важнѣйшія требованія либерализма, официально провозглашаетъ свободу личности и гражданское равенство, учреждаетъ рядомъ съ королевскою властью народное представительство. Словомъ, къ великому недовольству непримиримыхъ феодаловъ, она навсегда полагаетъ конецъ самодержавному строю и организуетъ регулярное сотрудничество монархіи и націи.

Сдѣланныя короной уступки были, несомнѣнно, скорѣе кажущимися, чѣмъ реальными. Король сохранялъ свой суверенитетъ и полную независимость по отношенію къ палатамъ. Нижняя палата, сдерживаемая палатой господъ, не имѣла реальнаго вліянія на правительство. Классовая

избирательная система, введенная для нижней палаты, обеспечивала преобладающее влияние избирателямъ, платящимъ высокій налогъ. Такимъ образомъ, Пруссія не превратилась сразу въ парламентарное государство: она осталась абсолютной монархіей, къ которой кое-какъ были прилажены основные органы конституціоннаго строя. Но корона была, по крайней мѣрѣ, настолько умна, чтобы не воспользоваться побѣдой для окончательнаго подавленія своихъ противниковъ. Она оказалась достаточно дальновидной, чтобы принять значительную часть либеральной программы и добровольно даровать конституцію, въ общемъ вполне пріемлемую для умѣренныхъ элементовъ нѣмецкой буржуазіи. При помощи умѣлыхъ уступокъ, не ослаблявшихъ ея престижа и не ронявшихъ ея авторитета, она сумѣла привлечь на свою сторону симпатіи значительной части общественнаго мнѣнія и построить свою власть на болѣе широкомъ и крѣпкомъ базисѣ.

Съ вступленіемъ въ управленіе Вильгельма I, сначала въ качествѣ принца-регента, а потомъ и короля, и особенно со времени назначенія Бисмарка на должность министра-президента (1862 г.), отношеніе прусской королевской власти къ партіямъ становится еще яснѣе.

Она провозглашаетъ себя громче, чѣмъ когда-либо, монархіей Божіей милостью. Король въ силу особой благодати обладаетъ способностью угадывать высшія рѣшенія, черезъ которыя осуществляется на землѣ воля Бога. Ему принадлежитъ право и обязанность располагать, по внушенію свыше, всѣми живыми силами, сумма которыхъ составляетъ національное могущество. Въ Пруссіи король, по словамъ Бисмарка, не является лишь декоративною деталью конституціоннаго зданія: онъ не только царствуетъ, но и управляетъ. Познакомившись съ мнѣніями своихъ совѣтниковъ, онъ повелѣетъ полновластно.

Онъ свободенъ въ выборѣ министровъ и выбираетъ

тѣхъ, которые пользуются его довѣріемъ; парламентъ не имѣетъ права навязывать ему совѣтниковъ по собственному выбору. Онъ рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи всѣ важные вопросы, касающіеся арміи, дипломатіи, войны и мира, договоровъ: палата не въ правѣ вмѣшиваться въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, въ нихъ она не компактна. Наконецъ, ему принадлежитъ право восполнять пробѣлы конституціи и въ случаѣ необходимости единолично обеспечивать правильное функціонированіе государственной машины: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не могло быть достигнуто необходимое и нормальное согласіе между волей короля и волей палаты, онъ можетъ дѣйствовать самостоятельно, обходясь безъ савкціи парламента.

Но вдохновителями королевской воли являются не одни только правые феодалы. Король дѣйствуетъ, какъ равнодѣйствующая всѣхъ національныхъ силъ. Онъ — необходимый посредникъ между всѣми партіями, которыя борются за власть, но не находится въ плѣну ни у одной изъ нихъ. И Бисмаркъ великолѣпно умѣетъ пользоваться этой равнодѣйствующей силъ.

Въ 1860 году онъ удивительно вѣрно опредѣляетъ силу, которую сохраняло монархическое чувство среди широкихъ народныхъ массъ въ Пруссіи. Онъ понимаетъ, что огромное большинство народа утомилось отъ политическихъ неурядицъ и не склонно возобновлять неудачной борьбы 1848 года, что оно охотно пойдетъ за повелителемъ, который сумѣетъ удовлетворить основное стремленіе новаго реалистическаго и позитивнаго поколѣнія, — стремленіе къ экономической и политической власти. Съ замѣчательной вѣрностью инстинкта онъ намѣчаетъ основныя линіи своей политики. Имперіалистъ во внѣшней политикѣ, онъ съ неослабнымъ рвеніемъ и энергіей ведетъ Пруссію къ завоеванію Германіи и удовлетворяетъ, такимъ образомъ, одновременно и сторонниковъ прусскаго расширенія и адеп-

товъ нѣмецкаго едѣства, такъ какъ побѣда Пруссіи является, въ концѣ концовъ, практическимъ осуществленіемъ мечтаній объединителей. Абсолютизмъ во внутренней политикѣ, онъ удовлетворяетъ монархическій лоялизмъ страны, сохранивъ въ неприкосновенности власть короля. Но онъ примиряетъ съ собою и капиталистическую буржуазію, содѣйствуя развитію предпринимательства. Онъ въ достаточной степени свободенъ отъ кастовыхъ предразсудковъ и консервативнаго доктринерства, чтобы въ рѣшительный моментъ обратиться вполне искренно къ содѣйствію демократіи. Въ 1866 году онъ противопоставляетъ реакціонному федерализму Австріи, либеральную программу 1848 года: созывъ нѣмецкаго парламента, избраннаго на основѣ всеобщаго избирательнаго права, и выключеніе Австріи.

Собирая вокругъ прусской королевской власти всѣ силы націи, политика Бисмарка старается развить прусское могущество до максимума во всѣхъ областяхъ. Таможенный союзъ, распространенный на Ганноверъ и его *Steuerverein*, возобновляется, несмотря на интриги австрийской дипломатіи, пытавшейся послѣ 1858 г. ввести Австрію въ таможенный союзъ и такимъ образомъ вырвать изъ рукъ Пруссіи руководство экономическимъ развитіемъ Германіи. Войско, недостаточность котораго обнаружилась во время кризиса 1850 года, реорганизуется стараніями принца-регента и Роопа. Несмотря на упорное сопротивленіе парламента, который боится превращенія національнаго войска въ томъ видѣ, какъ оно было создано патріотами эпохи войны за независимость, въ преторіанскую армію, военныя силы Пруссіи, значительно увеличенныя и модернизированныя, становятся въ рукахъ монарха прекрасно обученнымъ и дисциплинированнымъ орудіемъ войны, готовымъ дѣйствовать по первому сигналу противъ всякаго врага, на котораго ему укажутъ. Въ то же время дипломатія Бисмарка стремится сосредоточить къ моменту за-

долго предвидѣннаго ею рѣшительнаго столкновенія съ Австріей въ преимущества на своей сторонѣ. Она обезпечиваетъ Пруссіи симпатіи Россіи, сохранивъ нейтралитетъ во время Крымской войны и согласившись въ 1863 году, помочь Александру II въ кровавомъ подавленіи польскаго возстанія. Она порываетъ съ традиціями Священнаго союза и легитимистскими предрасудками, стараясь установить хорошія отношенія съ Наполеономъ III и начавъ переговоры о союзѣ съ революціонной Италіей. Наконецъ, съ удивительной ловкостью подготовивъ необходимую войну съ Австріей, она начинаетъ ее въ наиболѣе благоприятное для Пруссіи время и заставляетъ въ рѣшительный моментъ сдѣлать послѣдній шагъ какъ австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, такъ и короля Вильгельма, хотя первые понимаютъ всю опасность этой авантюры, а послѣдній не хочетъ начинать братоубійственной войны.

Въ битвѣ подъ Кёниггрецомъ Пруссія впервые блестящимъ образомъ утверждаетъ свое превосходство. Рѣшительный шагъ къ объединенію сдѣланъ. Старый дуализмъ устраненъ пораженіемъ Австріи, которая выходитъ изъ состава Германіи и съ этого времени перестаетъ быть помѣхой вліянію Пруссіи. Пруссія аннексируетъ Ганноверъ, Гессенъ-Нассау, Гессенъ-Кассель, Франкфуртъ, эльбскія герцогства и образуетъ вмѣстѣ съ лежащими на сѣверъ отъ Майна второстепенными государствами Сѣверогерманскій союзъ. Конституція искусно соединяетъ единство и партикуляризмъ, щадитъ независимость монарховъ, но въ то же время обезпечиваетъ безспорное преобладаніе прусскому королю и тѣсную сплоченность страны по отношенію къ другимъ государствамъ, крѣпко связываетъ между собой союзныя государства, не подавляя ихъ индивидуальности и не ставя ихъ, по крайней мѣрѣ видимымъ образомъ, въ подчиненіе къ Пруссіи. Послѣдняя, благодаря своей величинѣ и престижу побѣдоносной войны занимаетъ

господствующее положеніе въ Сѣверо-германскомъ союзѣ. Мало того, она непреодолимо притягиваетъ къ себѣ и государства къ югу отъ Майна, которыя должны были образовать Южно-германскій союзъ и были уже ранѣе связаны съ Сѣвернымъ союзомъ матеріально благодаря Zollverein'у. Таможенное объединеніе обѣихъ группъ нѣмецкихъ государствъ подготавливаетъ ихъ политическое единство. Какъ только южно-германскіе государи послали своихъ представителей въ союзный совѣтъ, какъ только таможенный парламентъ, собиравшій ежегодно делегатовъ Юга съ делегатами Сѣвера для обсужденія косвенныхъ налоговъ, распространилъ свою компетенцію на политическую и законодательную область, Германская Имперія стала уже дѣйствительностью.

Въ 1867 году Бисмаркъ заявилъ въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ: «Какъ только Южно-германскій союзъ будетъ организованъ, какъ только въ Германіи будутъ засѣдать лишь два національныхъ парламента, ни одна человѣческая сила не сможетъ помѣшать имъ объединиться, подобно водамъ Краснаго моря послѣ перехода черезъ него евреевъ».

* * *

Война 1870 года, объединившая всю Германію въ единомъ порывѣ ненависти къ наслѣдственному врагу, завершила дѣло объединенія, оставшееся незаконченнымъ въ 1866 году, и положила начало Германской Имперіи.

Причины этой войны, пока еще недостаточно извѣстны. Въ настоящее время еще невозможно вполне объективно выяснить, въ чемъ состояли истинныя намѣренія государственныхъ дѣятелей и народа, какъ со стороны Франціи, такъ и со стороны Германіи.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что Франція, вообще говоря, не желала войны. Пущенная Бисмаркомъ

и съ этого времени постоянно повторявшаяся въ официальной нѣмецкой исторіографіи легенда о воинственной и жаждущей мщенія Франціи, которая будто бы издавна замышляла вторженіе и, вѣря въ свое превосходство, внезапно напала подъ самымъ вздорнымъ предлогомъ на мирную и ни о чемъ не подозрѣвавшую Германію, не имѣетъ подъ собой никакой реальной основы.

Въ дѣйствительности, во французскомъ обществѣ боролись два противоположныхъ чувства. Въ сущности, никто не хотѣлъ войны. Апатичный и склонный къ фатализму императоръ, вѣрилъ въ мудрость народовъ и прогрессивное умиротвореніе умовъ. Его совѣтники, по крайней мѣрѣ, наиболѣе проицательные, не могли скрыть отъ себя всю рискованность столкновенія съ побѣдителями при Садовой. Буржуазія, отвыкшая отъ военной доблести и духа самопожертвованія, поглощенная заботами о роскоши и матеріальномъ благостояніи, въ своемъ позитивномъ материализмѣ чувствовала глубокое отвращеніе къ варварству кровавыхъ международныхъ столкновеній и охотно падѣвала на себя мантию неопредѣленной и великодушной гуманности. Наконецъ, народъ въ своемъ огромномъ большинствѣ былъ такъ же мирно настроенъ, какъ и буржуазія, и не питалъ никакой злобной ненависти къ своимъ сосѣдямъ, которыхъ онъ почти и не зналъ. Но, съ другой стороны, послѣ битвы при Садовой Франція не могла уже скрывать отъ себя, что возникновеніе честолюбивой и смѣлой военной державы на ея восточной границѣ представляетъ изъ себя серьезную угрозу для ея безопасности и европейскаго положенія. Отсюда—сложное чувство изумленія, негодованія и безпокойства. Друзья императорскаго правительства страстно желали какого-нибудь внѣшняго успѣха, который хотя бы отчасти явился въ глазахъ общественнаго мнѣнія компенсаціей огромныхъ прибрѣтеній Пруссіи. Представители французской буржуазіи, напр., Тьеръ,

въ сильномъ безпокойствѣ указывали на то, какую опасность для Франціи составляетъ ростъ Пруссіи, и рѣзко упрекали французскую дипломатію, допустившую объединеніе Германіи безъ всякой компенсаціи для Франціи. Негодовали на Пруссію и Бисмарка за то, что они «обманули» французовъ. Считались съ возможностью войны, но не вѣрили въ то, что она дѣйствительно будетъ. Говорили о военныхъ приготовленіяхъ. Но буржуазія, отказываясь открыто примириться съ совершившимся фактомъ и согласиться на тотъ ущербъ, который, несомнѣнно, должно было принести Франціи новое положеніе дѣлъ, въ то же время не хотѣла принять на себя жертвъ, неизбежно связанныхъ съ войной. Правительство, требовавшее полной реорганизаціи арміи, не находило въ себѣ достаточно энергіи, чтобы заставить общественное мнѣніе принять ее. Такимъ образомъ, во Франціи создается неопредѣленное и въ то же время опасное настроеніе: преобладаетъ желаніе мира, но къ нему примѣшивается глухое раздраженіе; неопредѣленные воинственные стремленія выливаются въ громкіе слова и проекты, не приводя къ какому-либо практическимъ дѣйствіямъ и мужественной рѣшимости.

Общественное мнѣніе Германіи неизмѣримо проще и рѣшительнѣе. Антипатія къ легкомысленному, тщеславному и драчливому кельту, вражда къ вѣроломной націи, избѣжавшей въ 1815 году заслуженнаго возмездія лишь благодаря несвоевременной и трусливой слабости Англіи и Россіи, желаніе вернуть Эльзасъ, огорванный у имперіи путемъ обмана Людовикомъ XIV, эти чувства были широко распространены въ Германіи, особенно же въ Пруссіи. Въ XIX вѣкѣ они неоднократно вспыхивали, всякій разъ, когда Германія чувствовала для себя опасность со стороны Франціи. Въ этомъ настроеніи было гораздо больше твердости и реальной силы, чѣмъ въ поверхностномъ шовинизмѣ французовъ, проявлявшемся до 1870 года въ безобид-

номъ и болтливомъ самодовольствѣ. Во главѣ Германіи стоялъ человекъ, знавшій, чего онъ хотѣлъ, и хорошо понимавшій всю пользу, которую можно было извлечь изъ ненависти къ наслѣдственному врагу для завершения дѣла нѣмецкаго объединенія.

Раздѣлялъ ли Бисмаркъ въ глубинѣ своей души національные предразсудки нѣмцевъ противъ наслѣдственнаго врага? Въ этомъ можно сомнѣваться, и французскіе историки отмѣтили, что, во всякомъ случаѣ, онъ былъ вполне свободенъ отъ шовинистическаго романтизма, и, быть-можетъ, болѣе другихъ своихъ соотечественниковъ способенъ воздать должное достоинствамъ французской расы. Считалъ ли онъ франко-нѣмецкую войну неизбѣжной и работалъ ли онъ систематически надъ тѣмъ, чтобы ускорить ея взрывъ? Моментъ, когда для него выяснилась необходимость войны, въ настоящее время еще возбуждаетъ споры. Было ли это въ 1866 году, когда нетактичная попытка французскаго посредничества и бахвальство наполеоновской прессы вызвали во всей Германіи единодушное негодованіе? Былъ ли уже люксембургской вопросъ ловушкой, поставленной французскому правительству съ цѣлью принудить его къ войнѣ? Или же Бисмаркъ принялъ рѣшеніе въ 1869 году, когда онъ понималъ, что добровольное и мирное присоединеніе Баваріи къ Германскому Союзу невозможно, и что необходимо принудить баварцевъ идти или съ французами противъ нѣмцевъ или съ нѣмцами противъ французовъ? Объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: немного ранѣе или немного позднѣе, но наступилъ моментъ, когда Бисмаркъ убѣдился въ неизбѣжности войны, убѣдился, что Франція никогда не примирится съ образованіемъ на своей границѣ великой военной державы, что, поэтому, необходимо предупредить ее, не представляя ей выбора момента для нападенія.

Ничто, впрочемъ, не могло такъ крѣпко спаять нѣмецкое единство, какъ кровь, сообща пролитая на полѣ битвы. Война 1866 года принудила Австрію и всю Германію признать нѣмецкое единство подъ гегемоніей Пруссіи: оставалось еще добиться его признанія Европой путемъ національной войны противъ Франціи, которая должна была продемонстрировать Европѣ мощь объединенной Германіи.

Какъ только Бисмаркъ созналъ эту необходимость, его рѣшеніе было принято. Нужно было ускорить начало войны. Но нужно было сдѣлать такъ, чтобы нападеніе исходило со стороны Франціи. Хорошо извѣстно, съ какимъ искусствомъ онъ использовалъ состояніе возбужденія и гнѣва, въ которомъ находилось французское общество, чтобы ввергнуть Францію въ войну, которой она въ сущности не желала, и которую легко могла бы избѣжать при нѣскольکو большемъ хладнокровіи, чтобы натолкнуть правительство Наполеона III на непоправимую ошибку, которая представила его въ видѣ нарушителя международного мира; чтобы сосредоточить все видимость права на своей сторонѣ и убѣдить и своихъ соотечественниковъ, и Европу въ томъ, что Германія стала жертвой безпримѣрнаго вѣроломства. Война, можетъ быть, и не имѣла бы мѣста, если бы во Франціи сумѣли дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ странѣ господствуетъ миролюбивое настроеніе, и отнестись спокойно къ ловкимъ дипломатическимъ ходамъ противника, имѣвшихъ цѣлью зацѣть самолюбіе французозъ. Съ этой точки зрѣнія Франція, несомнѣнно, несетъ на себѣ отвѣтственность за войну. Но воля, которая съ наибольшей страстью хотѣла войны, которая вполне сознательно обдумала и подготовила ее, которая, наконецъ, сдѣлала ее при помощи «смѣлой корректуры» эмской депеши неизбежной, была, несомнѣнно, волей Бисмарка. И эта воля не была произвольнымъ рѣшеніемъ честолюбивой личности. Бисмаркъ былъ твердо убѣжденъ, что, начиная войну, онъ

ведетъ свою родину къ выполнению провиденціальной миссіи, воплощаетъ волю къ власти имперіалистической Германіи, стремящейся занять достойное ея мѣсто въ Европѣ и послѣ вѣкового упадка и униженія завоевать себѣ славное и счастливое будущее. Когда оружіе сказало свое слово, когда смѣлость великаго министра вторично увѣнчалась успѣхомъ, когда 18-го января 1871 года въ Зеркальной галлерей Версальскаго дворца король Вильгельмъ занялъ остававшійся въ теченіе болѣе, чѣмъ 60 лѣтъ вакантнымъ, престолъ германскаго императора, національное объединеніе Германіи было окончательно завершено. Правда, договоры, которыми южныя государства, Баварія, Вюртембергъ и Баденъ, присоединились къ Сѣверо-германскому союзу, обманули въ первый моментъ надежды ярыхъ сторонниковъ единства, требовавшихъ радикальнаго преобразованія Германіи и мечтавшихъ о великой единой монархіи съ сильной центральной властью. Но права, которыя Бисмаркъ согласился признать за южными государствами, являлись лишь безобидными формальными уступками партикуляристическимъ чувствамъ и предразсудкамъ и не представляли никакой опасности для національнаго единства. Нѣмецкіе государи сохранили по видимости довольно широкую самостоятельность. Въ дѣйствительности же они были безвозвратно лишены всякой реальной власти. Соперничество, парализовавшее нѣкогда силу Германіи, стало уже невозможнымъ; оно свелось къ мелкимъ провинціальнымъ спорамъ, которымъ нельзя придавать серьезнаго значенія. Со времени войны 1870 года въ Германіи нѣтъ болѣе государствъ; существуютъ лишь провинціи. Власть императора занимаетъ все болѣе преобладающее положеніе; имперскія учрежденія все тѣснѣе спаиваютъ отдѣльныя части Имперіи. Новая Германія, выкованная Бисмаркомъ, является не простой федераціей независимыхъ государствъ, а представляетъ изъ себя сильную военную монархію, лишь нѣсколько болѣе децентрализованную, чѣмъ другія государства Европы.

ГЛАВА IV.

Внѣшняя политика Германской Имперіи.

I. Европейская политика Германіи.

Сила сдѣлала то, чего не удалось выполнить свободной волей. Завоеванная прусскими штыками, одержавшая потомъ подъ руководствомъ Пруссіи побѣду надъ Франціей, Германія получила единство не путемъ добровольнаго рѣшенія націи, но благодаря неукротимому стремленію прусскаго государства къ власти. Тѣмъ не менѣе, она достигла цѣли, къ которой стремилась въ продолженіи цѣлаго вѣка. Имперія была восстановлена. Съ этого момента Германія стала искренне миролюбивой. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, что военные успѣхи не привели націю въ состояніе воинственнаго оупьяненія, не вызвали въ ней соблазна продолжать силой распространять свое господство. Послѣ 1870 года ни государи, ни народы не желаютъ новыхъ войнъ. Они сознаютъ, что Германія «насытилась» и нуждается въ долгихъ годахъ покоя, чтобы переварить прибрѣтенное, привести въ порядокъ свои внутреннія дѣла, развить свою индустрію. Всѣ въ Германіи желаютъ міра.

Но свое положеніе, прибрѣтенное при помощи силы, Германія могла сохранить, лишь держа своихъ противниковъ въ страхѣ передъ превосходствомъ своей военной силы.

Внутреннихъ затрудненій уже нечего было бояться. Нѣмцы скоро простили Пруссіи ту суровость, съ которой она вела ихъ къ единству. Правда, время отъ времени,

раздавались жалобы на прусское высокомеріе и крутость. Но ни традиціонная вражда, продолжавшая кое-гдѣ еще существовать, ни мелкія тренія, которыя иногда возникали, не могли подорвать чувства національной солидарности. Партикуляризмъ былъ окончательно побѣжденъ и не могъ уже создать серьезныхъ затрудненій для новыхъ руководителей Германіи.

Серьезнѣе было сопротивленіе не-нѣмецкихъ народностей, присоединенныхъ къ Имперіи прусскими побѣдами. На востокѣ поляки продолжаютъ возставать противъ всякихъ попытокъ германизаціи и упорно отстаивать свою національность противъ повелителей-нѣмцевъ. На сѣверѣ, — сѣверный Шлезвигъ остался настолько датскимъ, что даже теперь, послѣ 40-лѣтняго завоеванія, его населеніе продолжаетъ протестовать противъ аннексіи, относительно которой, несмотря на требованія пражскаго договора, его не опросили, и которая глубоко возмущаетъ его національное чувство. На западѣ Эльзась-Лотарингія, въ теченіе долгихъ лѣтъ подчеркивавшая свою приверженность къ побѣжденной Франціи и антипатію къ завоевателямъ, въ концѣ-концовъ, признала совершившійся фактъ. Но, не дѣлая въ настоящее время затрудненій Германіи съ политической и національной точки зрѣнія, она все-же продолжаетъ свою оппозицію въ сферѣ культуры, громко заявляя о своемъ желаніи сохранить свою индивидуальность и остаться страной смѣшанной полуфранцузской, полунѣмецкой культуры. Такимъ образомъ, послѣ побѣды 1870 года часть подданныхъ Имперіи переносятъ создавшееся положеніе только съ относительной покорностью и никогда не давала въ глубинѣ души своего согласія на рѣшеніе грубой силы, сдѣлавшее ихъ нѣмцами. Однако, нужно признать, что эта оппозиція, какъ бы законны и достойны всяческаго уваженія не были ея мотивы, остается довольно глатонической и пассивной. Она слишкомъ изолирована,

слишкомъ явно слаба, чтобы доставить какія-либо затрудненія Германіи.

Но, достигнувъ матеріальнаго и моральнаго единства, Германія вмѣстѣ съ тѣмъ создала себѣ внѣшняго врага, который, не представляя никакой опасности непосредственно послѣ войны, могъ современемъ стать опять грознымъ. Франкфуртскій миръ создалъ между Франціей и Германіей состояніе скрытой вражды, которое, продолжаясь безконечно, привело обѣ страны къ режиму вооруженнаго мира и взаимнаго недовѣрія..

Германія не сочла нужнымъ щадить побѣжденную Францію. Убѣжденные въ неизбежности реванша въ ближайшемъ же будущемъ, въ томъ, что Франція, собравшись съ силами, неминуемо возобновитъ свою вѣковую борьбу противъ Германіи, Бисмаркъ и военная партія заботились единственно о томъ, чтобы надолго лишить Францію возможности вредить и обезпечить Германіи, въ виду предстоящей войны, благоприятное стратегическое положеніе. При этихъ условіяхъ они не поколебались потребовать уступки Эльзаса-Лотарингіи, въ которой они видѣли крѣпостную стѣну, необходимую для безопасности Германіи, и ворота, обладая которыми они получали возможность въ любой моментъ вторгнуться во Францію. Для нихъ имѣли мало значенія болѣзненные протесты французскаго общественнаго мнѣнія противъ этого требованія, возмущавшаго до глубины души французское сознаніе. Въ ихъ глазахъ національный интересъ стоялъ выше всѣхъ другихъ соображеній. Сила должна была поддержать то, что было создано силой же. Такимъ образомъ, культъ силы вкореняется еще глубже въ нѣмецкую душу. Онъ не является для нея лишь выраженіемъ той напряженной воли къ матеріальному могуществу во всѣхъ его формахъ, въ которой мы видимъ одну изъ наиболѣе характерныхъ психологическихъ чертъ современной эпохи. Въ еще большей

степени онъ укрѣпляется сознаниемъ, что въ международномъ договорѣ, на который опирается могущество современной Германской Имперіи, противная сторона всегда видѣла лишь выраженіе существующаго соотношенія силъ. Поддержаніе этого превосходства силы, на которомъ покоится величіе современной Германіи, является, поэтому, для нея вопросомъ жизни или смерти.

Такимъ образомъ, поддержаніе и развитіе военнаго могущества остается все время одной изъ первыхъ національныхъ задачъ Германіи. Въ Германіи убѣждены,—и это убѣжденіе старательно культивируется въ народѣ,— что Франція стремится къ реваншу, что она упорно готовится къ нему, и что она начнетъ борьбу, лишь только почувствуетъ себя болѣе сильной. Поэтому необходимо, чтобы Германія, по выраженію Бисмарка, всегда оставалась «на-сторожѣ», чтобы «ея порохъ всегда былъ сухимъ, а мечъ отточеннымъ». Чѣмъ грознѣе будетъ ея вооруженіе, чѣмъ безспорнѣе будетъ ея военное превосходство, тѣмъ лучше будетъ обезпеченъ миръ.

Вскорѣ послѣ заключенія мира начинаются приготовленія къ будущей войнѣ. Въ крѣпости Шпандау откладывается запасной военный фондъ, чтобы покрывать имъ издержки первыхъ дней мобилизаціи. Реставрируютъ и строятъ вновь рядъ важныхъ крѣпостей. Строятъ множество стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій. Затѣмъ, въ 1874 году рейхстагъ принимаетъ законъ о такъ называемомъ септеннатѣ, фиксировавшій на семь лѣтъ впередъ составъ арміи въ мирное время и размѣры военнаго бюджета. Въ 1875 году слѣдуетъ законъ о ландверѣ (ополченіи). Въ 1887 — 1888 гг. новые военные кредиты были добыты при помощи роспуска рейхстага и заугиванія страны призракомъ неизбѣжной войны съ Франціей и Россіей. Въ 1890 году слѣдуетъ реформа артиллеріи. Въ 1890—1893 гг. впервые дѣйствительно прово-

дится въ жизнь принципъ всеобщей воинской повинности; эта реформа увеличиваетъ мирные контингенты арміи на 100,000 человекъ и становится возможной лишь благодаря введенію двухлѣтней военной службы. Въ 1899 году правительство добивается у рейхстага новаго увеличенія военныхъ кредитовъ ¹⁾. Наконецъ, правительство все время заботится о томъ, чтобы поддержать военный духъ какъ въ высшихъ классахъ, такъ и въ народной массѣ и возвысить престижъ арміи и военной службы.

Эти упорныя и методическія усилія принесли свои плоды. Религія милитаризма, проповѣдуемая дѣтямъ въ школахъ, основательно вбиваемая въ головы солдатамъ во время ихъ дѣйствительной службы въ полкахъ, старательно поддерживаемая при помощи безчисленныхъ патриотическихъ ассоціацій, покрывающихъ всю страну, насчитываетъ въ Германіи лишь очень немного невѣрующихъ противниковъ. Правда, начинаютъ видѣть и темныя стороны милитаризма. Оппозиціонныя газеты, романы, театральныя пьесы нападаютъ въ настоящее время на тѣ или дныя злоупотребленія, разоблачаютъ дурное обращеніе съ солдатами, критикуютъ аристократическую организацію офицерскаго корпуса, рисуютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ неестественныя и притупляющія условія жизни солдата въ мирное время. Но эти пессимистическія сужденія распространены, повидимому, лишь въ очень узкихъ кругахъ. Страна въ дѣломъ, по-прежнему, глубоко привязана къ арміи и проникнута тѣмъ военнымъ духомъ, которому Пруссія обязана своимъ величіемъ. Она безъ жалобъ несетъ тяжелое бремя милитаризма. Она видитъ

¹⁾ Въ 1912 году черезъ рейхстагъ былъ проведенъ новый военный законъ, увеличившій военный бюджетъ на пятилѣтіе 1913—1917 гг. почти на 1 миллиардъ марокъ и доведшій составъ арміи въ мирное время до 700,000 человекъ. Военный флотъ былъ усиленъ 3-мя дредноутами. *Прим. пер.*

въ поддержаніи сильнаго военнаго могущества необходимость, которая является не только неизбежной, но даже славной и благодѣтельной, и облегченіе этой тяжкой обязанности считаетъ совершенной утопій.

Стараясь довести свои вооруженія до высшей степени совершенства и сохранить первое мѣсто въ ряду мировыхъ военныхъ державъ, Германія въ то же время стремится сдѣлать свое положеніе въ Европѣ неуязвимымъ при помощи системы союзовъ, которые должны въ случаѣ войны обезпечить ей безусловное превосходство надъ любымъ противникомъ.

Достаточно будетъ въ двухъ-трехъ словахъ напомнить, какимъ образомъ дипломатическій геній Бисмарка сумѣлъ разрѣшить эту проблему, сумѣлъ увѣрить Европу въ мирныхъ намѣреніяхъ Германіи, избѣжать коалиціи всѣхъ державъ, зависть и недовольство которыхъ возбудило внезапное возвышеніе Германіи, устроить соглашеніе трехъ императоровъ, организовать сначала австро-германскій (1879), а затѣмъ и Тройственный союзъ (1883) и такимъ образомъ объединить вокругъ Германіи противъ Россіи и Франціи сначала Австрію, которую онъ удачно сумѣлъ расположить къ Германіи, несмотря на недавнюю побѣду при Садовой, и немного позднее — Италію, интересы которой сталкивались съ французскими въ сферѣ средиземноморской политики. Эта дипломатическая комбинація обезпечила Германіи, какъ извѣстно, твердое положеніе въ Европѣ. Можно, конечно, констатировать возникновеніе и другихъ группировокъ, соединившихъ приблизительно эквивалентныя силы. Франко-русскій союзъ и недавно образовавшееся англо-французское соглашеніе уравновѣсили Тройственный союзъ. Возникаетъ даже вопросъ, не думаетъ ли Италія нѣсколько ослабить ту связь, которая соединяетъ ее съ ея нѣмецкими союзниками. Въ Алжезирасѣ одна лишь Австрія поддер-

живала притязанія Германіи противъ единодушнаго мнѣнія западныхъ державъ. Вліятельные органы нѣмецкой прессы могли жаловаться на «изолированность» Германіи въ Европѣ и нападать на политику, приведшую къ этимъ результатамъ. И все-же мы должны констатировать, что Австро-германскій союзъ, сведенный на одни только собственные средства, представляетъ въ достаточной степени внушительную силу, чтобы обезпечить Германіи въ концертѣ европейскихъ державъ вліяніе, которое никто не посмѣетъ оспаривать у нея.

При этихъ условіяхъ общественное мнѣніе Германіи уже перестало считать Францію опаснымъ соперникомъ. Въ Германіи думаютъ, что Франція далеко отстала отъ Германіи и уже не въ состояніи возобновить съ серьезными шансами на успѣхъ борьбу за гегемонію. Считается доказаннымъ, что огромныя усилія Франціи по окончаніи войны 1870 года создать военное могущество, равное нѣмецкому, — окончилась неудачей. Прогрессивно возрастающая разница между численностью населенія Франціи и численностью населенія Имперіи явнымъ образомъ обезпечиваетъ военный перевѣсъ за Германіей. Въ уменьшеніи числа браковъ и рожденій видятъ симптомъ глубокой слабости и опаснаго истощенія, лишаящій французовъ всякой надежды вернуть когда-либо потерянное. Съ другой стороны, думаютъ, что союзъ съ Россіей и соглашеніе съ Англійей не измѣнили положенія къ выгодѣ французовъ. Эти комбинаціи, въ которыхъ Франція вынуждена довольствоваться второстепенной ролью въ сравненіи съ болѣе «предпримчивыми» и «имперіалистическими» державами, съ которыми она заключила союзъ, ни на шагъ не приблизили ее къ преслѣдуемой ею цѣли, къ реваншу на континентѣ, отъ котораго, какъ увѣряютъ, она ни на минуту не думаетъ отказаться. Россія извлекла значительныя финансовыя выгоды изъ союза съ Франціей.

Тѣмъ не менѣе, она вела совершенно независимо свою мировую политику и, повидимому, отложила мысль о франко-русскомъ крестовомъ походѣ противъ Германіи на неопредѣленное время. Что же касается до Англии, то она не желала бы лучшаго, чѣмъ натравить Францію на Германію, какъ она натравила Японію на Россію, и англо-французское соглашеніе чуть не втянуло Францію въ войну, въ которой ея войскамъ пришлось бы на контингентѣ однимъ мѣряться силами съ нѣмецкой арміей. Слѣдовательно, это была невыгодная для Франціи комбинація. Въ глазахъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ публицистовъ, мароккскій вопросъ доказалъ, что Франція, вынужденная съ нѣкотораго времени отказаться отъ стремленія уравнивать свои военныя силы съ силами Германіи, должна теперь отказаться и отъ намѣренія вызвать противъ Германіи коалиціонную войну и уничтожить ея законное вліяніе угрозой франко-русскимъ или франко-англо-русскимъ союзомъ.

Не будемъ, поэтому, скрывать, что консервативная Германія смотритъ на Францію съ недовѣріемъ, къ которому примѣшивается нѣкоторая доля презрѣнія. Франція заражена до мозга костей революціоннымъ ядомъ, отдана во власть якобинцевъ и социалистовъ, осуждена страдать отъ неустойчивости правительства и административнаго безпорядка; зло поразило ея самыя жизненныя функціи, прежде всего ея военную силу, которую подрываетъ интернаціоналистическая и антимилитаристическая пропаганда. По мнѣнію нѣмцевъ, она приближается къ своему упадку, ея жизненныя силы слишкомъ ослабли, чтобы она смѣла броситься въ мировую политику, ей грозитъ перспектива мало-по-малу спуститься до положенія второстепенной державы. Слишкомъ тщеславная, чтобы признать свою слабость, и слишкомъ импульсивная, чтобы примиться съ неизбежнымъ самоограниченіемъ, она, несмотря на все, еще

способна на неожиданныя выступленія, ибо она, въ сущности, плохо обезпечена и недостаточно владѣеть собою. Считаютъ несомнѣннымъ, что страстная жажда реванша, стремленіе къ гегемоніи въ Европѣ, наконецъ, завоевательные аппетиты,—единственная изъ прежнихъ традицій французской политики, сохранившаяся при Третьей республикѣ, обуславливаютъ еще и теперь всю ея политику. При такихъ обстоятельствахъ нѣмцы все время остаются на-сторожѣ. Общественное мнѣніе Германіи періодически заподозриваетъ Францію въ агрессивныхъ планахъ. Оно періодически истолковываетъ въ смыслѣ воинственныхъ стремленій и преднамѣренныхъ оскорбленій всѣ усилія Франціи выйти изъ того зависимаго и стѣсненнаго положенія, въ которомъ она очутилась послѣ войны, и обезпечить себѣ безопасность путемъ развитія своихъ вооруженій и дипломатическихъ комбинацій. Въ свою очередь, Германія своимъ высококомѣрнымъ поведеніемъ и агрессивнымъ выставленіемъ на показъ своей силы вызываетъ во Франціи подозрѣніе, —вѣроятно неосновательное,—въ томъ, что ея намѣренія далеко не такъ мирны, какъ она утверждаетъ, и что она весьма не прочь возобновить тотъ маневръ, который такъ хорошо удался Бисмарку въ 1870 году.

Здѣсь не мѣсто обсуждать цѣну этой «легенды», которая широко распространена въ значительной части нѣмецкаго общества. Стоитъ ли Франція на пути къ социальному разложенію или же на пути къ социальному преобразованію? Дѣйствительно ли замышляетъ мирная французская демократія рѣшительное нападеніе на Германію съ цѣлью возратить силой потерянные провинціи? Или всѣ разговоры о томъ, что Франція занята все время одними лишь притотовленіями къ реваншу, являются только подозрѣніями, во власти которыхъ находится Германія? Мнѣ кажется бесполезнымъ разсматривать здѣсь эти вопросы. Я хочу лишь конста-

тировать, что, несмотря на небывалое развитие научного и художественного обмена между обѣими націями, несмотря на весьма значительный прогрессъ въ смыслѣ взаимнаго сближенія, которое всѣми признается въ высокой степени разумнымъ и желательнымъ, несмотря на то, что какъ съ той, такъ и съ другой стороны все болѣе научаются лучше понимать и цѣнить другъ - друга, между Франціей и Германіей со времени Франкфуртскаго мира существуетъ нѣкоторое взаимное недоувѣріе, которое трудно разсѣять, и которое всегда готово возродиться. Подобно тому какъ въ области хозяйственныхъ отношеній порвавшая всѣ цѣли свободная конкуренція вызвала всюду то неопредѣленное недоуманіе, то глубокое чувство необезпеченности, которое господствуетъ надъ всей современной жизнью, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ интенсивное развитие воли къ власти, «націоналистической» и «империалистической» политики привело къ пессимистическому убѣжденію, что единственнымъ посредникомъ между націями является грубая сила, что слабому постоянно грозитъ насиліе со стороны сильного. Отсюда страстное стремленіе быть сильнымъ, во чтобы то ни стало, довести до крайнихъ предѣловъ оборонительныя и наступательныя средства своего отечества. Не можетъ быть сомнѣнія, что и французскъ и нѣмцевъ къ этой точкѣ зрѣнія привелъ опытъ 1870 года, усиленный и подтвержденный рядомъ другихъ эпизодовъ современной исторіи. Въ какой мѣрѣ оправдываются эти тенденціи самой природой вещей? До какой степени неизбѣжно, чтобы все возрастающая доля національной энергіи расходовалась исключительно въ защиту націи отъ грубыхъ нападений? Будутъ ли имѣть успѣхъ усилія пацифистовъ создать международную этику, сдѣлать невозможными вооруженные конфликты между націями? Эти вопросы стоятъ передъ современнымъ чело-

вѣкомъ во всей своей болѣзненной остротѣ. Въ Германіи общество въ огромномъ своемъ большинствѣ склонно думать, что эти вопросы еще очень далеки отъ своего разрѣшенія. Германія, какъ мы видѣли, продолжаетъ быть вѣрной культу арміи, по-прежнему гордится своею силой и полна твердой рѣшимости не дать ей ослабнуть. Даже среди социалистическихъ массъ чувство интернаціональной солидарности пролетаріата не подорвало серьезно націоналистическаго духа. На порогѣ новаго вѣка, объединенная Германія болѣе, чѣмъ когда-либо, представляетъ изъ себя замѣчательно организованную волю къ власти, совершенно не склонную разоружаться.

II. Міровая политика.

Стремленіе Германіи утвердить свою мощь, опираясь на превосходство своей военной организаціи и прочность своихъ союзовъ, выходитъ за предѣлы Европы. Ея политика принимаетъ міровой характеръ. Понятіе нѣмецкаго империализма въ теченіе послѣдней стадіи національнаго развитія получаетъ новое расширеніе, которое намъ и предстоитъ теперь опредѣлить во всемъ его объемѣ.

Прежде всего, современная Германская Имперія, не представляетъ изъ себя всей Германіи. Она, — нѣмецкіе историки это охотно подчеркиваютъ, — является лишь неполнымъ, и, несомнѣнно, предварительнымъ рѣшеніемъ нѣмецкаго вопроса. «Германія», — всюду, гдѣ господствуетъ нѣмецкій языкъ, всюду, гдѣ процвѣтаетъ нѣмецкая культура. Она со всѣхъ сторонъ выходитъ за предѣлы границъ Имперіи. Цислейтанская Австрія насчитываетъ въ 1900 году 9,171,000 нѣмцевъ или 36% всего населенія, которые энергически поддерживаютъ свою націо-

нальность, языкъ, культуру, свое господствующее вліяніе и оспариваютъ каждую пядь земли въ Богеміи, гдѣ славянское большинство окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми средствами силится установить свое преобладаніе.

Въ Транслейтаніи, несмотря на упорную борьбу мадьяръ противъ германскаго элемента, все-же насчитывается еще до 2,135,000 нѣмцевъ, которые упорно отстаиваютъ свои позиціи и даже захватываютъ новыя, какъ на примѣръ въ Кроаціи и Славоніи, гдѣ нѣмецкое населеніе болѣе, чѣмъ учетверилось за послѣдніе полвѣка. На востокѣ «Великая Германія» предъявляетъ свои притязанія на 250,000 нѣмцевъ, которые составляютъ высшій культурный и владѣльческій слой въ русскомъ Прибалтійскомъ краѣ. На югѣ она включаетъ въ себя нѣмецкую Швейцарію, хотя здѣсь германскій элементъ, повидимому, вынужденъ нѣсколько отступить передъ напоромъ кельтскаго элемента. На западѣ она захватываетъ Голландію и фламандскую Бельгію съ ихъ крупными нѣмецкими колоніями (32,000 въ Голландіи, 68,000 въ Бельгіи и Люксембургѣ). Въ этихъ двухъ странахъ съ населеніемъ германской расы, торговыя сношенія которыхъ съ Германіей становятся все болѣе оживленными, возникла самостоятельная чуждая французской культуры, которая неизбежно должна возобновить традиціонную связь, соединявшую ее нѣкогда съ германской цивилизаціей.

Далѣе, помимо тѣхъ областей, гдѣ германскій элементъ осѣлъ издавна и болѣе или менѣе компактными массами, идеальная Германія включаетъ въ себя и всѣхъ нѣмцевъ, покинувшихъ свою родину съ намѣреніемъ или безъ намѣренія возвратиться обратно: солдатъ, которые предложили свои услуги чужеземнымъ повелителямъ, католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, изслѣдователей Африки или Азіи, и особенно эмигрантовъ, которыхъ

нищета или предпринчивость заставляют искать счастья по ту сторону океана. Всѣ эти нѣмцы, которыхъ судьба разбѣяла по всей поверхности земнаго шара, также составляютъ весьма цѣнный факторъ германскаго могущества.

Извѣстно, насколько усилилась эмиграція, особенно начиная съ 1830 года. Число нѣмцевъ, покинувшихъ свою родину въ теченіе XIX вѣка, опредѣляютъ въ пять милліоновъ. Въ одно только десятилѣтіе 1881—1891 гг. эмигрировало до 1,3 милліона. Въ разныхъ странахъ возникло множество нѣмецкихъ колоній. Наиболье значительной изъ нихъ является колонія въ Соединенныхъ Штатахъ. Насчитывается до 25-ти милліоновъ американцевъ нѣмецкой крови и отъ 10-ти до 12-ти милліоновъ тѣхъ, нѣмецкое происхожденіе которыхъ сказывается еще замѣтнымъ образомъ, въ томъ ли, что они говорятъ по-нѣмецки, въ томъ ли, что они произошли отъ родителей нѣмцевъ, или, наконецъ, въ томъ, что они сохранили въ своихъ привычкахъ и культурѣ связь съ родиной. И эта внушительная колонія,—въ Соединенныхъ Штатахъ почти столько же нѣмцевъ, сколько въ Австріи!—могла бы быть первостепенной опорой для германскаго могущества, если бы нѣмецкій элементъ не ассимилировался съ такою легкостью и не терялъ своихъ расовыхъ чертъ во второмъ или третьемъ поколѣніи, иногда даже въ первомъ.

Напротивъ, въ Южной Америкѣ эмигранты, хотя ихъ здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ (число ихъ не достигаетъ полумилліона), лучше сохранили свой національный характеръ. Значительныя поселенія встрѣчаются въ Чили, Боливіи, Буэнос-Айресѣ и особенно въ Бразиліи, гдѣ въ штатѣ Rio Grande do Sul возникла цвѣтущая колонія почти въ 200,000 душъ, что составляетъ половину всего нѣмецкаго населенія Бра-

зили. Въ Австраліи нѣмецкимъ колонистамъ суждено, по видимому, такъ же скоро ассимилироваться съ англо-саксонскимъ элементомъ, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Напротивъ, нѣмецкіе колонисты, которые эмигрировали на востокъ въ русскія и турецкія владѣнія и дошли до Кавказа, Туркестана и Сибири, съ одной стороны, до Палестины, съ другой, по видимому, лучше сохранили свою этническую индивидуальность и обнаружили способность къ развитію и процвѣтанію. То же самое можно сказать и относительно другихъ нѣмецкихъ колоній въ Азіи (я имѣю въ виду голландскія колоніи) и Африкѣ, гдѣ, особенно въ Капландѣ, нѣмецкій элементъ очень силенъ, и гдѣ, несмотря на недавній разгромъ буровъ, ему, можетъ-быть, суждено сыграть выдающуюся роль. Наконецъ, чтобы закончить обзоръ германскихъ силъ, мы должны принять въ расчетъ и многочисленныхъ нѣмцевъ, разсѣянныхъ во всѣхъ странахъ Европы: во Франціи (87,000), Англии (53,000), Италіи (11,000), Даніи (35,000), государствахъ Скандинавскаго полуострова, Сербіи, Болгаріи, Румыніи, Турціи и др.

Въ цѣломъ, къ началу XX столѣтія число нѣмцевъ, живущихъ въ Европѣ, опредѣляется въ 76,5 милліоновъ; къ нимъ нужно прибавить еще 12 милліоновъ, разбросанныхъ по всѣмъ другимъ частямъ свѣта: болѣе 10-ти милліоновъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 400,000 въ Канадѣ, 18,000 въ Центральной Америкѣ, немного менѣе 500,000 въ Южной Америкѣ, 623,000 въ Африкѣ, 110,000 въ Океаніи, 88,000 въ Азіи.

Мы закончили перечисленіе нѣмецкихъ силъ за предѣлами Имперіи. Но Германія разсѣиваетъ по всему свѣту не однихъ колонистовъ; ея капиталы также ищутъ за границей выгоднаго помѣщенія. По мѣрѣ того, какъ Германія становится вывозящей страной, по мѣрѣ того какъ растетъ ея индустрія и увеличивается ея морская тор-

говля ¹⁾, значительно возрастают и ея матеріальные интересы заграницей.

Въ центральной Европѣ благодаря нѣмецкому капиталу развивается главнымъ образомъ итальянская промышленность. На востокъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ находится Турція. Отношенія между обѣими странами, весьма сердечныя уже со времени русско-турецкой войны, стали еще тѣснѣе въ 1882 году, когда военная миссія фонъ-деръ Гольца-паша и Рюстова-паша взяла въ свои руки реформу оттоманской арміи. Турція быстро превращается въ настоящій фьѳъ нѣмецкихъ промышленниковъ, банкировъ и инженеровъ. Нѣмецкій денежный капиталъ мало-по-малу овладѣваетъ важнѣйшими желѣзнодорожными линіями Оттоманской имперіи. Путемъ смѣлой политики мирнаго проникновенія, путемъ постройки большихъ желѣзнодорожныхъ линій, Германія стремится открыть для своей эксплуатаціи Малую Азію, затѣмъ Месопотамію и связать великой трансконтинентальной желѣзной дорогой Константинополь съ Персидскимъ заливомъ ²⁾. Торговья сношенія Германіи съ Дальнимъ Востокомъ также усилились съ того вре-

1) Торговый флотъ Германіи, какъ извѣстно, развивается съ момента основанія Имперіи чрезвычайно быстро. Вычисляютъ, что его провозоспособность утроилась со времени 1871 года и удвоилась со времени 1880 года. Онъ ведетъ торговлю не только между нѣмецкими портами и между нѣмецкими и иностранными портами: вычислено, что въ 1901 году изъ 53,9 милліоновъ тоннъ груза, перевезенныхъ нѣмецкимъ флотомъ, 3,9 милліона были транспортированы изъ нѣмецкихъ портовъ въ нѣмецкіе же, 12,4 милліона тоннъ изъ нѣмецкихъ портовъ въ иностранные или наоборотъ и 38,1 милліона тоннъ изъ иностранныхъ портовъ въ иностранные.

2) Нѣмецкій капиталъ построилъ въ Малой Азіи желѣзнодорожныя линіи изъ Гайдаръ-Паша въ Эски-Хейръ и Ангору, изъ Эски-Хейра въ Конію, изъ Афіуна въ -Смирну. Изъ Месопотамской линіи до сихъ поръ отстроены лишь участки Конія—Бургурлу; дальнѣйшая постройка на время приостановлена вслѣдствіе крупныхъ расходовъ, вызванныхъ проложениемъ пути черезъ Тавръ.

мени, какъ въ 1866 году Сѣверо-Германскій Ллойдъ организоваль регулярные рейсы между нѣмецкими и важнѣйшими восточно-азиатскими и австралійскими портами, и особенно послѣ того, какъ Германія получила въ 1896 году концессіи въ Тіень-Цзинѣ и Ханькоу и заняла въ слѣдующемъ году Кіао-чао. Если вліяніе нѣмецкаго капитала мало замѣтно въ Австраліи и Сѣверной Америкѣ, если оно не развивается и въ Африкѣ въ той мѣрѣ, какъ того желали бы «колониальные» пангерманисты, оно за-то весьма значительно въ Южной Америкѣ, въ Мексикѣ, Гватемалѣ, Венецуелѣ и особенно въ Южной Бразиліи, гдѣ, какъ мы видѣли выше, нѣмецкая колонизація находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Въ цѣломъ, общая сумма нѣмецкихъ капиталовъ, вложенныхъ въ иностранныя предпріятія, опредѣлялась въ 1899 году въ 7—7,5 милліардовъ марокъ, общая же сумма иностранныхъ цѣнностей, которыми владѣютъ нѣмцы,—въ 12,5—13 милліардовъ марокъ.

Ростъ нѣмецкой индустрии и необходимость защищать національные интересы за границей неизбѣжно должны были привести Германію къ образованію колониальной имперіи.

Правда, Германія вступаетъ на эту дорогу лишь очень поздно, притомъ съ величайшей осторожностью, почти противъ воли. Общественное мнѣніе относилось безъ особаго энтузіазма къ колониальному расширенію, и Бисмаркъ полагалъ, что правительство можетъ вести съ пользой активную колониальную политику лишь при наличности сильной поддержки со стороны общества. При этихъ условіяхъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ послѣ основанія Имперіи для приобрѣтенія колоній почти ничего не дѣлается. Правительство ограничивается защитой нѣмецкихъ подданныхъ и нѣмецкихъ интересовъ за границей. Оно считаетъ возможнымъ дѣлать это съ успѣхомъ, не прибѣгая къ

обширнымъ территориальнымъ захватамъ, ограничиваясь, самое большее, оккупацией гавани или угольной станціи и проводя въ интересахъ своихъ подданныхъ «политику открытыхъ дверей». Однако, эта политика терпитъ неудачу. Германія не одинъ разъ попадаетъ въ непріятные и безславные конфликты съ Англійей, Соединенными Штатами и Испаніей. Въ концѣ-концовъ, ее вытѣсняютъ изъ цѣлага ряда пунктовъ, гдѣ она пыталась ступить ногой. Острова Фиджи, Южная Африка, Сомалійскій берегъ совершенно ускользаютъ изъ ея рукъ; ея попытки утвердиться на сѣверномъ побережьи Борнео, островахъ Зулу, Палао, Каролинскихъ, Маріанскихъ, Самоа, Формозѣ и Филиппинахъ приводятъ или къ неудачамъ или къ весьма посредственнымъ успѣхамъ.

Къ концу 70-хъ годовъ въ Германіи выступаютъ наружу новыя тенденціи въ сферѣ колониальной политики. Рядъ могущественныхъ обществъ, прежде всего «Die deutsche Kolonialgesellschaft», подъ предсѣдательствомъ сначала князя Гогенлос-Лангенбурга, а потомъ герцога Альберхта Мекленбургскаго ставятъ себѣ задачей создать для Германіи колониальную имперію, куда-бы она могла отдавать излишки своего населенія, и куда должна была впредь направлять свою эмиграцію. Идея колонизаціи, національнаго расширенія занимаетъ, такимъ образомъ, въ ихъ программѣ первое мѣсто. Но на-ряду съ этимъ они предполагаютъ, и это станетъ впоследствии основной цѣлью нѣмецкой колониальной политики, обезпечить нѣмецкой индустріи новые рынки и найти выгодное помѣщеніе для свободныхъ нѣмецкихъ капиталовъ. Въ 80-хъ годахъ въ общественномъ мнѣніи, наблюдается вполне определенный переломъ: смѣлые коммерсанты, отважные пионеры, предприимчивые финансисты дѣятельно работаютъ надъ завоеваніемъ и организаціей колоній. Благодаря интеллигентной инициативѣ и настойчивымъ усилямъ крупной торговли и банковъ Германія

закладывает основы колониальной империи в Африке, и в Тихом океане.

Бисмарк, смотревший на колониальные авантюры, в сущности, с недоверием и стремившийся прежде всего к тому, чтобы сохранить в полной неприкосновенности военное могущество Германии, был тоже увлечен этим движением. Он не мог отказать в поддержке пробуждавшейся инициативе. Но он вступил на путь колониальной политики лишь с чрезвычайной осторожностью. Первою его мыслью было предоставить большим компаниям право самостоятельно и под своею ответственностью организовать завоеванные территории и управлять ими. Единственная реальная помощь, которую он им обещал, заключалась в субсидировании скорых пароходных линий, поддерживающих сообщение с Западной Африкой и Тихим океаном. Он рассчитывал таким путем содействовать расширению немецкой торговли в Африке, на Дальнем Востоке, и в Австралийском архипелаге. События однако заставили его сделать это покровительство колониальным предприятиям гораздо более активным, чем он предполагал сначала. Ему пришлось не только создать ряд почтовых пароходных линий и обезпечить путем долгих переговоров с Англией существование молодых немецких колоний, но и создать в Берлине колониальное ведомство для управления колониями от имени Империи и защищать их военной силой. Колониальная политика, возникшая благодаря частной инициативе без его содействия и почти против его воли, превратилась таким образом мало-по-малу в национальное предприятие.

Однако отношение высоких сфер к колониальной политике все еще оставалось весьма неопределенным. Если Бисмарк следили за развитием колониальной политики с все возрастающим сочувствием, то его преемник канцлер Каприви относился к ней с ярко выраженной

антипатіей. Подъ вліяніемъ отрицательнаго отношенія значительной части общественнаго мнѣнія къ далекимъ авантюрамъ, правительство въ теченіе нѣкотораго времени совершенно отказывается отъ активной колоніальной политики и даже обнаруживаетъ стремленіе ликвидировать приобретенныя раньше колоніальныя владѣнія. Англо-германскій договоръ 1-го іюля 1890 года, уступившій Англии взамѣтъ небольшого острова Гельголанда протекторатъ надъ Занзибаромъ и Пембой, указываетъ на глубокій переворотъ въ отношеніи правительственныхъ сферъ къ колоніальнымъ предпріятіямъ.

Но эта система остается въ силѣ лишь въ теченіе довольно короткаго промежутка времени. Послѣ паденія Каприви новыи канцлеръ князь Готенлое снова возвращается къ традиціямъ Бисмарка. Съ этого времени значеніе колоніальнаго вопроса непрерывно возрастаетъ. Колоніи становятся основнѣмъ элементомъ империалистической политики, въ которую Германія устремилась съ 90-хъ годовъ. Германіи пришлось испытать разочарованія, неизбѣжныя для всякой колоніальной державы. Завоеваніе новыхъ варварскихъ странъ совершалось далеко не такъ скоро, какъ надѣялись не въ мѣру послѣшныя спекулянты. Не было недостатка въ кровавыхъ возстаніяхъ и карательныхъ экспедиціяхъ; пришлось пройти и черезъ рядъ «колоніальныхъ скандаловъ». Но страна, повидимому, не устала отъ политики колоніальнаго расширенія. Директоръ колоніальнаго вѣдомства Дербургъ въ одной изъ своихъ пропагандистскихъ рѣчей утверждалъ, что Германія, тратя на колоніи ежегодно въ среднемъ 20 милліоновъ марокъ, увеличила за послѣдніе 22 года стоимость своей колоніальной имперіи на 30 милліардовъ. Это, конечно, ободряющіе и многообѣщающіе результаты. Мы, разумѣется, не знаемъ, въ какой мѣрѣ будущее подтвердитъ оптимистическія пророчества Дербурга. Несомнѣнно лишь одно: общественное мнѣніе сейчасъ на сто-

ронъ колониальной политики, и Германія, несмотря на недавнія затрудненія, стремится теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, сохранить и по возможности расширить свои колониальныя владѣнія.

III. Нѣмецкій имперіализмъ.

Мы можемъ теперь точнѣе опредѣлить тотъ новый путь, на который вступила современная Германія. Ея политика долгое время была преимущественно политикой національной. На основѣ нѣмецкаго государства нѣмецкая политика стремилась прежде всего къ могуществу и преуспѣянію этого государства и, поѣтому, была прежде всего европейскою; она заботилась главнымъ образомъ или даже исключительно о европейскихъ интересахъ Германіи и объ ея положеніи въ Европѣ. Но эта политика постепенно превращается въ мировую и имперіалистическую. Она опирается уже не исключительно на Германскую Имперію, реальную и конкретную, а на совокупность всѣхъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ интересовъ. Она содѣйствуетъ нѣмецкому расширенію во всѣхъ его формахъ и во всемъ мірѣ. «Имперіалистическая Германія» не ограничивается предѣлами Имперіи, она охватываетъ всю сферу нѣмецкихъ интересовъ, расширяется по мѣрѣ расширенія этихъ послѣднихъ, и развивается мирнымъ путемъ, по мѣрѣ того какъ растетъ сфера нѣмецкой активности, не только на нѣмецкой почвѣ, но и за границей. Государства, согласно этой концепціи, являются не замкнутыми областями съ твердо опредѣленными границами, а сферами вліянія съ постоянно мѣняющимся предѣлами, которыя все болѣе переплетаются и взаимно проникають другъ въ друга, которыя постоянно мѣняются по мѣрѣ того, какъ развивается активность и промышленность того или инаго народа. Другими словами:

борьба за власть происходит теперь не только между организованными государствами, проявляется не только въ формѣ войны и территориальныхъ захватовъ. Она непрерывно ведется между нѣмецкими, американскими, англійскими, французскими «предпріятіями». Эта вѣчная война, уже не военная, а промышленная, торговая и научная, разыгрывается на всей поверхности земнаго шара, всюду, гдѣ сталкиваются соперничающіе интересы. Нѣмецкій империализмъ требуетъ для Германіи не только господствующаго положенія среди европейскихъ державъ. Онъ стремится развить нѣмецкое могущество всюду и во всѣхъ формахъ. Онъ старается усилить связь между нѣмцами Имперіи и нѣмцами другихъ государствъ, развить нѣмецкія поселенія и колоніи эмигрантовъ въ чужихъ странахъ, способствуетъ иностраннымъ предпріятіямъ нѣмецкаго капитала, содѣйствуетъ распространенію нѣмецкой культуры по всему свѣту при помощи школы, науки, книги. Словомъ, империализмъ является программой капиталистическаго предпринимательства, приложенной къ области политики.

Впрочемъ, переходъ отъ національной политики къ политикѣ міровой встрѣтилъ извѣстную оппозицію въ нѣмецкомъ обществѣ и совершился не сразу.

Исторія экономической политики Германіи отчетливо показываетъ, какъ произошелъ этотъ переходъ отъ націонализма къ империализму, на какое сопротивление онъ натолкнулся, и, наконецъ, въ какой мѣрѣ побѣда осталась за империализмомъ. Критическій моментъ наступилъ въ 1891 году, когда общественному мнѣнію и рейхстагу пришлось обсуждать и рѣшать вопросъ о торговыхъ договорахъ, которые должны были вступить въ силу въ слѣдующемъ году и связать договаривающіяся стороны на двѣнадцать лѣтъ. Нужно было рѣшить чрезвычайно важный вопросъ. Должна ли Германія сохранить полную автономію въ области таможенныхъ пошлинъ,

развивать дальше систему покровительства промышленности и сельскому хозяйству и стремиться къ идеалу замкнутого государства, которое удовлетворяетъ всё свои потребности собственными средствами и возможно меньше зависитъ отъ другихъ странъ? Или же послѣ двѣнадцатилѣтняго протекціонистскаго опыта (1878—90 гг.) возвратиться къ болѣе фритредерскимъ тенденціямъ и, продолжая оказывать пужное покровительство національному труду, способствовать развитію международныхъ сношеній и росту нѣмецкаго экспорта путемъ заключенія торговыхъ договоровъ?

Германское правительство высказалось за фритредерское рѣшеніе, исходя при этомъ не только изъ экономическихъ соображеній, но также изъ мотивовъ политическаго порядка. Оно желало усилить близость державъ тройственнаго союза и примыкающихъ къ нимъ крѣпкою экономической связью и надѣялось мало-по-малу подготовить почву для европейскаго таможеннаго союза. Въ этомъ оно встрѣтило поддержку со стороны всѣхъ либеральныхъ партій и даже социалистовъ, видѣвшихъ въ отказѣ отъ покровительственной системы шагъ къ идеалу свободной торговли, и рѣшительную оппозицію со стороны консерваторовъ, которые настойчиво требовали дѣйствительнаго покровительства для земледѣлія и противились заключенію торговыхъ договоровъ со странами, экспортирующими хлѣбъ. Германія, такимъ образомъ, раздѣлилась на два лагеря. Но одной сторонѣ находились представители капиталистическаго предпринимательства требовавшіе политики, которая облегчала бы развитіе международного обмѣна и этимъ способствовала росту индустрии и торговли. На другой сторонѣ—консервативные аграріи, крупные остъ-эльбскіе землевладѣльцы, протестовавшіе противъ радикальнаго превращенія Германіи въ индустріальную страну, видѣвшіе въ поддержкѣ нѣмецкаго сельскаго хозяйства основное условіе здоровья и силы націй и противившіеся всѣми средствами авантюрамъ міровой политики.

Рѣшалась, какъ мы видимъ, сама судьба Германіи. Должна ли была она продѣлать до конца ту эволюцію, на которую вступила подъ вліяніемъ предпринимательства? Должна ли была она рѣшительно оставить земледѣліе и обратиться къ индустріи, преобразовать себя въ огромную фабрику, подчинить все развитію своего экспорта? Или же, напротивъ, она должна была бороться съ теченіемъ, увлекшимъ ее къ индустриализму, прийти на помощь сельскому хозяйству покровительственными пошлинами и рѣшительно поддерживать свою экономическую независимость и національную индивидуальность? Вотъ тѣ жизненные вопросы, изъ-за которыхъ вели споръ представители индустриальнаго капитализма, съ одной стороны, и феодальные аграріи, съ другой, причемъ правительство выполняло роль посредника между обѣими партіями.

Извѣстно, въ какомъ направленіи рѣшило эту проблему нѣмецкое правительство. Оно, явнымъ образомъ, не могло повернуть вспять великое движеніе промышленнаго развитія, которое увлекало страну, и реставрировать патріархальную, земледѣльческую и индивидуалистическую Германію первой половины XIX вѣка. Также мало оно могло рѣшиться выкинуть за бортъ консерваторовъ, поставлявшихъ до сихъ поръ монархіи высше военные и административные кадры и представлявшихъ изъ себя социальную силу, безъ которой оно не хотѣло бы обойтись. Впрочемъ, оно полагало, что часъ радикальнаго рѣшенія еще не наступилъ. Если и не могло быть вопроса о томъ, чтобы принести германскую индустрію въ жертву сельскому хозяйству, то, съ другой стороны, было еще преждевременно жертвовать земледѣліемъ въ пользу развитія экспорта. Слѣдовательно, нужно было найти среднюю дорогу между имперіалистической и націоналистической политикой, нужно было дать какъ индустріи, такъ и сельскому

хозяйству возможность развиваться въ соотвѣтствіи съ ихъ силами, не предрѣшая окончательно будущаго въ томъ или иномъ направленіи. Это и попыталось сдѣлать императорское правительство. Для этой цѣли оно оперлось на католическій центръ, который, какъ мы увидимъ ниже, являлся сложной партіей, соединявшей въ себѣ представителей самыхъ разнообразныхъ экономическихъ и политическихъ направленій.

Вынужденный благодаря своему сложному составу держаться среднихъ рѣшеній центръ оказался специально приспособленнымъ, чтобы служить опорой политикѣ примиренія и золотой середины.

Мы лишь въ немногихъ словахъ отмѣтимъ главные факты, въ которыхъ находить свое выраженіе эта посредническая дѣятельность императорскаго правительства.

Сначала, во время правленія канцлера Каприви (1891—1894 г.) оно заключаетъ рядъ торговыхъ договоровъ съ европейскими державами и, такимъ образомъ, вступаетъ, несмотря на рѣшительное сопротивление консерваторовъ, на путь міровой политики. Затѣмъ, въ 1894 году начинаютъ обсуждаться проекты каналовъ, которые должны соединить Траву съ Эльбой, Дортмундъ съ Рейномъ, Рейнъ съ Везеромъ и Эльбой. Несмотря на ожесточенную оппозицію консервативныхъ аграріевъ, видящихъ въ этихъ крупныхъ работахъ премію индустріи, правительство упорно отстаиваетъ ихъ въ рейхстагѣ, который въ концѣ-концовъ идетъ во всѣхъ почти пунктахъ на уступки твердой волѣ императора. Послѣ паденія Каприви (1894 г.), относившагося враждебно къ колониальной политикѣ, — пангерманисты никогда не простятъ ему сказанныхъ имъ словъ, что самымъ большимъ несчастіемъ для него было бы, если бы ему подарили всю Африку, — нѣмецкой дипломатіей овладѣваетъ новое направленіе. Имперіалистическія тенденціи Германіи выступаютъ все яснѣе и сознательнѣе. Ростъ нѣмецкой колонизаціи и усиленіе могущества Германіи на Дальнемъ Востокѣ, въ

Африкѣ, въ Турціи, въ Марокко остановятся главной заботой Вильгельма II. Внося въ 1896 году въ рейхстагъ законопроектъ объ увеличеніи военнаго флота, правительство ясно выражаетъ свою волю дать Германіи флотъ, способный успѣшно поддержать ея новую имперіалистическую политику. Какъ извѣстно, общественное мнѣніе подѣ влияніемъ горячей пропаганды, въ которой принималъ активное участіе и самъ императоръ, заставило рейхстагъ, несмотря на его первоначально отрицательное отношеніе, принять въ 1898 году требуемыя правительствомъ мѣры. Съ этихъ поръ Германія систематически усиливаетъ свой военный флотъ, который является теперь однимъ изъ самыхъ могущественныхъ въ Европѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ, торговая политика имперскаго правительства, позиція, занятая имъ въ вопросѣ о каналахъ, заботы о развитіи военнаго флота, попеченіе о колоніяхъ показываютъ, что оно твердо намѣрено содѣйствовать мировому расширенію Германіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ недавно, въ 1902 году, при введеніи общаго таможеннаго тарифа, и въ 1904 году, при возобновленіи торговыхъ тарифовъ, оно показало, что вовсе не желаетъ лишиться своего покровительства и нѣмецкое сельское хозяйство. Повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственные продукты всѣхъ родовъ, введеніемъ новыхъ ограниченій для торговли скотомъ и мясомъ оно въ широкой мѣрѣ удовлетворило интересы аграріевъ. Въ общемъ новые торговые договоры явились несомнѣнной побѣдой протекціонистскихъ тенденцій. Во многихъ отношеніяхъ таможенные преграды, отдѣляющія другъ отъ друга европейскія страны, значительно повысились. Поэтому, несмотря на

¹⁾ Въ настоящее время германскій флотъ состоитъ изъ 41 броненосцевъ и 20 большихъ крейсеровъ; онъ занимаетъ второе мѣсто въ мірѣ, уступая лишь англійскому и стоя наравнѣ съ сѣвероамериканскимъ. *Прим. пер.*

нѣкоторыя частичныя улучшенія въ механизмѣ торговыхъ сношеній, обмѣнъ товаровъ сталъ теперь затруднительнѣе, чѣмъ раньше. Этимъ задерживается и индустриальное развитіе Германіи, и эволюція Европы въ сторону экономическаго объединенія и рациональной организациі промышленнаго производства.

Въ какой мѣрѣ нѣмецкое правительство имѣло успѣхъ въ роли посредника? Историкъ еще не можетъ высказаться по этому поводу. Императорская политика подвергалась ожесточеннымъ нападкамъ какъ со стороны аграріевъ, такъ и со стороны представителей индустріи и либераловъ. Либералы за послѣднее время были особенно недовольны правительствомъ. Не отрицая экономическаго расцвѣта Германіи за послѣдніе годы, не оспаривая, что 1906 годъ оказался особенно благоприятнымъ, и что нѣмецкая промышленность продолжаетъ развиваться самымъ блестящимъ образомъ, они отказывались признать за правительствомъ какую бы то ни было положительную роль въ этомъ прогрессѣ. Послѣдній, съ ихъ точки зрѣнія, покоится исключительно на удачной инициативѣ капиталистовъ и предпринимателей. Правительство, говорятъ они, ничего не сдѣлало, чтобы облегчить ихъ задачи. Оно, скорѣе, затруднило ихъ своею торговою политикою, приносящей интересы нѣмецкаго труда въ жертву кучкѣ аграріевъ, и слишкомъ личной внѣшнею политикою, которая своими честолюбивыми замыслами и своими капризными и шумными выступленіями посѣяла всюду безпокойство и недовѣріе и, въ концѣ концовъ, изолировала Германію въ Европѣ.

Но, если лѣвыя партіи мало симпатизируютъ правительству, которое «соединяетъ міровую и имперіалистическую политику съ политикою прусскаго юнкерства», то народныя массы, повидимому, не раздѣляютъ ихъ недовольства. Избиратели во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ высказались въ пользу политики національнаго расширенія, которую правительство выставило въ

своей программѣ, и стали на сторону императора противъ пессимистовъ (Schwarzeher), критикующихъ «новый курсъ»¹⁾. Въ виду этого можно сказать, что императоръ умѣлъ до сихъ поръ довольно удачно находить равнодѣйствующую существующихъ въ странѣ тенденцій, и что источникомъ современнаго нѣмецкаго имперіализма являются не только честолюбивые мечтанія монарха, но и высоко напряженная воля къ власти самого народа.

¹⁾ Авторъ имѣеть въ виду выборы 1907 года. *Прим. пер.*

ГЛАВА V.

Внутренняя политика Германской Имперіи.

I. Внутренняя жизнь Германіи.

Переходя отъ рассмотрѣнія внѣшней политики Германіи къ изученію ея внутренней эволюціи, мы прежде всего должны констатировать, что новая Имперія, вышедшая изъ союза номинально автономныхъ и независимыхъ государствъ, развивается правильнымъ образомъ въ сторону государственнаго единства. Она представляетъ изъ себя сильную монархію, гдѣ реальное вліяніе принадлежитъ органамъ центральной власти: императору, канцлеру съ его статсъ-секретарями и рейхстагу. Центральная власть распоряжается войскомъ и флотомъ. Она руководитъ внѣшней политикой; отдѣльныя государства ни разу даже не попытались воспользоваться предоставленнымъ имъ по договорамъ правомъ контролировать императорскую дипломатію. Имперія имѣетъ собственныя финансы, которые слагаются изъ таможенныхъ пошлинъ, нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ и монополій. Такимъ образомъ, ей уже не приходится непрерывно обращаться къ матрикулярнымъ взносамъ отдѣльныхъ государствъ, чтобы привести въ равновѣсіе свой бюджетъ. Ей, правда, не удалось взять въ свои руки желѣзныхъ дорогъ; онѣ, въ концѣ концовъ, остались въ собственности отдѣльныхъ государствъ. Но, такъ какъ Пруссія вслѣдствіе важности своей желѣзнодорожной сѣти

мало-по-малу приобрѣла преобладающее вліяніе сначала на желѣзнодорожныя сѣти сѣверной Германіи, а потомъ и на сѣти средней и южной Германіи, центральное правительство въ состояніи оказывать весьма значительное воздѣйствіе на всю желѣзнодорожную и транспортную политику. Кромѣ того, въ его рукахъ находятся почта и телеграфъ (исключеніе составляетъ одна лишь Баварія). Монетная система и выпускъ бумажныхъ денегъ едины для всей Имперіи. Законодательство со времени изданія Гражданскаго Уложенія также принимаетъ все болѣе единый характеръ. Словомъ, центральной власти принадлежитъ преобладающее вліяніе во всѣхъ основныхъ областяхъ общественной жизни.

«Германія,—говоритъ новѣйшій историкъ происхожденія Имперіи,—остается страной относительно децентрализованной; но въ ней уже нѣтъ государствъ, а существуютъ только партіи». Поэтому, намъ уже не придется имѣть дѣла съ соперничествомъ нѣмецкихъ государей, какъ въ предшествующіе періоды. Эту главу нѣмецкой исторіи мы вправѣ считать законченной. На авансценѣ политической жизни націи въ настоящее время разыгрывается борьба политическихъ партій изъ-за власти. Что представляютъ изъ себя эти партіи? Чего хотятъ онѣ? Каково ихъ вліяніе на жизнь націи? Какъ и въ какихъ условіяхъ выполняетъ императоръ свою посредническую роль между часто противоположными требованіями этихъ партій? Отвѣтомъ на всѣ эти вопросы мы и займемся въ этой главѣ.

Отмѣтимъ прежде всего одну общую черту, которая вполне отчетливо выступаетъ передъ нами при изученіи политической жизни новой Имперіи: само понятіе партіи испытало въ теченіе послѣдняго періода германской исторіи весьма замѣтное измѣненіе. Мы выше отмѣтили, какъ къ срединѣ вѣка политическая борьба принимала все болѣе реалистическій характеръ, какъ на мѣсто столкновенія

идей и принциповъ мало-по-малу становилась борьба силъ. Мы видѣли, какъ вслѣдствіе развитія капиталистическаго предпринимательства воля къ власти и жажда богатства всюду достигли необычайнаго напряженія. Эти тенденціи еще болѣе подчеркиваются въ теченіе послѣдней трети XIX вѣка. Ихъ слѣдствія проявляются весьма отчетливо во внутренней эволюціи политическихъ партій. Первоначальный идеализмъ и здѣсь уступаетъ мѣсто все ярче выраженному реализму.

Первоначально связь, соединявшая сторонниковъ той или иной партіи, носила преимущественно идеологическій характеръ: боролись за торжество принципа. Либералы боролись во имя свободы, за побѣду конституціоннаго или республиканскаго режима. Соціалисты боролись за осуществленіе коммунистическаго или коллективистическаго идеала. Консерваторы защищали, во имя авторитарнаго принципа королевскую власть и дворянскія привилегіи. Однако, мало-по-малу партіи, такъ сказать, «соціализируются». Онѣ превращаются въ соціальныя группировки, которыя борются уже не за общіе, отвлеченные идеалы, а за классовые интересы. Соціалистическая партія съ самаго начала опирается на «четвертое сословіе», на пролетаріатъ, дѣло котораго она беретъ въ свои руки. Либеральная партія становится мало-по-малу партіей буржуазіи, главнымъ образомъ буржуазіи капиталистической, и поддерживаетъ интересы нѣмецкой торговли и промышленности. Консервативная партія обнимаетъ землевладѣльческое дворянство, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, и беретъ на себя защиту интересовъ сельскаго хозяйства. Словомъ, на мѣсто борьбы идей становится борьба классовъ. Политическія партіи все болѣе и болѣе превращаются въ синдикаты для защиты классовыхъ интересовъ. Изучимъ подробнѣе это превращеніе.

II. Соціалъ-демократы.

Соціалистическая партія возникла, какъ извѣстно, изъ соединенія двухъ различныхъ элементовъ: элемента интеллигентскаго и элемента народнаго.

Съ одной стороны, пролетаріатъ возстаетъ противъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ становится его капитализмъ, противъ эксплуатаціи, которой онъ подвергается, противъ нищеты, которая является неизбѣжнымъ результатомъ его положенія. Происходятъ стихійныя, спорадическія, разрозненныя и неорганизованныя возстанія, во время которыхъ группы рабочихъ, доведенныхъ до отчаянія голодомъ, бурно поднимаются противъ той силы, которая притѣсняетъ ихъ, разрушаютъ машины, поджигаютъ фабрики, грабятъ дома ненавистныхъ предпринимателей. Типичнымъ примѣромъ этихъ движеній является возстаніе силезскихъ ткачей, въ 1846 году, которое увѣковѣчилъ Гауптманъ въ своей знаменитой драмѣ «Ткачи». Съ другой стороны, въ образованномъ классѣ растетъ чувство глубокаго возмущенія противъ золь капитализма. Мыслители подвергаютъ суровой критикѣ современный общественный строй; они строятъ соціальныя системы, цѣль которыхъ дать всему общественному коллективу участіе въ открытіяхъ науки и техники. Въ коммунизмѣ, въ болѣе справедливомъ распредѣленіи богатства, они видятъ единственное средство противъ бѣдствій рабочаго класса, противъ великаго неравенства, которое является основой современной общественной жизни. Изъ соединенія этихъ двухъ теченій рождается соціализмъ. Инстинктивное и грубое возмущеніе массы должно было стать рациональнымъ, дисциплинированнымъ, организованнымъ. Философская «утопія», зародившаяся въ мозгахъ немногихъ теоретиковъ и писателей, должна была распространиться среди массъ. Соціализмъ становится раці-

ональной организаціей пролетарскихъ силъ для борьбы противъ капитализма.

Соціализмъ по самому своему происхожденію былъ первоначально утопическимъ. На этой стадіи своего развитія онъ особенно охотно занимается проблемой распредѣленія благъ. Онъ разрѣшаетъ ее путемъ простаго перенесенія въ экономическую и соціальную область политическаго идеала свободы, равенства и братства. Такъ, напримѣръ, Гейне отъ пламеннаго политическаго либерализма переходитъ къ соціализму, сильно окрашенному въ сенсимонистскій оттѣнокъ, и возвѣщаетъ наступленіе «демократіи земныхъ боговъ, равно святыхъ и равно прекрасныхъ».

Но, по мѣрѣ того какъ соціализмъ развивается какъ ученіе и какъ партія, онъ становится все болѣе практичнымъ и положительнымъ. Онъ бросаетъ фантастическія разсужденія объ идеальномъ государствѣ и обращается къ внимательному изученію проблемы производства. Съ этого времени вопросъ для него сводится къ тому, чтобы такъ организовать и урегулировать производство благъ, чтобы обезпечить рабочему классу возможно большія безопасность и благосостояніе. Начиная съ Карла Маркса, соціализмъ рѣшительно становится на этотъ путь. Онъ остается «революціоннымъ» въ томъ смыслѣ, что провозглашаетъ необходимость радикальнаго общественнаго переворота и призываетъ пролетаріевъ соединиться для завоеванія политической власти. За ея завоеваніемъ послѣдуетъ всеобщая экспроприація капиталистовъ, сосредоточеніе въ рукахъ государства всѣхъ средствъ производства и возникновеніе новаго общества въ которомъ «свободное развитіе каждаго обусловливаетъ свободное развитіе всѣхъ». Но зато онъ выступаетъ противъ фантастическихъ проектовъ будущей соціальной организаціи, рѣшительно осуждаетъ примѣненіе насилія, отрицаетъ бланкистское ученіе о революціяхъ, производимыхъ меньшинствомъ. Онъ все болѣе

и болѣе ограничивается исключительно практической задачей: организаціей пролетаріата для классово́й борьбы, мирнымъ завоеваніемъ власти съ помощью избирательнаго бюллетеня и пропаганды идей.

Эволюція социализма за послѣднее время свидѣтельству-
етъ о прогрессивномъ ростѣ практической дѣятельности
партіи. Первоначально социаль-демократія стояла на почвѣ
рѣшительнаго отрицанія, и среди ея сторонниковъ преобладало
«революціонное» настроеніе. Но по мѣрѣ своего развитія она
все болѣе начинаетъ заниматься положительными задачами,
и мы должны констатировать, что «оппортюнистическое»
настроеніе дѣлаетъ среди ея членовъ все большіе успѣхи.
Такимъ образомъ, партія естественно колеблется между
радикальнымъ и оппортюнистическимъ направленіями, но ни
одно изъ нихъ не подавляетъ другого. «Красные» революціо-
неры съ бланкистскими и анархистскими тенденціями,
антипарламентаріи, Мостъ и Гассельманъ начала эпохи
исключительныхъ законовъ, Вильдбергеръ, Вернеръ, Ауер-
бахъ послѣ ихъ отбѣны, никогда не вели за собой
массы партіи. Съ другой стороны, партія отказалась слѣ-
довать до конца за «умѣренными» и Бернштейномъ, кото-
рые считаютъ химерой гипотезу великой социальной рево-
люціи, подвергаютъ сомнѣнію творческую силу революціонной
экспроприаціи, выдвигаютъ впередъ организацію и система-
тизацію труда еще внутри капиталистическаго общества,
показываютъ, какъ путемъ постепеннаго перехода пред-
пріятій къ городамъ и государству, путемъ развитія про-
фессіональныхъ союзовъ, кооперативныхъ организацій, улуч-
шенія законодательства въ нѣдрахъ современнаго строя
постепенно развиваается новое общество.

Такимъ образомъ, социалистическая партія является
въ одно и то же время и революціонной, и реформистской.
Реформистской, поскольку она рѣшительно отвергаетъ
насиліе и революціонное *coups de force* и проповѣдуетъ

мирную и положительную работу. Революціонной, поскольку, несмотря на все, она продолжает вѣрить въ радикальный общественный переворотъ, остается враждебной буржуазному и капиталистическому «классовому государству» въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время, и намѣрена по-прежнему защищать интересы рабочаго класса въ противоположность интересамъ другихъ классовъ. Но равнодѣйствующая этихъ двухъ тенденцій, несомнѣнно, сильно склоняется въ сторону реформизма. Соціализмъ вошелъ въ рейхстагъ, въ нѣсколько ландтаговъ и въ рядъ муниципалитетовъ. Онъ началъ заключать предвыборныя соглашенія съ буржуазными партіями, чтобы доставить побѣду своимъ кандидатамъ. Онъ обнаруживаетъ все меньшую склонность къ крайнимъ рѣшеніямъ въ вопросахъ объ интернаціонализмѣ, аптимилитаризмѣ, всеобщей стачкѣ. Онъ бдительно слѣдитъ за примѣненіемъ законодательства о защитѣ и страхованіи рабочихъ. Онъ требуетъ отъ государства, чтобы оно организовало страхованіе рабочихъ отъ безработицы. Но, если соціализмъ все время колеблется между революціонной и реформистской точками зрѣнія, если, какъ говоритъ Мильтер, «мысли и чувства все болѣе группируются вокругъ двухъ полюсовъ притяженія, вокругъ идеи органической и непрерывной эволюціи и вокругъ идеи революціи», то все же несомнѣнно, что ревизионизмъ завоевываетъ все новыя позиціи, и что въ настоящее время дѣятельность партіи направлена гораздо въ большей степени на ускореніе постепенной соціализаціи капиталистическаго общества, чѣмъ на подготовку радикальнаго переворота.

Какова сила нѣмецкой соціаль-демократіи? Въ всякаго сомнѣнія, она очень значительна. Успѣхи соціализма обезпечили Бисмарка уже въ 70-хъ годахъ. Онъ пытался остановить его развитіе, издавъ въ 1878 году исключительные законы противъ соціалистовъ, разрушивъ ихъ

организации, всеми средствами затрудняя ихъ пропаганду. Эти репрессивныя мѣры, какъ извѣстно, оказались совершенно безрезультатными. Пролетаріатъ продолжалъ организовываться, несмотря на всеъ полицейскія преслѣдованія. И, если на выборахъ 1878 и 1881 годовъ число голосовъ, поданныхъ за социаль-демократію уменьшилось, то потомъ она снова усилилась. Начиная съ выборовъ 1884 года, когда ея кандидаты собрали 550,000 голосовъ, ея силы непрерывно растутъ. Въ 1902 году она собрала около трехъ милліоновъ голосовъ и послала въ рейхстагъ 79 депутатовъ.

Но это триумфальное шествіе не могло продолжаться бесконечно. Несомнѣнно, во-первыхъ, что избирательные успѣхи социализма объясняются не только силою распространенія марксистской теоріи. Въ Германіи нѣтъ трехъ милліоновъ убѣжденных коллективистовъ. Къ социаль-демократической партіи, какъ наиболѣе передовой оппозиціонной партіи, примыкаютъ въ качествѣ «спутниковъ» («Mitläufer») все тѣ, кто недоволенъ императорскимъ правительствомъ. Она объединяетъ вокругъ себя не только дѣйствительныхъ социалистовъ, что и массы тѣхъ, кто хочетъ проявить наиболѣе рѣзкимъ образомъ свою враждебность «новому курсу». Во-вторыхъ, если нѣмецкое рабочее движеніе въ теченіе долгаго времени было преимущественно политическимъ, то, въ концѣ-концовъ, пролетаріатъ сорганизовался и на экономической почвѣ. Рядомъ съ политической организаціей — социаль-демократической партіей, — за послѣднее время развиваются и могущественные профессиональные союзы. Послѣдніе, несомнѣнно, во многихъ отношеніяхъ идутъ рука объ руку съ политической партіей, но въ извѣстной мѣрѣ они образуютъ конкурирующую силу. Между профессиональнымъ социализмомъ и социализмомъ политическимъ возникли разногласія, принявшія особенно за послѣднее время очень рѣзкій тонъ; это даетъ многимъ поводъ думать, что значительная часть

пролетариата теряет интересъ къ политической дѣятельности и переноситъ центръ тяжести своей дѣятельности на профессиональные союзы.

Эти обстоятельства отчасти объясняютъ поражение социализма на выборахъ 1907 года. Оно, несомнѣнно, — предостереженіе для партіи. Соціалъ-демократы заплатились за рѣзкость внутрипартійной борьбы, грубость личныхъ нападокъ, ожесточенность газетной полемики, и, быть-можетъ, за высокомерное отношеніе къ своимъ противникамъ изъ «реакціоннаго блока», за оскорбительное презрѣніе, которое они проявляютъ при каждомъ удобномъ случаѣ къ буржуазному либерализму. Ихъ престижъ въ странѣ, особенно среди молодежи, потерпѣлъ серьезный ущербъ. Но, если послѣдніе выборы доказали лишній разъ, что націонализмъ и имперіализмъ сохранили въ Германіи свою силу, то все же сомнительно, чтобы они означали регрессъ социалистической идеи въ странѣ. Нація выразила свое неодобреніе извѣстнымъ методамъ и приѣмамъ дѣятельности социалъ-демократической партіи. Но ничто не указываетъ, чтобы въ Германіи настала часъ упадка для коллективистскаго ученія. Хотя социалъ-демократія и потеряла 36 депутатскихъ полномочій, все-же она, собравъ 3,259,000 голосовъ, остается численно наиболѣе значительной партіей, если не въ рейхстагѣ, то по крайней мѣрѣ въ странѣ ¹⁾ ²⁾.

¹⁾ Центръ и „протестлеры“ (депутаты враждебные Имперіи) получили 2,904,000 голосовъ, либералы и демократы 2,052,000, консерваторы всѣхъ отбѣнокъ 1,802,000 голосовъ. Вслѣдствіе крайне неблагоприятнаго для социалъ-демократовъ распределенія избирательныхъ округовъ, на одного социалистическаго депутата приходится 72,000 избирателей, въ то время какъ у центра, либераловъ и консерваторовъ на одного депутата приходится по 22,000, 18,000 и 17,000 голосовъ.

²⁾ На послѣднихъ выборахъ нѣмецкая социалъ-демократія одержала блестящую побѣду: она собрала 4,250,000 голосовъ (на 1 миллионъ больше, чѣмъ въ 1907 г.) и получила 110 мандатовъ. *Прим. пер.*

III. Л и б е р а л ы .

Либеральная партія въ отличіе отъ соціаль-демократической первоначально не опиралась ни на какой опредѣленный общественный классъ. Она вербовала своихъ сторонниковъ большей частью среди интеллигенціи, промышленной буржуазіи и ремесленниковъ, принадлежащихъ къ мелкой буржуазіи, но въ то же время въ составъ ея входило довольно много дворянъ. Являясь прежде всего политической доктриной, она принимала всѣхъ, безъ различія происхождения, кто признавалъ ея основные принципы. Антагонизмъ между консервативной партіей, въ которой объединились дворянство и духовенство, съ одной стороны, и либеральной партіей, съ другой, обостряется лишь въ эпоху реакціи, дослѣдовавшей за революціей 1848 года, въ періодъ отъ 1850 до 1870 г. Съ этого времени послѣдняя становится исключительно буржуазной и раздѣляетъ судьбы буржуазіи.

Какъ мы видѣли выше, вслѣдствіе развитія капитализма буржуазія переживаетъ въ концѣ XIX вѣка весьма тяжелый кризисъ. Соціальное положеніе ремесленниковъ, входящихъ въ составъ мелкой буржуазіи, падаетъ. Вліяніе интеллигенціи также идетъ на убыль. Напротивъ, представители капиталистическаго предпринимательства занимаютъ все болѣе вліятельное положеніе. Эволюція либерализма отражаетъ этотъ внутренній кризисъ. Ремесленники, которымъ развитіе капитализма грозитъ разореніемъ, становятся все болѣе враждебными принципу свободной конкуренціи и, въ концѣ-концовъ, переходятъ къ консерваторамъ или католическому центру. Идеологическій и чисто-политическій элементъ либерализма постепенно слабѣетъ и отступаетъ на задній планъ. Онъ сохраняетъ свою силу лишь въ среднемъ слоѣ буржуазіи, которая

образуетъ лѣвое, прогрессивное, и демократическое, крыло партіи въ сѣверной и южной Германіи. Лѣвые либералы борются одновременно на два фронта, противъ консерваторовъ и противъ соціально-демократіи, и, несмотря на кратковременныя успѣхи, обречены, повидимому, на довольно бесплодную оппозицію. Что касается до основнаго ядра партіи, то оно состоитъ изъ представителей капиталистическаго предпринимательства, нѣкогда сражавшихся въ первыхъ рядахъ за свободу и единство Германіи, теперь же отстаивающихъ не столько принципы, сколько свои экономическіе интересы.

Эволюція этой части партіи, національ-либераловъ, особенно поучительна и заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться нѣсколько дольше. Она показываетъ весьма ясно, какимъ образомъ партія превращается въ политическій органъ соціальной группы.

Послѣ 1848 года представители буржуазіи, особенно въ прусскомъ ландтагѣ, являются одновременно и сторонниками единства и либералами какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Ученіе о свободѣ торговли и свободной конкуренціи является для нихъ простымъ перенесеніемъ въ область экономическихъ фактовъ великихъ принциповъ свободы, опредѣляющихъ всю ихъ политическую дѣятельность. Впрочемъ, до 1866 года, политическая борьба противъ реакціи, противъ произвола королевской власти продолжаетъ оставаться основнымъ пунктомъ ихъ программы.

Въ 1867 году послѣ побѣды при Садовой выборы смели демократическую оппозицію, и на развалинахъ прогрессистской партіи возникла новая партія — національ-либеральная, въ составъ которой вошли раскаявшіеся прогрессисты, друзья наследнаго принца, представители недавно завоеванныхъ провинцій и мелкихъ княжествъ. Господствующимъ мотивомъ былъ у нихъ пат-

ріотизмъ и объединительный энтузіазмъ. Они становятся твердой опорой политики Бисмарка. Ихъ либерализмъ, сильно поблѣднѣвшій, готовый пойти на какія угодно уступки, является въ политической сферѣ скорѣе теоретическимъ, чѣмъ практическимъ. За-то съ этого времени они вѣрно отражаютъ тенденціи дѣловаго міра, въ эту эпоху строго фритредерскаго, и проводятъ рядъ либеральныхъ мѣръ въ экономической области. Въ теченіе 70-хъ годовъ національ-либералы являются партией, господствующей въ рейхстагѣ.

Но въ 1878 году національ-либералы переживаютъ рѣшительный кризисъ. Бисмаркъ съ очень вѣрнымъ пониманіемъ экономическихъ и аграрныхъ интересовъ страны отказывается отъ свободы торговли и переходитъ къ протекціонизму. Передъ національ-либералами возникаетъ страшная дилемма. Они должны или остаться вѣрными своимъ принципамъ и порвать одновременно съ правительствомъ и дѣловымъ міромъ, который увлекается протекціонистской реакціей. Или же они должны отказаться отъ своего экономического либерализма, какъ отказались отъ политическаго либерализма, и, такимъ образомъ, выкинуть за бортъ основной принципъ, во имя котораго они нѣкогда объединились. При этихъ обстоятельствахъ партія раскалывается. Меньшинство, оставшееся вѣрнымъ своимъ принципамъ, дѣлаетъ въ 1880 году поворотъ налѣво и протягиваетъ свою руку прогрессистамъ, значеніе которыхъ благодаря этому снова увеличивается. Напротивъ, большинство слѣдуетъ за эволюціей дѣловаго міра и вслѣдствіе этого все болѣе попадаетъ въ зависимость отъ представителей капиталистическаго предпринимательства. Послѣдніе, объединившись съ середины вѣка и особенно послѣ 1870 года въ безчисленный рядъ мѣстныхъ и профессиональных союзовъ, организовали въ концѣ-концовъ огромныя федераціи, какъ, напримѣръ, «Центральный союзъ нѣмецкихъ

промышленниковъ» (Zentralverband deutscher Industrielle), основанный въ 1876 году и обнимающій почти три четверти всей нѣмецкой индустріи, или «Союзъ промышленниковъ» (Bund der Industrielle), основанный въ 1900 году, куда вошли рядъ промышленныхъ отраслей, недостаточно представленныхъ въ Центральномъ союзѣ. Эти огромные синдикаты предпринимателей, располагающіе весьма значительной силой, стремятся, конечно, защищать интересы нѣмецкой индустріи передъ лицомъ государственной власти и парламента. Ихъ вліяніе на разныя партіи рейхстага и особенно на національ-либераловъ такъ велико, что въ послѣднихъ съ полнымъ правомъ можно видѣть политическій органъ крупной нѣмецкой индустріи.

Въ общемъ, едва ли можно сказать, чтобы политическая сила буржуазнаго либерализма въ Германіи была въ настоящее время очень велика. Партія прогрессистовъ осталась вѣрной либеральной идеѣ, но ей, какъ партіи демократическихъ реформъ, грозитъ конкуренція реформистскаго социализма, который все болѣе привлекаетъ къ себѣ рабочія массы. Можно задать себѣ вопросъ, имѣетъ ли она среди націи достаточно значительную и живую общественную основу, чтобы увеличить свои силы или даже лишь поддержать ихъ. Что же касается до національ-либераловъ, то они пожертвовали своими политическими и экономическими принципами, чтобы слѣдовать за эволюціей капиталистической буржуазіи, представителями которой они являются. Но ихъ будущее вовсе не обезпечено. Сельское населеніе голосуетъ обыкновенно за крупныхъ землевладѣльцевъ, рабочія же массы, завоеванныя социалистической пропагандой, въ политическомъ отношеніи эмансипировались отъ опеки предпринимателей. Промышленной буржуазіи все болѣе грозитъ перспектива лишиться своего вліянія на массы избирателей. Поэтому промышленные феодалы съ нѣкотораго времени начинаютъ искать новую

основу для своего вліянія въ государствѣ. Они стараются оказывать непосредственное воздѣйствіе на правительство и на самого даже императора, выступая, такимъ образомъ, конкурентами старой консервативной аграрной аристократіи.

VI. Консерваторы.

Консервативная партія подобно либеральной имѣла идеологическую основу. Въ противоположность принципу свободы, она защищала принципъ авторитета. Ученію о народномъ суверенитетѣ она противопоставляла легитимность монархической власти и святость исторической традиціи. Политическія идеи консерватизма нашли свое выраженіе, съ одной стороны, въ теоріяхъ романтиковъ и исторической школы, Савиньи и Эйхгорна; съ другой—особенно въ эпоху реакціи,—въ доктринѣ Сталя, которая оказала значительное вліяніе на всю консервативную молодежь того времени. Въ противовѣсъ либераламъ и демократамъ консерваторы защищали прерогативы короля и привилегіи знати. Въ противовѣсъ рационалистическому невѣрію они охотно выступали защитниками религіознаго, — католическаго или протестантскаго, — принципа, и проповѣдывали тѣсный союзъ между трономъ и алтаремъ. Наконецъ, въ противовѣсъ сторонникамъ единства они поддерживали партикуляризмъ и проявляли, особенно въ Пруссіи, большую враждебность къ поглощенію мелкихъ отечествъ великой германской родиной, которая возбуждала энтузіазмъ національ-либераловъ.

Впрочемъ, у консерваторовъ за этими принципами уже въ самомъ началѣ скрывалась борьба за весьма положительныя и реальныя стремленія. Крупные землевладѣльцы, особенно въ заальбской Пруссіи, они стремятся сохранить свое господство надъ сельскимъ населеніемъ, укрѣпить свое экономическое могущество и берутъ, поэтому,

въ свои руки защиту интересовъ сельскаго хозяйства. Въ качествѣ признапной опоры монархіи, они занимають вліятельное соціальное положеніе въ арміи, въ высшей администраціи, при дворѣ, среди лицъ, непосредственно окружающихъ государя. Они великолѣпно умѣють поддерживать это положеніе и такимъ образомъ сохраняють въ своихъ рукахъ реальную власть въ государствѣ, составляющую предметъ ихъ стремленій. Съ этой реалистической точки зрѣнія консерваторы являются аристократической котеріей, которая опирается въ страпѣ на двоявольно значительную кліентелу изъ крестьянъ, мелкихъ буржуа и ремесленниковъ. Они образуютъ «небольшую, но могущественную партію, которая упорно отстаиваетъ свои экономическіе и соціальные интересы и сохраняетъ даже въ настоящее время очень большое вліяніе, оправдываемое, если вѣрять нѣкоторымъ историкамъ, ея дѣловой опытностью и политическимъ смысломъ, но совершенно не соотвѣтствующее ея численной величинѣ, а, можетъ-быть, и ея богатству и талантамъ.

Отброшенная на нѣкоторое время въ оппозицію политикой Бисмарка, который, порвавъ съ предрасудками своихъ феодальныхъ друзей, не поколебался нанести тяжкіе удары принципу легитимизма, чтобы создать нѣмецкое единство, консервативная партія относится сначала враждебно къ новому порядку вещей. На Бисмарка, который ведетъ свою либерально-германскую политику, опираясь на національ-либераловъ, консерваторы нападаютъ съ неслыханнымъ ожесточеніемъ въ парламентѣ, въ обществѣ и при дворѣ.

Но мало-по-малу здравый практический смыслъ одерживаетъ верхъ. Легитимистскіе и партикуляристическіе предрасудки умолкають. Консерваторы открыто признають совершившійся фактъ и примиряются съ идеей національнаго единства. Въ то же время аграрный кризисъ, послѣдствія котораго начинаютъ давать себя чувствовать

и непосредственно задѣваютъ интересы консерваторовъ, заставляя ихъ искать у государства поддержки и требовать для земледѣлія покровительственныхъ пошлинъ. Бисмаркъ, съ своей стороны, начинаетъ тяготиться союзомъ съ либералами; онъ думаетъ, что, основавъ и организовавъ новую Германскую Имперію, онъ осуществилъ большую часть ихъ программы, и что на будущее время ихъ поддержка ему уже не такъ нужна. Онъ убѣждается, что экономическіе и финансовыя интересы страны требуютъ отказа отъ свободы торговли и введенія покровительственныхъ пошлинъ для защиты развивающейся индустріи и охраны земледѣлія отъ конкуренціи новыхъ странъ.

Благодаря этому въ концѣ 70-хъ годовъ происходитъ сближеніе между консерваторами и канцлеромъ. Правительство мѣняетъ фронтъ. Съ этого времени оно ищетъ большинства не у либераловъ, а среди центра и феодаловъ. Парламентской основой императорской политики становится «черный блокъ» консервативныхъ партій при поддержкѣ поумнѣвшихъ и нѣсколько прирученныхъ національ-либераловъ. Конечно, эти защитники трона сохраняютъ большую независимость по отношенію къ монарху. Когда дѣло идетъ объ ихъ интересахъ, они безъ всякихъ колебаній оказываютъ временами весьма рѣшительную оппозицію. Известна упорная борьба аграріевъ противъ торговой политики канцлера Каприви или противъ проекта каналовъ, отстаиваемаго самимъ императоромъ. Въ общемъ же консерваторы, несмотря на приступы недовольства и временныя ссоры, вполне примирились съ новой Имперіей и превратились въ одинъ изъ постоянныхъ элементовъ правительственного большинства.

Параллельно отказу отъ партикуляристической оппозиціи, консервативная партія совершила весьма любопытную эволюцію въ сторону демократизма. Въ самомъ дѣлѣ, при господствѣ всеобщаго избирательнаго права она не

могла не стремиться къ завоеванію массъ, либо въ противномъ случаѣ ей угрожалъ быстрый упадокъ вліянія.

Достигнуть этого она пробовала различными способами. Она пыталась эксплуатировать ненависть къ евреямъ, которая время отъ времени все снова вспыхиваетъ среди сельскаго населенія Германіи, и протягивала свою руку антисемитамъ. Съ другой стороны, она испробовала и христіанскій социализмъ, сначала Штöкера и Вагнера, затѣмъ въ болѣе радикальной формѣ—Наумана. Наконецъ, она взяла въ свои руки защиту интересовъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства. Въ 1893 году, былъ основанъ «Союзъ сельскихъ хозяевъ» (Bund der Landwirte) для защиты аграрныхъ интересовъ, которымъ наносила ущербъ торговая политика Каприви. Къ концу XIX вѣка Союзъ насчитывалъ уже до 250,000 членовъ и располагалъ болѣе, чѣмъ 3,000 делегатовъ, хорошо организованной прессой и цѣлой арміей агитаторовъ и лекторовъ, которыхъ онъ могъ мобилизовать въ любую минуту. Эта могущественная и шумливая организація получила въ самомъ скоромъ времени преобладающее вліяніе въ консервативной партіи. Последняя быстро превратилась въ партію аграріевъ съ христіанскими и антисемитскими тенденціями, съ очень демагогическими замашками, мало заботящуюся о своихъ вѣрноподданныхъ чувствахъ по отношенію къ монарху и, напротивъ, готовую оказать самое рѣшительное сопротивленіе правительству, всякій разъ, когда оно рѣшалось отказывать ей въ удовлетвореніи ея властныхъ требованій.

Такимъ образомъ, консервативная партія превратилась въ партію сельскихъ хозяевъ, какъ національ-либералы стали партіей промышленниковъ. Она, впрочемъ, старалась примирить, плохо ли, хорошо ли, старую роль съ своими новыми тенденціями. Она стремилась быть въ одно и то же время и аристократической, придворной партіей и народной

лигой сельскихъ хозяевъ: на 250,000 членовъ «Bund der «Landwirte» насчитываетъ 177,000 мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ своей оппозиціи императорской политикѣ она заходила иногда очень далеко. Напримѣръ, въ вопросѣ о каналахъ императоръ былъ вынужденъ заявить въ одной изъ своихъ рѣчей въ сентябрѣ 1894 года, что, если консервативная партія будетъ продолжать свои демагогическіе происки, то неизбежно произойдетъ полный разрывъ. Однако, съ другой стороны, правое крыло партіи рѣзко выступаетъ противъ социалистическихъ тенденцій, которыя проявляются въ извѣстныхъ кругахъ, и которыя оно считаетъ не совмѣстимыми съ традиціоннымъ положеніемъ консерваторовъ при дворѣ. Такимъ образомъ, партія колеблется между покорностью, которая подобаетъ ей, какъ вѣрному защитнику трона, и оппозиціей, къ которой принуждаетъ ее защита аграрныхъ интересовъ. До сихъ поръ эта двойственная политика, повидимому, удастся консерваторамъ: она позволяетъ имъ, съ одной стороны, сохранить свое вліяніе при дворѣ, въ арміи, въ высшей администраціи, и, съ другой стороны, поддержать свой престижъ среди сельскихъ массъ, интересы и требованія которыхъ они защищаютъ.

V. Католическій центръ.

Тенденціи четвертой крупной политической партіи, католическаго центра, мы рассмотримъ подробно ниже, когда перейдемъ къ характеристикѣ эволюціи религіозной мысли въ Германіи. Здѣсь мы хотимъ лишь подчеркнуть, что эта партія «соціализировалась» въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другія. Связь, объединяющая ея сторонниковъ, состоитъ не въ общности матеріальныхъ интересовъ, а остается идеальнымъ принципомъ. Соціалъ-демократія есть партія пролетаріата, либерализмъ—партія буржуазіи и промышлен-

ности, консерваторы—партія дворянства и сельскаго хозяйства. Центръ же представляетъ изъ себя партію католической церкви. Онъ не имѣетъ опредѣленной политической и соціальной программы, потому что его члены принадлежатъ къ самымъ различнымъ общественнымъ слоямъ, начиная отъ силезскихъ магнатовъ и кончая индустріальнымъ населеніемъ Рейнской провинціи. Благодаря этому онъ вынужденъ силою вещей выдвигать средніе лозунги, которые плохо ли, хорошо ли удовлетворяютъ всѣ различные интересы его сторонниковъ, ибо въ противномъ случаѣ ему грозило бы неминуемое распаденіе.

Можетъ быть, мы въ правѣ вмѣстѣ съ Лампрехтомъ высказать предположеніе, что центръ имѣетъ во всѣхъ слояхъ общества на своей сторонѣ тѣхъ, кто осуждаетъ капиталистическую систему хозяйства и стремится къ ограниченію свободной конкуренціи, къ замѣнѣ неограниченнаго развитія современнаго индивидуалистическаго субъективизма системой солидарности на христіанской основѣ. Это объяснило бы, напримѣръ, и вполнѣ отчетливо выступающую съ давнихъ поръ заботу католицизма о четвертомъ сословіи, его упорныя и давнія попытки разрѣшить соціальную проблему въ христіанскомъ духѣ. Но, если центръ въ общемъ и осуждаетъ систему свободнаго предпринимательства, то, съ другой стороны, мы не найдемъ у его представителей ясной картины того христіанскаго общества, которое должно уничтожить зло, созданное преобладаніемъ субъективизма. Въ настоящее время онъ является скорѣе группой ловкихъ оппортунистовъ, которые съ рѣдкимъ мастерствомъ защищаютъ свѣтскіе интересы католицизма, чѣмъ дѣйствительно идеалистической партіей, которая стремится систематически разрѣшить великія интернаціональныя политическія и соціальныя проблемы современности въ духѣ христіанства.

VI. Общие результаты партийной эволюции.

Мы можем теперь определить внутреннее развитие, которое претерпели партии в Германии. Первоначально они были интернациональными образованиями, покоящимися на абстрактных принципах: равенствѣ, свободѣ, авторитетѣ. Позднѣе они «соціализировались», каждая партия стала представительницей опредѣленнаго общественнаго класса: пролетаріата, буржуазіи, дворянства и крестьянъ. Накопелъ, партии превратились въ простыя экономическія группы, объединенныя общностью интересовъ, выступающія въ защиту интересовъ пролетаріата, промышленности и сельскаго хозяйства. Разумѣется, это развитие совершилось далеко не равномерно и не одинаковымъ образомъ. Такъ, социализмъ съ самаго начала опирался на опредѣленный общественный классъ, между тѣмъ какъ центръ почти еще не «соціализировался». Съ другой стороны, ни одна партия не отказалась совершенно отъ идеологической основы, на которую она первоначально опиралась. Тѣмъ не менѣе, эволюція партий въ сторону хозяйственнаго реализма есть несомнѣнный и безспорный фактъ.

Послѣдствія этой эволюціи не всегда благотворны. Нѣмецкіе историки отнюдь не отрицаютъ, что духовный уровень парламента въ 1848 году или во время реакціи стоялъ значительно выше, чѣмъ теперь. Они констатируютъ, что политическая борьба стала гораздо менѣе драматической и глубокой, что великій демократическій стиль современнаго парламента еще не найденъ. Они соглашаются, что продуктивность законодательной машины—скудна. Они признаютъ, что наблюдается упадокъ всей политической жизни. На засѣданіяхъ парламента присутствуетъ лишь очень незначительная часть депутатовъ. Духовный уровень избранныхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права кандидатовъ падаетъ. Политическое вліяніе народнаго представительства идетъ на убыль.

Непостижимо, — пишет Вернеръ Зомбартъ ¹⁾, — какимъ образомъ тотъ народъ, среди котораго сто лѣтъ тому назадъ законодательствовали Штейнъ, Гарденбергъ, Шёнъ и Таеръ, политической жизни котораго въ 1820 и 1830 годахъ задавали тонъ Небеніусъ, Гумбольдтъ, Листъ, народъ, который за полвѣка тому назадъ могъ создать собраніе, обсуждавшее судьбы націи въ соборѣ св. Павла, на политическомъ горизонтѣ котораго еще поколѣніе тому назадъ сіяли Трейчке и Лассаль и едва какихъ-нибудь нѣсколько десятилѣтій назадъ съ Бисмаркомъ скрепчивали свои клинки такіе люди, какъ Беннигсенъ, Ласкеръ, Бамберггеръ, Виндгорстъ, Рейхенсбергеръ, какимъ образомъ этотъ народъ дошелъ до такого упадка политической жизни, какой мы пережили въ концѣ XIX вѣка».

Какова причина этого упадка политической жизни? Повидимому, она заключается въ эволюціи вѣка въ сторону хозяйственнаго матеріализма. «Великіе идеалы, воодушевлявшіе еще нашихъ дѣдовъ и отцовъ, — продолжаетъ Зомбартъ, — поблѣднѣли; національная идея, послѣ того какъ она воздвигла въ могучемъ взрывѣ энтузіазма новую Германскую Имперію, уже исчерпана. То, что намъ предлагаютъ теперь подъ видомъ націонализма, представляетъ изъ себя весьма посредственную репродукцію, которая уже никого не можетъ воодушевить. Громкія фразы должны прикрыть внутреннюю пустоту. То же самое относится и къ великимъ политическимъ идеаламъ, за которые умирали наши предки. Одни уже осуществлены; что касается до другихъ, то теперь ихъ считаютъ неосуществимыми. Молодое поколѣніе высокомерно улыбается, читая о борьбѣ за политическую свободу, и празднованіе юбилеевъ великихъ событій освободительной эпохи превращается въ смѣшные фарсы. Однако, новые политическіе идеалы

¹⁾ „Die deutsche Volkswirtschaft im 19 Jahrhundert“, Berlin. 1903, стр. 551.

не возникли. О несказанной бѣдности нашего времени въ отношеніи идеальныхъ порывовъ свидѣлствуетъ тотъ замѣчательный фактъ, что такъ называемая революціонная партія современности, представительница поднимающагося класса, социаль-демократія, беретъ всё свои политическіе лозунги изъ арсенала старыхъ либеральныхъ партій: наше время не умѣетъ предложить народу ничего лучшаго, чѣмъ лозунги, съ которыми была взята штурмомъ Бастилія: свобода, равенство, братство».

Мѣсто политическихъ дебатовъ заняли пренія, о матеріальныхъ интересахъ, въ парламентъ проникъ оппортунизмъ, равнодушный къ какимъ бы то ни было принципамъ. Интеллигенты, мало приспособленные къ экономическому и политическому аферизму, постепенно вытѣсняются изъ парламентовъ. Законодательство и управленіе перешли въ руки профессионаловъ, которые справляются съ этими трудными задачами, какъ опытные практики, съ возможно большимъ искусствомъ и съ возможно меньшей затратой силъ. Отсюда — упадокъ политической жизни, который отмѣчаютъ и на который жалуются многіе современные нѣмецкіе историки.

При наличности этого упадка парламентскаго вліянія вполне естественно, что монархическая власть сохранила въ современной Германіи большой авторитетъ. Во-первыхъ, вѣрнопопданическое чувство и уваженіе къ власти глубоко проникли въ душу нѣмецкаго народа и сохраняютъ свою силу даже въ нашъ демократическій вѣкъ. Далѣе, Германія имѣла цѣлый рядъ выдающихся государей, которые всё безъ исключенія обладали высокимъ сознаніемъ своего долга и черпали изъ глубокихъ и искреннихъ монархическихъ убѣжденій авторитетъ, необходимый для осуществленія своей державной воли. Наконецъ, императоръ въ качествѣ наследника посреднической миссіи дома Гогенцоллерновъ и въ наше время выступаетъ арбитромъ между партіями и клас-

сами, которые борются за власть. Передъ лицомъ императора отстаиваютъ свои интересы тѣ большія группы, на которыя распадается современная Германія: феодальная знать, капиталистическая буржуазія и широкія массы рабочаго пролетаріата. Личность императора хотятъ привлечь на свою сторону обѣ великія аристократическія партіи, которыя оспариваютъ другъ у друга преобладаніе: аристократія происхожденія и земельной собственности и аристократія финансовъ и индустріи. Ихъ соперничество немало содѣйствовало усилению императорской власти и сохраненію за нею того авторитета, которымъ она пользуется еще и теперь.

Долго ли сможетъ императоръ играть эту роль? Сумѣетъ ли онъ остаться повелителемъ всей націи, не принимая на себя обязательствъ передъ какой-либо одной партіей или одной привилегированной котеіей? Въ всякаго сомнѣнія, значительная часть общественнаго мнѣнія Германіи все рѣзче и рѣзче выступаетъ противъ личнаго режима, непостоянства «новаго курса» и связанныхъ съ ними опасностей. Но трудно сказать, каково будетъ вліяніе этихъ жалобъ, и въ какой мѣрѣ онѣ являются предзнаменованіемъ поворота Германіи къ болѣе демократическимъ формамъ правленія.

Мы можемъ лишь указать, что въ настоящее время монархическая власть еще не подорвана. Она можетъ безусловно рассчитывать на два своихъ главныхъ орудія: войско и администрацію. Выборы 1907 года снова показали, какимъ еще вліяніемъ она пользуется среди народныхъ массъ. Пораженіе социалчстовъ, которые рѣзче всего выступали противъ личнаго режима, успѣхи всѣхъ правыхъ партій, начиная съ консерваторовъ и національ-либераловъ и кончая антисемитами, побѣда правительства, которое, благодаря этому, освободилось изъ подъ зависимости отъ коалиціи центра съ социаль-демократіей и по-

лучило одобреніе своей національной міровой политикѣ со стороны широкихъ массъ избирателей, все это указываетъ, что страна, взятая въ цѣломъ, въ общемъ довольна современнымъ режимомъ, и что въ ближайшемъ будущемъ едва ли можно ожидать радикальной перемѣны въ ориентировкѣ внутренней политики Германіи. Императоръ съ полнымъ правомъ могъ выразить свое удивленіе, что огромное большинство страны одобрило имперіалистическую политику. И толпа апплодировала императору, когда онъ, слѣдуя Бисмарку, сравнилъ Германію съ лихимъ всадникомъ, который не только можетъ сидѣть въ сѣдлѣ, но и умѣетъ преодолѣть всѣ встречающіяся на его пути препятствія.

ГЛАВА VI.

Современный политическій идеализмъ.

I. Школьная политика.

Заканчивая изученіе политическаго развитія Германіи, я долженъ отмѣтить рядъ симптомовъ, въ которыхъ нѣкоторые наблюдатели видятъ указаніе на глубокія перемѣны, подготовляющіяся въ тайникахъ народной души.

До сихъ поръ мы описывали развитіе Германіи главнымъ образомъ какъ стремленіе къ матеріальному могуществу во всѣхъ формахъ, какъ торжество имперіалистическаго принципа. Но въ то же время оно представляетъ изъ себя стремленіе къ все болѣе высокой и совершенной національной культурѣ. Въ XVIII вѣкѣ государство видѣло свою главную задачу въ организаціи своихъ наступательныхъ и оборонительныхъ средствъ, въ увеличеніи народонаселенія и богатства, въ заботѣ о безопасности и матеріальномъ благосостояніи своихъ подданныхъ. Въ XIX вѣкѣ пониманіе государственныхъ задачъ расширилось. Уже въ началѣ столѣтія нѣмецкій идеализмъ Фихте и Гегеля видѣлъ въ государствѣ «реализацію нравственной идеи въ институтъ», организмъ, при посредствѣ котораго нація возвышается до своихъ наиболѣе высокихъ цѣлей. Въ XIX вѣкѣ этотъ взглядъ укрѣпился и получилъ дальнѣйшее развитіе.

Онъ имѣлъ два великихъ послѣдствія. Во-первыхъ, государство заняло мѣсто церкви въ организаціи препода-

ванч и надзоръ за нимъ и чрезвычайно широко развило школьную организацію на всѣхъ ступеняхъ. Во вторыхъ, нація, организованная въ государство, стала все болѣе и болѣе сознавать свою отвѣтственность по отношенію ко всѣмъ своимъ членамъ. Она признала своею обязанностью заботиться о сохраненіи своего человеческого капитала, въ особенности покровительствовать бѣднымъ и слабымъ, защищая ихъ отъ деморализующей и принижавшей ихъ эксплуатаціи, поддерживать ихъ во время кризисовъ и обезпечивать ихъ отъ невзгодъ старости и инвалидности. Такимъ образомъ, прогрессъ народнаго просвѣщенія и организація соціального страхованія выдвигаются на первое мѣсто среди государственныхъ задачъ въ Германіи.

Государство прежде всего постепенно секуляризируетъ школу. Въ средніе вѣка единственной носительницей культуры была церковь. Государство лпшаетъ ее этой руководящей роли. Съ конца среднихъ вѣковъ университеты все болѣе подпадаютъ подъ надзоръ государства. Далѣе, начиная съ эпохи реформаціи, оно захватываетъ въ свои руки среднюю школу, и, наконецъ, въ XVIII и XIX—начальную школу. Беря въ свои руки организацію народнаго образованія, государство въ то же время измѣняетъ и характеръ преподаванія.

Нѣкогда, главная задача университетовъ и латинскихъ школъ состояла въ подготовкѣ священниковъ и богослововъ, а задача элементарной школы заключалась въ томъ, чтобы распространить среди народа начатки вѣры и подготовить дѣтей настолько, чтобы впослѣдствіи они могли слушать воскресныя проповѣди. Учебныя заведенія постепенно теряютъ этотъ церковный характеръ. Университеты превращаются въ ученыя учрежденія. Первое мѣсто въ нихъ занимаютъ не богословы, какъ въ средніе вѣка, и не философы или филологи, какъ въ началѣ XIX вѣка,

а представители естественныхъ наукъ и медики. Нѣмецкая гимназія, типъ которой устанавливается въ началѣ XIX вѣка, также не имѣетъ въ себѣ ничего церковнаго. На ней лежитъ печать того гуманистическаго и нео-эллинскаго духа, который получаетъ въ эту эпоху распространеніе во всей Германіи; она даетъ энциклопедическое образованіе, охватывающее филологію, исторію, математику и естественныя науки. Наконецъ, народная школа также эмансипируется отъ церкви и подъ вліяніемъ Песталотци сознательно стремится пробудить въ ученикахъ самостоятельность и активность и развить въ нихъ, согласно требованіямъ кантовской этики, сознаніе свободной, автономной личности. И, если народное образованіе еще въ серединѣ XVIII столѣтія сохраняло строго конфессіональный характеръ особенно въ католическихъ областяхъ, то начальная школа XIX вѣка вслѣдствіе той роли, которую играетъ въ ней преподаваніе нѣмецкаго языка и нѣмецкой исторіи, стремится все болѣе и болѣе стать національной школой, гдѣ культъ родины выдвигается въ юношество, какъ вторая религія.

Впрочемъ, церковь въ настоящее время сохраняетъ въ Германіи еще довольно значительное вліяніе на школу, особенно въ области первоначальнаго образованія. Въ общемъ, школа осталась конфессіональной. Она продолжаетъ давать догматическое религіозное образованіе, хотя и нѣсколько парадоксально, что католическія, лютеранскія и реформистскія школы преподаютъ подъ покровительствомъ государства совершенно противорѣчивыя религіозныя истины. Во многихъ случаяхъ школа подчинена церковному надзору. Правда, противъ этого порядка вещей раздаются все болѣе и болѣе многочисленные протесты. Диссиденты жалуются на то, что дѣтямъ навязываютъ образованіе, противное вѣрѣ и научнымъ убѣжденіямъ ихъ родителей. Многіе учителя рѣшительно протестуютъ противъ обя-

занности преподавать религію согласно вѣроученію, которое противорѣчитъ ихъ внутреннимъ убѣжденіямъ. Значительная часть общественнаго мнѣнія настойчиво требуетъ учрежденія школъ, принимающихъ учениковъ всѣхъ вѣроисповѣданій (Simultanschulen). Тѣмъ не менѣе, Германія въ настоящее время едва ли склонна «дехристіанизировать» школу. Даже либеральные умы, чуждые всякой вѣроисповѣданной узости, считаютъ невозможной и нежелательной радикальную секуляризацию народнаго образованія въ Германіи. Они убѣждены, что въ тотъ день, когда школа станетъ «атеистической», значительная часть населенія Имперіи, особенно католики, отвернется отъ общественныхъ школъ и организуетъ частныя школы, гдѣ дѣтямъ будетъ даваться религіозное образованіе, которое ихъ родители считаютъ безусловно необходимымъ. Впрочемъ, многіе нѣмцы вовсе не считаютъ «нейтральную» школу французскаго типа образцомъ, заслуживающимъ подражанія. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ въ Германіи историковъ педагогики, Паульсенъ, полагаетъ, что, если католическая Франція сочла себя вынужденной ввести свѣтскую школу, чтобы сдѣлать ее національною, то для нѣмцевъ этой необходимости, къ счастью, не существуетъ. Въ силу своей религіозной эволюціи нѣмцы привыкли примирять науку съ религіей, знаніе съ вѣрой; въ Библии они имѣютъ несравненное орудіе нравственнаго воспитанія, которое не смогли бы замѣнить лучшіе «избранные отрывки всемірной литературы». Слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ нѣмецкимъ учителямъ «сохранить въ своихъ рукахъ религіозное обученіе и Библию» и развѣивать души нѣмецкой молодежи, преподавая ей основы историческаго и внѣ-вѣроисповѣднаго христіанства, очищеннаго отъ догматическаго характера и сведеннаго къ его нравственному содержанію. Я не удивился бы, если бы эти примирительныя воззрѣнія Паульсена ока-

зались въ большемъ соотвѣтствіи съ равнодѣйствующей общественнаго мнѣнія страны, чѣмъ радикальная доктрина, изгоняющая всякое религиозное обученіе изъ школы.

Эмансипируясь отъ церкви, народное образованіе становится вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе демократическимъ.

Образованіе первоначально было сословной привилегіей. Въ Германіи, въ средніе вѣка господствовало церковное образованіе; въ эпоху возрожденія его мѣсто заняло свѣтское аристократическое образованіе, господствовавшее вплоть до XVIII вѣка. Его смѣнила буржуазное образованіе, когда вмѣстѣ съ распространеніемъ рационализма и нео-эллинизма во главѣ умственнаго движенія стала буржуазія. XIX вѣкъ постепенно приближается къ идеалу національнаго образованія, котораго требовалъ Фихте въ своихъ «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи».

Грани между отдѣльными типами школъ постепенно сглаживаются. Латынь перестаетъ быть обязательнымъ языкомъ высшаго образованія, и буржуазная гимназія постепенно теряетъ характеръ старой латинской школы. Съ другой стороны, прогрессъ начальныхъ школъ все болѣе приближаетъ ихъ къ среднимъ; разстояніе между учителями, получившими подготовку въ семинаріяхъ и учителями съ высшимъ образованіемъ мало-по-малу уменьшается. Но, что особенно важно, образованіе на всѣхъ своихъ ступеняхъ принимаетъ все болѣе реалистическій и практическій характеръ. Образованіе высшихъ классовъ общества въ концѣ XVIII вѣка было прежде всего эстетическимъ и литературнымъ; этому образованію соотвѣтствовало гуманистическое преподаваніе гимназіи въ началѣ XIX вѣка. Мы указывали уже на эволюцію въ сторону реализма, которая совершилась среди образованныхъ классовъ вслѣдствіе развитія капиталистическаго режима. Эта эволюція, вполнѣ естественно, нашла свой отзвукъ и въ

области школы. Преподаваніе на всѣхъ своихъ ступеняхъ стало менѣе литературнымъ и философскимъ, менѣе книжнымъ. Рядомъ съ гуманистической гимназіей развиваются болѣе современные типы реальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ (Realgymnasium, Oberrealschule, Realschule, Realgymnasium), которые, удѣляя больше времени преподаванію естественныхъ наукъ и живыхъ языковъ, лучше отвѣчаютъ нуждамъ промышленной и торговой буржуазіи. Наряду съ университетами всюду возникаютъ техническія училища (Technische Hochschulen), которыя быстро процвѣтаютъ и начинаютъ пользоваться все большимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ, старая преграда, отдѣлявшая прежняго «образованнаго человѣка», гуманиста и филолога, отъ необразованнаго, который не знаетъ классическихъ языковъ, постепенно падаетъ. На мѣсто специфически филологическаго и эстетическаго образованія, предназначеннаго исключительнаго для интеллигенціи, мало-по-малу становится болѣе демократическое понятіе «общаго образованія», необыкновенно, впрочемъ, сложнаго и дифференцированнаго: никто не обязанъ обладать имъ полностью, и оно не одинаково для всѣхъ; но каждый человѣкъ беретъ изъ него, что можетъ, въ мѣру своихъ умственныхъ и физическихъ способностей.

Въ общемъ, Германія въ теченіе истекшаго столѣтія неутомимо старалась возможно шире распространять образованіе среди всѣхъ своихъ дѣтей. Несомнѣнно, ея рвеніе къ школьному дѣлу испытывало колебанія. Оно было чрезвычайно сильно въ теченіе первой трети вѣка, когда были заложены основы реорганизованнаго общественнаго преподаванія, начиная съ низшей школы и кончая университетами. Оно страннымъ образомъ остыло во вторую треть вѣка, во время революціи и реакціи (1830—1870 гг.), когда правительства относились съ недовѣріемъ и даже съ враждой къ дѣлу народнаго обра-

зованія. Но оно вспыхиваетъ съ новой силой непосредственно вслѣдъ за великими военными успѣхами Пруссіи и реставраціей Имперіи. Считается аксіомой, что дѣйствительнымъ побѣдителемъ при Садовой и Седанѣ былъ нѣмецкій учитель, и что Германія обязана своими побѣдами главнымъ образомъ превосходной постановкѣ дѣла народнаго образованія.

Правда, и теперь возникаютъ сомнѣнія относительно дѣйствительной цѣнности образованія. Въ университетскихъ кругахъ можно кое-гдѣ наблюдать симптомы усталости, состояніе психики, аналогичное тому, которое заставило нѣкоторыхъ французскихъ мыслителей провозгласить «банкротство науки». Съ печалью констатируютъ, что наука, отъ которой ждали законченнаго міросозерцанія и общихъ указаній, какъ строить жизнь, никогда не приводитъ къ окончательнымъ и абсолютнымъ истинамъ, а даетъ лишь частичныя и предварительныя рѣшенія, которыя всегда нуждаются въ постоянныхъ пересмотрахъ и поправкахъ. Многіе чувствуютъ себя подавленными огромной массой знаній, которую долженъ усвоить себѣ всякій, кто хочетъ овладѣть какой-либо областью науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько разочарованными этимъ состояніемъ вѣчнаго становленія, этой безконечной эволюціи науки.

Съ другой стороны, въ правящихъ сферахъ и нѣкоторыхъ буржуазныхъ кругахъ временами возрождаются пессимистическія тенденціи, преобладавшія въ срединѣ вѣка. Задаютъ себѣ вопросъ, не слишкомъ ли далеко зашли въ дѣлѣ народнаго образованія, не является ли образованіе для значительной части націи скорѣе опасностью, чѣмъ благодѣяніемъ, не становится ли неизмѣримо труднѣе управлять народомъ, если онъ получилъ полубразованіе. Безпокойство, вызванное послѣдними успѣхами социализма, содѣйствовало распространенію этихъ сомнѣ-

ній среди тѣхъ круговъ, которые незадолго передъ этимъ придерживались совершенно иной точки зрѣнія и были твердо убѣждены, что у государства нѣтъ болѣе настоятельной обязанности, чѣмъ распространеніе возможно болѣе широкаго образованія среди подданныхъ.

Тѣмъ не менѣе, общественное мнѣніе попрежнему убѣждено, что, говоря словами Паульсена, «въ всеобщей борьбѣ за преобладаніе и власть, превосходство всегда будетъ принадлежать тѣмъ народамъ, которые сумѣютъ лучше другихъ обезпечить молодежи основательное воспитаніе и образованіе при помощи хорошо поставленной школы и экономически преуспѣвающей и нравственно здоровой семьи». Успѣхи, достигнутые Германіей, объясняютъ тѣмъ, что Германія перегнала всѣ другія націи въ дѣлѣ народнаго образованія, рано сдѣлавъ обученіе обязательнымъ для всѣхъ и стараясь готовить возможно лучшихъ учителей для всѣхъ ступеней образованія. Отсюда заключаютъ, что невѣжество массъ отнюдь не является гарантіей порядка и устойчивости государственнаго строя, что явные интересы монархіи требуютъ все болѣе широкаго распространенія образованія, и что будущее принадлежитъ тѣмъ народамъ, которые лучше всего разрѣшатъ проблему національнаго воспитанія.

II. Соціальная политика.

Стремясь къ идеалу національнаго образованія, нѣмецкое государство въ то же время все яснѣе сознаетъ лежащія на немъ соціальныя задачи.

Дѣйствительно, развитіе свободнаго предпринимательства даетъ совершенно новую постановку соціальному вопросу. Всѣ отношенія личной зависимости, существовавшія раньше между нанимателемъ и наемникомъ, между помѣщикомъ и его крестьянами, между мастеромъ и его подмастерьями

и учениками, исчезаютъ въ теченіе XIX вѣка. Рабочій не обязанъ болѣе отдавать весь свой трудъ или часть его своему господину, у котораго онъ находится въ личномъ подчиненіи. Онъ свободенъ въ этомъ отношеніи отъ всякихъ обязательствъ. Онъ въ правѣ продать свой трудъ на возможно лучшихъ условіяхъ, и никто не можетъ принудить его принять рабочій договоръ, который онъ сочтетъ несправедливымъ или просто невыгоднымъ. Но, порвавъ личную связь, соединявшую его съ господиномъ, рабочій въ то же время потерялъ право пользоваться его покровительствомъ. Современный капиталистъ, который покупаетъ трудъ, въ правѣ пріобрѣтать себѣ этотъ товаръ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, нисколько не заботясь о поддержаніи жизни тѣхъ, кого онъ нанимаетъ, послѣ того какъ онъ перестанетъ нуждаться въ ихъ услугахъ.

Теоретически, «свобода» рабочаго и «свобода» работодателя должны уравниваться другъ друга. Одинъ воленъ не продавать своего труда на неблагоприятныхъ условіяхъ. Въ свою очередь, другой воленъ не покупать труда, если за него потребуютъ слишкомъ высокую цѣну. Такимъ образомъ, нормальная игра спроса и предложенія должна естественно установить справедливую цѣну труда.

Однако все́мъ извѣстно, насколько необезпеченной стала доля рабочаго при капиталистическомъ строѣ. Прежде всего, ему постоянно угрожаютъ самыя различныя опасности: болѣзни, несчастные случаи, старость, безработица. Передъ ними онъ совершенно беззащитенъ. Далѣе, ясно, что онъ большей частью не въ состояніи «свободно» договариваться съ работодателемъ. Въ концѣ-концовъ, онъ вынужденъ продать свой трудъ, чтобы не умереть съ голоду. Поэтому, ему постоянно приходится принимать невыгодныя условія, которыя диктуетъ ему спекулирующій на его нищетѣ предприниматель.

Такимъ образомъ, передъ современнымъ обществомъ возникаетъ весьма важная проблема. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы организовать на новыхъ началахъ охрану рабочихъ, о которой раньше при патриархальныхъ отношеніяхъ заботился помѣщикъ или работодатель. Необходимо найти средство противъ необезпеченности рабочихъ массъ путемъ введенія рабочаго страхованія и установленія болѣе нормальныхъ отношеній между предпринимателями и ихъ наемниками. Отъ разрѣшенія этой проблемы зависяетъ общественное здравіе, національная сила и поддержаніе социальнаго мира.

Общественное мнѣніе Германіи рано отдало себѣ отчетъ въ томъ злѣ, которое влечетъ за собой режимъ свободнаго предпринимательства, и поняло необходимость бороться съ нимъ. Уже въ сороковыхъ годахъ въ Берлинѣ возникаетъ «Общество улучшенія участи рабочихъ и ремесленниковъ» (Gesellschaft zur Verbesserung des Loses der Arbeiter und Handwerker), которое рекрутируетъ своихъ членовъ главнымъ образомъ среди предпринимательскихъ круговъ и получаетъ значительныя пожертвованія со стороны самого прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV. Къ этому же времени относятся первыя проявленія христіанскаго социализма. Такіе люди, какъ основатель «Внутренней миссіи» Вихернъ, съ протестантской стороны, и епископъ Кеттелеръ—съ католической, побуждаютъ церковь спуститься на арену практической дѣятельности и требуютъ примѣненія полностью принциповъ христіанской морали къ общественной жизни. Затѣмъ, на сцену выступаютъ экономисты и, во имя науки, начинаютъ борьбу съ Евангеліемъ свободной конкуренціи,—ученіями Адама Смита и манчестерской школы. Съ 40-хъ годовъ начинается и идейное теченіе, извѣстное впоследствии подъ названіемъ катедеръ-соціализма; въ 1872 году оно приводитъ къ основанію «Союза для социальной политики» (Gesellschaft

für Socialpolitik); главными его представителями являются видные ученые, какъ Brentano, Нассе, Шмоллеръ, Шёнбергъ.

Между тѣмъ какъ социалисты ждуть уничтоженія страданій пролетаріата отъ завоеванія демократіей политической власти и радикальнаго переворота въ общественномъ строѣ, все болѣе многочисленная группа представителей капиталистической буржуазіи, протестантскаго и католическаго христіанства и экономической науки проповѣдуетъ необходимость постепенныхъ социальныхъ реформъ для устраненія безспорныхъ золъ капиталистической системы. Силой, способной возродить современное общество, одни изъ этихъ реформистовъ считаютъ церковь и христіанскій принципъ. Другіе, стремясь положить конецъ эксплуатаціи и деградаціи низшихъ классовъ, возлагаютъ свои надежды на государство. Роль этихъ послѣднихъ въ нѣмецкомъ развитіи была весьма значительной, ибо прусское, а затѣмъ и имперское правительство въ широкой мѣрѣ приняло ихъ программу и пошло довольно далеко по пути государственнаго социализма.

Впрочемъ, мы должны отмѣтить, что правительство, удовлетворяя, по крайней мѣрѣ, отчасти нѣкоторыя социалистическія требованія, остается неизмѣнно враждебнымъ тенденціямъ социаль-демократической партіи. Правда, оно признаетъ свои обязанности по отношенію къ рабочему классу. Такъ, на примѣръ, Бисмаркъ, заявилъ въ рейхстагѣ, что онъ безъ всякихъ колебаній принимаетъ социалистическій принципъ права на трудъ. Зачатки его онъ находитъ уже въ законодательствѣ Фридриха. Прусское земское право (Landrecht) устанавливаетъ принципъ, что въ королевствѣ никого нельзя допустить до голодной смерти. Слѣдовательно, нѣтъ причинъ, чтобы современная Германская Имперія отказала рабочимъ въ защитѣ, которую давала имъ прусская монархія во время стараго порядка. Напротивъ, на ней лежитъ прямая обя-

занность заботиться объ ихъ участи и привязать ихъ къ себѣ матеріальными благодѣяніями. За-то о социальномъ переворотѣ, о которомъ мечтаютъ марксисты, правительство ничего не хочетъ знать. Оно противится всякой попыткѣ представителей демократіи взять въ свои руки руководство общественными дѣлами и весьма энергично защищаетъ противъ нихъ прерогативы монархіи. Оно рѣшительно борется съ революціонными или просто республиканскими тенденціями. Словомъ, нѣмецкое государство не превратилось въ послушнаго вассала капиталистической буржуазіи. Оно старается играть роль честнаго посредника между предпринимателями и рабочими. Но, если оно рѣшилось поставить границы предпринимательскому произволу, то, съ другой стороны, оно не допускаетъ, чтобы рабочіе пытались оказывать на него давленіе и диктовали ему свои условія.

Съ своей стороны, рабочіе питаютъ лишь весьма посредственное довѣріе къ феодальному, капиталистическому и буржуазному государству и лишь съ нетерпѣніемъ выносятъ его опеку. Они подозрѣваютъ его въ пристрастіи или слабости къ предпринимателямъ и видятъ въ немъ не столько справедливаго посредника, сколько союзника своихъ противниковъ. Если у правительства можно найти смѣсь симпатій и недовѣрія къ рабочему классу, то среди рабочихъ замѣчается большое недовѣріе къ капиталистическому государству. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ социальныя реформы идутъ впередъ весьма неравномѣрнымъ и капризнымъ темпомъ.

Вплоть до конца семидесятыхъ годовъ, пока Бисмаркъ опирался главнымъ образомъ на національ-либеральную партію, его экономическая политика была, естественно, также «либеральной». Государство не вмѣшивается въ экономическую жизнь съ цѣлью ограничить свободную конкуренцію. Правда, канцлеръ признаетъ, «что для ра-

бочихъ нужно много сдѣлать». Онъ старается съ разныхъ сторонъ освѣтить себѣ социальный вопросъ, обращаясь за свѣдѣніями не только къ социологу правыхъ партій — Вагенеру, но также и къ Лассалю, Родбертусу, Дюрингу и катедеръ-соціалистамъ. Но его положительная дѣятельность сводится пока къ нѣсколькимъ скромнымъ попыткамъ организовать производительные кооперативы и къ немногимъ мѣрамъ охраны рабочихъ, очень ограниченныхъ по сферѣ своего приложенія и лишенныхъ всякаго реального значенія.

Въ 1878 году, послѣ покушеній Геделя и Нобилинга на императора Фридриха, Бисмаркъ начинаетъ бороться съ грозными успѣхами социаль-демократической партіи при помощи исключительныхъ законовъ и сурово подавлять стремленія къ эмансипаціи, проявляющіяся среди пролетаріата. Но въ то же время онъ открываетъ эру совершенно новой социальной политики. Дѣйствительно, онъ очень хорошо понимаетъ, что для того, чтобы разрѣшить социальный вопросъ, одного принужденія недостаточно. Къ репрессивнымъ мѣрамъ нужно присоединить положительные благодѣянія. Вотъ почему, подавляя съ всѣмъ извѣстною суровостью «экспессы социалистовъ», онъ въ то же время старается «увеличить положительными мѣрами благосостояніе рабочихъ». Онъ ясно сознаетъ тяжкія бѣдствія, которыя влечетъ за собой для пролетаріата режимъ свободной конкуренціи. Онъ полагаетъ, что государство обязано оказать рабочимъ помощь и защиту, поскольку оно въ состояніи сдѣлать это, не причиняя ущерба крупной промышленности и не ставя слишкомъ тяжелыхъ преградъ ея развитію. «Мы хотимъ создать возможно большое довольство», — сказалъ канцлеръ, и, имѣя въ виду возможность кроваваго подавленія революціонныхъ экспессовъ, онъ прибавилъ: «На тотъ случай, если намъ придется сражаться».

Для Германіи начинается эра социальныхъ реформъ. При этомъ Бисмаркъ опирается въ первую очередь на консерваторовъ, которые давно уже критиковали городской индустриализмъ, и которыхъ легко можно было привлечь на сторону политики, ставившей своей задачей борьбу съ злоупотребленіями капиталистическаго строя. Его поддерживаетъ также католическій центръ, который уже съ середины вѣка чувствовалъ необходимость реформировать общество согласно принципамъ христіанской морали. Съ помощью этого большинства, къ которому присоединилось еще нѣсколько могущественныхъ индустриаловъ въ родѣ барона фонъ-Штумма, желавшихъ возстановить патриархальныя отношенія между предпринимателями и рабочими, канцлеръ начинаетъ закладывать фундаментъ великаго рабочаго законодательства, которое онъ хочетъ дать своей странѣ. Послѣ долголѣтней борьбы ему, наконецъ, удается доставить побѣду своимъ идеямъ. Благодаря его инициативѣ и настойчивости вырабатываются и принимаются императоромъ, союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ, великіе законы социальнаго страхованія, которыми Германія съ полнымъ правомъ гордится въ настоящее время,—страхованіе отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности. Правда, за недостаткомъ средствъ, онъ не смогъ осуществить свой планъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ его задумалъ. Ему отказали въ табачной монополіи, доходы съ которой должны были стать «достояніемъ обездоленныхъ» и позволили бы повысить очень скудные пособія и пенсіи нѣмецкому пролетаріату. Но даже въ томъ видѣ, въ которомъ оно было осуществлено, нѣмецкое законодательство о страхованіи рабочихъ, все же остается, несмотря на свои несовершенства, однимъ изъ наиболѣе прекрасныхъ созданій великаго канцлера, дающихъ ему право на вѣчную славу.

Такимъ образомъ, нѣмецкій рабочий былъ обезпеченъ отъ

нѣкоторыхъ. изъ наиболѣе серьезныхъ опасностей, которыя повлекло за собой развитіе капиталистической системы. Напротивъ, въ области фабричнаго законодательства почти ничего не было сдѣлано. Право коалицій и право стачекъ были обезпечены крайне плохо. Вслѣдствіе отсутствія удовлетворительной регламентаціи труда, женщины и дѣти по-прежнему подвергались самой худшей эксплуатаціи. ПримириТЕЛЬНЫЯ камеры были плохо организованы. Фабричная инспекція оставалась почти иллюзорной вслѣдствіе совершенно недостаточнаго числа инспекторовъ и неэффективности того надзора, который они могли производить. Но не дѣлалось ничего, чтобы улучшить это положеніе. Всѣ проекты реформъ наталкивались на пассивное сопротивленіе Бисмарка. Дѣйствительно, канцлеръ принципиально не хотѣлъ вступать на этотъ путь. Онъ думалъ, что страховые законы, создавъ безчисленное количество мелкихъ рантъ и поставивъ рабочій классъ подъ защиту государства, отдадутъ пролетаріатъ въ руки послѣдняго. Съ другой стороны, желая привлечь на свою сторону классъ предпринимателей, онъ не издавалъ слишкомъ строгихъ законовъ по охранѣ труда и предоставлялъ предпринимателямъ полную свободу организовывать промышленный трудъ въ соотвѣтствіи съ ихъ интересами. Такимъ образомъ, и капиталисты, и рабочіе окажутся въ зависимости отъ государства. Бисмаркъ былъ убѣжденъ въ правильности своей системы. Если бы рабочій классъ проявилъ слишкомъ явное стремленіе освободить себя изъ этого подчиненія, правительство всегда могло бы прибѣгнуть къ крайнему средству въ видѣ военной репрессіи.

Эта чересчуръ искусная политика равновѣсія, какъ извѣстно, потерпѣла крушеніе. Рабочій классъ ни на минуту не почувствовалъ симпатіи къ государству. Онъ принялъ, какъ должно, пенсіи и вознагражденія, которыя гарантировали ему страховые законы. Но онъ не почувствовалъ ни малѣйшей

благодарности къ государственному дѣятелю, который вза-мѣнъ матеріальныхъ благодарностей хотѣлъ держать проле-таріатъ подъ опекой, отрицалъ за нимъ право коалицій и преслѣдовалъ профессиональные союзы. Разсчеты Бисмарка оказались ошибочными. Остановленный на минуту въ сво-емъ развитіи полицейскими мѣрами, принятыми вслѣдъ за покушеніемъ 1878 года, социализмъ въ теченіи 80-хъ годовъ начинаетъ развиваться еще быстрѣе, чѣмъ раньше.

Въ 1890 году начинается новая эра социальныхъ ре-формъ. Отмѣна закона противъ социалистовъ, назначеніе министромъ торговли фонъ-Берлеша, извѣстные социаль-ные указы Вильгельма II, созывъ въ Берлинѣ интернаціо-нальной комиссіи для подготовки международнаго соглашенія по вопросамъ охраны рабочаго класса, отставка Бисмарка были первыми шагами этой политики. Организація прими-рительныхъ камеръ для улаживанія споровъ между пред-принимателями и рабочими, законъ о воскресномъ отдыхѣ были главными результатами этого движенія. Но послѣ удачнаго начала оно быстро замираетъ. Очень скоро вы-ясняется, что представители капиталистическаго предпри-нимательства достаточно могущественны, чтобы привести большинство намѣченныхъ реформъ къ крушенію. Консер-ваторы, отброшенные при канцлерѣ Каприви на время въ оппозицію, относятся къ рабочему законодательству враждебно точно такъ же, какъ либералы и прогрессисты, которые защищаютъ интересы капитализма. Реакціонныя вліянія становятся все сильнѣе и сильнѣе среди прибли-женныхъ императора. Снова начинается война противъ социалистическихъ тенденцій. Законопроектъ, направленный противъ революціонныхъ дѣяній (Umsturzvorlage) воз-буждаетъ серьезные опасенія среди либеральныхъ круговъ. Нападки на катедеръ-социалистовъ усиливаются. Социальная агитація въ лонѣ протестантизма приостанавливается ука-зомъ высшаго церковнаго совѣта евангелической церкви

(16-го декабря 1895 года). Сенсационная телеграмма императора объявляет, что «христианско-социалистическое движение—безмыслица»: пасторы должны насаждать чувство милосердія и стоять въ сторонѣ отъ политики, въ которой они ничею не понимаютъ. Наконецъ, въ іюнѣ 1896 года уходитъ въ отставку министр-реформаторъ фонъ-Берлепшъ.

Тѣмъ не менѣе, движеніе въ пользу социальной реформы въ странѣ не прекращается. Несмотря на неодобреніе императора, христианскій социализмъ получаетъ все большее распространеніе. Въ протестантскомъ лагерѣ онъ порываетъ съ консервативной партіей и принимаетъ довольно сильную социалистическую окраску, особенно у пастора Наумана и примыкающихъ къ нему интеллигентовъ. Въ католическомъ лагерѣ социальная пропаганда также становится болѣе дѣятельной и практической, несмотря на иногда очень острые разногласія среди вождей движенія. Въ 1906 году въ евангелическихъ профессиональныхъ союзахъ было около 80,000 членовъ, въ чисто католическихъ союзахъ около 81,000 членовъ, а внѣзвѣроисповѣдныя христианскіе профессиональные союзы, число которыхъ растетъ необыкновенно быстро, насчитывали не менѣе 250,000 рабочихъ.

Социаль-реформаторское теченіе встрѣчаетъ сочувствіе не только въ религіозныхъ кругахъ. Оно, повидимому, пріобрѣтаетъ сторонниковъ среди самыхъ различныхъ слоевъ общества. Оно распространяется все болѣе и болѣе среди предпринимательскаго міра заботы котораго о благосостояніи и охранѣ рабочихъ, становятся съ теченіемъ времени все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе. Въ кругахъ ученыхъ и художниковъ вопросы социальной гигиены, устройства дешевыхъ жилищъ, народнаго образованія и демократическаго искусства изучаются и дискутируются съ новымъ жаромъ. Муниципальные совѣты большихъ городовъ обращаютъ въ настоящее время особенное вниманіе на всѣ мѣры, ко-

торыя могутъ улучшить положеніе рабочихъ, начиная съ постройки рабочихъ жилищъ, и кончая устройствомъ народныхъ библиотекъ и общественныхъ садовъ. Въ рейхстагѣ за послѣдніе годы были обсуждены и приняты нѣкоторыя новыя мѣры по охранѣ труда и рабочему законодательству. Кажется, что и въ правящихъ сферахъ считаются съ возможностью возобновить социальную политику въ духѣ указовъ 1890 года. Пораженіе социал-демократовъ на выборахъ 1907 года можетъ только укрѣпить эти тенденціи. Все говоритъ за то, что великое дѣло рабочаго законодательства, которое было прервано и находилось въ перенебреженіи съ 1896 года, будетъ возобновлено съ новой силой.

Въ этомъ возрожденіи социальнаго идеализма можно увидѣть интересный симптомъ того направленія, которое принимаетъ въ настоящее время общее развитіе Германіи. Мы выше указали, что въ сферахъ экономическихъ отношеній въ настоящее время наблюдаются признаки реакціи противъ системы свободнаго предпринимательства и принципа неограниченной конкуренціи. Аналогическія тенденціи пробиваютъ себѣ дорогу и въ политической сферѣ среди просвѣщенныхъ представителей консерватизма, протестантской и католической церкви и носителей высшей научной и художественной культуры. Рядомъ съ реалистическимъ стремленіемъ къ національному и міровому могуществу все болѣе отчетливо вырисовывается стремленіе къ національной культурѣ и социальному миру. Несомнѣнно, что значительная часть нѣмецкаго общества стремится къ системѣ ограниченной конкуренціи, опирающейся на идеализмъ съ религіознымъ основаніемъ, и старается разрѣшить социальный вопросъ на почвѣ современнаго христіанства въ духѣ христіанской этики. Въ какой мѣрѣ эти тенденціи одержать верхъ надъ болѣе радикальными стремленіями правыхъ и лѣвыхъ партій, надъ авторитарнымъ абсолютиз-

момъ, съ одной стороны, и социаль-демократіей—съ другой? Одно только будущее сможетъ рѣшить, насколько окажется возможнымъ и жизнеспособнымъ подобный компромиссъ между имперіалистическимъ рационализмомъ и религіознымъ и традиционнымъ инстинктомъ.

КНИГА III.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.

ГЛАВА I.

Возрождение католицизма въ Германіи въ XIX вѣкѣ.

I. Развитие научнаго рационализма трансформируетъ религію современнаго человѣка.

Въ началѣ этой книги мы указали, что основное различіе между средними вѣками и нашей эпохой состоитъ въ развитіи науки и опирающейся на науку организаціи жизни. Это глубокое видоизмѣненіе въ человѣческомъ мышленіи ведетъ за собой радикальный переворотъ во всѣхъ традиціонныхъ представленіяхъ о назначеніи человѣка. Современный человѣкъ смотритъ на міръ совершенно иными глазами, чѣмъ средневѣковый христіанинъ; онъ уже не раздѣляетъ религіозныхъ чувствъ послѣдняго и ставитъ передъ собой совершенно иныя проблемы. Мы могли бы сказать, что на мѣсто «религіознаго» міропониманія стремится стать «научное» пониманіе міра. Но я предпочитаю выразить этотъ фактъ иначе: развитіе теоретическаго и практическаго рационализма обновило религію современнаго европейца.

Дѣйствительно, я не думаю, чтобы въ Германіи XIX вѣка имѣлъ мѣсто упадокъ религіознаго духа. Коренныя

различія, существующія между современной религіей и религіей прежнихъ эпохъ, сознаются все яснѣе и яснѣе, но большею частью не хотятъ допустить, чтобы между ними существовала непримиримая противоположность. Я, конечно, не знаю, справедливо ли или ошибочно это убѣжденіе, должно ли будущее развитіе рационализма нанести смертельный ударъ христіанству, произойдетъ ли окончательный разрывъ между религіей прошлаго и современнымъ мышленіемъ, сумѣетъ ли будущее человѣчество удовлетвориться одной только наукой и надолго отдаться абсолютному агностицизму? Но этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, можно свободно оставить въ сторонѣ въ настоящей книгѣ. Для меня, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что современная Германія не возводитъ неизбѣжный антагонизмъ между наукой и религіей въ общее правило; напротивъ, она скорѣе страстно стремится примирить ихъ. Въ духовной, какъ и въ политической сферѣ, она не желаетъ насильственнаго разрыва съ прошлымъ. Она вѣритъ въ неразрывную связь между старымъ христіанствомъ и «религіей современности». Она думаетъ, что христіанство способно эволюціонировать далѣе и сможетъ до извѣстной степени ассимилировать послѣдовательныя завоеванія человѣческаго разума.

Посмотримъ теперь, какова была въ XIX вѣкѣ эволюція религіозной мысли въ Германіи, и начнемъ наше изученіе съ исторіи католицизма.

II. Упадокъ и возрожденіе католицизма въ началѣ XIX вѣка.

Казалось, что развитіе рационалистическаго духа должно было угрожать скорѣе болѣе традиціонному и авторитарному католицизму съ его вѣковыми притязаніями на господство надъ душами, чѣмъ протестантизму, которымъ мы займемся

ниже. Несомнѣнно, католицизмъ испыталъ въ Германіи весьма серьезные кризисы, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ XIX столѣтія. Но мы должны сейчасъ же отмѣтить, что они не ослабили его сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, и что въ настоящее время его реальное и видимое могущество обезпечено лучше, чѣмъ столѣтіе тому назадъ.

Въ концѣ XVIII вѣка можно было задать себѣ вопросъ, не будетъ ли авторитарный и абсолютистическій католицизмъ вынужденъ сдѣлать самыя серьезныя уступки новому духу, и не идетъ ли онъ навстрѣчу непоправимымъ катастрофамъ. Дѣйствительно, рационалистическій духъ, который въ это время вступилъ въ союзъ съ протестантскимъ духомъ и опредѣлялъ движеніе «эпохи просвѣщенія», сталъ овладѣвать и католицизмомъ. Образуется партія реформъ, которая стремится измѣнить католическія учрежденія въ либеральномъ духѣ.

Сторонники реформъ, прежде всего, стараются ограничить чрезмѣрный съ ихъ точки зрѣнія авторитетъ верховнаго епископа католической церкви—папы. Они выступаютъ противъ давленія, которое курія оказываетъ на нѣмецкихъ епископовъ, и отстаиваютъ независимость и прерогативы послѣднихъ противъ притязаній папы. Они обвиняютъ папство въ томъ, что оно нѣкогда обманнымъ образомъ узурпировало монархическую власть, ссылаясь на знаменитыя псевдо-исидоровы декреталіи. Въ конечномъ счетѣ, они заявляютъ, что высшая власть въ церкви должна принадлежать не римскому епископу, а вселенскому собору. Исходя изъ этой точкѣ зрѣнія они въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ становятся на сторону послѣдняго. Они стремятся по возможности совершенно освободить національную церковь отъ всякихъ иностранныхъ вліяній и признають за свѣтскими государями широкое право надзора за церковью и значительную долю вліянія на управленіе ея. На-

конецъ, они стараются обновить католическое богословіе въ либеральномъ духѣ, внести въ историческія изслѣдованія большую независимость и болѣе научный методъ, упростить церемоніи культа, ограничить процессіи и паломничества. Они борются съ нѣкоторыми монашескими орденами, какъ напримѣръ съ іезуитами и нищенствующими орденами, указываютъ на невѣжество духовенства и требуютъ, чтобы народу давалось болѣе полное релігійное образованіе. Они стараются по возможности сгладить или уменьшить разногласія, которыя отдѣляютъ особенно въ сферѣ морали протестантизмъ отъ католицизма.

Во второй половинѣ XVIII вѣка римскій католицизмъ явнымъ образомъ теряетъ почву подъ ногами. Правда, папѣ Пію VI удается вырвать у наиболѣе извѣстнаго представителя реформаторскихъ тенденцій Іоанна-Николая фонъ-Гонттейма (Фебронія) своего рода отреченіе. Но либеральныя идеи, поборникомъ которыхъ являлся послѣдній, дѣлають, тѣмъ не менѣе, весьма значительныя успѣхи. Роспускъ іезуитскаго ордена (1773 г.) представляетъ изъ себя значительную побѣду надъ духомъ нетерпимости и чрезмерной борьбы противъ реформаци и рационализма. Въ Австріи Іосифъ II рядомъ смѣлыхъ реформъ сбрасываетъ римское иго, объявляетъ себя главой австрійской церкви, весьма значительно уменьшаетъ число монаховъ и эдиктомъ о вѣротерпимости 1781 года уравниваетъ протестантовъ съ католиками въ гражданскихъ правахъ и въ правѣ на занятіе общественныхъ и государственныхъ должностей. Въ Германіи нѣсколько лѣтъ спустя три духовныхъ курфюрета вмѣстѣ съ зальцбургскимъ архіепископомъ провозглашаютъ въ знаменитыхъ Эмскихъ Пунктахъ (1786 г.) принципы, сходныя съ тѣми, которые выставилъ Гонттеймъ-Феброній относительно независимости епископовъ отъ папской власти. Реформаторскія тенденціи проникають въ большинство католическихъ университетовъ Германіи. Духъ

терпимости распространяется все больше и больше, всюду смягчая въроисповѣднѣй антагонизмъ. Миссіонерская пропаганда прекращается почти совершенно вплоть до конца столѣтія. Кантіанская философія, столь протестантская по своему духу, находитъ многочисленныхъ сторонниковъ въ католическомъ лагерѣ. Французская революція наноситъ, какъ будто, окончательный ударъ римскому католицизму въ самомъ Римѣ. Въ 1798 году провозглашается Римская республика, и сооружается статуя Свободы, подпирающей ногами тіару. Пій VI, несмотря на свой восьмидесятилѣтній возрастъ, уводится плѣнникомъ сначала въ Сиену, потомъ въ Валенсію, гдѣ онъ умираетъ въ слѣдующемъ году. Его преемникъ Пій VII выбирается конклавомъ, который собирается въ Венеціи подъ покровительствомъ православной Россіи. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ спустя постановленіе имперской депутаціи (Reichsdeputationshauptschluss) 1803 года окончательно уничтожаетъ свѣтскую власть нѣмецкаго католицизма. Церковь теряетъ суверенитетъ надъ территоріей въ слишкомъ 1,700 квадратныхъ миль, съ населеніемъ свыше трехъ милліоновъ жителей и съ доходами болѣе двадцати одного милліоновъ флориновъ.

Казалось, что въ началѣ XIX вѣка католицизмъ стоялъ наканунѣ своей смерти. Уважаемый историкъ этой эпохи, Шпиттлеръ, въ концѣ своихъ лекцій по исторіи папства выразилъ убѣжденіе, что celibаты священниковъ и употребленіе латыни исчезнуть въ самомъ скоромъ времени, даже въ Австріи, что католическая церковь перестанетъ быть римской, и что народъ возвратитъ себѣ права, отнятыя у него духовенствомъ. Въ 1799 году онъ писалъ: «Въ нынѣшней своей формѣ католицизмъ почти погибъ. Древнее папство лежитъ въ могилѣ, и Римъ во второй разъ превращается въ развалины».

Но уже въ послѣдніе годы XVIII вѣка въ Германіи начинается весьма замѣтное движеніе въ пользу возврата

къ старымъ «положительнымъ» формамъ религіи. Это движеніе, совершающееся въ ущербъ либеральнымъ тенденціямъ, идетъ на пользу прежде всего римскому католицизму и въ очень короткое время сильно увеличиваетъ его вліяніе, находившееся, казалось, въ полномъ упадкѣ.

Съ перваго взгляда кажется, что главную причину этого поворота общественнаго мнѣнія Германіи слѣдуетъ искать въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвело на нѣмецкое общество развитіе французской революціи. Въ началѣ ее привѣтствовала съ энтузіазмомъ вся образованная Германія, видѣвшая въ ней реализацію философскихъ теорій XVIII вѣка: раціонализма и ученій Руссо. Революція казалась грандіознымъ опытомъ, предпринятымъ для провѣрки организаторской силы Разума. Она торжественно признала своимъ Богомъ Бога философовъ. Она устроила съ необыкновенной пышностью въ соборѣ «Notre Dame» почитаніе богини Разума, провозгласила устами Робеспьера, что «безъ малѣйшаго принужденія, безъ всякихъ преслѣдованій всѣ секты сами сольются въ универсальной религіи Природы», и установила въ 1794 году officialный государственный культъ Высшаго Существа. Однако, эксцессы революціонеровъ, ихъ насилія надъ ихъ политическими и релігійными противниками быстро превращаютъ въ ужасъ, отвращеніе и ненависть то чувство преклоненія, которое революція вызвала въ своемъ началѣ. Чѣмъ суровѣе осуждаютъ революцію, тѣмъ болѣе отворачиваются отъ ея основного принципа, религіи Разума, которая, если и не вызвала революціонныя преступленія, то все же не смогла предупредить ихъ. Начинаютъ все внимательнѣе прислушиваться къ рѣчамъ эмигрантовъ, которые возлагали отвѣтственность за великій соціальныи переворотъ на «философію» и ея нечестивыя ученія.

Противъ революціи и раціонализма образуется, такимъ образомъ, союзъ историческихъ и традиціонныхъ силъ:

монархіи «Божією милостью», наследственнаго дворянства и церкви,—«союзъ трона и алтаря». И «алтаремъ» не была ли прежде всего римско-католическая церковь, которая во всё времена съ неутомимымъ постоянствомъ защищала принципъ авторитета противъ философскаго невѣрія и кошунственныхъ захватовъ возмущившагося Разума? Лишь только революцію стали считать (справедливо ли или нѣтъ, это здѣсь не существенно) практическимъ примѣненіемъ рационалистическаго идеала, страхъ передъ революціей логично долженъ былъ пойти на пользу той силѣ, которая являлась воплощеніемъ противоположнаго принципа,—папской власти. Болѣе всего при этомъ потеряли реформистскій католицизмъ и протестантизмъ: оба были подозрительны, потому что вступили въ союзъ съ заблужденіями вѣка и сдѣлали преступныя уступки революціоннымъ идеямъ. Передъ лицомъ революціонной бури, которая одинаково угрожаетъ и трону, и алтарю, обѣ соперничающія силы забываютъ о своихъ раздорахъ. Вѣковая борьба между папствомъ, которое воплощаетъ въ себѣ интернаціональную силу церкви, и свѣтскими государями, которые являются носителями національной силы государства, отступаетъ на второй планъ. Примиренные грозной опасностью, оба противника неоднократно вступаютъ въ союзъ противъ общаго врага,—противъ революціи и ея принципа, рационалистической «иррелигіозности». Даже нѣмецкіе протестантскіе государи нерѣдко проявляютъ извѣстныя симпатіи къ католицизму, поскольку онъ является консервативной силой, способной обуздать революціонный духъ и склонить народы къ покорности и подчиненію.

Однако, церковь находитъ свое спасеніе не у государей и не въ высшихъ слояхъ общества. Съ извѣстной точки зрѣнія возрожденіе католицизма также является стремленіемъ къ свободѣ, народнымъ движеніемъ. Взглядъ на положеніе католицизма послѣ кризиса 1803 г. поможетъ намъ понять этотъ фактъ.

«Reichsdeputationshauptschluss» 1803 года имѣлъ своимъ послѣдствіемъ исчезновеніе послѣднихъ слѣдовъ теократическихъ правительствъ въ Германіи. Въ матеріальномъ отношеніи, секуляризація церковныхъ владѣній нанесла католицизму тяжкій ущербъ. Она лишила церковь и конгрегаціи значительныхъ богатствъ и весьма чувствительно уменьшила ихъ матеріальное могущество. Но болѣе всего она подорвала независимость церкви; послѣдняя попала подъ болѣе непосредственную, чѣмъ раньше, часто тиранническую и придирчивую опеку свѣтскихъ государей и ихъ бюрократіи. Историки съ ультрамонтанскими симпатіями усиленно подчеркиваютъ необезпеченное и зависимое положеніе, которое создалъ для католической церкви указъ 1803 года. Съ документами въ рукахъ, они доказываютъ, что у церкви были отняты самыя необходимыя права и свободы; что авторитетъ епископовъ былъ уничтоженъ властью чиновниковъ, большей частью протестантскихъ или враждебныхъ римскому католицизму; что монастыри были закрыты, ихъ имѣнія конфискованы, ихъ богатства отданы на разграбленіе. Они показываютъ, что церковь, лишенная права свободно распоряжаться своими средствами, была вынуждена жить на милостыню свѣтскихъ властей, подчинена финансовой опекѣ государства, которое сильно сократило расходы на культъ и обратило благочестивыя даренія на совершенно новыя цѣли, чуждыя ихъ первоначальному назначенію. Они жалуются на то, что государство нарушило вѣроисповѣдный нейтралитетъ, систематически отдавая предпочтеніе протестантамъ передъ католиками въ арміи, администраціи, университетахъ. Они указываютъ на то, что у церкви было отнято всякое вліяніе на школу, и что государство стѣсняло даже культъ, такъ какъ подъ предлогомъ уничтожить злоупотребленія оно стремилось уменьшить торжественность церемоній, ограничить число праздничныхъ дней, запретить процессіи и паломниче-

ства, даже ввести собственной властью измененія въ литургію.

Ясно, что эти сѣтованія имѣли чрезвычайно важное значеніе, и что они должны были вызвать симпатіи къ дѣлу католицизма. Католицизмъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ союзникомъ королевской власти въ борьбѣ съ революціей, является теперь въ глазахъ общественнаго мнѣнія жертвой правительственныхъ репрессій. Въ самомъ дѣлѣ, католицизмъ требуетъ того же, чего требуютъ всѣ либералы и радикалы: «свободы», эмансипаціи отъ тиранническаго контроля государства. Великій принципъ автономіи, который лежитъ въ основѣ всѣхъ требованій, предъявляемыхъ демократіей къ монархическому абсолютизму, составляютъ основу и тѣхъ требованій, съ которыми обращается католицизмъ къ государству!

Правда, его противники возражаютъ, разоблачая властолюбіе клерикаловъ. Они стараются доказать, что католицизмъ въ концѣ концовъ отнюдь не терпитъ притѣсненій ни въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, ни въ свободномъ отправленіи культа, что та «свобода», которой онъ требуетъ для себя, въ дѣйствительности состоитъ въ возможности угнетать своихъ противниковъ и господствовать въ государствѣ, что онъ и въ настоящее время продолжаетъ лелѣять свою старую теократическую мечту. Но это не лишаетъ католиковъ убѣжденія, что и они являются борцами за современное дѣло автономіи, что и они ведутъ борьбу съ полицейскимъ государствомъ за свободу, что эмансипація народа идетъ нога въ ногу съ эмансипаціей церкви. Поэтому, католическое движеніе въ теченіе всего XIX вѣка представляется не только какъ контръ-революціонное теченіе, но чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣе, какъ народное движеніе, какъ стремленіе «христіанскаго народа» къ религіозной свободѣ.

Другимъ слѣдствіемъ секуляризаціи 1803 года было

ослабленіе реформаторскаго и «національнаго» католицизма въ пользу ультрамонтанства.

Могущественные князья-епископы и богатые прелаты старой германской церкви, которымъ не нужно было бояться захватовъ со стороны свѣтской власти, легче могли защищать автономію епископовъ и права національной церкви противъ абсолютистскихъ притязаній папства. «Если бы епископы, — сказалъ кардиналъ Пакка, когда высшее нѣмецкое духовенство выступило на защиту направленной противъ куріи политики Юсифа II, — были бы менѣе могущественны и богаты, они бы съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ голосу верховнаго вождя церкви и не старались слѣдовать примѣру высокомерныхъ и честолюбивыхъ константинопольскихъ патріарховъ и стремиться къ почти раскольнической независимости». Секуляризація, уничтоживъ свѣтскую власть епископовъ, нанесла тяжкій ударъ реформаторской партіи. Новое духовенство, не имѣя собственной власти, постоянно угрожаемое въ своей независимости свѣтскими властями, нуждается гораздо болѣе прежняго духовенства въ поддержкѣ куріи и быстро привыкаетъ покорно принимать даваемые Римомъ лозунги. До 1803 года значительная часть нѣмецкихъ епископовъ старается въ союзѣ съ свѣтскими государями защищать права національныхъ церквей противъ римскаго епископа. Послѣ 1803 г. сопротивленіе слабѣетъ; курія начинаетъ справляться съ нимъ быстрѣе. Духовенству приходится все чаще и чаще бороться при поддержкѣ и подѣ руководствомъ папства съ притязаніями свѣтскаго государства. Папство начинаетъ казаться католикамъ самой вѣрной гарантіей религіозной независимости: лишь суверенная власть папы, независимая отъ отдѣльныхъ государствъ, можетъ гарантировать церкви автономію и защитить ее отъ покушеній гражданской власти.

Если нѣкогда, при старомъ порядкѣ, епископы хотѣли предписывать законы куріи, то теперь они очень скоро

начинають отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что они должны выбрать одно изъ двухъ: или повиновеніе Риму, или рабскую зависимость отъ государства. И они выбираютъ первое. «Папскій престолъ, — пишетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ нѣмецкаго католицизма, — является освободителемъ германской церкви».

Дисциплинируя и концентрируя свои силы для того, чтобы съ удвоенной энергіей начать борьбу за власть, католицизмъ проявляетъ себя, какъ духовный принципъ, способный приобрести уваженіе умовъ, воспламенить сердца, воодушевить воображеніе художниковъ. Романтическое движеніе, покорившее въ началѣ XIX вѣка цвѣтъ нѣмецкой интеллигенціи, приводитъ къ апогею католицизма. Нѣтъ болѣе замѣчательнаго и поучительнаго зрѣлища, чѣмъ тѣ перипетіи, черезъ которыя эти свободные умы перешли отъ самой смѣлой и независимой философской спекуляціи къ самому строгому правовѣрію.

Романтизмъ является сначала протестомъ противъ нѣсколько дѣтскаго раціонализма эпохи просвѣщенія. Раціоналисты обожествили познавательную и организующую силу Разума; они считали Разумъ способнымъ ясно и точно понять и опредѣлить Бога или первопрічину всего бытія, способнымъ однимъ собственнымъ свѣтомъ руководить поведеніемъ индивидуумовъ и народовъ. Романтизмъ принимаетъ въ расчетъ другія силы, оказывающія рядомъ съ Разумомъ рѣшающее вліяніе на человѣческую судьбу: моральную волю, любовь, интуицію, художественное воображеніе. Продолжая дѣло Канта и Гёте, которыхъ онъ признаетъ своими учителями, вдохновляясь далѣе Спинозой, Платономъ, Бёме, Гемстергейсомъ, романтизмъ приходитъ къ новому рѣшенію религіозной проблемы. Съ его точки зрѣнія, разумъ отнюдь не является единственнымъ органомъ, при помощи котораго человѣкъ познаетъ Бога. Уже Кантъ основывалъ религію не на позна-

вательної способности, а на нравственной волѣ, не на чистомъ, а на практическомъ разумѣ. Слѣдуя его примѣру, романтики заявляютъ, что Богъ не можетъ быть доказанъ раціональными доводами, что религія не является извѣстнымъ видомъ познанія. Постигнуть Бога человекъ можетъ не разумомъ, а любовью, созерцаніемъ, нравственной волей, художественнымъ воображеніемъ.

Несомнѣнно, романтики, но крайней мѣрѣ вначалѣ, весьма далеки отъ желанія произвести насиліе надъ разумомъ, подчинить его другимъ способностямъ, заставить его преклониться передъ авторитетомъ историческаго и сверхъестественнаго откровенія, которое онъ долженъ признать безъ всякаго контроля. Они не отвергаютъ ни одного изъ новѣйшихъ завоеваній разума и науки; они вовсе не думаютъ вести человекство назадъ къ устарѣлымъ методамъ мышленія. Напротивъ, они гордятся тѣмъ, что они—передовые мыслители, и хотятъ раскрыть новыя области человеческой души. Ихъ цѣль не въ томъ, чтобы опровергнуть раціонализмъ, а въ томъ, чтобы превзойти его. Они не думаютъ исправить научное міросозерцаніе при помощи релігійознаго міровоззрѣнія; они лишь утверждаютъ, что и то и другое имѣютъ свою цѣнность и взаимно дополняютъ другъ друга. Словомъ, они устремляютъ свои взоры не на прошлое, а на будущее.

Однако, съ теченіемъ времени романтизмъ начинаетъ все презрительнѣе относиться къ силѣ разума. Направленный первоначально противъ чрезмѣрнаго раціонализма, слишкомъ переоцѣнивающаго силу человеческого ума, онъ мало-по-малу начинаетъ отводить теоретическому разуму все болѣе низкое мѣсто въ лѣстницѣ цѣнностей и видѣть въ немъ нѣчто менѣе цѣнное, подозрительное и даже враждебное. Уже для Новалиса теоретическій разумъ былъ только педантичнымъ и ворчливымъ писцомъ, которому лишь изрѣдка и съ большимъ трудомъ удается фикси-

ровать въ своихъ формулахъ нѣкоторыя крохи вѣчной истины, и который становится положительно вреднымъ, когда онъ пытается возставать противъ высшихъ господствующихъ въ мірѣ силъ: Любви, Мудрости, Поэзіи. Для Фридриха Шлегеля философія является лишь безплодной попыткой объяснить міръ безъ Бога, иллюзіей, опираясь на которую человѣкъ мечтаетъ извлечь изъ самого себя добродѣтели, вложенныя божественнымъ откровеніемъ въ сердце человѣка: онъ принимаетъ за естественныя и нормальныя продукты человѣческаго разума тѣ понятія, которыя, въ дѣйствительности, являются смутными воспоминаніями слова, принесеннаго нѣкогда самимъ Богомъ грѣшному человѣчеству. Спекулятивный разумъ, съ точки зрѣнія раціоналистовъ безошибочный руководитель чедовѣка, превратился для извѣрившихся въ него романтиковъ, въ концѣ концовъ, въ источникъ заблужденій и творца иллюзій.

Но мѣрѣ того какъ раціональная истина занимаетъ все болѣе низкое мѣсто на таблицѣ цѣнностей, значеніе специфически религіозной истины въ глазахъ романтиковъ все болѣе увеличивается. Первоначально они не придаютъ большого значенія историческимъ и положительнымъ элементамъ религіи. Напримѣръ, Фихте проповѣдуетъ пантеистическій монизмъ, который онъ считаетъ въ сущности идентичнымъ съ христіанствомъ Іоанна, но который, въ дѣйствительности, является философскою религіей, содержащей общія основы различныхъ христіанскихъ исповѣданій и имѣющей своєю конечной цѣлью примирить ихъ въ послѣднемъ синтезѣ.

Но, если первоначально романтизмъ не являлся конфеcсиональной реакціей, если онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ вѣротерпимость, догматическій индифферентизмъ, либерализмъ въ области религіозной организаціи, то мало-по-малу онъ начинаетъ относиться съ все болѣе искреннимъ

уваженієм і вниманієм къ положительному христіанству. Всѣ его мыслители и поэты, начиная съ Новалиса и Шлегеля и кончая Ваккенродеромъ и Тикомъ, черпають свое вдохновеніе въ славной исторіи христіанскаго прошлаго, въ средневѣковѣ, столь трогательномъ въ своемъ благочестивомъ порывѣ къ искусству и религи, въ славной эпохѣ крестовыхъ походовъ, когда вся Европа исповѣдывала одну вѣру, въ этомъ золотомъ вѣкѣ христіанства, когда великая общая цѣль объединяла всѣ области этой великой духовной монархіи.

Фридрихъ Шлегель, погружившійся въ изученіе языковъ, міеологіи и философіи Востока, черпаетъ изъ своихъ занятій убѣжденіе, что «человѣкъ не началъ своей карьеры безъ Бога». Эволюція человѣческаго рода, — учить онъ, — непонятна, если въ началѣ не предположить божественнаго откровенія. Его слѣды мы находимъ въ наиболѣе древнемъ и достойномъ уваженія документѣ, которымъ мы располагаемъ о происхожденіи человѣческаго рода, въ Пятикнижьи Моисея. Ослабленные отзвуки этого откровенія и болѣе или менѣе смутныя воспоминанія о немъ мы встрѣчамъ въ релігійныхъ системахъ древняго Востока. Такимъ образомъ, сверхъестественный свѣтъ сіяетъ уже въ самой глубокой старинѣ человѣческой исторіи. Наши усилія должны быть направлены къ одной цѣли: путемъ благочестиваго изученія Библии найти вновь ту божественную истину, которая одна только можетъ обезпечить намъ спасеніе.

Если мы сдѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ по этому пути, мы поймемъ также и все возрастающія симпатіи романтиковъ къ католицизму.

Если нѣтъ основаній исключать положительные элементы религіи въ качествѣ пустыхъ суевѣрій, если разумъ не имѣетъ права исправлять релігійную интуицію, то не слѣдуетъ ли задать себѣ вопросъ, не была ли

реформація первымъ проявленіемъ нечестиваго бунта разума противъ вѣры, не были ли упрощенія, которыя протестантизмъ внесъ въ традиціонную религію, покушеніемъ на нее самое? Протестантъ Новалисъ упрекаетъ реформацію въ томъ, что она разрушила единство христіанства и объявила себя «перманентнымъ революціоннымъ правительствомъ». И, наоборотъ, онъ хвалитъ въ католицизмѣ какъ разъ тѣ черты, которыя раціонализмъ осуждалъ особенно настойчиво. Онъ одобряетъ папъ за то, что они по своей высокой мудрости «воспротивились дерзкому развитію нѣкоторыхъ человѣческихъ способностей и преждевременнымъ и опаснымъ открытіемъ въ области науки». Онъ восхваляетъ даже целибать священниковъ. Онъ защищаетъ іезуитовъ, въ которыхъ онъ видитъ удивительное созданіе церковнаго духа, грандіозную попытку возстановить папство въ его древней славѣ. Если многіе романтики, какъ Новалисъ, Вакенродеръ, Тикъ, Гентцъ, не доходятъ въ своихъ симпатіяхъ къ католицизму до открытаго обращенія, то другіе совершаютъ и этотъ послѣдній шагъ. Фридрихъ Шлегель во всеуслышаніе осуждаетъ преступный индифферентизмъ нерѣшительныхъ, которые подъ тѣмъ предлогомъ, что высшіе формы религіи не имѣютъ большаго значенія, лѣниво остаются въ той вѣрѣ, въ которой родились. Каждый человѣкъ обязанъ рѣшить за свой страхъ основной вопросъ, лежитъ ли единая и непреложная истина въ протестантизмѣ или католицизмѣ. Шлегель полагаетъ, что реформація, уничтоживъ высшія формы религіи, тѣмъ самымъ отвергла самые существенные и возвышенные элементы христіанства. Онъ послѣдовательно идетъ до конца. Отчасти въ силу своего убѣжденія, какъ историка и критика, отчасти въ силу акта вѣры, свободнаго выбора своего интимнаго чувства, онъ официально переходитъ въ католицизмъ 16-го апрѣля 1908 года въ Кёльнѣ.

Этотъ случай — не единичное явленіе. Въ эту эпоху такія обращенія умножаются. Въ католицизмъ переходятъ люди науки и изслѣдователи, какъ философъ Мёллеръ, эстетикъ Руморъ, политико-экономъ Адамъ Мюллеръ; писатели, какъ Захарія Вернеръ; художники, какъ оба Фейта, Клинкоштрёмъ, Овербекъ и оба Шадова, государственные дѣятели, какъ Платнеръ и Эдуардъ фонъ-Шенкъ, публицисты, какъ Ярке, князья, какъ Фридрихъ Гессенъ-Дармштадтскій или Адольфъ фонъ-Мекленбургъ-Шверинскій. Возможно и даже вѣроятно, что при нѣкоторыхъ изъ этихъ обращеній большую роль играли «человѣческіе» мотивы. Политическій расчетъ или художническій дилеттантизмъ, мысль о томъ, что католицизмъ является дѣйствительнымъ средствомъ удержать народы въ повиновеніи, или что онъ — эстетическая религія по преимуществу, та, которая вдохновляла великихъ художниковъ средневѣковья и породила шедевры живописи и музыки, оказали, вѣроятно, рѣшающее вліяніе на многихъ изъ этихъ обратившихся. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ подвергать сомнѣнію ихъ искренность; ихъ просто захватило и довело до конца великое теченіе, которое удаляло умы отъ раціонализма и незамѣтно толкало ихъ къ релігійной вѣрѣ.

Такъ заканчиваетъ романтизмъ кругъ своего релігійнаго развитія. Новаторы и революціонеры, романтики первоначально хотятъ продолжить дѣло классической эпохи, изслѣдовать области душевной жизни, оставшіяся неизвѣстными раціонализму XVIII вѣка. Они тщательно отграничиваютъ область религіи, придаютъ въ психической жизни человѣчества все большее значеніе ирраціональнымъ элементамъ, мистической интуиціи, чувству, любви, проявляютъ все больше уваженіе къ историческимъ даннымъ религіи. Начавъ съ почти раціоналистическаго пониманія религіи, съ своего рода фило-

софскаго протестантизма, совершенно свободнаго отъ всякихъ историческихъ и догматическихъ элементовъ, романтизмъ, благодаря все растущему презрѣнію къ теоретическому разуму, кончаетъ все болѣе «ирраціоналистическимъ» пониманіемъ религіи. Его симпатіи къ религіознымъ воззрѣніямъ, въ которыхъ господствуетъ сверхчеловѣческій элементъ, становятся все болѣе горячими. Онъ оказываетъ все болѣе рѣшительное предпочтеніе католицизму, церковная іерархія и твердая дисциплина, традиціонный характеръ и авторитарные принципы котораго образуютъ самую полную противоположность раціональной религіи категорическаго императива. Принципъ нравственной автономіи, который господствуетъ въ этическомъ и религіозномъ ученіи Канта, становится съ этого момента въ глазахъ романтиковъ нечестивымъ убѣжденіемъ, внутреннимъ безразсуднымъ довѣріемъ къ организаторскимъ способностямъ челоуѣческаго разума. Преклоненіе передъ разумомъ растворяется въ благоуѣнное почитаніе неразрѣшимой міровой загадки, въ полное покорности признаніе челоуѣческой слабости и ничтожности. Сокрушенный и кающійся романтизмъ, потерявъ свои широкія надежды и горделивое высокоуміе, смиренно идетъ на выучку къ божественному откровенію и ищетъ успокоенія своихъ заботъ и сомнѣній у подножія креста, въ лонѣ католической церкви.

Мы видимъ, какое важное значеніе имѣло романтическое движеніе для развитія католицизма. Конечно, своими успѣхами послѣдній былъ обязанъ не обращенію кучки интеллигентовъ и не энтузіазму нѣсколькихъ артистовъ. Но, тѣмъ не менѣе, знаменательно, что католицизмъ снова пріобрѣтаетъ вліяніе на интеллигенцію. Раціонализмъ былъ полонъ презрѣнія къ суевѣріямъ. Нѣмецкая интеллигенція конца XVIII вѣка относилась къ католической идеѣ, какъ къ «quantité negligible». «Римская церковь, — писалъ

Гердеръ, — представляеть изъ себя въ настоящее время лишь древнюю развалину, въ которую уже не можетъ проникнуть никакой новый духъ». Теперь положеніе мѣняется. Несомнѣнно, позитивизмъ, продолжающій традиціи раціонализма, можетъ смотрѣть на релігійную мысль, какъ на архаизмъ, которому суждено исчезнуть. Но въ настоящее время релігія находитъ убѣжденныхъ и талантливыхъ защитниковъ въ лагерѣ интеллигентовъ. Для романтизма высшая ступень, на которую можетъ подняться разумъ, состоитъ въ томъ, чтобы сознать собственное безсиліе и возвыситься до релігіи; позитивный раціонализмъ въ глазахъ романтиковъ является отнюдь не высшимъ предѣломъ умственного развитія человѣчества, а лишь превзойденной переходной стадіей.

Романтическое движеніе не является простымъ, быстро пережитымъ этапомъ въ развитіи нѣмецкаго мышленія. Оно тянется черезъ весь XIX вѣкъ, правда, съ перемѣнными успѣхами, но безъ остановки. За раннимъ романтизмомъ Шлегеля, Новалиса, Шеллинга, Вакенродера и Тика слѣдуетъ романтизмъ гейдельбергскаго, дрезденскаго и берлинскаго кружковъ, затѣмъ время молодого Гейне, эпоха царствованія Фридриха-Вильгельма IV, далѣе періодъ реакціи, слѣдующей за 1848 годомъ, наконецъ, современный нео-романтизмъ. Несмотря на всѣ превращенія, основныя черты романтизма остаются неизмѣнными. Релігіозность, которая проникаеть ученіе о возрожденіи Рихарда Вагнера, и которая звучитъ въ его «Парсифалѣ», во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ релігіозность стараго романтизма вплоть до того неопредѣленнаго аромата католицизма, который Ницше находить въ «Парсифалѣ».

Словомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что философія и релігійная психологія романтизма, принимая, съ одной стороны, гордость нашего «малаго разума» и объявляя, съ другой стороны, католицизмъ вполне совмѣстимымъ съ

высокой умственной и художественной культурой, много содѣйствовали возрожденію католическаго духа въ интеллигентныхъ слояхъ націи.

Одновременно съ завоеваніемъ части интеллигенціи, католицизмъ, пользуясь совершенно иными средствами, проникаетъ также и въ самые глубокіе слои народа. Онъ привлекаетъ ихъ на свою сторону, давая широкое удовлетвореніе нѣсколько грубой потребности въ сверхъестественномъ, которая все еще жива въ душѣ массъ. Индульгенціи получаютъ въ XIX вѣкѣ широкое распространеніе. Почти во всѣхъ большихъ церквахъ Германіи въ настоящее время имѣется привилегированный алтарь, которому папа даровалъ особую силу: если священникъ совершитъ въ немъ заупокойную мессу о душѣ вѣрующаго, пріавшаго христіанскую кончину, то она получаетъ полное отпущеніе грѣховъ и немедленно освобождается отъ мученій чистилища. Новое распространеніе получаетъ и культъ святыхъ, особенно культъ Святого Сердца Иисуса, который возникъ, правда, еще въ XVII вѣкѣ, но получилъ полное развитіе лишь во второй половинѣ XIX столѣтія. Благочестіе направляется даже на чисто внѣшнія и матеріальныя вещи: вѣрующихъ учатъ, что фіміамъ производитъ «сверхъестественное, духовное дѣйствіе» и создаетъ «атмосферу святости», что самые предметы культа «имѣютъ въ себѣ нѣчто божественное», и что, поѣтому, съ ними слѣдуетъ обращаться съ особымъ религіознымъ благовѣніемъ. Стараются усилить народную вѣру торжественнымъ выставленіемъ реликвій. Въ 1844 году въ Трирѣ къ «святой одеждѣ» стекается со всѣхъ концовъ Германіи до 1,100,000 паломниковъ, страстное благочестіе и жажда чуда которыхъ способны привести въ отчаяніе современнаго невѣрующаго. Начиная съ этого момента подобныя явленія учащаются. Чудесныя исцѣленія, тщательно регистрируемыя, напримѣръ, въ Трирѣ,

чудесныя явленія, наприкладъ, въ Марпінгенѣ, поддерживаютъ и усиливаютъ въ народѣ старую любовь къ сверхъестественному и къ матеріальному чуду.

Наконецъ, католическая пропаганда въ массахъ становится еще сильнѣе благодаря созданію огромнаго числа корпорацій, братствъ, благочестивыхъ ассоціацій, развивающихся особенно во второй половинѣ XIX вѣка и насчитывающихъ иногда тысячи членовъ. «Всѣ эти корпораціи и входящіе въ ихъ составъ члены, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, живутъ подъ духовнымъ господствомъ нео-католицизма и его обрядовой практики; всѣ они оказываютъ особенное почитаніе святому—покровителю братства и исполняютъ свои гражданскія обязанности въ духѣ нео-католицизма. Они принимаютъ участіе въ процессіяхъ то въ качествѣ хоругвеносцевъ, то какъ носители балдахина, подъ которымъ шествуетъ священникъ со Святыми Дарами. Всѣ они чувствуютъ священный трепетъ культоваго благочестія, смѣшиваются ли они со всей релігійной общиной, или падаютъ ницъ передъ специальнымъ алтаремъ братства; всѣ они живутъ надеждой на индульгенціи, которыя раздаются, особенно со времени Пія IX, съ величайшей щедростью». Эти безчисленныя ассоціаціи, руководимыя нижнимъ духовенствомъ и иезуитами и поддерживаемыя все болѣе многочисленной релігійной прессой, оказали рѣшительное вліяніе на судьбы нѣмецкаго католицизма. Онѣ «демократизировали» католическое движеніе. Вліяніе епископовъ и высшихъ должностныхъ лицъ церкви, дѣйствовавшее нѣкогда въ аристократическомъ направленіи, значительно уменьшилось къ концу вѣка, послѣ того какъ папа, олицетворивъ въ себѣ церковную традицію, провозгласилъ свою непогрѣшимость. Такимъ образомъ, нѣмецкій католицизмъ въ настоящее время представляетъ изъ себя удивительно организованную и дисциплинированную народную партію, которая искусно и съ

успѣхомъ принимаетъ участіе въ политической борьбѣ, энергично стремится къ власти и покорно исполняетъ лозунги и общія директивы, исходящія отъ непогрѣшимаго папы.

Возникнувъ въ результатѣ совокупности цѣлаго ряда благоприятныхъ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ его распространенію какъ среди интеллигенціи, такъ и въ народѣ, католическое возрожденіе проявляется уже въ самомъ началѣ XIX вѣка въ рядѣ весьма знаменательныхъ симптомовъ. Въ 1800 году обращается графъ Фридрихъ-Леопольдъ фонъ-Штольбергъ: послѣ долготѣхъ колебаній онъ переходитъ въ католицизмъ «изъ отвращенія къ жалкому положенію лютеранской религіи, которая вырождается на нашихъ глазахъ въ деизмъ и атеизмъ». Этотъ переходъ является своего рода знаменіемъ времени, тѣмъ болѣе важнымъ, что, какъ мы видѣли выше, за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ аналогичныхъ обращеній. Мало-по-малу образуются дѣятельные очаги католической пропаганды: въ Мюнстерѣ кружокъ княгини Амаліи Голицыной, въ Вюрцбургѣ и Эйхштетѣ католическая группа, руководимая епископомъ Циркелемъ, въ Вѣнѣ—ультрамонтанская группа, которую организовалъ въ 1808 году отецъ Климентъ-Марія Гофбауеръ. Со времени конкордата, заключеннаго съ Наполеономъ въ 1801 году и являющагося первымъ важнымъ успѣхомъ курии, римское вліяніе становится все сильнѣе во время сложныхъ переговоровъ, которые готовятъ реорганизацію католической церкви въ западной и южной Германіи. Ожесточенная и полная ненависти оппозиція, которую встрѣчаетъ извѣстный либеральный прелатъ, генеральный викарій Игнатій-Генрихъ фонъ-Вессенбергъ, низложенія котораго потребовала курия въ 1814 году, показываетъ, какъ низко пало вліяніе реформистской партіи. Наконецъ, паденіе Наполеона знаменуетъ рѣшительную побѣду папства. Въ

1814 року торжественно повертається в Рим Пій VII; в той же рік отримує знову свої старі привілеї і конституцію ієзуїтського ордену. Вскорі за цим слідує відновлення інквізиції і списку заборонених книг.

В 1832 році Григорій XVI, оголошуючи в своїй буллі «Pastor aeternus» про своє вступлення на папський престол, бросить надменний виклик сучасному суб'єктивізму: «Причиною розвитку невіри і возмущення проти святих догматів церкви являється ложна наука. Пропаганда і приклади учителів розвратили серця молоді і викликали велику розруху релігії і жахливий упадок моральності. Тому, щоб захистити церкву від всіх цих новин, необхідно постійно нагадувати, що один тільки папа може визначати учення і управління церкви; єпископи повинні завжди йти рука об руку з папою, а священники — повинуватися єпископам. Тому, установлену церквою дисципліну ніколи не слід поперечити, і тим більше ніколи не слід підкоряти її державній владі. Не слід говорити про якийсь то відродження церкви, жахливо нападати на шлюб безбраччя і піддаватися сумнівному нерасторжимості шлюбу. Але перш за все необхідно боротися з індивідуалізмом, з ілюзією, що можна отримати спасіння в будь-якій вірі. З цього випливає невірне заблудження, що кожен має право на свободу совісті».

ГЛАВА П.

Успѣхи католицизма въ теченіе XIX вѣка.

I. Торжество римскаго католицизма надъ реформистскимъ.

У римскаго католицизма въ Германіи XIX-го вѣка было два главныхъ противника: съ одной стороны, реформистскій католицизмъ, съ другой—свѣтское государство. Но надъ обоими онъ одерживаетъ почти непрерывный рядъ побѣдъ.

Побѣда римской церкви надъ либеральнымъ католицизмомъ была полной и, повидимому, рѣшительной. Въ концѣ XVIII вѣка она начинаетъ противъ него истребительную войну и ведетъ ее съ непоколебимой настойчивостью. Уже въ 1794 году изъ подъ пера либеральныхъ писателей начинаютъ срываться жалобы на постепенное исчезновеніе прогрессивнаго духа. Мѣры, принятыя въ этомъ году противъ либеральныхъ профессоровъ католическаго университета въ Диллингенѣ, между прочимъ и противъ кроткаго містика Сайлера, показываютъ, что власть анти-раціоналистическихъ тенденцій увеличивается. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ XIX вѣка либеральный католицизмъ еще продолжаетъ быть силой. Главную поддержку онъ находитъ среди высшаго духовенства и католическихъ университетовъ. Генеральный викарій констанцкаго епископства, баронъ фонъ-Вессенбергъ, князь-епископъ Бреслава Христіанъ фонъ-Гогенлоу-Вальденбургъ, кельнскій архіепископъ графъ Шпигель, и рядъ другихъ

прелатовъ, напр., єпископы Фринтъ въ Салгтъ-Пельтенъ, Груберъ въ Зальцбургъ и Мильде въ Вѣнѣ, проявляють въ своемъ управленіи весьма широкій либерализмъ и обнаруживаютъ болѣе или менѣе открытыя симпатіи къ идеѣ національной церкви, сохраняющей извѣстную независимость по отношенію къ папскому престолу. Въ то же время либеральный духъ утверждается и въ католическихъ университетахъ. Наиболѣе извѣстный представитель этихъ тенденцій, боннскій профессоръ Гермесъ, въ своей системѣ строить католическую догматику на основѣ кантіанства. Его идеи встрѣчаются сочувственно факультетами и семинаріями въ Трирѣ, Кельнѣ, Мюнстерѣ, Бреславлѣ и Браунбергѣ. Но римскій католицизмъ скоро опять одерживаетъ верхъ. И на Вѣнскомъ конгрессѣ, и въ Союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ организація «германской церкви», о которой мечталъ Вессенбергъ, терпитъ крушеніе, благодаря разногласіямъ среди нѣмецкихъ государствъ и ультрамонтанскимъ интригамъ. Ожесточенная враждебность, которую Вессенбергъ встрѣчаетъ въ Римѣ, заставляетъ его въ 1827 году уйти. Смерть мало-по-малу освобождаетъ папскій престолъ отъ остальныхъ противниковъ изъ среды высшаго нѣмецкаго духовенства. Наконецъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, послѣ смерти Гермеса и его покровителя графа Шпитгеля, гермесіанство, осужденное папой, насильственно искореняется въ католическихъ факультетахъ и послѣ бесполезнаго сопротивленія медленно угасаетъ. Такимъ образомъ, реформистской партіи наносится рѣшительный ударъ; лишённая всякаго вліянія въ области богословскаго преподаванія, она можетъ выбрать лишь между полнымъ подчиненіемъ папѣ и безвадежной борьбой.

Отнынѣ либеральное теченіе осуждено на полное безсиліе; немногочисленныя попытки опять перейти въ наступленіе не доставляютъ никакихъ затрудненій для побѣдоносной курии. Борьба противъ безбрачія священниковъ, кото-

рая приводила нѣкоторое время въ сильное возбужденіе Силезію и Баденъ, движеніе въ пользу нѣмецкой литургіи и упрощенія культа, вызвавшее довольно оживленную полемику, синодальная агитація, требовавшая участія мѣрянъ въ управленіи церковью не привели ни къ какимъ замѣтнымъ результатамъ. «Нѣмецко-католическое» движеніе, вызванное Ронге и Черскимъ во время выставленія св. одежды въ Трирѣ (въ 1844 году), и приведшее къ образованію нѣсколькихъ сепаратистскихъ общинъ, ограничивается очень тѣснымъ кругомъ и не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на общую жизнь католицизма. Наконецъ, когда ультрамонтанство, пользуясь своими побѣдами, провозглашаетъ въ 1870 году догматъ о папской непогрѣшимости, протесты нѣмецкаго либеральнаго католицизма остаются весьма слабыми и бессильными. Несмотря на высокія личныя качества своихъ вождей, Дѣллингера, Фридриха, Шульте, Рейкенса, «старо-католики», отказывающіеся признать догматъ папской непогрѣшимости и подчиниться безъ оговорокъ власти Рима, не достигаютъ длительныхъ успѣховъ. Правда, они оказываютъ извѣстное сопротивленіе въ Боннѣ и Мюнхенѣ, которые являются главными центрами ихъ вліянія, основываютъ независимыя общины, и даже назначаютъ въ 1873 году особаго епископа. Но ихъ число все время остается крайне незначительнымъ. Въ Германіи и Швейцаріи оно никогда не превышало сотни тысячъ вѣрующихъ, а позднѣе спустилось до 30,000. Епископы, даже тѣ, которые противились обнародованію догмата о папской непогрѣшимости, всею склонились передъ совершившимся фактомъ, покорно обнародовали въ своихъ діоцезахъ новый догматъ и, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, увлекли за собой дисциплинированное стадо вѣрующихъ.

II. Конфлікти между церквою и государствомъ.

Слабывае сопротивленіе сторонниковъ реформы, римскій католицизмъ рѣшительно борется и съ притязаніями государства и, въ концѣ-концовъ, завоевываетъ въ открытой борьбѣ ту католическую «свободу», которую онъ считаетъ необходимою для независимости церкви.

Прежде всего, онъ мало-по-малу заставляетъ нѣмецкія государства ослабить узы зависимости церкви отъ государства. Этотъ планъ ясно намѣчается уже въ переговорахъ, предшествующихъ реорганизаціи нѣмецкой церкви на Вѣнскомъ конгрессѣ. Послѣ того, какъ удалось сначала на Вѣнскомъ конгрессѣ, потомъ на Франкфуртскомъ сеймѣ предупредить образованіе «германской» церкви, которая могла бы впоследствии стать автономной силой, независимой отъ Рима, римская дипломатія вступаетъ въ сепаратные переговоры съ отдѣльными нѣмецкими государствами и заключаетъ въ 1817—1821 гг. выгодные конкордаты съ Баваріей, Пруссіей и второстепенными южными государствами. Борьба католицизма противъ государственнаго контроля еще болѣе обостряется во время конфликта, который возникъ по вопросу о благословеніи смѣшанныхъ браковъ между прусскимъ правительствомъ и двумя архіепископами, познанскимъ и кельнскимъ. Онъ заканчивается почти полною капитуляціей прусскаго правительства передъ клерикальными требованіями. Въ 1848 году собраніе нѣмецкихъ епископовъ въ Вюрцбургѣ торжественно формулируетъ требованія новаго нѣмецкаго епископата. Оно протестуетъ противъ вмѣшательства въ жизнь церкви, которыя совершали свѣтскіе государи во имя права патроната, подтверждаетъ права церковной іерархіи на теологическіе факультеты и семинаріи, требуетъ для епископовъ права свободно сноситься съ верховнымъ главою церкви

и протестуетъ противъ осуществленія права *placet* свѣтской властью. Большая часть этихъ требованій, одобренныхъ папой, входятъ въ теченіе 50-хъ годовъ въ законодательство Пруссіи (1848 и 1850 гг.) и Австріи (конкордаты 1855 года), которая, бывъ въ теченіе долгаго времени цитаделью католическаго реформизма, снова становится центральнымъ очагомъ римскаго католицизма въ Германіи. Къ началу 1860 годовъ іерархія, опираясь на клерикальную демократію, на безчисленные католическіе союзы, покрывавшіе своею сѣтью страну, добилась отъ свѣтскихъ властей во всей Германіи ряда уступокъ, которыя обезпечивали ей широкую независимость, необходимую для свободнаго отправленія католическаго культа.

Однако, въ это время готовится новый конфликтъ, гораздо болѣе серьезный, чѣмъ всѣ предшествующіе.

Съ одной стороны, эволюція ультрамонтанскаго католицизма достигаетъ своего апогея. Рядъ важныхъ догматическихъ рѣшеній, — провозглашеніе догмата о непорочномъ зачатіи въ 1854 году, Силлабусъ въ 1864 году, и особенно провозглашеніе папской непогрѣшимости въ 1870 году, — увѣличиваютъ импозантное зданіе римской системы и даютъ въ церкви преобладаніе самому строгому абсолютизму. Авторитетъ папы окончательно утверждается въ качествѣ высшей инстанціи католицизма и оказываетъ непосредственное вліяніе на глубокія массы католической демократіи. Епископы, лишенные своей автономіи, склонившіеся передъ непогрѣшимостью верховнаго вождя церкви, нисходятъ на степень покорныхъ посредниковъ между папой и «христіанскимъ плебсомъ». Съ другой стороны, рядомъ съ этой огромной духовной державой, которая все яснѣе обнаруживаетъ свое стремленіе къ господству надъ свѣтской властью, въ центрѣ Европы возрождается Германская Имперія. Но эта Имперія не является реставраціей дореволюціонной Священной Римской

Імперіи; она возникает не подъ гегемоніей католической Австріи. Ожесточенная политическая борьба и двѣ большихъ войны поставили во главѣ ея Гогенцоллерна: въ новой Имперіи господствуютъ протестантскія вліянія. Такимъ образомъ, съ одной стороны, римская курія была лишена свѣтской власти революціонной Италіей, съ другой стороны ея европейскому вліянію угрожаетъ образование большаго протестантскаго государства. Поэтому, она начинаетъ готовиться къ борьбѣ, которую считаетъ неизбежною. Въ союзѣ со всѣми партикулярннстическими элементами, которыхъ прусская гегемонія отгѣснила на второй планъ, нѣмецкая католическая демократія мобилизуетъ всѣ свои силы подъ искуснымъ руководствомъ вельфа Виндгорста. Для защиты католическихъ интересовъ на выборахъ 1871 года образуется католическая партія, центръ, соединяющая самые разнородные по виду элементы: вмѣстѣ съ баварскими аристократами, прусскими юнкерами и польскими магнатами въ нее входятъ радикалы и либералы рейнской долины. Между враждебнымъ Имперіи нѣмецкимъ католицизмомъ и императорскимъ правительствомъ, ревниво оберегающимъ свою власть и твердо рѣшившимъ не допускать, чтобы какая-либо соперничающая сила позволила себѣ диктовать ему законы, война была неизбежною. Kulturkampfъ былъ поединкомъ между Имперіей и куріей.

Относительно значенія «культуркампа» среди историковъ все еще существуютъ большія разногласія.

Одни утверждаютъ, что Бисмаркъ былъ застигнутъ врасплохъ нападеніемъ клерикаловъ, котораго онъ не предвидѣлъ, и въ которое не хотѣлъ вѣрить. Рѣшивъ сначала, благодаря своему чрезмѣрно реалистическому складу, справиться съ клерикальною оппозиціей путемъ полицейскихъ мѣръ, онъ мало-по-малу убѣждается въ недействительности своей политики грубаго насилія. Онъ

бьетъ тогда въ отбой и несмотря на всѣ свои клятвы не идти въ Каноссу, постепенно отказывается отъ примѣненія майскихъ законовъ. Въ концѣ-концовъ, онъ вынужденъ купить цѣной ряда уступокъ содѣйствіе центра, который становится вершителемъ политическихъ судебъ Германіи и главной опорой правительственнаго большинства.

Другіе изображаютъ религіозную политику великаго канцлера не въ столь упрощенномъ видѣ и даютъ ей болѣе благопріятное освѣщеніе. Они настаиваютъ на томъ, что Бисмаркъ не могъ выработать компромисса путемъ дипломатическихъ переговоровъ и заключить конкордату съ державой, которая объявляла себя непогрѣшимой и предъявляла притязанія на господство надъ свѣтской властью. Они одобряютъ Бисмарка за то, что онъ въ данныхъ условіяхъ предпочелъ регулировать отношенія между церковью и государствомъ авторитарнымъ и законодательнымъ путемъ, не отказываясь вступить впоследствии въ переговоры съ папой и постепенно измѣнить законодательство такимъ образомъ, чтобы оно стало приемлемымъ одновременно для обѣихъ сторонъ. Они восхваляютъ канцлера за то, что онъ руководилъ этой тонкой политикой съ удивительной виртуозностью, что сначала онъ велъ борьбу противъ клерикальной демагогіи съ воинственнымъ пыломъ и мужественной рѣшимостью и затѣмъ проявилъ въ переговорахъ съ куріей и римской дипломатіей весьма развитое пониманіе политическихъ необходимостей и возможностей текущаго момента. Они выражаютъ Бисмарку благодарность за то, что онъ сумѣлъ урегулировать отношенія между церковью и государствомъ настолько твердо, что вполне обезпечить права государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настолько либерально, чтобы удовлетворить церковь и примирить католическій и партикуляристическій центръ съ новой Имперіей.

Однако, возникаетъ вопросъ, кто же былъ дѣйствитель-

нымъ побѣдителемъ въ этомъ конфликтѣ между духовной властью и властью свѣтской? Можно изобразить событія или въ видѣ торжества католицизма, который побѣдоносно отразилъ неискреннюю и грубую попытку насилія, или въ видѣ успѣха государства, которое оказало энергичное сопротивленіе партикуляристической и клерикальной оппозиціи, направленной противъ протестантской имперіи Готенцоллерновъ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, конечное примиреніе обоихъ противниковъ и та весьма любопытная эволюція, благодаря которой стала возможной эта перемѣна фронта.

Дѣйствительно, у католической церкви и Германской Имперіи не было основаній для непримиримаго антагонизма. Нужно было лишь время, чтобы какъ съ той, такъ и съ другой стороны пришли къ убѣжденію, что режимъ взаимной тернимости и даже плодотворнаго сотрудничества вполне возможенъ. И, въ концѣ-концовъ, это примиреніе состоялось. Государство поняло, что можетъ безъ всякаго ущерба отказаться отъ боевого законодательства и суровыхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ конфликта. Мало-по-малу оно сложило оружіе. Въ 1879 году Фалькъ, руководившій борьбой противъ клерикализма, покинулъ министерство. Съ 1881 по 1887 годъ большинство мѣръ, установленныхъ знаменитыми «майскими законами», было отмѣнено, одна за другой. Въ 1904 году исчезъ одинъ изъ послѣднихъ слѣдовъ культуркампа, параграфъ, закрывающій іезуитамъ доступъ на территорію Германіи. Съ другой стороны, центръ понялъ, что, если онъ не хочетъ обречь себя на непримиримую и, въ концѣ-концовъ, бесплодную оппозицію, онъ долженъ признать совершившійся фактъ, искренно примириться съ новой Имперіей и присоединиться къ національной политикѣ. Въ виду этого католическій центръ, съ одной стороны, искусно смягчилъ свой партикуляризмъ и этимъ избавился отъ подозрѣ-

ній въ сепаратизмъ, а съ другой стороны, умѣрилъ свое ультрамонтанство, чтобы не давать болѣе повода для упрековъ въ томъ, что онъ является обществомъ безъ отечества. Можетъ-быть, этой эволюціи содѣйствовало дружественное Франціи и Двойственному союзу направленіе папской дипломатіи при Львѣ XIII, начиная съ 1890 года. Эта политика оттолкнула многихъ нѣмецкихъ католиковъ и заставила ихъ въ свою очередь занять по отношенію къ Риму болѣе независимую позицію.

При этихъ условіяхъ, между центромъ и императорскимъ правительствомъ могло состояться соглашеніе. Это соглашеніе тѣмъ болѣе подсказывалось обстоятельствами, что въ области политическихъ вопросовъ центръ не стоялъ, да и не могъ стоять на определенной точкѣ зрѣнія. Выше мы уже видѣли, что католицизмъ принимаетъ одновременно консервативный и демократическій, аристократическій и народный характеръ. Поэтому, центръ можетъ объединять для общихъ дѣйствій людей, придерживающихся самаго различнаго образа мыслей, начиная отъ крайне консервативныхъ феодаловъ и кончая либералами съ весьма передовыми тенденціями. Онъ всегда избѣгалъ придавать большую опредѣленность своему положенію въ томъ или другомъ направленіи. Одно время (въ 1889 году) можно было подумать, что центръ подъ руководствомъ своего праваго крыла, графа Баллестрема, фонъ-Гюне, фонъ-Шорлемера, фонъ-Франкенштейна, вступить въ союзъ съ правыми съ цѣлью произвести консервативную реформу школьнаго и религіознаго законодательства. Но въ экономическомъ и социальномъ отношеніи центръ при всемъ томъ не хотѣлъ идти рука-объ-руку съ феодальными аграріями. Въ 1893 году, подъ руководствомъ доктора Либера, чашка вѣсовъ опять склонилась въ пользу демократіи; такъ что въ концѣ-концовъ, равнодѣйствующая разнородныхъ силъ, объединенныхъ въ ка-

толической партіи, намѣчается въ слегка прогрессивномъ направленіи.

Такимъ образомъ, тенденціи центра вполне естественно встрѣчаются съ тенденціями императорскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, центральная власть ставитъ своей задачей играть роль посредника между различными партіями и находить равнодѣйствующую различныхъ стремленій, которыя появляются въ націи. Поэтому, вполне естественно, что она стала искать свою главную точку опоры въ паріи, линія поведенія которой вытекала именно изъ компромисса между консервативными и демократическими тенденціями!

Центръ сумѣлъ очень хорошо приспособиться къ своей новой роли. Партія непримиримой оппозиціи вплоть до 1881 года, онъ начинаетъ въ періодъ съ 1881 по 1887 годъ принимать активное участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Затѣмъ, начиная съ 1890 года, его сотрудничество становится мало-по-малу все болѣе активнымъ и важнымъ. Съ 1898 года вплоть до послѣднихъ выборовъ (1912 г.), президентъ рейхстага выбирается изъ депутатовъ центра, который такимъ образомъ официально становится наиболее вліятельной фракціей рейхстага ¹⁾. Дѣйствительно, онъ обладаетъ значительнымъ авторитетомъ. Не становясь въ вассальное отношеніе къ правительству, онъ тѣмъ не менѣе принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ почти всѣхъ великихъ законодательныхъ мѣръ послѣдняго двадцатипятилѣтія: законовъ по рабочему страхованію, торговыхъ договоровъ канцлерства Каприви, гражданскаго кодекса, законовъ объ усиленіи флота, которые отмѣтили эволюцію Германіи въ направленіи міровой политики. «Katholisch ist Trunpf» говорить часто повторяемая пословица. Католическая партія могла въ послѣдніе годы считать себя руко-

¹⁾ Выборы 1912 г. нѣсколько ослабили позицію центра. Онъ потерялъ около 170 тысячъ избирателей и 11 мандатовъ.
Прим. пер.

водительницей политическаго положенія въ Германіи. Правда, въ настоящее время, благодаря внезапному разрыву, который произошел между нею и правительствомъ по поводу колониальныхъ вопросовъ, она опять отброшена въ оппозицію. Но выборы (1907 г.) немедленно же показали, что враждебность правительства, отнюдь не подорвала кредита католической партіи среди избирателей. Кроме того, можно констатировать, что устойчивость либерально-консервативнаго блока, на который въ настоящее время опирается правительство, въ общемъ не внушаетъ къ себѣ большаго довѣрія. Поэтому едва ли политическое могущество центра потерпѣло невоснаградимый ущербъ. Вполнѣ возможно, что онъ возвратитъ себѣ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ рѣшающее вліяніе, которымъ онъ обладалъ въ недавнемъ прошломъ.

Это почти господствующее положеніе католицизма въ Имперіи съ протестантскимъ большинствомъ населенія покажется намъ менѣе парадоксальнымъ, если мы ближе присмотримся къ тенденціямъ императора Вильгельма II въ области религіозной политики. Одинъ новѣйшій историкъ счелъ возможнымъ отмѣтить, что среди широко образованныхъ католиковъ и протестантовъ въ настоящее время развивается тенденція, которую можно было бы назвать «интерконфессиональной», и которая стремится, если не стереть, то по крайней мѣрѣ смягчить разногласія, какъ между различными отгѣнками протестантизма, такъ и между протестантизмомъ и католицизмомъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что религіозное сознаніе самого императора развивается именно въ этомъ направленіи. Его христіанство, весьма искреннее и весьма «позитивное», строго интерконфессионально. Онъ относится къ католицизму не только съ полной терпимостью, къ которой обязываютъ его традиціи Гогенцоллерновъ, и которая вполнѣ естественна у повелителя имперіи, живущей при режимѣ

«равноправія» релігій. Очевидно, онъ не считаетъ себя стоящимъ внѣ католицизма, а видитъ въ себѣ представители всего германскаго христіанства, государя одновременно и протестантскаго, и католическаго. Отсюда поведеніе Вильгельма II во время войны съ Китаемъ, которой онъ старался придать характеръ крестоваго похода христіанской Европы съ нѣмцами во главѣ противъ желтой расы. Отсюда его предупредительность по отношенію къ папскому престолу, три поѣздки въ Римъ и паломничество въ Святую Землю. Нельзя сомнѣваться, что это поведеніе подсказано политическимъ расчетомъ. Императоръ не только нуждается въ парламентскомъ содѣйствіи центра для своей политики въ рейхстагѣ. Онъ рассчитываетъ также на поддержку со стороны католицизма для того, чтобы сломить анти-нѣмецкую оппозицію въ Эльзасѣ и Польшѣ. Онъ понимаетъ цѣнность содѣйствія, которое можетъ оказать для мѣровой политики Германіи такая интернаціональная сила, какъ папство, въ частности въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о протекторатѣ надъ восточными христіанами. Но весьма вѣроятно, что симпатіи Вильгельма II, къ католицизму опредѣляются не исключительно одними матеріальными расчетами: онъ глубоко коренится въ самой релігійной природѣ императора.

Расположенъ ли католическій міръ отвѣчать на заигрыванія императора? Нѣкоторые наблюдатели считаютъ возможнымъ указать на извѣстные признаки, позволяющіе говорить о новой эволюціи католицизма. Несомнѣнно, что въ теченіе истекшаго столѣтія католицизмъ выросъ не только какъ политическая, но также и какъ духовная сила. Онъ насчитываетъ въ числѣ своихъ послѣдователей философовъ, какъ Вильманнъ, историковъ, какъ Янсенъ и Вилли Пасторъ, поэтовъ, какъ Веберъ. Въ настоящее время постоянно возобновляется споръ о томъ, до-

гнала ли теперь нѣмецко-католическая культура протестантскую культуру, которая, по общему признанію, значительно опередила ее. Нѣкоторые католики, — представителями этой тенденціи являются теологи, напр., Францъ Ксаверій Краузъ въ Фрейбургѣ, Шелль въ Вюрцбургѣ, Эртардъ въ Страсбургѣ, и историки, напримѣръ, Шпанкъ въ Страсбургѣ, — высказываютъ пожеланіе, чтобы католицизмъ, удовлетворившись завоеванной имъ сильной позиціей, до нѣкоторой степени отказался отъ своего воинственного пыла, пересталъ стремиться къ политической власти и взаимнѣ того развивался прежде всего, какъ принципъ внутренней жизни, какъ религіозный идеалъ современнаго человѣчества. Суждено ли обостриться этому нарождающемуся противорѣчію между политическимъ клерикализмомъ и религіознымъ католицизмомъ? Окажется ли оно благопріятнымъ подобно аналогичной эволюціи протестантскаго цѣтизма для образованія того виѣвъроисповѣднаго христіанства, о которомъ мы только что говорили? Это вполне возможно. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что «папа бѣлый» и «папа черный», римскій первосвященникъ и генералъ іезуитскаго ордена, относятся къ Германіи явнымъ образомъ благосклонно и расположены идти рука-объ-руку съ протестантскимъ императоромъ.

Является ли это лишь преходящимъ эпизодомъ въ исторіи церкви, или, напротивъ, это — важное знаменіе времени? Возобновится ли послѣ краткаго перемирія война между Германскою Имперіей и чернымъ интернаціоналомъ? Или, напротивъ, какъ нѣкогда, папа опять вступитъ въ тѣсный союзъ съ императоромъ? Будутъ ли обѣ великія консервативныя силы совмѣстно работать надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса въ христіанскомъ духѣ? Все это — вопросы, которые мы можемъ ставить себѣ въ виду современнаго положенія вещей, но на которые историкъ, конечно, теперь не сумѣетъ дать положительнаго отвѣта.

ГЛАВА III.

Протестантскій духъ.

I. Основныя тенденціи протестантизма.

Протестантскій историкъ реформаціи Роте (Rothe) характеризуетъ эволюцію протестантизма со времени вестфальскаго мира, какъ «прогрессивный упадокъ протестантскаго христіанства, поскольку оно является церковью, и какъ прогрессъ ея, поскольку оно является нравственнымъ и политическимъ принципомъ». Дѣйствительно, исторія протестантскаго духа неизмѣримо славнѣе исторіи протестантской церкви. Первый взялся съ удивительной смѣлостью за разрѣшеніе основной проблемы современности, за примиреніе традиціонной религіи прошлаго съ раціональной наукой. Если можно оспаривать, выполнилъ ли онъ эту задачу, то трудно отрицать, что онъ въ теченіе своего развитія совершилъ грандіозную работу въ области исторіи, филологіи и религіозной психологіи и явилъ примѣры рѣдкой нравственной высоты. Напротивъ, протестантская церковь съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе среди почти всеобщаго индифферентизма, и ея упадокъ настолько очевиденъ, что можно спросить себя, находится ли она въ стадіи превращенія или же стоитъ на пути къ исчезновенію. Откуда этотъ контрастъ между судьбами протестантскаго духа и судьбами протестантской церкви? Прежде чѣмъ изслѣдовать этотъ вопросъ, мы должны выяснить, что такое протестантскій духъ?

Первой отличительной чертой протестантскаго духа является то, что онъ принципиально предполагаетъ абсолютную независимость разума и вѣры и въ то же время ихъ необходимую гармонию.

Въ этомъ отношеніи онъ находится въ рѣшительномъ противорѣчьи съ католицизмомъ, который какъ разъ отрицаетъ и осуждаетъ независимую науку. Система св. Тома Аквинскаго, принятая и подновленная теперь въ Германіи неомистической школой, является синтезомъ двухъ великихъ факторовъ духовной жизни среднихъ вѣковъ, католической вѣры и философіи Аристотеля. Она стремится доказать, что научная истина и католическая догматика согласуются и взаимно восполняютъ другъ-друга. Опираясь на свои собственные силы, разумъ въ согласіи съ греческими философами признаетъ, что послѣднюю причину всѣхъ вещей нужно искать въ Вѣчномъ Разумѣ, т. е. въ Богѣ. Кромѣ того, онъ доказываетъ, что догматы церкви, если они и не могутъ быть выведены изъ разума, тѣмъ не менѣе не противорѣчатъ ему. Но разумъ, въ свою очередь, не является единственнымъ источникомъ истины. Надъ человѣческой наукой стоитъ высшая истина божественнаго происхожденія: откровеніе, которое есть критерій всякой истины. Въ области вѣры церковь, руководимая божественнымъ духомъ, является высшимъ авторитетомъ. Такимъ образомъ, вѣра представляетъ изъ себя завершеніе и дополненіе земной науки; она —человѣческая антиципация единой и универсальной истины, которая живетъ въ Богѣ.

Этотъ, употребляя формулу Паульсена, томистическій «полурационализмъ» является наиболѣе твердой формой авторитаризма. Правда, принципъ авторитета былъ провозглашенъ нѣкоторыми преемниками св. Тома Аквинскаго съ еще большей силой. Дунсъ Скотъ и Оккамъ утверждали, что истины высшаго порядка не могутъ быть

предметомъ доказательства, и что разумъ долженъ безусловно подчиняться авторитету церкви во всемі, что касается вѣры. Но этотъ авторитарный и аскетическій радикализмъ имѣетъ свои опасныя стороны. Экцессы тиранніи, которой подчиненъ гонимый и преслѣдуемый разумъ, грозятъ толкнуть его къ возстанію. Подчиняясь изъ любви къ миру внѣшнимъ ограниченіямъ, онъ въ самыхъ глубокихъ тайникахъ своего сознанія внутренне эмансипируется и ждетъ благопріятнаго момента, когда можно будетъ стряхнуть съ себя чрезмѣрно тяжелое иго. Такимъ образомъ, гораздо лучше дать разуму частичное удовлетвореніе и вмѣстѣ съ св. Томой Аквинскимъ разрѣшить ему принимать участіе въ руководствѣ жизнью и выработкѣ міросозерцанія. Приучая его работать подъ началомъ и контролемъ вѣры, используя его энергію, но въ то же время постоянно давая ему чувствовать границы, за которыя онъ не можетъ перешагнуть, можно дисциплинировать его и приучить къ роли трудолюбивой и скромной служанки, старательнаго и покорнаго помощника христіанской вѣры.

Протестантизмъ, начиная уже съ Лютера, противопоставляетъ томистическому полурационализму рѣшительный «иррационализмъ». Отнюдь не желая подчинить работу разума контролю вѣры, онъ, напротивъ, стремится по возможности совершенно отдѣлить область вѣры отъ области разума и радикально отвергаетъ компетенцію разума въ дѣлахъ религіи. «Слово Божье», содержащееся въ св. Писаніи, является единственнымъ источникомъ вѣры. По отношенію къ Библии задача разума носить чисто формальный характеръ: разумъ долженъ лишь установить точный смыслъ священныхъ текстовъ. Богословіе сводится къ филологической интерпретаціи Библии. Что касается до рационалистическаго и философскаго доказательства релігійной истины, то оно ни необходимо, ни даже возможно. Предоставленный самому себѣ ра-

зумъ приходитъ къ механическому и натуралистическому объясненію всемирной; сверхъестественное ускользаетъ отъ него. Такимъ образомъ, разграниченіе становится неизбежнымъ. Разумъ не долженъ говорить о священныхъ вещахъ, въ которыя онъ можетъ внести только темноту и путаницу. Зато, онъ въ правѣ совершенно свободно объяснять естественныя вещи, слѣдуя своимъ методамъ: вѣра не должна заниматься ни физикой, ни космологіей.

Великій религіозный кризисъ Лютера привелъ его къ освобожденію отъ теологической схоластики и полураціонализма. Дѣйствительно, разумъ открылъ ему свое безсиліе въ области вѣры уже въ трудномъ вопросѣ о благодати. Въ самомъ дѣлѣ, на вопросъ объ условіяхъ спасенія, разумъ отвѣчаетъ, что оно должно быть заслужено добрыми дѣлами, или, по крайней мѣрѣ, что добрая воля должна проявить себя въ этихъ дѣлахъ, и что только при этомъ условіи Богъ можетъ простить намъ наши несовершенства. Такъ учила церковь, приглашая вѣрующихъ совершать добрыя дѣла. Однако, Лютеръ испыталъ на самомъ себѣ, что этимъ путемъ нельзя достигнуть душевнаго мира. Онъ пришелъ къ заключенію, что разумъ слѣпъ въ дѣлахъ вѣры, и что церковь, оказывая столь большое довѣріе разуму, также была слѣпа. Поэтому, одной изъ главныхъ причинъ испорченности церкви является, съ его точки зрѣнія, вторженіе разума въ сферу богословія. Церковь ввела во всѣ школы и университеты въ качествѣ профессора Аристотеля, «этого грека, который съелъ иллюзіи во всѣхъ умахъ, этого тысячеголоваго змѣя, изъ котораго вышли скотисты и томисты, и который учить, о ужасъ, что вся справедливость находится въ насъ самихъ».

Такимъ образомъ, протестантскій ирраціонализмъ приводитъ къ огромному упрощенію богословской науки. Нѣтъ болѣе запутанныхъ спекуляцій относительно существованія, личности и атрибутовъ Божества, о «естественной»

религии и морали: нужно возвратиться къ наивной вѣрѣ ранняго христіанства. Христосъ не принесъ людямъ богословской системы; онъ проповѣдывалъ дѣтямъ и простецамъ: «Вѣруйте въ меня, и вы будете спасены». Нужно снова позабыть книжную науку, заткнуть уши отъ болтовни фарисеевъ и книжниковъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что протестантскій ирраціонализмъ еще болѣе враждебенъ, чѣмъ католицизмъ, развитію науки, лишенной религіозной основы. Въ самомъ дѣлѣ, Лютеръ бросалъ иногда сильнѣйшія проклятія гордымъ притязаніямъ разума, и даже въ новѣйшее время протестантизмъ проявляетъ крайнее недо-вѣріе и презрѣніе къ современной мысли и независимой наукѣ.

Но въ общемъ, рѣзкое разграниченіе, которое установилъ протестантизмъ между областью вѣры и областью разума, благоспріятствовало развитію науки. Дѣйствительно, если онъ обрекаетъ разумъ на молчаніе въ области вѣры, то взамѣнъ онъ представляетъ ему абсолютную свободу въ его собственной области; онъ позволяетъ ему совершенно свободно стремиться къ разумному объясненію явленій природы. Вѣрующій католикъ всегда обязанъ быть готовымъ склонить свой разумъ передъ авторитетомъ. Разумъ, съ его точки зрѣнія, всегда остается несовершеннѣйшимъ, отданнымъ подъ опеку вѣры; онъ недо-вѣряетъ ему; онъ убѣжденъ, что, если разумъ эмансипируется и послѣдуетъ своими собственными путями, онъ удалитъ человѣка отъ Бога и приведетъ его къ высокомѣрью и возмущенію. Основное воззрѣніе протестантизма совершенно иное. Убѣжденный, что религіи нечего бояться истинной науки, что разумъ не можетъ удалить человѣка отъ Бога, пока онъ остается въ отведенной ему области, протестантизмъ не притязаетъ контролировать науку; онъ предоставляетъ ей полную свободу развиваться, какъ ей угодно. Протестантъ

не ждетъ отъ науки, чтобы она могла когда-нибудь подтвердить своими разсужденіями религіозную истину. Но онъ не видитъ въ ней и врага, котораго слѣдуетъ опасаться, источника заблужденій и гибели. Онъ протягиваетъ ей руку безъ боязни. Вѣрующій протестантъ, когда онъ обращается къ изученію природы, исторіи, философіи, можетъ отыскивать естественную истину безъ всякой предвзятой точки зрѣнія, безъ намѣренія найти въ наукѣ апологію религіи. Слѣдовательно, у него имѣются наиболѣе благоприятныя условія для свободныхъ научныхъ исканій. Убѣжденіе, что свободное отъ всякой предвзятой точки зрѣнія исканіе истины не окажется чѣмъ то дурнымъ, не приведетъ къ результатамъ, противорѣчающимъ религіозной вѣрѣ, является идеей, которая выступаетъ съ все большей отчетливостью въ лонѣ протестантизма. Она позволяетъ ему безъ всякихъ затрудненій примирить религію Евангелія съ религіей науки.

Протестантскій ирраціонализмъ формулированъ съ полною ясностью и доведенъ до своихъ послѣднихъ логическихъ слѣдствій въ знаменитыхъ «Рѣчахъ о религіи» Шлейермахера.

Никто не призналъ такъ открыто, какъ Шлейермахеръ успѣховъ современной культуры и законности независимой науки. Его «Рѣчи» являются «защитой» религіи. Но никогда эта апологія не происходитъ за счетъ свѣтской философіи и науки. Авторъ обращается къ «хулителямъ религіи» вовсе не съ цѣлью уничтожить ихъ, заставить ихъ отречься отъ своихъ ересей, подчиниться какому-нибудь высшему авторитету. Онъ не нападаетъ ни на ихъ метафизику, ни на ихъ этику, ни на ихъ пониманіе искусства. Шлейермахеръ вполне воспринялъ самую утонченную культуру своего времени; на немъ лежитъ печать идей нѣмецкаго классицизма, Канта и Гёте. Но онъ думаетъ, что эту культуру можно вполне примирить съ религіознымъ духомъ. Онъ вовсе

не проклінає невѣруючихъ, которые «въ своихъ великолѣпныхъ жилищахъ не имѣють другихъ боговъ-покровителей, кромѣ изрѣченій мудрецовъ и пѣсней поэтовъ»; которые, преисполненные любви къ человѣчеству и родинѣ, наукѣ и искусству, не имѣють въ своихъ сердцахъ мѣста для потусторонняго міра и вѣчности. Онъ требуетъ отъ нихъ лишь одного: «чтобы они были вполне культурны и совершенны въ своемъ презрѣніи къ религіи». Дѣйствительно, онъ убѣжденъ, что источникъ невѣрія интеллигентовъ лежитъ вовсе не въ ихъ позитивномъ образованіи, а просто въ ихъ непониманіи истинной природы религіи, слѣдовательно, въ пробѣлѣ въ ихъ образованіи.

Этотъ пробѣлъ онъ стремится заполнить, точно опредѣляя область, принадлежащую религіи, и показывая, что она совершенно независима отъ области науки и области морали.

Дѣйствительно, истинной причиной пренебреженія, съ которымъ стали относиться къ религіи, съ точки зрѣнія Шлейермахера, является то обстоятельство, что это разграниченіе было произведено недостаточно тщательно. Религія рѣдко разсматривается въ чистомъ видѣ; почти всегда къ ней примѣшиваются совершенно чуждые ей элементы. Такъ возникло убѣжденіе, что религія состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ метафизическихъ понятій—идеи высшаго существа, первопричины вселенной—съ нѣсколькими нравственными принципами—идеей нравственнаго долга. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этой концепціи, которая превращаетъ религію въ смѣсь разнородныхъ элементовъ, въ посредственную «хрестоматію для начинающихъ». Религія не имѣетъ ничего общаго ни съ метафизикой, ни съ моралью. Метафизика есть продуктъ рефлексіи, картина міра, отраженная въ нашемъ сознательномъ мышленіи. Мораль обращается къ волѣ: она стремится до безконечности расширить царство свободы, подчинить вселенную

своимъ законамъ. Религія не мысль, и не дѣйствіе; для Шлейермахера она— созерцаніе и чувство. Лишь только религіозный духъ перестанетъ созерцать и чувствовать и захочетъ опредѣлить природу Цѣлаго, онъ порождаетъ лишь «безполезную миеологию», груду догматовъ, символовъ, поэтическихъ образовъ, метафизическихъ концепцій, лишенныхъ всякой цѣнности, какъ для науки, такъ и для религіознаго сознанія. Столь же мало можетъ религія заступитъ мѣсто морали. Дѣйствительно, нравственный законъ долженъ опредѣлять всѣ наши поступки, и мы должны выполнять его въ полномъ сознаніи, спокойно и обдуманно. Напротивъ, религіозныя чувства должны подобно священной музыкѣ сопровождать всю нашу дѣятельность, но не направлять ее: «Человѣкъ долженъ все дѣлать съ религіей, но ничто черезъ религію». Рѣзко отдѣляясь и отъ метафизики и отъ морали, религія представляетъ изъ себя изначальную и независимую силу; она обладаетъ во всѣхъ сердцахъ «уголкомъ», который принадлежитъ исключительно ей, и въ которомъ она неограниченно господствуетъ». Она является рядомъ съ спекулятивнымъ и практическимъ разумомъ «необходимымъ и неизбѣжнымъ третьимъ элементомъ» человеческой души.

II. Протестантскій мистицизмъ.

Если религія и наука имѣютъ свои особыя сферы, то гдѣ должны мы искать собственную область религіи?

Пытаясь опредѣлить въ чемъ заключается съ точки зрѣнія протестантизма сущность религіи, мы должны будемъ констатировать, что протестантизмъ видитъ въ ней интимный опытъ, какъ бы внутреннее пламя, которое возгорается въ душѣ вѣрующаго. Религія есть полная отдача всего существа человѣка «слову Божію», принесенному

Христомъ Евангелію. Она представляетъ изъ себя мистическій порывъ сердца, состояніе души, которое необходимо пережить для того, чтобы понять его, и адекватнаго представленія о которомъ не можетъ дать никакое словесное описаніе.

Этотъ внутренній опытъ является великимъ событіемъ духовной жизни Лютера. Дѣйствительно, въ основѣ его ученія о благодати и предопредѣленіи мы находимъ мистическое озареніе, которое образуетъ до извѣстной степени исходную точку всей его религиозной жизни. Когда онъ въ стѣнахъ своей монастырской кельи въ Эрфуртѣ ищетъ въ сердечныхъ мукахъ пути къ спасенію, онъ обрѣтаетъ душевный миръ не черезъ разумъ и философію, не черезъ открытіе новой метафизической теоріи или новаго догмата. Его освобождаютъ отъ сомнѣній мистическое ученіе его друга Штаупица, генеральнаго викарія августинскаго ордена. Онъ возвышается до непосредственной, живой вѣры въ Бога, который общалъ людямъ прощеніе черезъ Христа, и который даруетъ его имъ, несмотря на ихъ глубокое и непоправимое паденіе, несмотря на безусловную недостаточность ихъ дѣлъ, лишшающую ихъ права на малѣйшую частицу этого акта милости. Непосредственная вѣра въ милосерднаго Бога, живое сознаніе того, что обладаешь ею, составляютъ для Лютера самую сущность религіи. Такимъ образомъ, въ протестантскомъ пониманіи вѣра является опредѣленнымъ состояніемъ чувствованія, опредѣленной совокупностью субъективныхъ эмоцій, но отнюдь не ученіемъ, созданнымъ разумомъ, не совокупностью отчетливо сознаваемыхъ понятій, которыя могутъ быть точно выражены человѣческимъ языкомъ.

Исторически этотъ мистическій и индивидуалистическій элементъ религіи обнаруживается главнымъ образомъ въ огромной массѣ весьма разнообразныхъ фактовъ, проявляющихся какъ въ протестантскомъ, такъ и въ католическомъ

миръ, въ теченіе XVII—XIX столѣтій, во Франціи и Голландіи и извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ «пѣтизма».

Пѣтизмъ представляетъ изъ себя аскетическую и мистическую реакцію религіознаго чувства противъ упадка живой вѣры и видимой церкви. Онъ возстаетъ противъ схоластическаго догматизма, который превращаетъ религію въ грудку богословскихъ формулъ и всюду вызываетъ досадные и безплодные доктринерскіе споры. Въ борьбѣ съ этимъ иссушающимъ интеллектуализмомъ онъ старается оживить религіозное чувство и воображеніе. Съ другой стороны, онъ осуждаетъ опасный союзъ современнаго государства съ официальной церковью и объявляетъ институтъ государственной церкви пережиткомъ папизма. Отказываясь отъ надежды организовать все общество на христіанскихъ началахъ, онъ основываетъ внутри официальной церкви или въ противоположность ей благочестивыя общества, въ тѣсномъ кругу которыхъ можетъ развиваться болѣе искреннее, болѣе дѣятельное и интенсивное христіанство.

Такимъ образомъ, пѣтисты охотно уходятъ изъ общества, но они не возводятъ своего аскетизма въ принципъ, не придаютъ міра аравемъ. Они объясняютъ свое поведеніе, какъ временную необходимость; они думаютъ, что живутъ въ концѣ періода возмущенія противъ Бога, предшествующаго возвращенія Христа. Въ своей борьбѣ противъ догматической схоластики и испорченности официальной церкви они стремятся возродить христіанскій мистицизмъ, основать свою религію на живомъ, интимномъ и личномъ переживаніи божественной благодати. Они хотятъ, чтобы каждый христіанинъ возродилъ въ себѣ то внутреннее озареніе, которое испытывали Лютеръ и великіе мистики. Не находя въ безплодныхъ богословскихъ спорахъ своего времени пищи для своей вѣры, они проповѣдываютъ нео-платоническую и мистическую литературу,

въ которой они находятъ релігійную психологію, отвѣчающую ихъ потребностямъ, описанія мистическаго экстаза и постепеннаго растворенія въ лонѣ божественнаго Единства. Они погружаются въ изученіе блаженнаго Августина и святаго Бернарда, анабаптистовъ, спиритуалистовъ и теософовъ, чтобы привести свое релігійное чувство въ еще болѣе экзальтированное состояніе.

Такимъ образомъ, піетизмъ является въ одно и то же время и реакціоннымъ, и прогрессивнымъ движеніемъ. Реакціоннымъ потому, что онъ стремится возродить во всей строгости старый христіанскій и протестантскій аскетизмъ, потому что онъ охотно примыкаетъ къ ортодоксальнымъ тенденціямъ въ области догматовъ. Прогрессивнымъ же—потому, что онъ развиваетъ релігійный субъективизмъ, потому что онъ стремится понять вѣру не какъ коллективное исповѣданіе опредѣленныхъ объективныхъ истинъ, а какъ чисто личное переживаніе нѣкоторыхъ субъективныхъ эмоцій и какъ продуктъ личнаго сознанія.

Возникнувъ въ протестантскихъ кругахъ Голландіи и перенесенный въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Германію, піетизмъ развивается главнымъ образомъ въ лютеранской средѣ, гдѣ онъ благодаря Шпенеру и Франке становится однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ релігійной жизни эпохи. Во второй половинѣ XVIII столѣтія онъ теряетъ свое вліяніе. Мистическій энтузіазмъ мало-по-малу гаснетъ, и піетизмъ растворяется въ нравственную проповѣдь и благочестивый сентиментализмъ, теряетъ свои характерныя черты и становится однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ образуется раціоналистическая культура эпохи просвѣщенія.

Однако, въ концѣ XVIII вѣка онъ снова усиливается, особенно въ южной Германіи, въ Вюртембергѣ, Эльзасѣ и Швейцаріи. Въ это время онъ собираетъ вокругъ себя потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, которыхъ было очень

много въ эту эпоху, полную смуть и войнѣ, особенно въ рядахъ аристократіи. Съ этихъ поръ онъ становится дѣятельнымъ факторомъ духовной жизни Германіи. У піэтизма есть свои писатели, свои философы и святые, напримѣръ, Гаманнъ и Лафатеръ, Клавдіусъ и Юнгъ Штиллингъ, Оберлинъ и Пфеффель, Якоби и Новалисъ. Правда, уже въ эту эпоху у него появляются нѣкоторыя несимпатичныя черты. Благочестіе его сторонниковъ весьма нерѣдко имѣетъ въ себѣ нѣчто сумрачное, боязливое, стесненное. Піэтизмъ узокъ, лишень широкихъ горизонтовъ, слишкомъ замыкается въ интимности религиозной жизни, относится слишкомъ индифферентно къ общественнымъ дѣламъ, слишкомъ пренебрежительно къ научному и художественному образованію. Временами онъ проявляетъ нетерпимость. Въ эпоху реакціи, начало которой положилъ Вельнеръ во время царствованія Фридриха-Вильгельма II, небольшая котерія экзальтированныхъ піэтистовъ и теософовъ подавляетъ своей деморализующей тираніей прусское духовенство. Но піэтизмъ интригующій и честолюбивый представляетъ еще исключеніе. Изъ благочестія еще не дѣлаютъ карьеры; еще не посѣщаютъ благочестивыхъ собраній съ цѣлью проникнуть въ аристократическіе кружки и пробить себѣ дорогу въ свѣтъ. Піэтизмъ во многихъ отношеніяхъ встрѣчается съ реформаторскимъ католицизмомъ и борется за одно съ нимъ противъ догматической узости и традиціоннаго формализма официальной церкви. Съ другой стороны, онъ протягиваетъ руку Песталоцци и его ученикамъ и соперничаетъ съ ними въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, матеріальнаго и нравственнаго подъема низшихъ классовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ такъ называемый періодъ «пробужденія». Снова кажется, что температура протестантской души нѣсколько повышается. Піэтистскія тенденціи самыми разнообразными способами комбинируются съ пробужденіемъ

національнаго чувства, съ политическимъ романтизмомъ реставраціи. Въ лонѣ протестантизма возникаетъ рядъ сложныхъ и многообразныхъ теченій. Шлейермахеръ, какъ мы только что видѣли, основываетъ свою религію на созерцаніи и чувствѣ; онъ призываетъ благочестивыя души приблизиться, насколько возможно, къ Христу, чтобы черезъ его посредство лично пережить основныя истины вѣры и откровенія. Этотъ оттѣнокъ піэтизма съ философскою и литературною окраскою распространяется главнымъ образомъ въ сѣверной и средней Германіи. Наиболѣе типичными его представителями считаются Неандеръ и Толукъ. Въ другихъ мѣстахъ распространяется простое благочестіе, основанное на наивной вѣрѣ въ Библію. Мы встрѣчаемъ его на крайнемъ сѣверѣ, въ Килѣ, гдѣ Клаусъ Гармсъ въ 1817 году по случаю трехсотлѣтняго юбилея реформаціи опубликовываетъ 95 тезисовъ противъ современнаго Антихриста, т. е. противъ разума, возведеннаго въ степень непогрѣшимаго папы. Точно также въ Швабіи и Баваріи расцвѣтаетъ внѣвѣроисповѣдный піэтизмъ, гдѣ господствуетъ свѣтскій элементъ и гдѣ вѣрующе соединяются въ личной вѣрѣ въ Иисуса, божественнаго спасителя человѣчества. Теологическіе факультеты въ Тюбингенѣ и Эрлангенѣ въ лицѣ Бекка, Томазіуса, Гофманна распространяютъ эту форму протестантизма. Другая разновидность піэтизма соединяется съ политическимъ романтизмомъ, распространяется среди аристократіи и представителей высшей администраціи и, въ концѣ-концовъ, вступаетъ даже на престолъ въ лицѣ Фридриха-Вильгельма IV. Эта форма піэтизма, весьма близкая къ ортодоксіи, основываетъ свою вѣру въ откровеніе и Священное Писаніе на интимномъ и личномъ опытѣ обращенія черезъ Библію, реставрируетъ такимъ образомъ божественный характеръ послѣдней и содѣйствуетъ консервативному толкованію священныхъ текстовъ. Этотъ ортодоксальный піэтизмъ, нерѣдко честолюбивый и воин-

ственный, старается навязать свое учение университетскимъ профессорамъ и пасторамъ и захватить преобладающее вліяніе въ официальной церкви.

Однако, мало-по-малу намѣчается возрожденіе рационалистическихъ идей, которыя переходятъ отъ обороны къ нападенію: около 1848 года они начинаютъ оказывать все большее вліяніе и, одно время, какъ будто готовы одержать побѣду въ политической области. Начиная съ этого момента, значеніе піетизма, поскольку онъ является факторомъ духовной жизни Германіи, падаетъ. Его союзъ съ ортодоксіей становится все болѣе тѣснымъ. Дѣйствительно, среди массы протестантовъ, принадлежащихъ къ официальной церкви, мы можемъ констатировать религіозное пониманіе, которое является нѣтическимъ по своему субъективному характеру и ортодоксальнымъ по своему положительному догматическому ученію. Но, сдѣлавшись составнымъ элементомъ официального протестантизма, піетизмъ раздѣляетъ упадокъ государственной церкви. Онъ теряетъ дѣйствительное вліяніе на души по мѣрѣ усиленія реакціонной тенденціи, которая была свойственна ему съ самаго его возникновенія.

Въ наше время піетизмъ встрѣчается въ совершенно иныхъ общественныхъ слояхъ, гдѣ онъ все еще проявляетъ свою жизненность. Основанныя піетизмомъ въ Америкѣ и Англіи диссидентскія секты—методисты, ирвингянцы, меннониты, баптисты и др.—ведутъ почти всюду горячую пропаганду и основываютъ небольшія общины, которыя живутъ иногда въ добромъ согласіи съ официальной церковью, но чаще всего проявляютъ къ государственному духовенству недовѣрчивое и оппозиціонное отношеніе и отвращаютъ отъ государственнаго культа какъ разъ лицъ съ наиболее развитыми религіозными потребностями. Такимъ образомъ, народный піетизмъ, который рекрутируетъ теперь своихъ сторонниковъ

преимущественно среди маленькихъ людей, наноситъ большой ущербъ ортодоксальному піэтизму государственной церкви. Официальное духовенство весьма обезпокоено этимъ положеніемъ, но ничего не можетъ подѣлать съ этимъ. Ибо, именно эти независимыя секты и диссидентскія общины являются пламеннымъ очагомъ христіанской дѣятельности и создали множество благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, внутреннихъ и внѣшнихъ миссій, дѣлающихъ честь протестантизму.

Итакъ, мы видимъ ту роль, которую играетъ піэтизмъ въ развитіи протестантизма. Онъ поддерживаетъ религиозное пламя, настаивая на необходимости для каждаго христіанина самостоятельно и лично пережить мистическій порывъ, возвышающій челоуѣка и приближающій его къ Богу, пережитый нѣкогда Лютеромъ въ началѣ его религиозной жизни. Основывая религію на индивидуальныхъ переживаніяхъ онъ тѣмъ самымъ стремится уйти отъ государственной церкви, официальной организаціи, которая требуетъ отъ своихъ сторонниковъ лишь чисто внѣшняго признанія извѣстнаго credo и принимаетъ въ свою среду безъ разбора всѣхъ, кто подписывается подъ нимъ, религиозныхъ и равнодушныхъ, благочестивыхъ и безразличныхъ. Онъ противопоставляетъ ей общину, небольшую группировку, корпорацію, свободно образованную вѣрующими, которые живутъ въ дѣйствительномъ духовномъ общеніи и дѣятельно контролируютъ другъ друга. Піэтизмъ часто является въ видѣ консервативной силы. Чтобы удовлетворить чрезвычайно интенсивное религиозное чувство, онъ охотно стремится реставрировать положительныя формы стараго протестантизма и выступаетъ въ качествѣ союзника или помощника ортодоксіи, съ формализмомъ и догматической сухостью которой онъ въ другихъ отношеніяхъ ведетъ борьбу. Иногда онъ даже принимаетъ такія формы, которыя поражаютъ и шокируютъ современное чувство: формы стро-

гаго, узкаго и мрачнаго благочестія, обращеннаго внутрь самого себя и враждебнаго міру, слѣпото и нетерпимаго фанатизма, мистической экзальтациі, доходящей до истеріи и нервнаго разстройства, безмысленнаго суевѣрія.

Роль піэтизма въ протестантской мірѣ сравнивали съ ролью монашескихъ орденовъ въ лонѣ католицизма. Подобно послѣднимъ, піэтисты постоянно призываютъ церковь къ выполнению ея духовной миссіи. Но между тѣмъ какъ монашеніе ордена, отвергая въ своемъ аскетическомъ отреченіи міръ, все же входятъ въ свѣтскую іерархію католицизма, піэтисты не заставляютъ свой индивидуализмъ вступать ни въ какой компромиссъ и продолжаютъ, несмотря на весь свой аскетизмъ, дѣйствовать въ мірѣ и на міръ. Такимъ образомъ, піэтизмъ является независимой духовной силой, которая періодически возрождаетъ въ лонѣ протестантизма религіозный субъективизмъ, непрерывно создаетъ новыя религіозныя группировки и вдыхаетъ живое благочестіе въ старыя группы. Онъ представляетъ изъ себя силу, которая дѣйствуетъ главнымъ образомъ на низшіе слои народа и удовлетворяетъ ихъ религіозныя потребности. По этой причинѣ онъ пользуется благосклонностью феодаловъ, которые хотятъ поддержать религіозность среди народа.

Но онъ представляетъ изъ себя еще нѣчто большее. Въ немъ слѣдуетъ видѣть живой принципъ протестантской религіозности въ наиболѣе чистой ея формѣ. Опытъ піэтизма сдѣлалъ возможной выработку въ свободномъ протестантскомъ сознаниі современной религіозной психологіи. «Всѣ теоріи,—говоритъ Трёлчъ,—о томъ, что религія по своей сущности есть эмоція, предчувствіе, поэзія, символическое выраженіе дѣйствующихъ въ подсознательныхъ глубинахъ человѣческой природы идей, практическое убѣжденіе, общее состояніе души, словомъ, всѣ наиболѣе цѣнные результаты современной науки объ религіи коренятся въ радикальномъ піэтизмѣ». Лессингъ опирался на піэтизмъ, когда

онъ увидѣлъ въ чувствѣ сущность религіи и выдвинулъ идею «вѣчнаго Евангелія», которое должно занять мѣсто религіи, основанной на догматахъ и авторитетѣ. Піетистской въ своемъ послѣднемъ счетѣ является и кантовская религія, которая принимаетъ фактъ практическаго разума, какъ апіорную несомнѣнность и тѣмъ самымъ основываетъ религію на упорномъ усиліи воли побѣдить зло и достигнуть возрожденія. Точно также въ религіи Гердера, Якоби, Гёте, романтиковъ, въ ихъ протестахъ противъ сухого рационализма, въ той настойчивости, съ которой они выдѣляли въ религіи элементы чувства, мистики, воли и подчеркивали родство религіи съ поэзіей. легко можно различить вліяніе піетизма. Яснѣе всего оно выступаетъ въ ученіи Шлейермахера, который опредѣляетъ религію, какъ мистическую интуицію, дарованному Богомъ, какъ «чувство и любовь къ Безконечному», какъ созерцаніе и ощущеніе Универзума. Оно живо еще и теперь у многихъ нѣмецкихъ протестантовъ, даже у тѣхъ, которые освободились отъ всякихъ положительныхъ вѣрованій, но продолжаютъ сохранять релігійную потребность въ видѣ сердечнаго порыва къ божественному принципу міра, въ видѣ болѣе или менѣе радостнаго ощущенія своей связи съ міровымъ порядкомъ.

III Протестантскій субъективизмъ.

Субъективный и мистическій характеръ протестантской религіи имѣетъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ прогрессивный упадокъ христіанской догматики.

Для католика релігійная истина едина, окончательна, неизмѣнна. Ее нечего открывать, она уже давно найдена и получила свое выраженіе въ догматахъ, и миссія церкви состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать догматы въ ихъ чистотѣ и бороться съ ересью всюду, гдѣ бы она ни про-

являлась. Для католика догматы представляютъ изъ себя совокупность объективно истинныхъ ученій, не выведенныхъ умомъ вѣрующаго, а покорно воспринимаемыхъ имъ извнѣ, органическое цѣлое, которое можно лишь или принять или отвергнуть цѣликомъ, и которое не допускаетъ ни споровъ относительно деталей, ни произвольнаго отнесенія какой-либо своей части.

Лютеръ рѣшительно возстаетъ противъ католической догматики. Рѣшившись свести религію снова къ ея истинному началу, мистическому порыву души, озаренной созерцаніемъ Божества, онъ хотѣлъ разрушить зданіе схоластическаго богословія и положить конецъ догматическому интеллектуализму, сохранивъ въ неприкосновенности лишь «Слово Божіе», «Евангеліе» Иисуса. Конечно, Лютеръ оказался въ очень затруднительномъ положеніи, когда ему пришлось устанавливать точное различіе между тѣмъ, что есть «Евангеліе», и тѣмъ, что является «догматомъ». Въ концѣ концовъ, какъ мы увидимъ дальше, онъ заложилъ фундаментъ новаго догматизма, почти столь же сложнаго и нетерпимаго, какъ старый. Но тѣмъ не менѣе, онъ нанесъ рѣшительный ударъ старому зданію ортодоксіи. Послѣ него дѣло разрушенія продолжалось. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ протестантизмъ съ своими принципами сохранить въ неприкосновенности понятіе неизмѣннаго догмата! Если религія въ своей сущности является состояніемъ души, интимнымъ и субъективнымъ переживаніемъ, то ясно, что въ религіозной области категоріи «истиннаго» и «ложнаго» не имѣютъ никакого приложенія. Душевное состояніе можно лишь испытать или не испытать; но про него нельзя сказать, что оно «ложно» или «истинно», ибо оно не подлежитъ доказательству. Догматы являются лишь неполными и приблизительными, а, слѣдовательно, провизорными и измѣнчивыми толкованіями интимныхъ и субъективныхъ переживаній, которыя составляютъ религію. Та-

кимъ образомъ, съ протестантской точки зрѣнія, иллюзорно и несправедливо измѣрять «религію» вѣрующаго тѣмъ, что онъ признаетъ тѣ или иные догматы, т. е. метафизическія или историческія понятія, которыя принадлежать къ области разума. Религія коренится не въ сферѣ ума и сознанія, а въ гораздо болѣе глубокой области человѣческой души.

Эволюція въ направленіи къ субъективизму уже въ концѣ XVIII вѣка приходитъ къ своимъ крайнимъ послѣдствіямъ. Шлейермахеръ отказывается признать, чтобы какой-либо догматъ, какое-либо метафизическое понятіе могли быть существеннымъ элементомъ религіи. Можетъ быть, возразить, что вѣра въ сверхъестественное обязательна для вѣрующаго? Но всякое явленіе чудесно или не чудесно въ зависимости отъ того, разсматриваютъ ли его въ связи съ Безконечнымъ или съ міромъ конечныхъ вещей, смотрятъ ли на него глазами вѣрующаго или глазами ученаго. Или, можетъ-быть, обязательна вѣра въ Библию? Но Священное Писаніе, отнюдь не представляя изъ себя кодекса непреложныхъ истинъ, является лишь «мавзолеемъ религіи, памятникомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что нѣкогда существовалъ могущественный духъ, котораго уже нѣтъ въ настоящее время». Даже вѣра въ Бога и безсмертіе души не имѣютъ, съ точки зрѣнія религіи, того значенія, которое имъ обычно приписываютъ, и иной «атеистъ» можетъ оказаться глубоко релігійозной натурой. Примѣръ тому—Спиноза, въ которомъ Шлейермахеръ чтитъ одного изъ самыхъ возвышенныхъ и наиболѣе преданныхъ Божеству умовъ, которые когда-либо существовали. Мало того, необходимо пойти еще дальше. Всякая религія, поскольку она является созерцаніемъ Вселенной, представляетъ изъ себя строго индивидуальный фактъ. Никто не можетъ хвалиться тѣмъ, что онъ одинъ обладаетъ всею релігійозною истиною. Религія по необходимости «безконечна»; она—сумма всѣхъ оригинальныхъ релігійозныхъ переживаній. Всякій человѣкъ долженъ

сознавать, что его религія составляет лишь частіцу Цѣлаго и долженъ относиться съ уваженіемъ къ оригинальности вѣхъ тѣхъ, кто понялъ языкъ Безконечнаго. Истинная религія, поэтому, безусловно терпима, потому что «все конечное мирно сосуществуетъ въ Безконечномъ; все едино, и все—истинно».

Элиминируя изъ религіи всякое обязательное вѣрованіе въ метафизическое понятіе, протестантизмъ постепенно очищаетъ христіанство и отъ историческихъ элементовъ.

Лютеръ и здѣсь подаль примѣръ. Предоставивъ разуму право интерпретировать Библию и устанавливая ее «истинный» смыслъ, положивъ такимъ образомъ начало критическому изученію Священнаго Писанія, онъ открылъ челоуѣческому разуму огромное поле для изслѣдованія. Это критическое изученіе Библии въ своемъ вѣковомъ развитіи, начиная отъ Реймаруса и Лессинга и кончая Штрауссомъ и Гарнакомъ, въ настоящее время привело къ результатамъ, о которыхъ Лютеръ, конечно, не подозрѣвалъ, и которые вызвали бы въ немъ чувство ужаса, если бы онъ смогъ ихъ предвидѣть, но которые не находятся въ противорѣчій съ духомъ протестантизма. Дѣйствительно, разъ реформація признала за разумомъ право критически изслѣдовать священные тексты, она уже не въ состояніи предписать какой-либо предѣлъ его изслѣдованіямъ, установить моментъ, когда толкованіе Библии перестаетъ быть «протестантскимъ», принципиально осудить результаты ею же самой вызваннаго филологическаго изученія.

Съ XVIII вѣка экзегезъ Библии смѣло берется за критику понятія о сверхъестественномъ. Дѣйствительно, раціонализмъ эпохи просвѣщенія убѣждаетъ, что наука и вѣра неизбѣжно должны согласоваться между собой. Философія и наука приводятъ ученаго къ «естественной религіи», которая принимаетъ существованіе всеблагаго, всемогущаго и всевѣдущаго Бога, творца вселенной. Слѣдовательно, правильно

примѣняемая библейская критика должна необходимо привести къ тѣмъ же результатамъ. Поэтому, теологи стараются удалить изъ Библии все ирраціональное. Они изгоняютъ изъ нея особенно чудеса, которыя объясняются или какъ иллюзіи, или какъ благочестивый обманъ. Они умаляютъ божественный элементъ въ природѣ Христа; послѣдній разсматривается уже не какъ Богъ, а какъ исключительный человѣкъ, какъ возвѣститель нравственного закона, который вполне заслуженно далъ свое имя христіанству, хотя лично вовсе и не притязалъ на это. Наконецъ, они сводятъ нравственное ученіе христіанства къ разсудительному и нѣсколько земному моральному эвдаимонизму. Такимъ образомъ сверхъестественное изгоняется изъ Священнаго Писанія путемъ «естественныхъ» объясненій, часто, правда, дѣтскихъ и лишенныхъ всякой правдоподобности.

Релігійная психологія и критика раціоналистовъ были слишкомъ неудовлетворительны, чтобы даваемая ими интерпретація Библии могла долго продержаться. Прогрессъ историческихъ и филологическихъ наукъ въ XIX вѣкѣ приводитъ къ возникновенію библейской критики, гораздо болѣе методической, болѣе свѣдущей и значительно болѣе радикальной по своимъ результатамъ, чѣмъ критика раціоналистовъ.

Критика XVIII вѣка удалила изъ Библии сверхъестественный элементъ. Однако, она въ общемъ не подвергала сомнѣнію того, что библейскіе рассказы являются автентичными источниками, сообщающими намъ совокупность исторически достовѣрныхъ фактовъ. Именно противъ этого и выступаетъ критика XIX вѣка, оспаривая какъ-разъ историческую цѣнность священныхъ текстовъ. Штраусъ, а послѣ него Бауръ и Тюбингенская школа видятъ въ библейскихъ рассказахъ уже не историческіе факты, а мифы. Всѣ положительныя данныя, на которыхъ покоится традиціонная вѣра: сверхъестественное рожденіе

Исуса, его чудеса, его воскресеніе, его вознесеніе на небо, въ качествѣ историческихъ событій лишены всякой правдоподобности. Дѣйствительно, они показываютъ намъ не историческаго Исуса, а Исуса благочестивой легенды и представляютъ изъ себя не работу точныхъ лѣтописцевъ, а созданія религіознаго воображенія, поэтическіе мнѣя, порожденные безсознательной творческой фантазіей народа. Библейскіе рассказы, относящіеся къ основателю христіанства, являются лишь легендами, которыя возникли въ средѣ первоначальной христіанской общины или вышедшихъ изъ нея группъ и юбкакли въ псевдо-историческую оболочку идеи и чувства, бродившія въ этихъ кругахъ. Евангельскія повѣствованія представляютъ изъ себя не біографію Исуса, а своего рода легендарную поэму, въ которой вылились страстное желаніе ранней христіанской общины прославить своего основателя и ощущаемая ею потребность видѣть мессіанистическую идею реализованной. Библия, въ которой прежніе христіане видѣли священную книгу, данную самимъ Богомъ, превращается для современныхъ экзегетовъ въ человѣческое произведеніе, отражающее мысли, страсти, чаянія небольшой группы энтузіастовъ, составившихъ первоначальную церковь.

Такъ заканчивается эволюція религіи въ сторону субъективизма. Для протестанта историческія данныя христіанства перестаютъ быть объективными фактами, обязательными для всякаго христіанина. Они являются лишь поэтическимъ пересказомъ религіозныхъ переживаній первыхъ вѣрующихъ, продуктомъ религіознаго субъективизма, символическимъ выраженіемъ извѣстныхъ душевныхъ состояній. Въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, сущность религіи состоятъ въ индивидуальномъ порывѣ къ Божеству. Христіанская исторія или, лучше сказать, легенда является такъ же, какъ и догматы, лишь предварительнымъ и несовершеннымъ выраженіемъ христіанскаго сознанія. Реконструировать при

помощи евангельскихъ разсказовъ лежащихъ въ ихъ основѣ факты, возсоздать автентичную біографію Іисуса, найти историческіе элементы въ миѣ, который одинъ только и дошелъ до насъ, выдѣлить изъ всѣхъ субъективныхъ свидѣтельствъ самосознаніе Іисуса (Das Selbstbewusstsein Iesu), такова смѣлая проблема, къ разрѣшенію которой стремятся всѣ протестантскіе экзегеты отъ Штраусса до нашихъ дней, наталкиваясь на все болѣе и болѣе непреодолимыя трудности. Одинъ католическій историкъ протестантизма, отмѣтивъ необходимо субъективный характеръ этихъ попытокъ и существующія между ними разногласія, смогъ даже, не высказывая парадокса, спросить себя, не сталъ ли Христосъ для современной ученой Германіи опять тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для азіянцевъ времени апостола Павла: «неизвѣстнымъ Богомъ»!

Подобно тому какъ протестантизмъ, сводя религію къ простому факту сознанія, оспариваетъ объективный характеръ христіанства, онъ подвергаетъ сомнѣнію и его абсолютный характеръ.

Для среднихъ вѣковъ и для ранняго протестантизма существуетъ только одна истинная религія, которая была сообщена людямъ чудомъ божественнаго откровенія, и которая одна только можетъ обезпечить имъ спасеніе. Язычество—не религія, а заблужденіе, которое коренится въ первородномъ грѣхѣ и имѣетъ своимъ слѣдствіемъ вѣчное осужденіе. Слѣдовательно, религія едина и абсолютна, и вѣкъ ея у людей вѣтъ пути къ спасенію. Даже самая мысль объ исторіи религій, попытка составить общее понятіе «религій» и объяснить съ помощью этого понятія генезисъ различныхъ религіозныхъ концепцій человѣчества была бы сочтена нечестивой. Тѣ, кто дѣлали эту попытку, какъ напримѣръ, Пико де-ла-Мирандола и Эразмъ, становились предметомъ всеобщаго осужденія.

Но въ XVIII вѣкѣ благодаря стараніямъ англійскихъ

и главнымъ образомъ французскихъ мыслителей мало-помалу развивается наука о религіяхъ, которая посвящаетъ себя сравнительному изученію различныхъ религіозныхъ явленій, начиная отъ грубѣйшихъ суевѣрій перво-бытныхъ дикарей и кончая христіанствомъ, пытается опредѣлить законы, управляющіе сложнымъ комплексомъ этихъ явленій, и ставить своей задачей реконструировать генезисъ «религіознаго сознанія» человѣчества. Она опирается уже не на Библию и церковную традицію, а на психическіе факты, въ которыхъ проявляется религіозная жизнь. Она разсматриваетъ религіозныя явленія, какъ особую группу психическихъ явленій вообще. Она смотритъ на религіозную вѣру, какъ на духовную дѣятельность, и отвлекается отъ объективнаго содержанія этой вѣры, отъ положительныхъ догматовъ, «истинность» которыхъ она какъ-разъ и считаетъ проблематической. Этимъ путемъ она необыкновенно расширяетъ нашъ религіозный горизонтъ. Современный человѣкъ мало-помалу приходитъ къ сознанію того, какъ малъ христіанскій міръ въ сравненіи со всѣмъ человѣчествомъ. Онъ привыкаетъ видѣть въ различныхъ человѣческихъ религіяхъ проявленіе одного и того же начала и примѣнять для изученія религіозныхъ мѣровъ и документовъ одинаковыя критическіе методы. Онъ перестаетъ видѣть въ религіи непреложную и окончательную «истину». Напротивъ, онъ констатируетъ, что религія есть нѣчто мѣняющееся въ зависимости отъ условій времени и пространства, что она подчинена, подобно всѣмъ проявленіямъ жизни, великому закону эволюціи.

Въ концѣ XVIII вѣка въ наукѣ о религіяхъ возникаютъ двѣ противоположныя теоріи, которыя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе удаляются другъ отъ друга. Одни вмѣстѣ съ Юмомъ видятъ въ религіозныхъ явленіяхъ характерную особенность первобытной человѣ-

ческой мысли. Они смотрятъ на религію какъ на продуктъ страха и надежды, и относятся съ большимъ скептицизмомъ къ «истинности» ея положительнаго содержания. Изъ этой теоріи въ XIX вѣгѣ возникло позитивистское ученіе о трехъ фазисахъ человѣческаго развитія: религіозномъ, метафизическомъ и позитивномъ. Этой гипотезѣ, которая приводитъ, въ концѣ концовъ, къ болѣе или менѣе открытому отрицанію вѣчной цѣнности какъ положительныхъ религій, такъ и религіознаго чувства вообще, противостоитъ нѣмецкій идеализмъ, который считаетъ эволюцію религіознаго сознанія центральнымъ фактомъ всего вообще психическаго развитія и вмѣстѣ съ Гегелемъ довольно долгое время видитъ въ христіанствѣ высшую форму и конечный расцвѣтъ религіозной мысли.

Такъ передъ протестантизмомъ возникла серьезная проблема. Въ какой мѣрѣ могъ онъ усвоить результаты науки о религіяхъ? Въ какой мѣрѣ могъ онъ пожертвовать «абсолютнымъ» характеромъ религіозной истины?

Онъ долженъ былъ въ силу своего принципа отнестись благосклонно къ этимъ новымъ идеямъ. И, дѣйствительно, онъ сдѣлалъ это. Въ самомъ дѣлѣ, протестантизмъ, какъ мы видѣли, стремится свести по возможности на нѣтъ догматическій и историческій элементы религіи. Устанавливая различіе между христіанствомъ церкви и «христіанствомъ Христа», устанавливая противоположность между ученіемъ апостола Павла и ученіемъ Іисуса, сводя въ конечномъ счетѣ сущность христіанства къ одному лишь Евангелію Христа, онъ упрощаетъ принципъ христіанства настолько, что становится возможнымъ идентифицировать его съ конечнымъ принципомъ всякой морали и религіи вообще. Такимъ образомъ, эволюція христіанскаго сознанія является для него высшей ступенью религіознаго сознанія человѣчества.

Шлейермахеръ, допуская религіозный субъективизмъ,

призналъ, что христіанство не единственная разъ навсегда установленная религія. Существуетъ столько же религій, сколько оригинальныхъ интуицій Вселенной и Безконечнаго. Религія представляетъ изъ себя совокупность въсѣхъ возможныхъ положительныхъ религій. Отсюда слѣдуетъ, что ни одна положительная религія не можетъ быть всею религіею. Христіанство не составляетъ исключенія. Интуиція, на которой оно покоится, есть, съ одной стороны, вѣчная противоположность между Конечнымъ и Безконечнымъ, между несовершеннымъ, грѣшнымъ человѣкомъ и Богомъ, съ другой стороны,—вѣчное дѣло посредничества между Конечнымъ и Безконечнымъ, искупленіе черезъ рядъ посредниковъ между Божествомъ и грѣховнымъ человѣкомъ. Поэтому, христіанство является въ извѣстномъ смыслѣ вѣчной религіею. Имѣя своимъ особеннымъ предметомъ исторію религій, т. е. преемственную послѣдовательность религіозныхъ интуицій Вселенной, оно является религіею, способною къ безконечному развитію, «потенціальной религіею», «религіею религій». Но Шлейермахеръ безусловно признаетъ, что если Христосъ заслуживаетъ наибольшаго преклоненія среди всѣхъ посредниковъ, онъ отнюдь не является единственно возможнымъ посредникомъ. Христіанская мысль продолжала развиваться и послѣ Христа. Она создавала и будетъ создавать новыя религіозныя истины. Мало того, она можетъ стать даже излишней, если настанетъ день, когда уже не будетъ нужды въ посредникѣ между Конечнымъ и Безконечнымъ, когда религіозная истина будетъ одинаково сиять для всѣхъ людей. Однако, по его мнѣнію, практически это состояніе святости далеко еще не достигнуто; во всякомъ случаѣ, оно не можетъ быть продолжительнымъ, ибо испорченность будетъ появляться все снова и снова, и, поэтому, все опять и опять будетъ ощущаться потребность въ искупленіи. Такимъ образомъ, каждая эпоха

въ развитіи человѣчества будетъ представлять изъ себя «палингенезисъ» христіанства, которое изъ вѣка въ вѣкъ будетъ возрождаться въ все болѣе одухотворенной формѣ.

Мы ясно видимъ теперь, въ какомъ направленіи эволюціонируетъ протестантизмъ. Онъ стремится очистить христіанство отъ его объективнаго, историческаго, абсолютнаго характера. Христіанство является для него уже не совокупностью откровенныхъ, обладающихъ для вѣрующаго объективной реальностью истинъ, въ которыя онъ долженъ вѣрить, а состояніемъ сознанія, которое каждый индивидуумъ долженъ пережить. Отъ вѣрующаго уже не требуется вѣры въ реальность извѣстныхъ историческихъ фактовъ. Протестантскій экзегезъ, въ концѣ-концовъ, приходитъ къ признанію того, что евангельскіе рассказы представляютъ изъ себя мифологическое выраженіе религіознаго опыта ранней христіанской общины, и показываетъ намъ личность и ученіе историческаго Христа въ все болѣе и болѣе непроницаемомъ туманѣ. Наконецъ, протестантизмъ стремится отнять у христіанства характеръ единой, вѣчной, откровенной религіи. Оно представляетъ изъ себя лишь одну изъ безчисленныхъ формъ религіознаго сознанія человѣчества, форму, несомнѣнно, удивительную, можетъ-быть, высочайшую, но вовсе не единственную, можетъ-быть, даже не вѣчную, и, во всякомъ случаѣ, не неизмѣнную. Словомъ, протестантизмъ стремится создать христіанство, свободное отъ догматовъ и развивающееся, религію, субъективную и находящуюся въ состояніи безконечной эволюціи.

IV. Попытки примирить науку и религію.

Итакъ, протестантизмъ по самой своей природѣ стремится примирить въ возможно болѣе совершенномъ синтезѣ два великихъ міросозерцанія, которыя спорять

между собой изъ-за власти надъ душой современнаго человѣка: христіанство и научный раціонализмъ. Между тѣмъ какъ въ католическихъ странахъ, особенно во Франціи, столкновеніе религіи съ наукой приводитъ къ открытой и страстной борьбѣ между церковью и философами, въ протестантской Германіи оно принимаетъ въ высшей степени мирный характеръ. Въмѣсто того, чтобы взаимно уничтожать другъ друга, оба соперника стремятся прійти къ компромиссу и заключить между собой союзъ.

Въ XVIII вѣкѣ раціоналистическій деизмъ эпохи просвѣщенія явился первой попыткой соединенія двухъ враждебныхъ принциповъ. Провозглашается тождественность системы природы, которую конструируютъ философы, съ даваемымъ богословами объясненіемъ міра. «Разумъ и откровеніе, — заявляетъ Вольфъ, — не могутъ противорѣчить другъ-другу, потому что оба исходятъ отъ Бога, единственнаго источника истины, который сообщаетъ ее черезъ эти два канала». Дѣйствительно, путемъ нѣкоторыхъ взаимныхъ уступокъ достигается полное соглашеніе. Философы при помощи раціоналистическихъ доводовъ доказываютъ какъ существованіе всеблагаго, всемогущаго и всемудраго Бога, создавшаго всю вселенную, такъ и безсмертіе души. Они настаиваютъ на гармоніи природы; они заявляютъ о своей оптимистической вѣрѣ въ безконечный прогрессъ человѣчества. Богословы, съ своей стороны, выдѣляютъ, какъ мы видѣли, сверхъестественный элементъ изъ Библіи, смягчаютъ пессимистическій характеръ первоначальнаго христіанства и выдвигаютъ на перелвнй планъ нравственную проповѣдь. Такимъ образомъ возникаетъ религіозная философія, которая удовлетворяетъ и вѣрующимъ и людей науки. Она выступаетъ противъ радикаловъ обѣихъ партій. Она борется съ атеистами и врагами «естественной религіи». Она мечетъ молніи противъ Спинозы, являющимся искупительной жертвой, показавшей картезіанской и лейбницевской

философии опасные пути, на которые не слѣдуетъ вступать. Она суждаетъ Вольтера, Гельвеція и энциклопедистовъ, разнузданный матеріализмъ которыхъ былъ способенъ искугать умѣренные умы и бросить ихъ снова въ руки суевѣрій. Съ другой стороны, она возстаетъ также противъ фанатичныхъ и невѣжественныхъ сторонниковъ «положительныхъ религій», противъ нетерпимыхъ и лицемѣрныхъ ортодоксовъ, противъ святошъ и ограниченныхъ пѣтистовъ, и особенно противъ іезуитовъ, этихъ невидимыхъ и всюду присутствующихъ организаторовъ великаго заговора противъ свободы и просвѣщенія.

Безспорно, рационализмъ оказалъ Германіи огромныя услуги. Его благородная вѣра въ могущество разумной воли, его стремленіе смягчить вѣроисповѣдныя разногласія, его попытка выдѣлнить изъ положительныхъ религій общечеловѣчскій идеалъ заслужили навсегда право на уваженіе. Особенно благотѣльнымъ оказалось его вліяніе въ томъ отношеніи, что онъ содѣйствовалъ распространенію въ Германіи идей и чувствъ, общихъ всей націи. Восприимчивый не только высокообразованными людьми, но и духовенствомъ, пользуясь покровительствомъ правительства, рационализмъ смогъ проникнуть въ самые нижніе слои народа. При помощи проповѣди и начальной школы онъ смогъ распространить свои основные принципы, — свободу мысли и совѣсти, свободное пользованіе разумомъ при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, привычку къ рефлексіи и самоощущенію, — даже среди народныхъ массъ. Онъ положилъ свою печать на очень значительную часть націи. Этимъ путемъ онъ поддержалъ извѣстное единство въ ея духовной жизни. Благодаря ему господствующіе классы не потеряли связи съ религиознымъ идеаломъ массы, а масса не осталась чуждой культурѣ высшихъ классовъ.

Съ другой стороны, мы должны отмѣтить невысокое качество культуры эпохи просвѣщенія. Оптимистиче-

скій и догматическій, увѣренный въ томъ, что онъ объяснилъ всѣ міровыя загадки и нашелъ рѣшеніе всѣхъ великихъ психологическихъ, нравственныхъ, метафизическихъ и религіозныхъ проблемъ, увѣжденный въ томъ, что точно знаетъ смыслъ жизни, рѣзкій въ своихъ утвержденіяхъ, рационализмъ представлялъ изъ себя жизнепониманіе, приспособленное къ понятіямъ людей безусловно честныхъ и почтенныхъ, но лишенныхъ нескромной любознательности, мало склонныхъ къ утонченности мысли и чувства, мало доступныхъ сомнѣніямъ и страстнымъ религіознымъ порывамъ.

Но онъ не могъ на долгое время удовлетворить интеллигентную часть народа. Его психологія, дѣйствительно, была слишкомъ рудиментарна. Въ своемъ слишкомъ недальновидномъ преклоненіи передъ разумомъ и наукой онъ не сумѣлъ оцѣнить значенія «иррациональных» силъ человѣческой природы. Онъ относился съ презрѣніемъ или подозрѣніемъ къ фантазіи, недовѣрялъ чувству и страсти, считалъ возможнымъ свести мораль къ простому разсчету интересовъ и почти совершенно изгналъ изъ религіи мистическій элементъ. Всѣ эти силы, съ которыми онъ боролся, или которыя онъ презиралъ, инстинктъ, чувство, творческое воображеніе, религія и мораль, соединились вмѣстѣ, чтобы положить конецъ его ничѣмъ неоправдываемому и превратившемуся въ тиранію господству.

Въ то же время замѣтили, что предпринятая рационализмомъ попытка примирить науку и вѣру, является не настоящимъ синтезомъ, а хромоногимъ компромиссомъ, вскорѣ вызвавшимъ всеобщее недовольство. Религіозные люди видѣли въ рационализмѣ едва прикрытый атеизмъ. Что касается до дѣйствительно научныхъ умовъ, то они вмѣстѣ съ Лессингомъ смотрѣли на него, какъ на «неискусную заплатку, сдѣланную полуфилософами», и упрекали вождей

эпохи просвѣщенія за то, что они были «плохими теологами и несовершенными философами». И, если въ наши дни Ницше съ такою силой возстаетъ противъ протестантизма, если онъ называетъ его «помѣсю между христіанствомъ и разумомъ», то причина этого заключается въ склонности протестантизма къ ублюдочнымъ и неудачнымъ компромиссамъ, вродѣ раціонализма. Въ концѣ XVIII вѣка раціонализмъ, потерявъ всякое вліяніе среди образованной части народа, исчезаетъ, окруженный всеобщимъ презрѣніемъ и насмѣшками.

Въ то время какъ одряхлѣвшій раціонализмъ медленно угасаетъ среди насмѣшекъ образованной Германіи, возникаетъ новая грандіозная попытка примирить науку и вѣру: ученіе Канта и нѣмецкій идеализмъ.

Между тѣмъ какъ раціоналисты боролись за требованія разума, или, болѣе точно выражаясь словами Фихте, за требованія «естественнаго мышленія, которое развивается внѣ всякой культуры и морали», нѣмецкій идеализмъ подвергаетъ эти притязанія суровой критикѣ и полагаетъ конецъ деспотическому верховенству теоретическаго разума.

Въ противовѣсъ чистымъ интеллектуалистамъ, которые провозглашаютъ, что истинное человеческое достоинство заключается въ познаніи, Кантъ объявляетъ «примать практическаго разума». Человѣкъ не только мыслящее существо, онъ прежде всего—существо дѣйствующее. Онъ достигаетъ истины и находитъ достовѣрное, не только черезъ посредство одного теоретическаго разума. Въ сознаніи долга, которое господствуетъ надъ нашей дѣятельностью, мы обладаемъ достовѣрностью, столь же полною, столь же абсолютною, быть-можетъ, даже болѣе абсолютною, чѣмъ та достовѣрность, которая основана на разумѣ.

Нравственное сознаніе, если мы будемъ анализировать его данныя, открываетъ намъ законъ категорическаго императива долга, законъ, который не навязывается намъ

никакимъ внѣшнимъ авторитетомъ, но который мы даемъ себѣ сами, и который повелѣваетъ намъ дѣлать добро не изъ-за какой-либо выгоды, не изъ-за какихъ-либо соображеній практической пользы, но безусловно, потому что оно есть добро. Этотъ законъ долга является для Канта абсолютно достовѣрной истиной, не подлежащей никакимъ сомнѣнiямъ. Онъ—постулатъ практическаго разума. Словомъ, это—актъ вѣры, дающій намъ, однако, столь же очевидное знанiе, какъ и сама наука.

На этомъ «постулатѣ практическаго разума» Кантъ строитъ религiю идеализма. Богъ есть, потому что онъ является необходимымъ условiемъ нравственнаго закона. Существованiе Бога представляетъ изъ себя постулатъ практическаго разума, не теоретическое, а практическое утвржденiе, которое коренится въ нравственной потребности, потребности, впрочемъ, не индивидуальной, а столь же универсальной и необходимой, какъ и самъ разумъ. Мы вѣримъ въ Бога, потому что мы вѣримъ въ реальность долга, потому что безъ Бога категорическiй императивъ уже нельзя мыслить, какъ реальный законъ человѣческой воли. Такимъ образомъ, религiозная вѣра является, по выраженiю Канта, разумной вѣрой, Vernunftglauben.

Показавъ, что сущность религiозной жизни человечества состоитъ въ вѣчномъ стремленiи воли къ возрожденiю и спасенiю, Кантъ излагаетъ намъ генезисъ этого религiознаго идеала. Такъ какъ человѣкъ неспособенъ сразу возвыситься до яснаго сознанiя своей природы и своего назначенiя, то «разумная вѣра» проявляется въ человечествѣ сначала въ видѣ божественнаго откровенiя, которое властно заставляетъ видѣть въ себѣ выраженiе воли самого Бога. Видимая церковь, носительница и хранительница этого откровенiя заставляетъ вѣрующихъ безпрекословно признавать рядъ историческихъ фактовъ, догматовъ и предписанiй, которымъ они обя-

заны слѣпо повинуваться. Но эти ирраціональные элементы релігій мало-по-малу одухотворяются и очищаются. По мѣрѣ того какъ челоуѣчество приближается къ своей зрѣлости, оно раціонализируетъ историческіе элементы церковной вѣры и постепенно пріучается идентифицировать церковную вѣру съ вѣрой раціоналистической.

Эта идентификація возможна, она необходима. Для Канта даже вѣра въ Христа, въ конечномъ счетѣ, не есть вѣра въ историческій фактъ. Это—вѣра въ идеальный типъ челоуѣчества, въ совершенно возрожденнаго, безусловно добраго челоуѣка, слѣдовательно, Сына Божія; вѣра въ возможность нашего возрожденія, въ реальность закона долга и нашего нравственнаго назначенія. Такимъ образомъ, челоуѣчество, воспитанное въ школахъ видимыхъ, церквей, стремится образовать постепенно «невидимую церковь», гдѣ не будетъ болѣе ни церковной іерархіи, ни откровенныхъ догматовъ, гдѣ всякій вѣрующій будетъ въ то же время и священникомъ, гдѣ историческая вѣра въ божественное откровеніе и слѣпое повиновеніе заповѣдямъ Господнимъ разовьются, въ концѣ концовъ, въ автономную и сознательную «раціоналистическую вѣру».

Итакъ, общее пониманіе жизни, основанное не на одномъ только разумѣ, а на «всей совокупности» челоуѣческой природы, въ частности на разумѣ и нравственной волѣ, релігія, которая покоится на нравственномъ долгѣ и вытекаетъ изъ глубины челоуѣческой души, не будучи навязана челоуѣку извнѣ сверхъестественнымъ откровеніемъ, релігійная философія, которая связываетъ прошлое съ настоящимъ и усматриваетъ въ традиціонныхъ релігійныхъ необходимые этапы, черезъ которые проходитъ челоуѣчество, мало-по-малу возвышаясь до сознанія естественной релігій, — вотъ существенныя черты нѣмецкаго идеализма. Такимъ образомъ, въ этомъ движеніи мы должны видѣть стремленіе протестантскаго

духа дать истолкованіе вселенной, согласное съ его интимными тенденціями, одновременно строго научное и глубоко религиозное, считающееся со всѣми новѣйшими завоеваніями разума, но въ то же время относящееся съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрованіямъ прошлаго. Историки нѣмецкой мысли не безъ основанія видятъ теперь въ Кантѣ величайшаго въ новое время представителя реформациі, протестантскаго философа *par excellence*.

Я, конечно, не могу здѣсь подробно останавливаться на эволюціи нѣмецкаго идеализма. Если взять этотъ терминъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, то онъ обозначаетъ философское движеніе, наиболѣе извѣстными представителями котораго являются Кантъ, Фихте, Шлейермахеръ, Шеллингъ, Гегель, Якоби и Фризъ. Съ одной стороны, это философское движеніе находится въ тѣсной связи съ современнымъ ему литературнымъ движеніемъ, съ классицизмомъ Гёте и Шиллера и съ романтизмомъ. Съ другой стороны, нѣмецкій идеализмъ не ограничивается періодомъ отъ Канта до Гегеля и не кончается вмѣстѣ съ распаденіемъ гегеліанской школы и крушеніемъ метафизической спекуляціи. Послѣ короткаго періода упадка онъ снова возрождается въ лицѣ Фехнера, Лотце, Вундта, Ейкена и Бергмана. Онъ порождаетъ новую идеалистическую философію, противопоставляетъ кантіанскую традицію прогрессу матеріализма, вызываетъ въ литературѣ и искусствѣ новое идеалистическое и нео-романтическое теченіе, которое идетъ рядомъ съ реализмомъ и натурализмомъ. Само собой разумѣется, что въ теченіе этого долгаго развитія нѣмецкій идеализмъ принималъ самыя разнообразныя формы. Спекулятивный и отважный въ началѣ, въ величественныхъ конструкціяхъ Фихте или Гегеля, въ концѣ вѣка онъ становится болѣе научнымъ и стремится построить индуктивную метафизику на твердой основѣ положительныхъ знаній. Иногда онъ приближается къ пантеизму и растворяетъ Бога въ

мірѣ. Иногда онъ стремится къ релігії красоты и гармоніи, къ возрожденію эллинскаго идеала. Но, въ общемъ, во всѣхъ своихъ виіоизмѣненіяхъ онъ сохраняетъ нѣкоторыя основныя черты. Онъ борется одновременно и съ узкимъ догматизмомъ старыхъ раціоналистовъ, и съ скептицизмомъ и агностицизмомъ чистыхъ эмпириковъ, и съ утилитарнымъ матеріализмомъ позитивистовъ. Но прежде всего, несмотря на свою независимость, а иногда и иррелігіозность, онъ продолжаетъ сознать свою связь съ христіанствомъ. Философы отъ Канта до Гегеля, художники отъ Гёте вплоть до романтиковъ и Рихарда Вагнера единогласно признають, что современная «релігія» въ своей сущности тождественна съ релігіей Христа. Нѣмецкій идеализмъ является, такимъ образомъ, новой комбинаціей двухъ великихъ элементовъ западной культуры, античнаго и христіанскаго, геніальной и глубокой попыткой соединить въ своеобразномъ синтезѣ спиритуализированную релігію Христа съ релігіей науки и красоты.

Эта релігія высшаго образованнаго слоя, вліяніе которой распространилось далеко за предѣлами Германіи, во Франціи, Англіи и Америкѣ, представляетъ безспорно гораздо болѣе значительный научный интересъ, чѣмъ предшествовавшій ей раціонализмъ XVIII столѣтія. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что область ея вліянія оказалась гораздо болѣе ограниченной, чѣмъ сфера вліянія раціонализма.

Она никогда не могла стать подобно раціонализму, дѣйствительно народной релігіей, никогда не могла проникнуть въ широкія массы. Для этого она слишкомъ интеллектуальна, слишкомъ сложна, а также слишкомъ субъективна. Она требуетъ отъ своихъ сторонниковъ слишкомъ высокаго уровня развитія. Но прежде всего, она всегда относилась индифферентно къ различнымъ видамъ организаціи культа. Имѣя свои корни въ народной ре-

лиги, она значительно превосходитъ уровеньъ послѣдней и не вызываетъ среди своихъ сторонниковъ потребности въ религіозномъ общеніи, въ публичномъ культѣ. Она не выходитъ изъ состоянія чисто интимной и личной религіозности и не приводитъ къ реформѣ существующей церкви. Изъ всѣхъ великихъ представителей идеализма только одинъ Шлейермахеръ дѣйствительно стремился къ реорганизации церкви. Но тенденціи, проявившіяся въ его «Рѣчахъ о религіи», не получили практическаго осуществленія. Послѣ него идеалистическій протестантизмъ высшей интеллигенціи всегда оставался внѣ ограды официальной церкви, ибо онъ не способенъ найти выраженіе своихъ интимныхъ стремленій въ догматахъ, литургіи и культѣ консервативной національной церкви, порвалъ съ культомъ Библии, которая перестала для него быть главной духовной пищей, и вообще не склоненъ считать возможнымъ интимное и живое общеніе между человѣческой душой и имманентнымъ и безличнымъ Богомъ, которому онъ поклоняется.

Отсюда извѣстное безсиліе этой идеалистической религи въ практической жизни. Этой религи метафизиковъ, литераторовъ, художниковъ не хватаетъ устойчивости. Периодически ея адепты, сознавая свое интеллектуальное превосходство, съ неизлѣчимою наивностью удивляются успѣхамъ организованныхъ религій, католицизма и тяжеловѣсной штеистской ортодоксіи. Такъ, съ одной стороны, подвергаясь нападеніямъ «положительныхъ» христіанъ, которые инкриминируютъ ему его пантеизмъ и подвергаютъ сомнѣнію подлинность его христіанства, угрожаемый, съ другой стороны, матеріализмомъ, который уличаетъ его въ недостаточно строгой научности и находитъ массы приверженцевъ среди капиталистическаго и рабочаго міра, нѣмецкій идеализмъ остается силой, которая пользуется уваженіемъ лишь въ высшихъ культурныхъ слояхъ. Онъ не

оказываетъ большого вліянія на практическую жизнь, не привлекаетъ къ себѣ симпатій широкихъ массъ, и его притягательная и организаторская сила весьма незначительна.

Однако, нельзя сказать, чтобы этотъ авангардъ протестантизма не игралъ значительной роли въ духовной жизни Германіи. Конечно, эта маленькая интеллектуальная аристократія, относительно которой еще неизвѣстно, можно ли ее назвать христіанской, не имѣетъ большого вліянія на конфессіальный протестантизмъ, на его догматы и церковную организацію. Тѣмъ не менѣе, она является жизненнымъ элементомъ протестантизма и представляетъ изъ себя ферментъ, который дѣлаетъ изъ него «прогрессивную» религію и не позволяетъ ему затвердѣть въ традиціонныхъ формулахъ и обрядахъ. Конечно, если мировая эволюція, какъ утверждаютъ позитивисты, ведетъ къ постепенному исчезновенію религіозныхъ чувствъ и потребностей, нѣмецкій идеализмъ явится интересной, но бесплодной ступенью въ исторіи цивилизаціи. Онъ остановитъ лишь на короткое время окончательное распаденіе протестантизма, скрывая своими красивыми, но обманчивыми гипотезами непримиримую противоположность вѣры и науки и удерживая нѣсколько дольше рядъ выдающихся умовъ въ плѣну у религіозныхъ иллюзій. Но, если религіозная потребность составляетъ необходимый элементъ человеческой природы, если религія будущаго должна возникнуть изъ религіи прошлаго путемъ правильной, прогрессивной эволюціи, то ясно, что нѣмецкому идеализму предстоитъ, быть-можетъ, блестящее будущее. Если это такъ, мы вѣ правѣ задать себѣ вопросъ, не въ этой ли избранной части нѣмецкаго общества, одновременно прогрессивной и консервативной, слагается та таблица цѣнностей, которая будетъ господствовать въ будущемъ обществѣ? Не предвѣщая отвѣта на этотъ вопросъ, мы мо-

жемъ во всякомъ случаѣ констатировать, что идеалистическая религія, пользующаяся въ настоящее время большими симпатіями среди нѣмецкой интеллигенціи, представляетъ изъ себя весьма характерное проявленіе нѣмецкаго генія, который какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, безусловно прогрессивенъ, но въ то же время рѣшительно враждебенъ всякому революціонному радикализму, который стремится къ исторической преемственности и склоненъ къ искуснымъ компромиссамъ между прошедшимъ и будущимъ.

ГЛАВА IV.

Протестантская церковь.

I. Протестантская ортодоксія.

Какъ мы сказали, протестантизмъ стремится къ субъективной и свободной отъ догматовъ религи. Но въ то же время и у него постоянно проявляется непреодолимая потребность реставрировать въ той или иной формѣ извѣстные догматы, извѣстное *specto*.

Мы можемъ констатировать это противорѣчіе уже у Лютера. Въ то самое время, когда онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы разрушить зданіе католическихъ догматовъ какая-то почти трагическая судьба заставила его создать новое догматическое ученіе. Лютеръ хотѣлъ оставить въ силѣ лишь «Евангеліе Христа». Но какъ отдѣлить «Евангеліе» отъ «догматовъ»? Рѣшеніе, данное Лютеромъ, было во многихъ отношеніяхъ произвольно. Онъ считалъ составною частью Евангелія такіе старые догматы, какъ догматъ о «Троичности» или догматъ о двойственной природѣ Христа. Осуждая слѣпое преклоненіе передъ библейской буквой, онъ тѣмъ не менѣе заставлялъ другихъ склоняться передъ текстомъ Священнаго Писанія, если этотъ текстъ казался ему особенно важнымъ или доказательнымъ. Врагъ схоластическихъ ухищреній, онъ все же увлекался безконечными тонкими контроверзами. Такъ, отчасти вопреки собственной своей волѣ онъ закладывалъ основы новаго догматизма. Послѣ него Меланхтонъ

подводить подъ протестантизмъ обширный философскій фундаментъ. Для этой цѣли онъ реставрируетъ философію Аристотеля, того самаго Аристотеля, котораго громилъ въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ Лютеръ. Начиная съ XVII вѣка, во всѣхъ протестантскихъ университетахъ, совершенно такъ же, какъ въ католическихъ, можно найти схоластическую философію на службѣ у теологій, въ положеніи ancilla theologiae. Опираясь на свои формулы, богословы наперерывъ стараются разграничить протестантизмъ и католицизмъ, указать различія между отдѣльными протестантскими сектами и обвинить другъ друга въ ереси.

Такимъ образомъ въ нѣдрахъ протестантизма возрождается понятіе «ортодоксіи». Понятіе, конечно, весьма проблематическое и ненадежное. Дѣйствительно, какъ можно представить себѣ ортодоксію въ религіи, которая стремится уничтожить догматы въ пользу религіозной интуиціи, въ религіи, которая способна къ измѣненіямъ? Вѣдь ортодоксія состоитъ въ опредѣленности и неизмѣнности «истиннаго ученія». Однако, протестантизмъ, подобно всѣмъ другимъ религіямъ, необходимо стремится къ установленію своихъ догматовъ. Въ самомъ дѣлѣ, религія должна быть средствомъ общенія и служить связью между людьми, которые испытываютъ аналогичныя религіозныя переживанія. Но ясно, насколько трудно передавать другъ другу интуиціи, душевныя состоянія, эмоціи, и что, слѣдовательно, когда дѣло идетъ о субъективной религіи, лишь съ трудомъ можно установить у вѣрующихъ взаимную общность чувствъ. Напротивъ, идеи и понятія сообщаются легко и, поэтому, практически болѣе приспособлены для того, чтобы служить символами взаимнаго пониманія и взаимной связи. Отсюда, несомнѣнно, непобѣдимое стремленіе протестантизма принять до извѣстной степени догматы въ качествѣ субститута религіозной интуиціи, замѣнить интимный опытъ интел-

лектуальнымъ понятіемъ, опредѣлить при помощи метафизическихъ формулъ или историческихъ утвержденій, въ чемъ состоитъ «Слово Божіе», «Евангеліе Христа», которае Лютеръ считалъ основой христіанскои релігій.

Въ XIX вѣкѣ консервативная и ортодоксальная тенденція проявляется съ тою же силой, какъ и противоположная ей либеральная тенденція.

Съ двадцатыхъ годовъ лютеранская ортодоксія становится въ Германіи силой. Мы уже указали, какъ, вступивъ въ союзъ съ штизмомъ, она въ концѣ концовъ начинаетъ оказывать значительное вліяніе на государственную власть и добивается господствующаго положенія въ официальной протестантскои церкви. Типичной фигурой, въ которой воплощается это возрожденіе ортодоксіи, является извѣстный ревнитель Генгстенбергъ, основатель «*Evangelische Kirchenzeitung*». Онъ преслѣдуетъ съ чисто сектантскимъ ожесточеніемъ всѣ прогрессивныя тенденціи протестантизма отъ стараго рационализма XVIII вѣка вплоть до субъективнаго спиритуализма Шлейермахера и идеализма Гегеля. Яростно нападая не только на ученія, но и на личности, онъ безъ всякихъ колебаній пускаетъ въ ходъ клевету и доносы и охотно обращается къ правительственной власти за помощью противъ своихъ релігійныхъ противниковъ. Эта нео-лютеранская ортодоксія организуется при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III и господствуетъ въ Пруссіи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV. Разбитая во время революціи 1848 года, она снова усиливается въ эпоху реакціи пятидесятыхъ годовъ и нападаетъ съ удвоенной ненавистью на субъективизмъ либеральнаго протестантизма и заблужденія «пьяной науки». Впрочемъ, ея сила даетъ себя чувствовать не только въ Пруссіи, но и въ другихъ частяхъ Германіи. Свои наиболѣе полныя побѣды она торжествуетъ въ Мекленбургѣ и Куръ-Гессенѣ. Здѣсь въ лицѣ Клифота и Вильмара она не только предписываетъ вѣру въ

букву традиционныхъ догматовъ, но и учить о чудесной и божественной силѣ таинствъ, которыя являются настоящими матеріальными актами Бога, и о непосредственномъ влияніи на человѣческую жизнь сверхъестественныхъ силъ, именно дьявола. Вильмаръ утверждалъ, что видѣлъ собственными глазами врага человѣческаго рода, отвратительно скрежетавшаго зубами.

И, если въ настоящее время ортодоксія уже не проявляется въ столь устарѣлыхъ формахъ, она тѣмъ не менѣе остается весьма реальной силой. Она не только сохраняетъ сплоченную группу убѣжденныхъ сторонниковъ, но и считается естественной союзницей королевской власти въ борьбѣ съ революционными партіями. Такимъ образомъ, союзъ трона и алтаря, въ которомъ Шлейермахеръ нѣкогда видѣлъ одну изъ самыхъ серьезныхъ опасностей для церкви, продолжаетъ существовать и нынѣ. Политическій и религиозный консерватизмъ охотно соединяется вмѣстѣ противъ невѣрующихъ въ положительные религиозные и монархическіе догматы.

Неоспоримо, что борьба между положительной и отрицательной тенденціями, между конфессіонализмомъ ортодоксовъ и субъективизмомъ «невѣрующихъ», составляетъ для нѣмецкаго протестантизма серьезную проблему. Враждебные реформаціи критики неоднократно указывали на неудобства и опасности этого положенія.

Указываютъ на тяжелое положеніе пастора, который усвоилъ во время своихъ университетскихъ занятій данныя современной науки о религіяхъ. Онъ болѣе не вѣритъ ни въ догматы, ни въ историческіе элементы христіанства. Но въ своемъ приходѣ онъ вынужденъ проповѣдывать эти догматы, объяснять и комментировать великія событія священной исторіи. Онъ можетъ выйти изъ этого тяжелаго положенія лишь при помощи двусмысленностей, молчаливыхъ ограниченій, уловокъ символичес-

сакого тлумачення і постійно ризикує навлечь на себе позорне обвинення в тому, що він не вірить в істини, які він проповідує своїм прихожанам. Вказують на те, що протестантизм вимушений підтримувати визначену обрядність при здійсненні крещення, причастія, рукоположення і в відомих випадках користуватися апостольським символом віри. С з іншої сторони, відзначають те відхилення, яке викликає у багатьох примусове висловлення формул, які, з їхньої точки зору, не виражають змісту християнської віри, не збігаються з їхніми внутрішніми переконаннями, і, в будь-якому випадку, порушують свободу індивідуальної совісті.

Особливо великі труднощі для протестантизму складає постановка релігійної освіти в університетах. Німецький пастор є учнем професорів теології, екзегетики, церковної історії, належних дуже часто до самого передового напрямку в протестантизмі і руйнівних в ньому віру в позитивні і історичні елементи релігії. С з іншої сторони, він підпорядкований адміністративним властям, які прагнуть—по крайній мірі формально—підтримувати більше або менше строгий ортодоксизм і усувають з церковної служби занадто сміливих інакомислячих або занадто явних невіруючих. Між інтелектуальним меншітвом, яке панує в університетах і працює над розвитком розуму і совісті майбутніх пасторів, і масою віруючих і офіційними властями, які управляють церквою, існує постійне внутрішнє протиріччя. Неудобства такого положення бачаться в очах. Відомо, що змінити його дуже важко. С з тим повинні рахуватися власті, з представниками яких ортодоксизм, який не визнають за неві-

рующими права руководить общинами вѣрующихъ протестантовъ, или же съ свободомыслящими, требующими для себя свободы совѣсти и права на свободное изслѣдованіе? Откажутся ли онѣ признать требованія сторонниковъ традиціи? Но въ такомъ случаѣ онѣ рискуютъ затронуть искреннія убѣжденія самыхъ ревностныхъ и многочисленныхъ вѣрующихъ лишь для того, чтобы оставить во главѣ прихода свободомыслящаго, который, можетъ-быть, не имѣетъ даже права называть себя «христіаниномъ»! Или же онѣ должны выступить противъ прогрессивныхъ и удалить изъ университетовъ невѣрующихъ профессоровъ? Но тогда онѣ окажутся въ противорѣчій съ основнымъ принципомъ протестантизма, и, посягнувъ на независимость научнаго преподаванія, рискуютъ быть обвиненными въ желаніи контролировать во имя религіи свободное изслѣдованіе! Чтобы избѣжать эту Сциллу и Харибду, администрація старается осторожно лавировать между обѣими партіями и не портить окончательно своихъ отношеній ни съ тѣми, ни съ другими. Она, такимъ образомъ, невольно содѣйствуетъ распространенію духа двусмысленности и компромисса въ ущербъ свободному выраженію своихъ мнѣній. Она создаетъ тяжелое и ложное положеніе какъ разъ для тѣхъ представителей духовенства, которые не умѣютъ вступать въ сдѣлку съ своей совѣстью въ научныхъ, моральныхъ и религіозныхъ вопросахъ.

Итакъ, мы видимъ, къ какой ужасной антиноміи привело въ Германіи развитіе протестантскаго духа. Протестантская интеллигенція пришла къ чисто субъективной религіи, которая не требуетъ отъ вѣрующаго обязательнаго признанія какихъ-либо метафизическихъ, моральныхъ или историческихъ догматовъ. Между этимъ идеальнымъ протестантизмомъ и протестантизмомъ традиционнымъ и положительнымъ разверзается все болѣе глубокая пропасть.

такъ что возникаетъ вопросъ, способенъ ли протестантскій духъ создать «религію», т. е., вѣру, объединяющую цѣлую группу вѣрующихъ, и не является ли онъ лишь разлагающимъ ферментомъ, который разрушаетъ все положительное содержаніе христіанства, растворяя его въ неопредѣленную религіозность, лишенную всякой притягательной силы и не способную стать руководящимъ принципомъ дѣйствительной религіозной общины.

II. Протестантская церковь.

Мы сейчасъ видѣли, какія затрудненія испытываетъ протестантизмъ при установленіи обязательнаго для всѣхъ вѣрующихъ credo. Внутреннее противорѣчіе протестантизма станетъ для насъ еще болѣе яснымъ, если мы рассмотримъ эволюцію протестантской церкви.

Средніе вѣка видѣли въ церкви сверхъестественное, чудесное учрежденіе, созданное самимъ Богомъ для спасенія грѣховнаго человѣчества. Клирики, одни обязанные соблюдать во всей строгости правила жизни Христовой, образуютъ граціозную іерархію, подчиненную одной изъ самыхъ суровыхъ дисциплинъ, какія только знаетъ исторія. Въ обѣихъ параллельныхъ группахъ свѣтскаго и монашествующаго духовенства господствуетъ долгъ самаго безусловнаго повиновенія. Сами епископы и главы орденовъ преклоняются передъ верховнымъ авторитетомъ папы, верховнаго вождя христіанства и намѣстника Бога на землѣ. Отдѣленный отъ духовенства высокимъ барьеромъ простой свѣтскій человѣкъ, который «остается въ мірѣ» и подчиняется правиламъ лишь «достаточной» морали, находится подъ вѣчной опекой. Священникъ, которому таинство рукоположенія сообщаетъ силу благодати, является единственнымъ носителемъ истиннаго ученія; онъ одинъ имѣетъ привилегію читать и толковать Библію. Вѣру-

ющій всегда остается въ зависимости отъ догмата, священника, культа. Онъ можетъ получить спасеніе лишь въ лонѣ церкви и черезъ ея посредство.

Протестантизмъ, какъ замѣчаетъ Паризе, съ самаго начала стремится опрокинуть эту іерархическую организацію церкви. Отрицая авторитетъ папы и епископовъ, онъ разрушаетъ все зданіе іерархіи. Съ другой стороны, онъ стираетъ признаваемый католицизмомъ различіа между священникомъ и простымъ вѣрующимъ, между «духовной» и «мірской» жизнью, между «вышей» моралью и моралью «достаточной». Правда, онъ сохраняетъ духовенство, пасторовъ. Но послѣдніе не составляютъ іерархической организаціи. Различія по сану почти совершенно уничтожены. Всѣ пасторы подчиняются одинаковой дисциплинѣ. Жизненные условія также почти одинаковы для всѣхъ. Съ другой стороны, никакая стѣна не отдѣляетъ пасторовъ отъ ихъ паствы. Таинство рукоположенія уничтожено. Уничтожены также обѣты, которые дѣлаютъ изъ католическаго клирика особое существо. Пасторъ можетъ жениться и имѣть семью. Онъ не является хозяиномъ даже въ собственной церкви, ибо въ исправленіи должности ему помогаютъ коллегія мірянъ и государственные чиновники. Слѣдовательно, согласно протестантскимъ идеямъ въ дѣйствительности уже нѣтъ ни духовенства въ смыслѣ замкнутой специальной корпораціи, ни церкви, имѣющей собственную жизнь и образующей независимую силу.

Католической концепціи церкви, строго іерархизованной и стремящейся превратиться въ теократію, протестантизмъ противопоставляетъ понятіе всеобщаго священства. Всякій вѣрующій является священникомъ. Церковь—всюду, гдѣ двое или трое соберутся во имя Божіе, гдѣ одинъ вѣрующій уединенно обращается съ своей молитвой къ Вѣчному. Эта концепція формулирована съ полной ясностью у Шлейермахера. Идеальная церковь, «государство Божіе», какъ

онъ ее называетъ, имѣеть своею единственною цѣлью плодотворный обмѣнъ релігійными впечатлѣніями, общеніе въ релігійныхъ переживаніяхъ. «Всякій человѣкъ — священникъ, когда онъ привлекаетъ къ себѣ другихъ въ ту область, съ которой онъ особенно освоился и гдѣ онъ можетъ проявить свои высшія способности. Всякій человѣкъ — мірянинъ, когда онъ подчиняется руководству другого, чтобы проникнуть въ области релігіи, до тѣхъ поръ бывшія ему чуждыми». Въ этомъ государствѣ нѣтъ ни кастъ, ни церковной тиранніи. Оно образуетъ — «народъ священниковъ», идеальную республику, гдѣ каждый поочередно является то начальникомъ, то подчиненнымъ. Нѣтъ также сектъ, потому что свободно возникающія общества не стремятся къ разобщенію и связаны другъ съ другомъ нечувствительными переходами. Въ лонѣ идеальной церкви люди живутъ мирно, не стремятъ обращать другъ друга въ свою вѣру. Они сознаютъ свое участіе въ релігіи коллектива, въ той «безконечной релігіи», частицами которой являются всѣ отдѣльныя релігіи, но охватить которую во всей ея цѣлости не можетъ ни одна изъ изъ нихъ.

Такимъ образомъ, протестантизмъ стремится къ релігій безъ духовенства и устанавливаетъ всеобщее священство. Но практически, ни одна релігія не можетъ существовать безъ церковной организаціи. Поэтому, образовалась и протестантская церковь. Правда, въ Германіи особенно въ Пруссіи, эта церковь во многихъ отношеніяхъ находится въ противорѣчій съ самыми интимными тенденціями протестантскаго духа.

Отмѣтимъ сначала, что при своемъ возникновеніи протестантизмъ подобно католицизму признаетъ сверхъестественный характеръ церкви, точно также, какъ и идею христіанскаго общества, *Corpus christianum*, слагающагося въ результатъ гармоническаго сотрудничества церкви и

государства. Мало того, протестантизмъ, отказываясь отъ системы католической іерархіи, вступаетъ съ государствомъ въ гораздо болѣе тѣсную связь, чѣмъ католицизмъ. Дѣйствительно, онъ передаетъ верховной власти христіанскихъ государей заботу о поддержаніи христіанскаго общества. Онъ не сомнѣвается ни на минуту, что на этихъ государяхъ дѣйствительно лежитъ печать чистѣйшаго христіанскаго духа, и что они добросовѣстно выполнять лежащую на нихъ задачу.

Результатомъ отказа духовенства отъ организаторской власти является административное подчиненіе новыхъ церквей государству. Въ Пруссіи, гдѣ въ XVIII вѣкѣ возникла могущественная монархія Гогенцоллерновъ, церковь быстро превращается въ настоящее государственное учрежденіе. Прусскій король смотритъ на себя, какъ на высшаго главу всѣхъ церквей своего государства. Онъ носитъ званіе верховнаго епископа (*summus episcopus*). Въ силу этого званія онъ управляетъ церковью и оказываетъ ей покровительство: опредѣляетъ службу пасторовъ и церковную дисциплину, строго надзираетъ за проявленіями въ церковной жизни свободной инициативы вѣрующихъ, ограничиваетъ власть, которую древніе обычаи предоставляли пасторамъ или церковнымъ корпораціямъ. Государство, такимъ образомъ, становится опекуномъ церкви; пасторы дѣйствуютъ, какъ королевскіе чиновники или какъ сотрудники королевскихъ чиновниковъ въ сферѣ преподаванія, общественной благотворительности, правосудія, даже самой церкви. Ибо имъ иногда поручаютъ обнародовать указы, и они должны публично молиться за короля и проповѣдывать повиновеніе его приказаніямъ. Прусское государство, сосредоточившее въ себѣ всю общественную жизнь, въ концѣ концовъ, вбираетъ въ себя самую церковь и создаетъ при ея содѣйствіи своего рода государственную религію. Повиновеніе прусской дисциплинѣ,

принятое протестантизмомъ въ качествѣ догмата, возведено въ высшую добродѣтель, въ религіозное убѣжденіе, обязательное какъ для монарха, такъ и для послѣдняго изъ его подданныхъ.

Этотъ тѣсный союзъ между трономъ и алтаремъ, между прусскимъ государствомъ и протестантской церковью, принесъ извѣстную пользу и церкви, и странѣ, но болѣе всего государству. Церковь получила благодаря нему безопасность, богатство, матеріальное могущество. Соединивъ свою судьбу съ судьбой прусскаго королевства, она приняла участіе въ побѣдахъ послѣдняго. Тѣсный союзъ между свѣтской и духовной властями въ извѣстныхъ отношеніяхъ оказался благодѣяніемъ и для страны. Въ католическихъ странахъ, гдѣ государство и церковь являются независимыми, а иногда и соперничающими силами, въ совѣсти вѣрующихъ всегда возможенъ конфликтъ между религіозными и гражданскими обязанностями. Ничего подобнаго не можетъ случиться въ Пруссіи, гдѣ національное чувство составляетъ одно цѣлое съ религіозной вѣрой и моралью, и гдѣ народъ въ рѣшительные моменты своей національной жизни, въ 1813 году, а можетъ-быть и въ 1870, безъ всякаго лицемерія былъ убѣжденъ, что сражается одновременно за своего короля и своего Бога. Наконецъ, для прусской монархіи поддержка церкви была одной изъ наиболѣе цѣнныхъ опоръ. Монархія использовала авторитетъ религіи для поддержанія общественнаго порядка. Она возложила на духовенство обязанность проповѣдывать повиновеніе, смиреніе, подчиненіе установленнымъ властямъ и бороться съ духомъ недовольства и возмущенія въ свѣтскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, она стремилась сдѣлать изъ церкви помощницу полиціи и ввести духовенство въ ряды консервативной партіи.

Однако, этотъ союзъ между церковью и государствомъ не могъ продолжаться долго влѣдствіе одной весьма важ-

ной причины. Государство мало-по-малу секуляризируется. Оно перестает быть «христианским», оно уже не ставит своею задачей осуществленія воли Божіей на землѣ. Оно превращаетъ себя въ суверенную и автономную власть. Оно не знаетъ иныхъ цѣлей, кромѣ усиленія своего земнаго благосостоянія, кромѣ стремленія къ могуществу. Къ этому могуществу оно стремится въ своихъ собственныхъ интересахъ, а не для того, чтобы отдать его на службу церкви и ея духовнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, церковь и государство, разрывая свой вѣковой союзъ, идутъ теперь своими собственными путями. Церковь стремится установить свое духовное царство. Государство посвящаетъ всѣ силы исключительно своимъ собственнымъ задачамъ и все менѣе интересуется судьбами церкви. Оно перестаетъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь церкви и не стремится болѣе поддерживать въ чистотѣ ортодоксальное ученіе. Оно провозглашаетъ свой нейтралитетъ въ религіозныхъ дѣлахъ, становится терпимымъ, обезпечиваетъ различнымъ исповѣданіямъ свободу совѣсти и свободное отправленіе культа. Впрочемъ, государство продолжаетъ осуществлять свой надзоръ надъ церковью. Но такъ оно поступаетъ уже не въ интересахъ церкви, а въ своихъ собственныхъ интересахъ. Оно заботится лишь о томъ, чтобы церковь не шла наперекоръ его намѣреніямъ и не нарушала общественнаго мира. Въ остальномъ оно не вмѣшивается въ ея дѣла. Оно предоставляетъ церковь самой себѣ, разрѣшая ей добиваться достиженія своихъ цѣлей всѣми средствами, какія она сама сочтетъ подходящими.

Эта эволюція протекаетъ очень медленно. Въ настоящее время она завершилась и пришла къ своимъ конечнымъ слѣдствіямъ лишь въ Америкѣ. Однако, очевидно, что идея сувереннаго государства, преслѣдующаго исключительно развитіе своего могущества и индифферентнаго въ принципѣ ко всякому религіозному идеалу, все настой-

чивѣ выступаетъ въ современномъ сознани, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Германіи, традиціонная связь, соединявшая церковь съ государствомъ, еще не окончательно порвана.

Это новое отношеніе государства повлекло за собой и новое пониманіе миссіи и природы церкви.

По мѣрѣ того, какъ въ современномъ обществѣ вырабатывается понятіе сувереннаго государства, и въ протестантскомъ сознани развивается понятіе религіознаго субъективизма, испытываетъ радикальную трансформацию и понятіе церкви. Для католицизма и первоначальнаго протестантизма церковь была божественнымъ учрежденіемъ, абсолютнымъ чудомъ. Для современнаго протестанта все болѣе выясняется, что религіозное «чудо» состоитъ не во внѣшнемъ фактѣ, какимъ является образованіе церкви, дарующей людямъ вѣчное спасеніе, а напротивъ въ чистомъ внутреннемъ фактѣ «обращенія», индивидуальнаго религіознаго озаренія. Изъ Евангелія Іисуса вытекаетъ жизненный принципъ, который, вліяя на людей, постепенно объединялъ все возрастающее число послѣдователей въ болѣе или менѣе полномъ духовномъ общеніи. Тожественность опредѣленныхъ религіозныхъ переживаній создала общину, а община создала церковь. Такимъ образомъ, церковь мало-по-малу перестаетъ разсматриваться какъ фактъ сверхъестественнаго порядка. Она есть человѣческое учрежденіе, подверженное такимъ же измѣненіямъ и такой же эволюціи, какъ и породившее ее религіозное чувство. Она представляетъ изъ себя соединеніе индивидовъ, которые объединены одними и тѣми же религіозными чувствами и свободно группируются, чтобы дѣлиться своими впечатлѣніями и переживаніями. Она есть корпорація, образовавшаяся путемъ добровольнаго присоединенія вѣрующихъ и способная принимать столько формъ, сколько существуетъ особыхъ оттѣнковъ въ развитіи христіанской

мысли. Такимъ образомъ, нѣтъ болѣе единой церкви, установленной самимъ Богомъ и работающей вмѣстѣ съ государствомъ надъ развитіемъ христіанской жизни. Существуетъ множество церквей, соответствующихъ разнообразію индивидуальныхъ религіозныхъ переживаній и являющихся человѣческими и несовершенными попытками установить въ конкретной и точной формѣ христіанскую идею, не носившую конфессіональнаго характера въ своей первоначальной чистотѣ.

Такимъ образомъ, церковь въ одно и то же время и едина, и бесконечно разнообразна. Она не должна быть, какъ сказала Шлейермахеръ, ни государственнымъ учрежденіемъ, ни множествомъ мелкихъ сектъ, рѣзко разграниченныхъ между собой и враждебныхъ другъ другу. Подобно тому какъ религія едина, непрерывна и бесконечна, церковь станетъ только тогда истинной школой религіи, когда она вмѣсто того, чтобы расчленяться на рядъ рѣзко дифференцировавшихся другъ отъ друга индивидуальностей, станетъ «текучей и аморфной массой, лишенной опредѣленныхъ очертаній, гдѣ каждая часть находится то здѣсь, то тамъ, и гдѣ всѣ элементы мирно смѣшиваются вмѣстѣ». Такимъ образомъ, въ протестантскомъ сознаніи на мѣсто понятія оффиціальной государственной церкви стало мало-по-малу понятіе свободныхъ церквей.

Конечно, эта замѣна произошла не сразу. Оффиціальная церковь не перестала существовать въ Германіи. Она лишь нечувствительнымъ образомъ оказалась въ противрѣчій съ духомъ протестантизма.

Государи старались по мѣрѣ возможности примирить свои мірскія задачи, какъ повелителей автономныхъ свѣтскихъ государствъ съ своими духовными задачами, какъ главъ національныхъ церквей. Но, въ концѣ-концовъ, оказалось, что они остались прежде всего свѣтскими государями, незамѣтнымъ образомъ поставили религію на службу госу-

дарству и нанесли духовному авторитету церкви тяжелый ущербъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка Шлейермахеръ краснорѣчиво клеймитъ гибельный для церкви союзъ, соединившій ее съ государствомъ. «О если бы небу было угодно,—воскликаетъ онъ,—чтобы для всѣхъ главъ государства, для всѣхъ виртуозовъ и художниковъ политики навсегда оставалось чуждымъ самое отдаленное предчувствіе того, что представляетъ изъ себя религія! О если бы никого изъ нихъ никогда не охватывалъ этотъ эпидемическій энтузіазмъ, разъ они не умѣютъ отдѣлять своей индивидуальности отъ своихъ функций и ихъ общественнаго характера... Вы въ правѣ желать, чтобы край священнической рясы никогда не касался пола королевскихъ палатъ. Пусть такъ! Но предоставьте же и намъ пожелать, чтобы пурпуръ никогда бы не цѣловалъ пыли у алтаря... Пусть бы ни одинъ государь никогда не переступалъ черезъ порогъ храма, не сложивъ съ себя у его вратъ самое соблазнительное украшеніе королевскаго званія, рогъ изобилія своихъ милостей и отличій!»

Союзъ съ государствомъ,—прибавляетъ Шлейермахеръ,—развращаетъ церковь. Она допустила навязать себѣ политическія и соціальныя задачи, несомѣстимыя съ чистымъ проявленіемъ религіознаго чувства. Государство свалило на церковь заботу о воспитаніи народа, обязавъ ее дать ему первоначальное образованіе и внѣдрить въ него извѣстныя нравственныя понятія. Оно профанировало символическіе акты церкви,—крещеніе, евхаристію, бракъ, похоронный обрядъ,—приравнявъ ихъ къ цивильнымъ актамъ. Оно присвоило себѣ право замѣщать церковныя должности. И, такъ какъ оно требовало отъ духовенства службы, не имѣющей ничего общаго съ религіей, то оно, въ концѣ концовъ, изъяло управленіе церковью изъ рукъ дѣйствительно религіозныхъ людей. Такимъ образомъ, оно лишило церковь свободы и автономіи, безъ которыхъ она

неспособна выполнять свою истинную миссию. — готовить души к восприятию религиозного откровения.

Так происходит решительный разрыв между религиозным духом и официальной церковью. Современный немецкий протестант — субъективист. Для него истинная церковь не политическое и социальное учреждение, а «Град Божий», о котором мечтал Шлейермахер, идеальная церковь, соединяющая в духовной общине всех тех, кого увлекает к Божеству одинаковый мистический порыв души. Эта идеальная церковь практически должна воплощаться в безконечном разнообразии свободных церквей, возникающих путем добровольного соединения верующих. Официальная церковь, ставшая консервативной, превратившаяся в простой государственный орган, является с этой точки зрения архаизмом, пережитком старого порядка, не имеющим права на существование в настоящее время. всюду наблюдается все возрастающее отращение к ней со стороны населения. Большие города превратились в «духовные кладбища». Вне официального мира, который по примеру императора исповедует строгий евангелизм, почти уже нет верующих. Прозвѣщенная буржуазия соблюдает религиозные обряды при важных актах жизни по традиции и из приличия и видит в религии спасительную узду для того, чтобы удерживать народные массы в повиновении. Но она совершенно потеряла живую веру, искреннюю религиозную потребность. Что же касается до рабочих масс, подвергнувшихся сильному влиянию со стороны социализма, то они проявляют к ней лишь индифферентизм или враждебность. Они большей частью видят в священнике помощника полиции и думают, что церковь «работает скорее для блага трона и безопасности денежных суммов, чѣм для славы Божией». В деревнях проповѣдь и преподавание пастора, повидимому, также остается

почти безъ всякаго вліянiя на душу крестьянъ и общественную правдивность.

Въ общемъ, всюду отмѣчается паденіе жизненной силы оффиціальной церкви. Она поддерживается искусственно, благодаря энергичной помощи правительства, въ обществѣ, ставшемъ индефферентнымъ къ ея дѣятельности. Прусскіе государи продолжаютъ относиться весьма серьезно къ своимъ функціямъ, какъ верховныхъ епископовъ (*Summus episcopus*) королевства. Они стараются поддержать въ протестантской церкви извѣстную связь и извѣстное единство. Фридрихъ-Вильгельмъ IV провелъ въ своемъ государствѣ объединеніе всѣхъ исповѣданій, выпешдшихъ изъ реформаціи, установивъ путемъ декретовъ нѣкоторые компромиссы между ними въ сферѣ догматовъ. Точно также Вильгельмъ II дѣятельно защищаетъ интересы протестантизма, самъ выступая съ публичной рѣчью въ защиту божественности Христа, возставая въ извѣстной телеграммѣ противъ политическихъ и соціальныхъ происковъ «христіанско-соціальной» партіи, пытаясь бороться съ релігійнымъ индефферентизмомъ постройкой новыхъ храмовъ въ Берлинѣ. Но всѣ эти усилія не могутъ влить въ оффиціальную церковь новой жизни. Она становится все болѣе и болѣе анахронизмомъ, помѣхой нормальному развитію протестантскаго принципа. Протестантскій духъ продолжаетъ развиваться въ теченіе XIX вѣка, все болѣе спиритуализируя релігійную идею, порождая новую библейскую науку и теологію, неутомимо стремясь примирить въ смѣломъ синтезѣ науку и релігію. Но, по мѣрѣ того какъ онъ развивается, ему становится все тѣснѣе въ узкихъ рамкахъ государственной церкви, этого наслѣдія отжившей эпохи, которое не удовлетворяетъ уже современной души. Словомъ, оффиціальная церковь представляетъ изъ себя теперь тѣло безъ души, зданіе, гордый фасадъ котораго плохо скрываетъ внутреннее разрушеніе.

Повидимому, церковная организація евангелической Гер-

маніи еще нешла своей окончательной формы, и въ настоящее время находится въ переходномъ состояніи отъ системы государственныхъ церквей, *Landeskirchen*, къ системѣ свободныхъ церквей, *Freikirchen*. Въ Германіи теперь существуетъ не только весьма значительное число самоуправляющихся сектъ, возникшихъ изъ пѣтитистскаго движенія, но и официальная церковь все болѣе и болѣе стремится къ самостоятельной жизни. Положеніе 1873—76 гг., развивая синодальныя учрежденія, дало вѣрующимъ возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ церковной жизни. Правда, еще и теперь евангелическая церковь, зависящая во всей области внутренняго законодательства отъ правительственнаго согласія, можетъ-быть, менѣе свободна, чѣмъ католическая церковь, освободившаяся отъ этой опеки благодаря культуркампу. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что первые шаги въ направленіи къ церковной автономіи уже сдѣланы. Какъ далеко зайдетъ Германія по этому пути? Рѣшатся ли когда-нибудь протестантская церковь и государство на опасную попытку полнаго разрыва? У насъ нѣтъ никакихъ указаній на то, что это радикальное рѣшеніе будетъ принято въ ближайшемъ будущемъ. Даже среди «современныхъ» протестантовъ есть люди, которые полагаютъ, что синодальный строй создастъ больше препятствій для свободнаго богословскаго изслѣдованія, чѣмъ государственная администрація, и потому относятся съ извѣстной симпатіей къ системѣ *Landeskirchen*. Въ общемъ же, новѣйшіе историки церкви охотно признаютъ, что, по выраженію Трельча, «протестантизмъ въ цѣломъ и какъ духовный принципъ, и какъ церковь переживаетъ развитіе, исходнымъ пунктомъ котораго является идея независимости».

Это положеніе имѣетъ свои неудобства и опасности. Здѣсь опять вскрывается то основное противорѣчіе протестантизма, на которое мы уже указывали. Онъ стре-

мится стать чисто дүховной и внутренией релігіей, безъ догматовъ, безъ священниковъ и жертвоприношеній, безъ добрыхъ дѣлъ и внѣшнихъ обрядовъ. И все-же, чтобы жить конкретною жизнью и развивать внѣшнюю дѣятельность, онъ вынужденъ провозгласить извѣстное credo, связать себя съ историческимъ и традиціоннымъ прошлымъ христіанства и конституироваться въ церковь. Такимъ образомъ, можно задать вопросъ, не будетъ ли протестантскому духу тѣсно въ рамкахъ всякой церкви, и съ другой стороны, не является ли релігія безъ церкви чистой безмыслицей.

Отвѣты на этотъ вопросъ, вполне естественно, расходятся. Одни, какъ напримѣръ Gouau, настаиваютъ на невозможности примирить релігиозность интеллигенціи съ релігіей массы. Они указываютъ на все растущую пропасть между взглядами просвѣщенныхъ протестантовъ, которые сами творятъ свои вѣрованія, и релігій равнодушной, полувѣрующей массы, которая сама не творитъ своего христіанства, а беретъ его извнѣ и потому остается привязанной къ старымъ формуламъ и исконнымъ обрядамъ. Отсюда они заключаютъ, что протестантизмъ скрываетъ въ себѣ глубокое внутреннее противорѣчіе, которому суждено выступать все рѣзче и рѣзче по мѣрѣ его развитія, и которое неизбѣжно повлечетъ за собой конечное разложеніе протестантскои церкви.

Напротивъ, другіе думаютъ, что протестантизмъ сумѣетъ разрѣшить это противорѣчіе путемъ ряда послѣдовательныхъ приближеній, что, развиваясь, онъ создаетъ переходные типы организаціи, соотвѣтствующіе разнымъ ступенямъ культуры и самосознанія протестантскаго общества. Величіе протестантизма они видятъ именно въ этой способности къ трансформаціи. Релігія, съ этой точки зрѣнія, не есть ничто абсолютное и неизмѣнное, а представляетъ изъ себя нечто вѣчно становящееся, продуктъ стремленія человѣка къ совершенству, плодъ без-

численныхъ и мучительныхъ исканій. Подобно религіи эволюціонировать и видоизмѣняться должна также и сама церковь. Затрудненія, которыя она встрѣчаетъ, противорѣчія, съ которыми она сталкивается, вытекаютъ изъ самой природы вещей; они никогда не смогутъ окончательно исчезнуть. Протестантизмъ проявить свою силу не тѣмъ, что разрѣшить церковную проблему,—это невозможно,—а тѣмъ, что будетъ постепенно подниматься къ все менѣе несовершеннымъ формамъ религіозной общины.

Весь споръ, въ концѣ-концовъ, сводится къ вопросу, имѣетъ ли специфически протестантская идея достаточно жизнеспособности, чтобы оказывать реальное вліяніе на современную жизнь, способна ли она создавать новые компромиссы между религіознымъ традиціонализмомъ и волюнтаристическимъ раціонализмомъ и собирать во имя своихъ идей достаточно многочисленную и компактную группу приверженцевъ. Католики въ общемъ невысоко ставятъ ея притягательную силу. Даже въ самомъ протестантскомъ мірѣ нѣкоторые задаютъ себѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ современный организованный протестантизмъ является еще живымъ принципомъ дѣйствія, активной организаторской силой. Во всякомъ случаѣ, они не скрываютъ отъ себя, что протестантская церковь переживаетъ въ настоящее время кризисъ, разрѣшеніе котораго еще не ясно.

Все-же, къ исходу этого кризиса относятся скорѣе оптимистически, чѣмъ пессимистически. Признаютъ, что положеніе протестантизма въ настоящее время необыкновенно запутано и очень трудно. Протестантизмъ имѣетъ свои корни въ глубокихъ слояхъ націи, въ массѣ, которая чувствуетъ потребность въ организованной религіи, въ церкви съ ея обрядами, ученіями и традиціонными церемоніями. Что касается до интеллигентныхъ верховъ, то они эмансипировались отъ всѣхъ догматическихъ вѣро-

ваній і живуть за огорою церкви; они шукать совершенно самостійно своихъ путей і іти рука-объ-руку со всіма ідеалістическими теченіями епохи противъ чистаго скептицизма і утилітарнаго реалізма, чуждаго всякимъ вишимъ стремленіямъ. Вполнѣ естественно, что этимъ столь разнороднымъ елементамъ иногда бываетъ весьма трудно столковаться. Но сила протестантизма состоитъ именно въ томъ, что онъ соединяетъ въ себѣ оба эти елемента. Въ немъ больше элементарной силы, чѣмъ въ чистомъ философскомъ ідеалізмѣ, потому что онъ имѣетъ свои корни въ народной религіи і опирается на организованную церковь. Онъ стоитъ также выше авторитарныхъ религій, потому что онъ развиваетъ чисто человѣческія ідеалістическія вѣрованія і является, какъ говорятъ его адепты, единственной религіей, къ которой можетъ принадлежать теперь современный свободомыслящій индивидуальность. Итакъ, въ протестантскомъ лагерѣ вѣрятъ въ будущее протестантизма і надѣются, что нѣмецкій геній, одновременно консервативный і прогрессивный, проявитъ достаточную гибкость і изобрѣтательность, чтобы навѣки сохранить религію, столь приспособленную къ основнымъ тенденціямъ расы, не искажая ее безвозвратно ни въ ту, ни въ другую сторону.

ГЛАВА V.

Свободная мысль.

I. Материализмъ.

Въ предыдущей главѣ мы констатировали, что идеализмъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы примирить Разумъ съ Вѣрой и выработать міросозерпаніе, которое бы соответствовало результатамъ позитивной науки и въ то же время удовлетворяло традиціоннымъ религіознымъ потребностямъ современнаго человѣка. Мы не будемъ здѣсь возвращаться къ этому столь оригинальному продукту нѣмецкаго духа, хотя онъ является несомнѣннымъ созданіемъ свободной мысли. Въ этой главѣ мы займемся лишь попытками нѣмецкой мысли окончательно эмансипироваться отъ религіозной традиціи и создать внѣ христіанства или въ сознательной оппозиціи къ нему новое міросозерпаніе и этику на чисто рационалистическихъ и, во всякомъ случаѣ, иррелигіозныхъ началахъ.

Рядомъ съ христіанствомъ и въ прямомъ антагонизмѣ къ нему въ Германіи XIX вѣка развивается воинственный, полный вѣры въ незыблемость своихъ доктринъ, материализмъ, считающій въ настоящее время своихъ сторонниковъ милліонами.

Подготовленный въ 30-хъ и 40-хъ годахъ антихристіанскимъ сенсуализмомъ молодой Германіи и апостоловъ реабилитаціи плоти, богословскимъ радикализмомъ Штрауса и Баура, философскимъ и политическимъ радн-

калізмом Руге і братів Бауеровъ, натурализмом Фей-ербаха, матеріалізмъ господствуєть въ 50-хъ и 60-хъ годахъ надъ нѣмецкой думкою. Главными представителями его являются, съ одной стороны, Фохтъ и Молишотъ, Бюхнеръ и Цольбе, съ другой стороны—Марксъ и Энгельсъ. Торжество эволюціонной теоріи Дарвина въ области естественныхъ наукъ еще болѣе усиливаетъ его успѣхи среди представителей современнаго образованія, между тѣмъ какъ распространеніе среди массъ социализма, а вмѣстѣ съ нимъ и марксистскаго матеріалізма привлекаетъ къ нему безчисленное количество сторонниковъ въ сферѣ практической жизни.

Подвергнувшись въ 70-хъ годахъ рѣшительнымъ нападеніямъ сначала со стороны кантіанства и кантіанской теоріи познанія, а потомъ и со стороны представителей нео-романтизма, матеріалізмъ безспорно потерялъ значительную долю своего вліянія среди высшей интеллигенціи. Но огромный успѣхъ работъ Геккеля, расходящихся въ тысячахъ экземпляровъ, ясно показываетъ, что онъ полностью сохранилъ свое вліяніе на весьма значительную часть образованнаго общества. А его притягательная сила по отношенію къ социалистическимъ массамъ, повидимому, совершенно не уменьшилась. Правда, Эрфуртская программа объявила религію «частнымъ дѣломъ». Соціалистическіе конгрессы неоднократно отклоняли предложенія, ставившія своею цѣлью заставить партію выйти изъ этого нейтралитета и занять болѣе воинственную позицію въ релігійныхъ вопросахъ. Но, если изъ тактическихъ соображеній партія отказывается выставить въ своей программѣ атеизмъ, чтобы не скомпрометтировать своихъ успѣховъ среди опредѣленныхъ элементовъ населенія, то огромное большинство ея членовъ является убѣжденными сторонниками марксистскаго матеріалізма. Своею философіей, на которую опирается его программа, социализмъ рѣшительно противопологаетъ

себя религиозной идеей, и масса его приверженцев, — въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, — признаетъ вмѣстѣ съ Бебелемъ, «что христіанство и социализмъ относятся другъ къ другу, какъ вода и огонь». Повидимому, дѣлавшіяся послѣднее время усилія доказать, что социализмъ не связанъ необходимо съ экономическимъ матеріализмомъ Маркса и можетъ найтти столь же хорошее философское оправданіе въ ученіи Канта, нисколько не измѣнили этого положенія.

Такимъ образомъ, мы должны изслѣдовать, что означаетъ это распространеніе матеріализма.

Его успѣхи зависятъ прежде всего отъ того, что въ немъ видятъ философское ученіе, координирующее результаты естественныхъ наукъ. Онъ внушаетъ довѣріе, потому что его вожди, какъ, напримѣръ, Карлъ Фогтъ и Геккель, являются въ то же время весьма заслуженными естествоиспытателями. Имѣя право говорить отъ имени науки, они, какъ философы, пользуются своимъ вполне законнымъ авторитетомъ ученыхъ. Мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться въ томъ, какъ благодаря удивительнымъ успѣхамъ, достигнутымъ въ теченіе XIX столѣтія естественными науками и раціональной техникой, развилось убѣжденіе, что наука въ силахъ разгадать міровыя загадки, установить для людей нормы ихъ поведенія и привести человѣчество къ счастью. Предлагаемый извѣстною частью ученыхъ и принимаемый массовой публикой, какъ научная философія по преимуществу, матеріализмъ воспользовался тѣмъ огромнымъ престижемъ, которымъ обладаетъ позитивная наука. Подобно матеріализму Демокрита, Эпикура и Лукреція, подобно матеріализму Ламенттри и Гольбаха, современный нѣмецкій матеріализмъ возникъ на почвѣ энтузіазма, вызваннаго великими научными открытіями эпохи, и увѣренности, что метафизическое объясненіе міра вполне можно построить на чисто научной основѣ.

Онъ явился, далѣе, результатомъ той общей реалистической тенденціи, которая представляетъ изъ себя одну изъ характерныхъ чертъ современной эпохи и имѣетъ свои корни въ развитіи духа капиталистическаго предпринимательства. Подобно тому какъ Германія въ теченіе XIX вѣка съ всею большей и большей сознательностью устремляется къ завоеванію экономическаго и политическаго могущества, подобно тому какъ буржуазія въ частности, отодвигая на второй планъ стремленіе къ культурѣ и политической свободѣ, напрягаетъ все свои силы для завоеванія богатства, подобно тому какъ искусство эволюціонируетъ отъ романтическаго субъективизма къ современному натурализму, такъ и въ области философіи внѣшняя и матеріальная реальность беретъ верхъ надъ идеей. Представитель современнаго капиталистическаго предпринимательства всецѣло поглощенъ своими матеріальными расчетами; его захватываетъ все возрастающая быстрота жизненнаго темпа; онъ привыкъ смотрѣть на жизнь какъ на непрерывное и безпредѣльное стремленіе къ богатству, вынужденъ видѣть въ упорномъ трудѣ, въ business, цѣль въ себѣ; онъ создаетъ чисто утилитарную мораль, которая цѣнитъ въ каждомъ дѣлѣ лишь непосредственный, осязаемый, матеріальный успѣхъ и ставитъ высоко лишь тѣ качества, которыя ведутъ къ нему. Поэтому, въ области мысли онъ ближе всего къ материализму, который стремится найти послѣднюю реальность не въ духовномъ принципѣ, а въ конкретной и осязаемой матеріи. Онъ юходно принимаетъ также и эволюціонизмъ, который возводитъ въ универсальный законъ борьбу за существованіе, тотъ законъ конкуренціи, который повластно господствуетъ въ предпринимательскомъ мірѣ.

На другомъ концѣ соціальной лѣстницы стоитъ пролетарій. Онъ трудится въ потѣ лица, безъ передышки, чтобы добыть себѣ насущный кусокъ хлѣба; онъ ви-

дуть, что его благосостоянію и даже самой жизни ежеминутно угрожаютъ силы, противъ которыхъ онъ ничего не можетъ сдѣлать; онъ живетъ въ нищетѣ или, самое болѣе, имѣетъ лишь весьма посредственный достатокъ, хотя непосредственно рядомъ съ собой видитъ огромные матеріальные ресурсы городской жизни. Поэтому, онъ мыслить точно такъ же, какъ предприниматель, и тяготѣетъ къ чисто матеріалистическому пониманію жизни и міра. Аристократическому матеріализму предпринимателей внизу соотвѣтствуетъ нивеллирующій и лишенный горизонта матеріализмъ социалистической массы.

Распространенію матеріализма въ нѣкоторыхъ кругахъ содѣйствуетъ и другая, нѣсколько болѣе специальная причина. Она состоитъ въ своего рода пессимизмѣ, который развивается въ наши дни по отношенію къ требованіямъ чувства. Человѣчество до настоящаго времени находило утѣшеніе въ религіозной гипотезѣ, въ идеѣ безсмертія души, въ надеждѣ на сверхземное правосудіе, которое возмѣститъ всѣ несправедливости жизни и судьбы, въ вѣрѣ въ милосерднаго и всеблагаго Бога, который позаботится о своихъ дѣтяхъ и сжалятся надъ ихъ страданіями. Современный человѣкъ, привыкая полагаться прежде всего на свой разумъ, начинаетъ относиться съ все большимъ недоумѣніемъ къ требованіямъ своего сердца. Ему не только начинаютъ казаться все менѣе правдоподобными *ipso facto* утѣшительныя гипотезы христіанства, но у него развивается своего рода аскетическая честность, которая строго воспрещаетъ ему всякое стремленіе къ потустороннему міру и заставляетъ его стать на сторону теорій, самымъ рѣшительнымъ образомъ выступающихъ противъ свякихъ надеждъ и иллюзій. Такой матеріалистъ, какъ на примѣръ Цольбе, былъ глубоко убѣжденъ, что стремленіе къ вѣчности имѣетъ въ своей основѣ извѣстную душевную слабость, что научная и моральная

честность повелѣваетъ современному человѣку отказаться разъ навсегда отъ всякихъ надеждъ, взглянуть жизни въ лицо и ограничить свои желанія предѣлами земнаго существованія. Разсматриваемый подъ этимъ угломъ зрѣнія, матеріалізмъ является стремленіемъ къ интеллектуальной искренности, усиленіемъ воли, направленнымъ на то, чтобы не усыплять своего сознанія иллюзіями, въ которыя люди были погружены въ теченіе долгихъ столѣтій.

Наконецъ, матеріалізмъ является также отвѣтомъ современного духа на нападки поборниковъ религіи.

Какъ мы видѣли выше, римскій католицизмъ предаётъ анафемѣ «ложную науку», насильственно подавляетъ раціоналистическія стремленія, проявляющіяся въ лонѣ католицизма, и упорно заставляеть человѣческій разумъ склоняться передъ авторитарнымъ принципомъ. Ортодоксальный и піэтистскій протестантизмъ относится къ независимой наукѣ съ неменьшимъ недоверіемъ, чѣмъ католицизмъ. Представители религіи явнымъ образомъ относятся къ разуму съ подозрѣніемъ и враждебностью. Когда власть была въ ихъ рукахъ, они никогда не колебались бороться съ нимъ не только духовнымъ оружіемъ, но и силой, обращаясь для подавленія ересей къ помощи государства. Преслѣдованія, жертвами которыхъ были такіе люди, какъ Фихте, Штраусъ, Бюхнеръ, Молешоттъ, безчисленныя репрессіи, обрушивавшіяся на университеты во время реставраціи, въ царствованіе Фридриха-Вильгельма IV, въ эпоху реакціи, послѣдовавшей за 1848 годомъ, враждебное отношеніе, проявленное ортодоксальнымъ піэтизмомъ ко многимъ представителямъ нѣмецкой интеллигенціи, вызвали въ извѣстной части нѣмецкаго общества сильное негодованіе и распространили убѣжденіе, что между религіей и наукой существуетъ естественный и неизбѣжный антагонизмъ.

Еще большую ненависть церковь вызывала тѣмъ, что она часто выступала, какъ союзница монархіи, противъ революціи, какъ врагъ демократическаго движенія, какъ великая консервативная сила. Которая своими обманчивыми обѣщаніями поддерживаетъ народъ въ состояніи покорности, заставляетъ его склоняться передъ авторитетомъ и традиціей, проповѣдуетъ ему постыдное примиреніе съ своими обѣдствіями, удерживаетъ его отъ энергичной борьбы за свои права и счастье. Благодаря этому матеріализмъ для многихъ явился самой радикальной формой антиклерикализма, законнымъ и рѣшительнымъ объявленіемъ войны давленію церкви и религіи на умы. Я, конечно, не утверждаю ни того, чтобы антагонизмъ между наукой и религіей былъ бы дѣйствительно неизбѣжнымъ фактомъ, ни того, что церковь фатально должна быть тиранической и реакціонной силой. Я лишь констатирую, что исторически она неоднократно проявляла нетерпимость и слишкомъ большое расположеніе къ сильнымъ земли. Матеріализмъ является въ своемъ родѣ классической формой антиклерикальной и антирелигіозной реакціи, которую вызвало это поведеніе церкви.

Впрочемъ, матеріализмъ за послѣднее время, по видимому, утерять часть своего вліянія, по крайней мѣрѣ среди вышихъ слоевъ нѣмецкой интеллигенціи.

Періодъ его расцвѣта приходится на эпоху реакціи, которая слѣдуетъ за переворотомъ 1848 года. Въ это время Карль Фогтъ высмѣиваетъ «вѣру угольщика» своего собрата Рудольфа Вагнера, который пытался установить существованіе «жизненной силы» и субстанціи души. Передовые борцы матеріализма обнаруживаютъ столь большое превосходство надъ своими философскими и учеными противниками, что правительство для того, чтобы заставить ихъ замолчать, должно было лишить Молашотта и Бюхнера ихъ кафедръ. Появленіе «Происхожденія видовъ»

Дарвіна въ 1859 году нанесло спиритуализму, казалось, окончательный ударъ. Д. Ф. Штраусъ, прорывая послѣднюю связь, соединявшюю его съ христіанствомъ, торжественно заявилъ въ «Старой и новой вѣрѣ» (1872 г.) о своемъ переходѣ къ трансформизму и матеріалистическому монизму.

Но въ моментъ появленія книги Штрауса реакція уже началась. Намѣчается «возвращеніе къ Канту»: вырабатывается дѣйствительно научная критика познанія, имѣющая большое философское значеніе. При свѣтѣ этой критики матеріализмъ очень скоро начнетъ казаться метафизической догмой, столь же мало доказанной и доказуемой, какъ и любая идеалистическая система, дерзкой гипотезой о проблемахъ, по отношенію къ которымъ человѣческій разумъ долженъ ограничиться вѣчнымъ «*ignotavimus*». Такимъ образомъ, матеріализмъ не можетъ уже поддерживать свои притязанія на званіе «научной по преимуществу философіи». Въ настоящее время уже не найдется ни одного серьезнаго мыслителя, который бы честно не признавалъ всѣхъ результатовъ позитивной науки и не пытался бы дать имъ возможно болѣе удовлетворительное истолкованіе. Матеріалисты, слѣдовательно, не имѣютъ права на монополію въ этомъ отношеніи. Вопросъ сводится къ тому, какое объясненіе лучше всего считается съ фактами. Объясненіе, даваемое матеріалистами, имѣетъ съ точки зрѣнія кантіанцевъ одинъ существенный недостатокъ: оно игнорируетъ положительные и несомнѣнные результаты критики познанія. Поэтому, его нужно отвергнуть, какъ неудовлетворительное. Матеріалистъ—дилетантъ въ философіи и, пускаясь въ незнакомую ему область, онъ совершаетъ жестокія ошибки.

Если, съ одной стороны, матеріализмъ вызвалъ отпоръ со стороны философовъ-специалистовъ во имя принциповъ

критицизма, то, съ другой стороны, на него обрушились представители нео-романтизма. «Старую и новую вѣру» Штрауса Ницше привѣтствовалъ своимъ рѣзкимъ, какъ ударъ бича, памфлетомъ противъ «образованныхъ филистеровъ» и «сократическаго» рационализма новаго времени. Нѣкогда материализмъ подкупалъ своимъ радикализмомъ. Теперь его превзошелъ и съ презрѣніемъ отбросилъ въ сторону новый еще болѣе крайній радикализмъ, пессимистическій вплоть до нигилизма, скептическій въ силу интеллектуальнаго сознанія, имморальный и антихристіанскій вслѣдствіе высшей утонченности нравственной чистоты. Раньше онъ вербовалъ себѣ сторонниковъ благодаря своимъ демократическимъ тенденціямъ, такъ какъ онъ бралъ въ свои руки дѣло народа и мечталъ о наступленіи на землѣ социальнаго строя, который принесетъ счастье и благосостояніе для всѣхъ. Въ настоящее время его обвиняютъ въ утопизмъ и наивномъ оптимизмъ; высмѣиваютъ его вѣру въ всемогущество науки; указываютъ, что наука не въ состояніи возвратить рай на землю. Материалистамъ бросаютъ упрекъ въ умственной ограниченности или нравственной нечестности, ибо они не хотятъ понять, что, какъ утверждаетъ Ницше, рабство и нищета массы составляютъ постыдную и печальную обратную сторону всякой цивилизаціи, и стараются скрыть банкротство своихъ прекрасныхъ обѣщаній, превознося достоинство труда и провозглашая, что зарабатывать кусокъ хлѣба въ потѣ своего лица благороднѣе, чѣмъ жить въ праздности. Отвергаемый официальными представителями философіи за свою недостаточную научность, материализмъ отвергается и передовыми мыслителями, которые клеймятъ его за его вершительность и «филдстерство».

Тѣмъ не менѣе его кредитъ далеко еще не исчерпанъ. Онъ еще сохраняетъ свое вліяніе на социалисти-

ческія масы и, съ этой точки зрѣнія, остается важнымъ факторомъ духовной жизни Германіи. Впрочемъ, періодически онъ возрождается въ нѣсколько обновленной формѣ. Огромный успѣхъ работъ Геккеля среди широкой публики, несомнѣнно, указываетъ, что онъ сохраняетъ значительное вліяніе на очень большое число умовъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что эти успѣхи на книжномъ рынкѣ не сопровождаются успѣхомъ въ смыслѣ роста философскаго «уваженія». Какъ ни симпатична и ни почтена личность самого Геккеля, научная критика отнеслась весьма сурово къ работѣ великаго популяризатора. За ней не признаютъ никакого философскаго значенія; о «Міровыхъ загадкахъ» говорятъ приблизительно такъ же, какъ о сенсаціонныхъ романахъ съ огромнымъ сбытомъ, матеріальный успѣхъ которыхъ регистрируютъ, отмѣчая, что онъ не дѣлаетъ чести нѣмецкому читателю и служить прежде всего доказательствомъ философской необразованности широкой публики. Въ общемъ мы можемъ сказать, что въ настоящее время матеріализмъ еще увлекаетъ массы, но уже не имѣетъ вліянія на нѣмецкую интеллигенцію. Последняя, новидимому, относится къ нему гораздо болѣе строго, чѣмъ французская. Она не питаетъ большаго уваженія къ этому міросозерцанію, которое кажется ей старомоднымъ, мало научнымъ, претенціозно ограниченнымъ и пригоднымъ, самое большее, для широкой массы необразованныхъ или полубразованныхъ, готовыхъ безъ критики внимать оракуламъ сомнительной мудрости.

II. П о з и т и в и з м ъ .

Въ своей системѣ Гегель хотѣлъ объяснить разумное развитіе міра. Убѣжденный въ тождественности Мышленія и Бытія, въ томъ, что идеи не только соотвѣтствуютъ ре-

альностямъ, какъ изображенія изображаемымъ въ нихъ предметамъ, но и составляютъ самую сущность бытія, что наука о мышленіи или логика совпадаетъ съ наукой о бытіи или метафизикой, онъ думалъ, что можетъ дать интегральное и вполне удовлетворительное объясненіе тайны мірозданія. Изображая развитіе Разума, который возвышается отъ Логики до Философіи Природы, затѣмъ до Философіи Субъективнаго Духа (психологія) и Философіи Объективнаго Духа (философія права и исторіи) и, наконецъ, до Философіи Абсолютнаго Духа (философія искусства, религіи, философіи), онъ думалъ описать вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ, путемъ котораго Духъ достигаетъ самосознанія, и процессъ возникновенія самой Вселенной.

Въ противоположность этому метафизическому догматизму развился современный позитивизмъ. Подобно матеріализму, позитивизмъ противопоставляетъ спекулятивному методу идеализма экспериментальный методъ объективныхъ наукъ, подвергаетъ сомнѣнію тождественность мышленія и бытія, отрицаетъ всякую объективную цѣнность за грандіозными, но произвольными конструкціями спекулятивнаго разума. Но, въ то время какъ матеріализмъ ставитъ на мѣсто идеалистическаго догматизма Гегеля не менѣе рѣзкій въ своихъ утвержденіяхъ натуралистическій догматизмъ и въ свою очередь хочетъ дать метафизическое объясненіе міра, позитивизмъ противопоставляетъ всякой метафизикѣ радикальный скептицизмъ. Онъ предпринимаетъ генеральную ликвидацію прошлаго философіи и отвергаетъ всё сдѣланнаго до сихъ поръ попытку общаго объясненія вселенной, объявляя ихъ несостоятельными и лишенными всякой научной цѣнности.

Онъ стремится поставить въ философіи на мѣсто спекулятивнаго метода великихъ представителей идеализма объективное и тщательное наблюденіе дѣйствительности, экспериментальный методъ, который далъ столь прекрасные

результаты, примѣненный къ естественнымъ наукамъ. Такъ въ XIX вѣкѣ развивается все болѣе строгая эмпирическая психологія. Подготовленная Гербартомъ и особенно Бенеке, разработанная въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ въ капитальныхъ трудахъ Эрнста Генриха Вебера, Лотце, Гельмгольца, Вундта, развитая позднѣе въ работахъ Эббингауза, Липса, Маха, Ремке, Гефдингга и Паульсена, она представляетъ изъ себя въ настоящее время цвѣтущую науку, которая покоится на огромномъ количествѣ точныхъ наблюдений и накопляетъ все большія массы матеріаловъ, описаній, положительныхъ фактовъ, имѣя въ виду создать полную естественную исторію психическихъ фактовъ.

Стараясь превратить философію въ экспериментальную науку, позитивизмъ, съ другой стороны, стремится провести точное разграниченіе между проблемами, которыя могутъ получить научное разрѣшеніе, и проблемами, которыя остаются въ конечномъ счетѣ недоступными разуму, другими словами, точно опредѣлить границы, черезъ которыя человѣческое познаніе не въ состояніи перейти. Съ этой цѣлью онъ возрождаетъ критицизмъ Канта, мудрую осторожность котораго онъ противопоставляетъ безразсудной спекулятивной философіи послѣдующей эпохи. «Возвратъ къ Канту» провозглашаетъ въ 1847 году Христіанъ Германъ Вейсе, проповѣдуетъ въ 1862 году Эдуардъ Целлеръ, позднѣе Ф. Альбертъ Ланге, Отто Либманъ, Куно Фишеръ. Возникаетъ кантіанская филологія, столь же точная и детальная, какъ и гёттевская филологія; ея органомъ служить съ 1896 года спеціальныи журналъ «Kantstudien»; въ 1900 году берлинская академія наукъ начинаетъ выпускать монументальное критическое изданіе Канта. Одновременно возникаетъ нео-кантіанская школа. Слѣдуя Канту, она выдвигаетъ принципъ, что за предѣлами опыта, для человѣка не можетъ быть дѣйствительнаго познанія и что, слѣдовательно,

относительно вещи въ себѣ, относительно трансцендентнаго невозможно никакое научное утвержденіе. Такимъ образомъ, она рѣшительно изгоняетъ всякую метафизику и видитъ основную задачу философіи въ критикѣ познанія, въ опредѣленіи послѣднихъ принциповъ, или постулатовъ, на которыхъ покоятся положительныя науки. Одни изъ неокантіанцевъ, какъ на примѣръ Ланге, Либманъ, Германъ Когенъ, Алоизъ Рилъ, остаются относительно вѣрными догтриѣ своего учителя. Другіе значительно удаляются отъ Канта. Одни, какъ Лаасъ, Шуппе, Ремке, фонъ-Шубертъ-Зольдернъ, опираясь одновременно и на Канта и на Юма, приближаются къ феноменализму и стремятся къ возможно болѣе точному анализу непосредственныхъ данныхъ сознанія. Другіе, какъ Махъ и Авенариусъ, разрабатываютъ эмпириокритицизмъ, который безусловно враждебенъ всякой метафикѣ, видитъ въ «чистомъ опытѣ», въ данныхъ непосредственнаго опыта, единственную основу науки объ объективной реальности, стремится снова связать человѣка съ природой и, наконецъ, пытается нѣсколько освѣтить темное будущее, къ которому стремится человѣческій родъ.

Въ научномъ отношеніи позитивизмъ стоитъ, несомнѣнно, значительно выше матеріализма. Идеализмъ обычно упрекаетъ его за чрезмѣрный скептицизмъ по отношенію къ разуму, за слишкомъ строгое недовѣріе къ метафикѣ. Онъ ставитъ позитивизму въ вину то, что ему не всегда удается точно разграничить несомнѣнные факты, доказанныя истины отъ спекулятивныхъ надстроекъ, простыхъ гипотезъ. Съ другой стороны, онъ порицаетъ его за тотъ критическій аскетизмъ, который приводитъ его къ осторожному агностицизму, въ вопросахъ, которые болѣе всего интересуютъ человѣчество. По мнѣнію идеалистовъ, непреодолимая метафизическая потребность заставляетъ человѣка во что бы то ни стало составить себѣ общую картину

міра. Позитивне воздержаніє, отказывающееся отъ удовлетворенія этого законнаго желанія, насилуетъ такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ инстинктовъ чело-вѣческой природы. Оно не можетъ быть послѣднимъ сло-вомъ чело-вѣческой мудрости. Позитивизмъ совершенно по-нятень, какъ реакція противъ нетерпимаго гегели-анскаго догматизма. Но онъ безсиленъ заглушить въ чело-вѣкѣ метафизическую потребность. Самый успѣхъ матеріализма, являющагося также метафизической системой, хотя онъ и представляетъ изъ себя съ точки зрѣнія идеалистовъ печальный симптомъ упадка фило-софскаго образованія нашего времени, все же служить указаніемъ на то, что метафизическая потребность не заглохла, что она возрождается и стремится удовлетво-рить себя, создавая любой цѣной общее міропониманіе.

Такимъ образомъ, позитивизмъ, какъ утверждаютъ нѣко-торые, долженъ остаться удѣломъ небольшой группы высоко развитыхъ умовъ, у которыхъ критическій умъ получилъ аномальное преобладаніе. Натуры болѣе сильныя и народ-ныя массы никогда не будутъ въ состояніи удовлетвориться агностицизмомъ и въ опредѣленный моментъ неизбежно почувствуютъ потребность оставить эту слишкомъ отрица-тельную и слишкомъ осторожную позицію и дерзнуть на болѣе или менѣе смѣлое рѣшеніе міровой загадки.

Съ другой стороны, современный радикализмъ видитъ въ этомъ позитивномъ воздержаніи пережитокъ стараго христіанскаго аскетизма. Ницше, столь суровый къ матеріа-листамъ, полонъ уваженія къ позитивистамъ. Онъ не чувствуетъ презрѣнія къ «этимъ отрицателямъ, этимъ одинокимъ, къ этимъ суровымъ, строгимъ, сдержаннымъ героическимъ умамъ, дѣлающимъ честь нашему времени... къ этимъ послѣднимъ идеалистамъ знанія, въ которыхъ однихъ живетъ и воплощается интеллектуальное сознаніе нашего времени. Онъ цѣнитъ очень высоко эту по-

хвальную философскую сдержанность, этот интеллектуальный стоицизмъ, который, въ концѣ концовъ, такъ же строго запрещаетъ себѣ «нѣтъ», какъ и «да», эту рѣшимость опираться исключительно на положительную реальность *factum brutum, petit fait*, этотъ отказъ отъ всякой интерпретаціи, отъ всего, что является насиліемъ, сокращеніемъ, выпускомъ, прибавкой, поэтическимъ украшеніемъ, фальсификаціей, словомъ отъ всего, что составляетъ самую сущность искусства интерпретаціи». Но онъ констатируетъ также, что эта воля добиться истины любой цѣной, эта вѣра въ абсолютную, безусловную цѣнность истины и науки является ничѣмъ инымъ, какъ безконечно утонченной и возвышенной формой аскетическаго и христіанскаго духа. «Наша вѣра въ науку,—заключаетъ онъ,—все еще покоится на метафизическомъ вѣрованіи; мы, современные мыслители, атеисты, противники метафизики, мы также заимствуемъ эту воодушевляющую насъ вѣру у того пожара, который зажегъ болѣе, чѣмъ, тысячелѣтняя вѣра, у той христіанской вѣры, которая была также вѣрой и Платона, что Богъ есть Истина, и что истина божественна...»

Какъ мы видимъ, непреклонная научная искренность позитивистовъ является для Ницше лишь послѣдней, наиболѣе спиритуализованной, измѣненной до неузнаваемости формой религіознаго чувства. Эти «свободные умы», въ сущности, все еще христіане, потому что они еще не усомнились въ цѣнности самой истины. И если не все согласятся съ Ницше, что позитивисты еще недостаточно «освободились» отъ христіанства, то зато никто не будетъ спорить, что нѣмецкіе позитивисты относятся къ христіанству гораздо менѣе враждебно, чѣмъ матеріалисты, и что они довольно склонны признать возможнымъ и желательнымъ примиреніе Науки съ Вѣрой.

III. П е с с и м и з м ъ .

Рядомъ съ матеріалізмомъ и позитивизмомъ однимъ изъ найбілье характерныхъ теченій второй половины XIX вѣка является пессимизмъ.

Какъ философское ученіе, пессимизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ его формулировалъ Шопенгауеръ, ведетъ свое происхожденіе прямо отъ Канта и, такимъ образомъ, примыкаетъ къ великому движенію нѣмецкаго идеализма. Авторъ «Міра, какъ Воли и Представленія» проповѣдуетъ монистическую метафизику съ идеалистическими тенденціями. Но онъ рѣшительно отмежевываетъ себя отъ своихъ предшественниковъ, энергично отвергая, что разумъ есть принципъ дѣйствительности, что Абсолютъ тождествененъ съ Бытіемъ. Сущность міра для него заключается въ Волѣ, но не въ той свободной волѣ, стремленіе которой къ самосознанію изображалъ Фихте. Воля, которую Шопенгауеръ кладетъ въ основу міра, которую онъ признаетъ единой и идентичной у всѣхъ существъ, которая утверждаетъ себя съ мучительной энергіей во всемъ твореніи, есть Воля, независимая отъ времени, пространства, причинности, бессознательная и безцѣльная Воля, которая всегда стремится и желаетъ, никогда не достигая длительного удовлетворенія. Эта Воля объективируется въ явленіяхъ, становясь все болѣе жестокой, эгоистичной и грозной, по мѣрѣ того какъ она реализуется въ болѣе развитыхъ формахъ. Наконецъ, достигнувъ высшей ступени сознанія, Воля понимаетъ, что ея слѣпое усиліе неизбежно ведетъ къ всеобщему страданію, познаетъ черезъ міражъ индивидуаціи конечное единство всѣхъ существъ, переживаетъ все страданіе, какъ свое, и, понявъ, что небытіе предпочтительнѣе бытія, обращается противъ са-

мой себя, отказывается от воли къ жизни и ищетъ въ великомъ мирѣ Нирваны единственное убѣжище отъ непрекращающихся мученій жизни.

Этотъ пессимизмъ не безъ правдоподобія истолковывали какъ послѣднее наслѣдіе умирающаго христіанства.

Великое дѣло христіанства состояло въ томъ, что оно дало жизни абсолютный смыслъ и абсолютную цѣль. Стремленіе къ царству Божію и спасенію души стало направляющимъ началомъ жизни христіанина. Однако, вѣра въ эту цѣль и это начало среди людей мало-по-малу ослабѣваетъ; они перестаютъ вѣрить въ «благую вѣсть», принесенную Христомъ. Но, въ то время какъ эта вѣра въ обѣщанія религіи медленно умираетъ, потребность дать жизни смыслъ, поставить ей конечную цѣль, продолжаетъ съ мучительной силой жить въ душѣ христіанина. Это горячее стремленіе къ абсолютной цѣли, соединенное съ радикальнымъ скептицизмомъ по отношенію ко всякимъ дѣйствительно даннымъ задачамъ, логически приводитъ къ шопенгауеровскому пессимизму, къ ученію о лишенной смысла волѣ къ жизни, обреченной на вѣчное страданіе.

Пессимизмъ находитъ благопріятную почву для своего развитія лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Извѣстно, что основная работа Шопенгауера, «Миръ, какъ Воля и Представленіе», вышедшая въ 1819 году, оставалась въ теченіе болѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ безъ всякаго вліянія на общественное мнѣніе. Широкая публика ее игнорировала, ученые относились къ ней съ презрѣніемъ. Нужны были крушеніе гегелианства, банкротство спекулятивной философіи и оптимистическаго рационализма, глубокій кризисъ, послѣдовавшій за крушеніемъ революціи 1848—49 годовъ, всякаго рода испытанія, выпавшія на долю нѣмецкой интеллигенціи въ періодъ реакціи, нужны были прежде всего страданія, которыя привело за собой

развитіе системы капиталистическаго хозяйства, глубокое недомоганіе, которое вызвали у современныхъ людей хозяйственный переворотъ, усиленіе жизненнаго ритма, возрастающая сложность психической жизни, чтобы выходя въ 1851 году Рагерга и Рагаліромена привлечь вниманіе широкой публики на франкфуртскаго мизантропа.

Но, начиная съ этого момента, пессимизмъ быстро распространяется, и его черныя волны широко разливаются по Германіи и всему міру. Онъ наводняетъ философію, литературу и искусство. Ученіе пессимизма разрабатываютъ послѣ Шопенгауера Таубертъ, Банзень, Майнлендеръ, Венеціанеръ и особенно Эдуардъ Гартманъ, «Философія Безсознательнаго (1869 г.) котораго при своемъ появленіи имѣеть огромный успѣхъ, смѣнившійся, впрочемъ, очень скоро почти полнымъ забвеніемъ. Среди поэтовъ наиболѣе извѣстнымъ представителемъ пессимизма является Гейне, который на закатѣ своихъ дней склоняется къ усталому нигилизму «Romanzer» и «Letzte Gedichte». Въ своихъ вибрирующихъ стихахъ, проникнутыхъ мучительной тоской, онъ воспѣваетъ неизбѣжный конецъ всякой красоты и всякаго величія и находитъ извѣстное успокоеніе лишь въ религиозности, въ которой къ рыданіямъ безпредѣльнаго отчаянія примѣшивается презрительный смѣхъ горькой и ѣдкой ироніи. Въ 60-хъ годахъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ поэтовъ среди новаго поколѣнія становится Леопарди. Но живымъ воплощеніемъ этой новой тенденціи нѣмецкой души является прежде всего Рихардъ Вагнеръ. Оптимистъ и ученикъ Фейербаха до 1848 года, затѣмъ жестоко разочарованный крушеніемъ революціонныхъ надеждъ, онъ находитъ въ чтеніи Шопенгауера откровеніе, которое проясняетъ ему его собственное я, его собственныя настроенія. И съ этого момента полное самоотрѣченіе, полный отказъ отъ эго-

истической воли къ жизни, религія страданія и жалости становятся глубокими источниками, которые питают его вдохновеніе. Въ «Тристанѣ» отчаянное стремленіе современной души къ нирванѣ, къ ночи-освободительницѣ, къ великому успокоенію смерти, гдѣ гаснутъ всѣ мучительныя иллюзіи дня, гдѣ исчезаютъ всѣ напрасныя страданія злой жизни, изображено въ звукахъ дивной силы и необычайной искренности. Съ такой же пламенностью воспѣлъ Вагнеръ въ «Парсифалѣ» невыразимыя побѣды воли надъ самой собой, безконечную цѣнность искупляющаго состраданія, надежду на возрожденіе грѣховнаго человѣчества путемъ смиренія и аскетизма.

Однако, мало-по-малу духовная атмосфера въ Германіи начинаетъ проясняться. Военные успѣхи 1866 и 1870 гг., огромный экономическій подъемъ страны, начало великой имперіалистической и міровой политики порождаютъ въ умахъ новыя настроенія. За разочарованіемъ слѣдуетъ жинерадостное устремленіе къ власти. Распространеніе предпринимательскаго духа не позволяетъ уже воспринимать міръ, какъ бесплодную бессмыслицу. Дѣйствіе начинаетъ казаться по своей цѣнности выше созерцанія. Пессимизмъ начинаетъ мало-по-малу отступать на задній планъ. Съ пессимизмомъ борятся не только оптимисты разныхъ отгѣнковъ, приверженцы религіи прогресса, тѣ, кто вмѣстѣ съ Марксомъ работаютъ надъ созданіемъ будущей эры счастья и справедливости среди людей, тѣ, кто вѣритъ въ смыслъ жизни, въ миссію человѣчества. Онѣ отвергнуть или, лучше сказать, превзойденъ даже тѣми, кто менѣе всего склоненъ принимать утѣшительныя гипотезы и объясненія оптимистовъ. Ницше даетъ новую постановку проблемѣ о цѣнности жизни. Для Шопенгауера жизнь не имѣла ни смысла, ни цѣли и была чѣмъ то безусловно ненавистнымъ и дурнымъ. Наблюдая волю къ жизни, онъ испыталъ такое же произвольное отвра-

щеніе, какое чувствуют нѣкоторые деликатныя или боязливыя натуры передъ проявленіями стихійныхъ силъ жизни. Онъ совершенно не понимаетъ тѣхъ радостныхъ, праздничныхъ ощущеній, которыя возбуждають это зрѣлище въ другихъ. Ницше, напротивъ, воспринялъ отъ Дарвина великій фактъ универсальной эволюціи. Въ понятіи прогрессирующей эволюціи человѣческаго рода онъ видитъ концепцію, позволяющую ему сказать жизни «да», несмотря на отсутствіе вѣры въ существованіе конечной цѣли. Жизнь свята не потому, что она стремится къ той или иной цѣли, а сама по себѣ, потому что она растетъ, развивается, умножается. Далекій отъ того, чтобы относиться къ ней подобно Шопенгауеру съ отвращеніемъ, онъ любилъ ее съ радостной и почти мистической экзальтаціей. Онъ видѣлъ въ ней прекрасное празднество, несравненное событіе, удивительную игру. Въ его воображеніи художника дарвиновская идея эволюціи превратилась въ картину безконечнаго устремленія къ власти, которое онъ воспѣлъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ съ свойственнымъ ему блестящимъ лиризмомъ.

Чѣмъ является для этой гипотезы пессимизмъ? Ничѣмъ инымъ, какъ болѣзнью или, лучше сказать, типичнымъ симптомомъ упадочности. Для Ницше существуетъ «пессимизмъ силы», который говорить: черезъ страданіе къ могуществу и красотѣ. Но усталый пессимизмъ, который не желаетъ болѣе страдать, который чернить жизнь, есть міросозерцаніе декадента, у котораго ослабленъ жизненный инстинктъ, который не чувствуетъ болѣе въ себѣ творческой силы, способной создать новое. Пессимистъ есть дегенератъ, больной, который долженъ или выздороветь или уйти, но который не имѣетъ права отравлять существованіе здоровыхъ людей, деморализировать могущественныхъ, клеветать на жизнь. Христіанство, демократическое движеніе, шопенгауеровскій песс-

смизмъ, вагнеровскій романтизмъ одинаково казались Ницше лишь проявленія этой упадочности, этого ослабленія жизненной силы. Онъ боролся съ нимъ не какъ съ заблужденіями, а какъ съ болѣзною. Побѣда пессимизма была бы въ его глазахъ признакомъ огромнаго регресса человѣчества. По его мнѣнію, необходимо, чтобы наше время элиминировало этотъ ядъ, которымъ оно заражено, чтобы оно вновь обрѣло здоровье и радость жизни, чтобы оно научилось говорить «да» жизни, во всей жизни, включая въ нее страданія и зло.

Къ концу вѣка культъ жизни распространяется все больше и больше. Мысль, что жизнь по самой своей сущности, со всѣми своими основными силами представляетъ изъ себя нѣчто, что можетъ непрерывно «преодолѣвать себя», развиваться во все болѣе высокія формы, вѣра въ, правда, не необходимый, но возможный ростъ человѣческаго типа, напряженная воля принять участіе въ этомъ стремленіи къ власти получаютъ все большее и большее преобладаніе среди современныхъ людей. Эти тенденціи нашли свое самое радикальное и самое характерное художественное и философское выраженіе въ ученіи Ницше, о которомъ, мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ.

«Мы, аморалисты, — писалъ Ницше въ своей «Волѣ къ могуществу», — мы самые передовые». Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что это «очарованіе крайности» и является тѣмъ утонченнымъ и нѣсколько извращеннымъ обаяніемъ, которое привлекло къ нему умы его современниковъ.

Ницше воплощаетъ въ себѣ глубокое недовѣріе XIX вѣка ко всякому религіозному объясненію міра, ко всѣмъ утѣшительнымъ гипотезамъ, въ которыхъ человѣчество до сихъ поръ искало себѣ опоры. Современный человѣкъ чувствуетъ страхъ передъ заблужденіемъ; онъ не хочетъ ослѣплять себя своими стремленіями къ красотѣ, добру

и счастью; онъ хочетъ смотрѣть дѣйствительности въ лицо безъ всякихъ иллюзій. Ницше испытывалъ это чувство острѣе, чѣмъ кто-либо другой. Онъ горячо стремился не только теоретически воспринять, но и реализовать, духовно пережить концепцію, діаметрально противоположную христіанскому міросозерцанію и всякому философскому оптимизму, гипотезу о смерти Бога», нигилистическую идею о мірѣ безъ Бога, безъ единства и законовъ, безъ вѣчной матеріи, о мірѣ абсолютнаго феноменализма, гдѣ единственной реальностью является безразличное и лишенное смысла Становленіе. Психологическая проникновенность, сверхчеловѣческая энергія, концентрированная страстность, съ которыми онъ отдался этой страшной задачѣ, составляютъ его величіе и его значеніе въ исторіи новѣйшей мысли. Можно, конечно, усилимъ воли отринуть нигилистическую концепцію, какъ это сдѣлали, на примѣръ, Паскаль и Фихте. Можно также отвергнуть рѣшеніе, предложенное Ницше для того, чтобы освободиться отъ пессимистическаго нигилизма. Но самая элементарная интеллектуальная честность повелѣваетъ рассмотреть по крайней мѣрѣ самую возможность радикальнаго нигилизма во всемъ ея объемѣ, хотя бы для того, чтобы отвергнуть ее съ полнымъ знаніемъ дѣла. Какую бы объективную цѣнность мы ни признали за теоріями Ницше, нельзя не преклоняться передъ той смѣлостью, съ которой онъ цѣликомъ, душой и тѣломъ, бросился въ это рискованное интеллектуальное предпріятіе, приведшее его, въ концѣ концовъ, къ трагической катастрофѣ.

Моральный оптимизмъ требуетъ, чтобы вселенная и человѣчество имѣли надъ собой законъ, высшую цѣль, къ которой бы они были обязаны стремиться, и человѣкъ въ силу вѣковой привычки научился цѣнить себя постольку, поскольку онъ согласуетъ свои поступки съ этимъ зако-

номъ и, слѣдовательно, чувствуетъ себя сотрудиномъ Бога. — «Это, — учить Ницше, — иллюзія, которая постепенно разсѣивается, по мѣрѣ того какъ человѣкъ становится все болѣе сознательнымъ. Сначала онъ представляетъ себѣ верховнаго законодателя, стоящаго во главѣ міра, и въ нравственномъ законѣ видитъ выраженіе воли этого властителя міра. Затѣмъ онъ переходитъ мало-по-малу къ убѣжденію, что «Богъ умеръ», и что міръ не имѣетъ господина. Тогда въ отчаяніи онъ ищетъ суррогата Бога, авторитета, способнаго издавать абсолютныя повелѣнія, суверенно предписывать человѣку его призваніе. вмѣсто личнаго Бога онъ пытается поклоняться «Совѣсти» и ея категорическому императиву, или «Разуму», или «Соціальному инстинкту», или «Исторіи» и ея имманентнымъ законамъ; цѣлью для жизни онъ ставитъ «Счастье» или «Счастье для возможно большаго числа людей». Или же онъ довольствуется агностицизмомъ, говоря себѣ, что развитіе должно привести куда-нибудь, и что невозможно ставить вопроса, къ чему оно приведетъ. Наконецъ, переходя отъ разочарованія къ разочарованію, человѣкъ рѣшается, что Становленіе никуда не ведетъ, что оно развертываетъ совершенно случайно безконечный рядъ своихъ комбинацій, лишенныхъ всякаго смысла. Въ концѣ этого пути его ждетъ нигилизмъ: Жизнь есть нѣчто, что понимаетъ свое ничтожество и, въ концѣ концовъ, уничтожаетъ себя».

Научный оптимизмъ постулируетъ гармонію между мышленіемъ и бытіемъ и обѣщаетъ человѣку составить все болѣе точную картину міра. Это тоже химера, — отвѣчаетъ Ницше. Становленіе непостижимо. Въ дѣйствительности не существуетъ ни мыслящаго «субъекта», ни мыслимыхъ «вещей», ни «идентичныхъ вещей», ни причинъ, ни слѣдствій, не существуетъ ничего постояннаго, устойчиваго, закономѣрнаго. Все наше познаніе міра по-

коится на рядѣ основныѣ заблужденій, на совокупности полезныѣ для жизни фикцій, на огромной фальсификаці дѣйствительности. Когда инстинктъ познанія, являющійся въ своей высшей формѣ волей добиться истины любой цѣной, пытается разсѣять эту біологически полезную фантазмагорію, онъ превращается въ разрушающую жизнь силу, въ нигилизмъ.

Метафизическій оптимизмъ утверждаетъ, что за «міромъ явленій», за бурнымъ потокомъ Становленія скрывается «истинный міръ», послѣдняя родина и конечное убѣжище человѣческой души. Но и эта иллюзія скоро разсѣивается. Человѣкъ приходитъ къ сознанію, что творцомъ этого «истиннаго міра» является онъ самъ съ своимъ стремленіемъ къ вѣчности, что онъ создалъ эту фикцію единственно для того, чтобы имѣть возможность вѣрить въ свое безсмертіе. Съ этого момента его интеллектуальная честность повелѣваетъ ему воспретить себѣ всякую вѣру въ метафизическую реальность, въ вещь въ себѣ. Съ этого момента онъ не знаетъ иной реальности, кромѣ Становленія.

Теперь мы видимъ въ чемъ состоитъ нигилизмъ Ницше. Человѣкъ началъ съ того, что искажилъ дѣйствительность въ соотвѣтствіи съ своими желаніями. Человѣкъ желалъ, чтобы міръ эволюціонизировалъ къ указанной Богомъ цѣли, чтобы онъ представлялъ изъ себя хорошо организованное цѣлое, подчиненное твердо установленнымъ законамъ, неизмѣнную и вѣчную субстанцію, защищенную отъ измѣненій и смерти. И онъ видѣлъ, онъ воображалъ міръ такимъ, какимъ онъ хотѣлъ его видѣть. Онъ считался съ дѣйствительностью въ той мѣрѣ, въ какой она соотвѣтствовала этой концепціи его ума. Но мало-по-малу человѣкъ начинаетъ замѣчать, что онъ сдѣлался жертвой міража. Онъ исправляетъ картину міра, которую онъ себѣ составилъ, и освобождаетъ дѣйствительность отъ качествъ,

которыя онъ произвольно приписалъ ей. Но лишь только онъ сдѣлалъ это, міръ оказался развѣчаннымъ. Человѣкъ любилъ фикцію, которую онъ создалъ. Дѣйствительность — вѣчный потокъ измѣнчиваго, лишенаго смысла Становленія, — кажется ему ненавистной. Передъ нимъ возникаетъ страшная дилемма: онъ долженъ, говоря словами Ницше, «разрушить или свою таблицу цѣнностей, или самого себя». Дѣйствительно, если таблица цѣнностей, въ силу которой онъ любитъ фиктивный міръ и осуждаетъ реальный міръ, справедлива и законна, ясно, что нигилистъ логически долженъ ненавидѣть и стремиться разрушить дурную дѣйствительность. Если, напротивъ, его таблица цѣнностей фиктивна, то не менѣе очевидно, что оцѣнка, даваемая имъ дѣйствительности, ошибочна и должна быть разрушена: въ этомъ случаѣ онъ долженъ пересмотрѣть сверху до низу свою таблицу цѣнностей; онъ долженъ произвести, по знаменитой формулѣ Ницше, «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей».

Ницше и предлагаетъ людямъ произвести эту переоцѣнку. Гипотеза, которой онъ мотивируетъ ее, хорошо извѣстна.

Таблица цѣнностей, во имя которой пессимистическій нигилизмъ проклиналъ дѣйствительность и преклонялся передъ фикціей, есть продуктъ «упадочности». Вѣра въ метафизическій міръ, стоящій по ту сторону потока Становленія, вѣра въ міръ бытія, цѣли, единства, другими словами, христіанская вѣра, потому что, съ точки зрѣнія Ницше, именно христіанство является воплощеніемъ этого пониманія жизни, есть по своей сущности утѣшительная фикція, при помощи которой масса дегенератовъ, слабыхъ и несчастныхъ создала сама себя пріемлемое объясненіе своихъ страданій, скрыла сама отъ себя картину собственной слабости и упадочности. Отнимите у нея эту «живительную ложь», поставьте ее лицомъ къ лицу съ отвратительной и жалкой дѣйстви-

тельностью, и она погибнет въ отчаяніи. Въ совершенно иной перспективѣ представляется міръ Сильному, у котораго энергія и здоровье бьютъ черезъ край. Почему зрѣлище бездѣльнаго и безконечнаго Становленія должно внушать ему чувство страха и ужаса? Если декадентъ съ отвращеніемъ отвергаетъ его, то это потому, что, сознавая свое собственное паденіе, онъ ощущаетъ потребность чувствовать себя сотрудникомъ Бога, чтобы вѣрить въ свою собственную цѣнность; потому что онъ не можетъ самъ осмыслить свою жизнь, предписать себѣ свой собственный законъ. Но Могущественный, который ощущаетъ въ себѣ творческую силу, который чувствуетъ себя способнымъ оформить «хаосъ» Становленія, предписать свой законъ индифферентной жизни, который вѣрить въ организаторскую силу своей воли, можетъ безъ возмущенія принять мысль, что міровая эволюція сама по себѣ бессмысленна. Его нигилизмъ не пессимистическій, а діонисійскій. Картина Становленія, гипотеза вѣчнаго круговорота, подавляющая слабаго, становится триумфальнымъ и одыняющимъ зрѣлищемъ для творца, который сумѣлъ дать смыслъ жизни и принять вѣчный круговоротъ Становленія.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ европейскій нигилизмъ, въ глазахъ Ницше, есть рѣшительный и оздоровляющій кризисъ. Разсѣивая миражъ, которымъ христіанство и христіанская философія окружила міръ, онъ дѣйствуетъ какъ крайне сильный агентъ естественнаго отбора. Онъ является пробнымъ камнемъ, по которому узнаютъ себя сильные и слабые, здоровые и декаденты. Однихъ онъ сломаеъ, поможетъ имъ скорѣе исчезнуть, и это будетъ хорошо, какъ для нихъ, такъ и для міра. У другихъ онъ закалитъ мужество и вдохнетъ въ нихъ новый энтузіазмъ для завоеванія могущества, для безконечнаго развитія человѣческаго типа.

Мы видимъ, какъ утверждаются и усиливаются въ философіи Ницше основныя тенденціи, господствовавшія въ XIX вѣкѣ.

Современный человѣкъ вѣрить въ организаторскую силу человѣческой воли и ума. Ницше провозглашаетъ, что гениальный человѣкъ есть творецъ всѣхъ цѣнностей, что онъ опредѣляетъ добро и зло, творить даже самую истину, даетъ смыслъ Становленію. Сверхчеловѣкъ занимаетъ мѣсто, опустѣвшее послѣ смерти Бога. «Сверхчеловѣкъ есть соль земли,—учить Заратустра. Ваша воля должна сказать: пусть сверхчеловѣкъ станетъ солью земли».

Современный человѣкъ отвыкъ отъ вѣры въ чудеса, онъ относится съ все большимъ недовѣріемъ къ христіанскому міросозерцанію, которое подчиняетъ человѣка и міръ волѣ Бога; очень часто онъ относится съ недовѣріемъ и къ церкви, въ которой онъ видитъ силу, безусловно враждебную автономіи человѣка. Ницше во всеуслышаніе провозглашаетъ свое рѣшительное антихристіанство. Богъ есть лишь созданіе человѣческихъ страданій и человѣческой слабости, миражъ, который тотчасъ же разсѣется, какъ только человѣкъ вновь станетъ здоровымъ, какъ только онъ сознаетъ скрытыя въ немъ силы. Христіанство есть великій заговоръ несчастныхъ и неудачниковъ противъ сильныхъ и могущественныхъ; оно—гигантская ложь, при помощи которой декаденты пытались отравить умственную и нравственную атмосферу Европы; оно—ужасный ядъ, который, широко разлившись, превратилъ бы весь міръ въ лазаретъ; оно,—говоря ожесточенными словами «Антихриста»,—«безсмертное пятно позора на человечествѣ».

Современный человѣкъ склоненъ къ интеллектуальному и моральному скептицизму; онъ—пессимистъ, относящійся съ недовѣріемъ ко всѣмъ утѣшительнымъ гипо-

тезамъ, и безпомощно опускаетъ руки передъ лицомъ грозной проблемы страданія. Ницше доводитъ скептицизмъ до полнаго нигилизма. Онъ проповѣдуетъ самый радикальный феноменализмъ. Какъ «аморалистъ», онъ признаетъ, что пороки и добродѣтели проистекаютъ изъ одного источника. Человѣкъ, чтобы расти, подобно дереву, которое тѣмъ выше подымаетъ свою крону въ воздухѣ, чѣмъ глубже погружаетъ свои корни въ землю, — необходимо долженъ расти одновременно въ добръ и злѣ. Высшимъ экземпляромъ расы является вовсе не «добрый» въ смыслѣ старой традиціонной морали, а «могущественный», который сможетъ перенести, не сломившись «антагонистическій характеръ» человѣческой природы и гармонически соединяетъ въ своей сложной личности оба противорѣчивыхъ аспекта жизни, ея творческое плодородіе и ея разрушительную силу. Наконецъ, Ницше глубоко пессимистиченъ въ томъ смыслѣ, что онъ понимаетъ жизнь главнымъ образомъ «агонистически» и «трагически». Но его діонисійскій нигилизмъ, вмѣсто того, чтобы прійти въ смятеніе передъ лицомъ ужасной картины безсмысленнаго становленія и вѣчнаго человѣческаго страданія, находитъ въ этомъ зрѣлищѣ источникъ энтузіазма. Этотъ «пессимизмъ силы» признаетъ, что страданіе и зло не нуждаются въ оправданіи, что зло является необходимой обратной стороной добра. Въ концѣ концовъ, онъ приходитъ къ полному пріятію человѣческой судьбы, къ восторженному гимну Жизни, прекрасной и жестокой, плодотворной и губительной Жизни, которая непрерывно и безжалостно разрушаетъ свои созданія, но все же остается всегда равной самой себѣ, неистребимой, непрерывно возрождающейся, вѣчно молодой и прекрасной.

V. Современные тенденціи.

Вліяніе Ницше на современную нѣмецкую мысль было значительно. Благородство его нравственной природы, великолѣпное безстрашіе его мысли, его захватывающая страстная проповѣдь апостола и пророка заставила всѣхъ относиться къ нему съ уваженіемъ. Даже тѣ, которые наиболѣе ожесточенно борются съ его тенденціями, христіане и социалисты, не отказываютъ ему въ своемъ уваженіи и стараются, по крайней мѣрѣ отчасти, усвоить себѣ его идеи. Протестантскіе пасторы составляли «проповѣди Заратустры», борцы за социализмъ пытались использовать въ интересахъ народа аристократическія идеи трехъ великихъ одинокихъ искусства и философской мысли: Шопенгауера, Вагнера и Ницше. Передъ пророкомъ «Воли къ могуществу» и сверхчеловѣка преклонялись не только какъ передъ великимъ поэтомъ, первостепеннымъ психологомъ, глубокимъ знатокомъ, чело-вѣческаго сердца: для многихъ онъ былъ властителемъ думъ.

Но насколько глубоко, широко и длительно вліяніе Ницше? На эти вопросы въ настоящее время, я думаю, трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Однако, иностранный наблюдатель чувствуетъ весьма отчетливо, что Ницше не является типическимъ представителемъ стремленій, господствующихъ теперь въ Германіи. Онъ составляетъ блестящее исключеніе, необычайное явленіе», которое изучаютъ, и которому удивляются. Я былъ бы очень пораженъ, если бы число тѣхъ, которые ищутъ у Ницше нормы для своего поведенія и пониманія жизни, оказалось очень значительнымъ. Мнѣ кажется, что онъ еще или уже опять «несовремененъ», если воспользоваться его извѣстной формулой.

«Новая Германія», — говорит Ницше, располагает значительной суммой унаслѣдованныхъ и приобретенныхъ способностей, такъ что она можетъ нѣкоторое время расходовать и даже щедро расточать накопленный запасъ силы. Но въ ея лицѣ господства достигли не высокая культура, еще менѣе утонченный вкусъ, благородная красота инстинктовъ, а скорѣе мужественныя добродѣтели, болѣе мужественныя, чѣмъ добродѣтели другихъ странъ Европы. У нѣмцевъ много мужества и сознанія собственного достоинства, много твердости въ взаимныхъ отношеніяхъ и обязанностяхъ. много работоспособности, много выдержки и много унаслѣдованной умеренности, которая нуждается скорѣе въ поощреніи, чѣмъ обузданіи. Я добавлю, что здѣсь умѣютъ повиноваться безъ униженія... И никто не презираетъ своего противника».

Современная Германія, очень далекая отъ упадка, нѣсколько массивная, грубая и дисциплинированная, съ своей превосходной арміей, твердой администраціей, широкой организаціей научной работы, мощной промышленной и торговой дѣятельностью, грандіозной постановкой соціального страхованія и общественнаго призрѣнія, имѣетъ весьма мало общаго съ радикализмомъ Ницше. Ницше, мало преклонявшійся передъ новой имперіей, сказалъ о ней: «Могущество дѣлаетъ глупымъ». Съ своей стороны, новая Германія не очень высоко цѣнитъ философа сверхчеловѣка. Иногда она съ ужасомъ отворачивается отъ него. Или же она говоритъ о немъ съ презрѣніемъ, какъ о диллетантѣ, который детально и до конца не овладѣлъ ни одной специальной наукой. Воздавая ему должное уваженіе, какъ крупной національной величинѣ, она ищетъ своихъ вдохновителей и вождей въ другомъ мѣстѣ. Она осуждаетъ въ немъ ту непримиримость, съ которой онъ доводитъ свои идеи до ихъ послѣднихъ логическихъ слѣдствій. Она видитъ въ этой непримиримости романтическую крайность, которая можетъ доставлять

удовольствіе нѣкоторымъ идеологамъ и литераторамъ, но остается весьма фантастической и не имѣетъ за собой никакого будущаго. Въ сущности, эта практическая и позитивная Германія мало склонна увлекаться крайностями, какъ въ области дѣйствій, такъ и въ области мышленія. Мы видѣли, что въ сферѣ политики она стремится найти среднія рѣшенія, временныя компромиссы между монархическимъ и демократическимъ принципами, между націонализмомъ и имперіализмомъ, между интересами консервативныхъ аграріевъ и индустріальной буржуазіи, между интересами капиталистическихъ предпринимателей и рабочихъ массъ. По своему темпераменту эта Германія едва ли кажется радикальной. Мнѣ думается, что и въ духовной области крайнія рѣшенія, какъ рѣшенія предложенныя Ницше, представляются ей интересными, но мало вѣроятными: она не можетъ относиться къ нимъ не вполне серьезно.

Съ другой стороны, мы уже отмѣтили, что въ этой новой Германіи, столь реалистичной и столь настойчивой въ своемъ стремленіи къ могуществу и богатству, подготавливается новый поворотъ къ идеализму, къ высокой культурѣ, къ социальной справедливости и милосердію. Но эта реакція противъ утилитарнаго реализма второй половины XIX вѣка развивается, насколько можно замѣтить, не въ духѣ идей Ницше. Въ всякаго сомнѣнія, поэтъ Заратустры, въ извѣстномъ смыслѣ тоже романтикъ, противникъ интеллектуализма и даже, вопреки своему атеизму, глубоко религіозная натура, — «самый благочестивый изъ всѣхъ, кто не вѣритъ въ Бога», — какъ говоритъ Заратустра. Въ этомъ отношеніи онъ, конечно, является представителемъ новаго идеализма. Но не слѣдуетъ позабывать также и о томъ, что этотъ романтикъ судилъ и осудилъ романтизмъ съ крайней суровостью, что этотъ глубоко религіозный умъ провозгласилъ со всей своей энергіей и

страстной убежденностью окончательное банкротство христианства и вообще всякаго религіознаго идеала. Но въ этомъ пунктѣ его соотечественники не пошли за нимъ.

Напротивъ, характернымъ фактомъ послѣднихъ лѣтъ является возрожденіе въ Германіи нѣкотораго религіознаго мистицизма. Оно проявляется въ рядѣ весьма знаменательныхъ симптомовъ: въ побѣдоносномъ сопротивленіи католицизма культуркампу, въ политическихъ успѣхахъ центра, въ возникновеніи новой католической литературы и философіи. Въ протестантскомъ лагерѣ то же значеніе имѣютъ успѣхи христіанско-соціалистической партіи, ея стремленіе превратить христіанскую мысль въ принципъ соціальнаго дѣйствія. Это теченіе проявляется не только въ возрожденіи церковной жизни. Оно увлекаетъ также и свѣтскій міръ. Духовеніе неопредѣленнаго мистическаго идеализма проходитъ по роману и драмѣ, отъ «Потонувшаго колокола» Гауптмана и «Іоанна» Зудермана до «Богоскаталя» Роззегера. Какъ въ началѣ вѣка ищутъ «новаго Бога». Критика съ все возрастающимъ интересомъ погружается въ исторію романтизма и анализируетъ съ явной симпатіей его религіозный идеализмъ. Широкая публика ищетъ пищи для удовлетворенія своей религіозной потребности въ такихъ книгахъ, какъ «Сущность христіанства» Гарнака.

Что означаетъ этотъ нео-романтизмъ, симптомъ котораго мы встрѣчаемъ не въ одной только Германіи, но и во всей Европѣ? Представляетъ ли онъ изъ себя дѣйствительное возрожденіе традиціонныхъ религіозныхъ вѣрованій? Неопредѣленную тоску по потерянному раю религіи? Или только простую литературную моду, которая пройдетъ, какъ прошли увлеченія натурализмомъ и символизмомъ? Каждый склонится къ тому или иному изъ этихъ объясненій, смотря по своимъ убежденіямъ и впечатлѣніямъ. Но, конечно, не слѣдуетъ умалять значенія этого движенія,

особенно въ Германіи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что эта нео-романтическая атмосфера не благопріятствуетъ распространенію антихристіанскаго радикализма. Повидимому, въ духовной области Германія такъ же мало склонна окончательно порвать съ христіанствомъ, какъ не склонна она въ области политическихъ отношеній отказаться отъ монархическаго принципа. Она стремится скорѣе исправлять, чѣмъ разрушать. Она полагаетъ, что въ каждомъ изъ двухъ противоположныхъ принциповъ заключено зерно истины, и стремится примирить ихъ, не подавляя ни одного изъ нихъ произвольнымъ и насильственнымъ образомъ.

Поэтому, я не знаю, является ли Ницше, при всемъ своемъ поразительномъ нравственномъ благородствѣ и царственной привлекательности своей личности, въ глазахъ современнаго нѣмецкаго поколѣнія пророкомъ новаго времени. Въ Германіи вѣрятъ въ наступленіе новаго идеализма и ждутъ, что страна послѣ своихъ военныхъ и экономическихъ успѣховъ приближается теперь къ художественному, философскому и нравственному возрожденію. Надѣются на близкое наступленіе эры «классической» культуры, болѣе устойчивой и уравновѣшенной, чѣмъ наше лихорадочное и поспѣшное переходное время. Послѣ страстнаго и часто анархическаго порыва индивидуума къ могуществу, богатству, научному и утилитарному рационализму, стремятся къ новому, болѣе устойчивому «порядку» какъ въ области общественныхъ отношеній, такъ и въ области идей. Среднее общественное мнѣніе въ Германіи не требуетъ безпощадной борьбы съ силами прошлаго, оно желаетъ скорѣе счастливаго примиренія новаго съ старымъ.

При этихъ обстоятельствахъ, историки, подводящіе итоги XIX вѣка, своєю путеводной звѣздой чаще всего провозглашаютъ Гёте. Крайнему радикализму, «агональной» философіи пророка Сверхчеловѣка они предпочитаютъ возвы-

шенную терпимость, красивое интеллектуальное и моральное равновѣсіе, поразительное самообладаніе веймарскаго мудреца. Они хотѣли бы поставить подъ его покровительство развитіе будущей нѣмецкой культуры. Лучшаго покровителя, въ самомъ дѣлѣ, имъ не найти. Примемъ это, какъ хорошее предзнаменованіе, и пожелаемъ, чтобы будущая Германія все болѣе становилась Германіей Гёте.

КНИГА IV.

ЭВОЛЮЦІЯ ИСКУССТВА.

ГЛАВА I.

Цѣнность искусства.

I. Культъ искусства.

Наступившая въ концѣ XVIII вѣка реакція противъ рационализма, поставивъ религиозное чувство выше теоретическаго разума, обнаружила вмѣстѣ съ тѣмъ тенденцію отвести искусству первое мѣсто въ таблицѣ духовныхъ цѣнностей.

Эпоха просвѣщенія проявила лишь весьма ограниченное пониманіе природы искусства. Твердо убѣжденная въ превосходствѣ разума, она видѣла въ искусствѣ не самоцѣль, а лишь удобное средство сообщать толпѣ въ приятной формѣ опредѣленные философскія и моральныя истины. О художественномъ творчествѣ она имѣла въ общемъ довольно упрощенное, чисто механическое представленіе. Она приравнивала поэтовъ, живописцевъ, музыкантовъ къ искуснымъ ремесленникамъ, которые создаютъ болѣе или менѣе удачныя произведенія въ зависимости отъ того, подражаютъ ли они хорошимъ образцамъ и вѣрно ли исполняютъ предписанія своего ремесла. Отсюда та нескромная заносчивость, съ которою критика позволила себѣ поучать артистовъ, формулиро-

вать теоретическія правила для изготовленія хорошихъ произведеній и судить, хороши ли созданныя произведенія, т. е., созданы ли они соотвѣтственно правиламъ или нѣтъ.

Современный субъективизмъ рѣшительно протестуетъ противъ этого механическаго пониманія. Подобно большинству великихъ созданій человѣческаго духа, религіи, языку, морали и праву, поэзія и искусство въ его глазахъ являются уже не продуктами разсудочной дѣятельности, а представляютъ изъ себя организмы, которые рождаются, развиваются и помираютъ въ силу врожденнаго имъ жизненнаго зародыша; къ нимъ необходимо относиться съ любовью и уваженіемъ, какъ къ живымъ существамъ, и допрагиваться до нихъ можно лишь съ мудрой осторожностью, такъ какъ иначе они легко могутъ погибнуть. Такимъ образомъ, на художественное произведеніе смотрятъ уже, не какъ на продуктъ человѣческой промышленности. Напротивъ, теперь осуждаютъ тѣ произведенія, которыя являются плодомъ чрезмѣрно разсудочнаго искусства, слишкомъ умѣло разсчитывающаго свои эффекты. Великое художественное произведеніе не дѣлается, оно рождается. Оно—живой организмъ, рожденный гениемъ въ силу внутренней необходимости. Въ актѣ художественнаго творчества генийъ безсознательнъ, и, такъ сказать, пассивенъ. Его сравниваютъ съ рождающей женщиной, съ пчелой, которая выдѣляетъ медъ, съ поющей птицей, съ лунатикомъ, который совершаетъ свои опасныя путешествія на крышѣ. Отсюда особенная любовь эпохи къ произведеніямъ, возникшимъ совершенно произвольно и даже анонимно, являющимся созданіемъ не отдѣльнаго индивида, а цѣлой эпохи, расы, этнической группы; любовь къ народной поэзіи, безразлично подлинной или подложной, къ Оссіану Макферсона, къ старымъ англійскимъ и шотландскимъ балладамъ, къ Гомеру, и библейскимъ поэтамъ.

Какъ разъ въ то время, когда нѣмцы начинаютъ по-

нимать художественное произведение, какъ живой организмъ, они открываютъ въ античной Греціи классическую страну красоты.

Старый гуманизмъ видѣлъ свою задачу въ продолженіи дѣла классической, въ частности латинской античности, и стремился, поэтому, научить студента писать и философствовать такъ, какъ писали и философствовали древніе. Нео-эллинизмъ, возродившійся въ XVIII вѣкѣ въ нѣмецкихъ университетахъ подъ вліяніемъ Геснера и Гейне, ставитъ себѣ совершенно инныя задачи. Онъ уже не стремится подражать античности; онъ хочетъ лишь понять ее и развить умъ, вкусъ, критическое чутье современныхъ людей на самыхъ совершенныхъ произведеніяхъ человѣческаго генія. Въ этой новой формѣ онъ достигаетъ значительныхъ успѣховъ. Онъ не только торжествуетъ въ концѣ XVIII вѣка въ университетахъ, не только вдохновляетъ въ началѣ XIX вѣка реформу средней школы, но и распространяется за предѣлы университетскихъ круговъ, завоевывая образованную публику. Винкельманъ открываетъ своимъ современникамъ новые горизонты въ сферѣ греческаго искусства, показавъ, что шедевры греческой пластики являются не искусственнымъ продуктомъ академической эстетики, а естественнымъ и самопроизвольнымъ плодомъ эллинскаго генія. Лессингъ противопоставляетъ французской драматической эстетикѣ Аристотеля и истинную драматическую теорію древнихъ. Гердеръ изображаетъ греческую культуру, какъ жизнерадостную молодость человѣчества, и провозглашаетъ, что нѣтъ народа, стоящаго выше грековъ, въ лицѣ которыхъ человѣчество впервые поднялось до яснаго самосознанія. Вильгельмъ Гумбольдтъ утверждаетъ, что «ни одинъ народъ не соединялъ столько простоты и естественности съ такой культурой». Наконецъ, Фридрихъ Августъ Вольфъ видитъ въ изученіи эллинской культуры

лучшее введеніе къ познанію человѣчества и учить, что среди всѣхъ націй одни только греки «являютъ намъ образъ народа, органически разившагося вплоть до своего полного расцвѣта». Онъ провозглашаетъ самостоятельность и независимость филологін, на которую нѣкогда смотрѣли, какъ на вспомогательную науку на службѣ у юриспруденціи и теологін, и утверждаетъ филологію, какъ цѣль въ себѣ, почти какъ религію человѣчества.

Такъ возникаетъ у великихъ нѣмецкихъ классиковъ, у Гёте, Шиллера, Гумбольдта, та идеалистическая концепція эллинства, которая вырастаетъ въ настоящую религію красоты. Греческая культура является для нихъ періодомъ синтеза, который слѣдуетъ за расцвѣтомъ передне-азиатской и египетской цивилизацій. Душа человѣчества какъ-будто сконцентрировала всѣ свои силы, чтобы создать этотъ удивительный цвѣтокъ, въ которомъ резюмируется вся прошлая и предвозвѣщается вся будущая индоевропейская культура. Дѣйствительно, можно сказать, что греки являются экстрактомъ человѣчества и что они, какъ индивидуумы, воплощаютъ въ себѣ тотъ идеаль гармонической полноты и цѣльности, который виталь передъ взорами Гёте. Они, одни изъ всѣхъ народовъ, соединили въ гармоническомъ синтезѣ всѣ человѣческія способности: удивительно утонченную чувствительность, ясный умъ, пламенное воображеніе, могучую волю. Эти столь разнообразныя дарованія у нихъ гармонически слиты и примирены въ единствѣ личности. Душа грека является какъ бы первоначальнымъ и высшимъ типомъ человѣческой души. Она по-истинѣ божественна, потому что человѣчество есть ничто иное, какъ высшее проявленіе Божества въ природѣ.

Этотъ блестящій расцвѣтъ греческой культуры является въ своемъ родѣ единственнымъ моментомъ въ исторіи человѣчества. Дѣйствительно, за періодомъ концентраціи, который его создалъ, слѣдуетъ періодъ распростра-

ненія. У современныхъ народовъ мы также находимъ вновь идеальный образъ челоѣчества. Но этотъ образъ воплощается уже не во всей своей полнотѣ у всѣхъ людей, а лишь частично въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Современный челоѣкъ развиваетъ свои способности односторонне, онъ большей частью представляетъ изъ себя лишь фрагментъ челоѣчества. Привязанный къ узкой задачѣ, поставленный на опредѣленное мѣсто великаго соціальнаго механизма, онъ формируется или, лучше сказать, деформируется своей профессіей. Онъ уже не «челоѣкъ», а лишь специальный винтикъ огромной машины. Съ народами дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ индивидуумами. Греческая культура нашла свое продолженіе въ лицѣ современныхъ націй, но каждая изъ послѣднихъ представляетъ изъ себя лишь преувеличенное развитіе отдѣльныхъ чертъ эллинскаго генія. Въ римлянинѣ продолжаетъ жить практическая смѣтка и серьезный умъ грековъ; въ итальянцѣ—ихъ сверкающее воображеніе, въ испанцѣ—склонность къ экзальтаціи, которую они такъ старательно умѣли подавлять; въ сентиментальномъ англичанинѣ—та мягкая меланхолія, которая окутываетъ легкой дымкой всю греческую жизнь; во французѣ—чувство прекрасной формы; въ нѣмцѣ—глубина мысли. Такимъ образомъ, современная культура, разсматриваемая во всей своей совокупности, является, несомнѣнно, продолженіемъ античной культуры; но вѣчно-челоѣческое уже не воплощается во всей своей полнотѣ ни въ отдѣльномъ народѣ, ни въ отдѣльныхъ индивидуумахъ.

Итакъ, дѣло будущаго должно состоять въ стремленіи къ концентраціи культуры. За періодомъ разсѣянія, который переживаетъ въ настоящее время челоѣчество, долженъ опять наступить періодъ синтеза. Для этого мы должны пойти въ школу къ грекамъ; пойти, конечно, не съ цѣлью возвратиться вспять къ греческой культурѣ, а за тѣмъ,

чтобы «породить новую Грецію», чтобы возстановить цѣлостный образъ человѣчества, человѣчества, еще болѣе богатаго и разносторонняго, чѣмъ древніе греки, человѣчества, которое сумѣло бы усвоить результаты двухтысячелѣтней культуры. Вотъ идеалъ, къ которому стремятся Фаустъ и Вильгельмъ Мейстеръ. Великіе представители классицизма глубоко убѣждены, что среди всѣхъ народовъ достиженіе этого идеала выпадетъ на долю нѣмцевъ. У нихъ есть духовная гибкость, которая облегчаетъ имъ пониманіе всѣхъ продуктовъ иностраннаго творчества, инстинктивное безпристрастіе, которое позволяетъ имъ понимать и опѣивать другіе народы съ полной объективностью; извѣстная универсальность дарованій и способностей, которая объясняетъ, почему ихъ національный геній не представляетъ тѣхъ рѣзко отчеканенныхъ чертъ, какія существуютъ у другихъ народовъ, но зато позволяетъ имъ усваивать результаты самыхъ различныхъ культуръ. Словомъ, нѣмцы являются «наиболѣе человѣческой изъ всѣхъ націй» и, слѣдовательно, болѣе приспособлены къ тому, чтобы осуществить въ будущемъ тотъ гармоническій синтезъ всѣхъ элементовъ человѣческой природы, примѣръ котораго дали намъ греки, и къ которому стремится и наше время.

Мы видимъ, какое высокое мѣсто занимаетъ искусство въ міросозерцаніи великихъ нѣмецкихъ классиковъ. Цѣль, которую они ставятъ человѣчеству, это подражаніе грекамъ, эстетическая культура человѣческаго «я». Познаніе, въ глазахъ Гёте, не только теоретично и раціонально, но и интуитивно; оно вытекаетъ не только изъ абстрактнаго мышленія, но и изъ непосредственнаго и конкретнаго созерцанія вещей. Добро, по мнѣнію Шиллера, не только является результатомъ абсолютной побѣды практическаго разума надъ склонностями, какъ училъ Кантъ; «прекрасныя души» могутъ осуществить въ себѣ полную гармонию между естественными стремленіями и нравственнымъ закономъ.

Въ глазахъ обоихъ высшая нравственность состоитъ въ гармоническомъ развитіи всѣхъ силъ, которыя таитъ въ себѣ человѣческій микрокосмъ. Такимъ образомъ, Искусство ведетъ къ Истинѣ и Добру. Въ свою очередь Истина и Добро, достигая высшей степени совершенства, растворяются въ Красотѣ.

Эта религія красоты оказала глубокое вліяніе на все мышленіе XIX вѣка. Мы находимъ ее у великихъ представителей философскаго идеализма. По мнѣнію Фихте, въ далекомъ будущемъ, послѣ завершенія эры Науки, когда будутъ познаны съ полной ясностью Разумъ и его законы, наступитъ вѣкъ Искусства, когда человечество путемъ полной свободы, достигнутой имъ къ концу своего развитія, облечетъ красотой науку и истину.

Шеллингъ учитъ, что Искусство, въ которомъ раскрывается полное равновѣсіе сознательной и бессознательной дѣятельности, есть наиболѣе совершенное проявленіе нашего «Я». Онъ признаетъ конечную тождественность духа и природы: идеальный міръ Искусства и реальный міръ вещей являются продуктомъ одной и той же силы, которая, дѣйствуя бессознательно, создаетъ реальный и видимый міръ вещей, а, дѣйствуя сознательно, творитъ эстетическій міръ искусства. Міръ, взятый въ цѣломъ, является, слѣдовательно, художественнымъ произведеніемъ: онъ — «еще бессознательная поэзія Духа». Искусство вскрываетъ тождественность реального и идеального, оно — ключъ къ міровой тайнѣ и показываетъ, такимъ образомъ идеальное облекается плотью, и какъ разумъ творитъ природу. Для Гегеля Искусство, Религія и Философія являются тремя ступенями абсолютнаго Духа: Искусство, это абсолютный Духъ, воспринимающій совершенно свободно свою собственную сущность, Духъ, проникающій матерію и пересоздающій ее по своему образу. Наконецъ, для Шопенгауера геній есть чудесный, данный лишь немногимъ избраннымъ, даръ возвыситься до беско-

рытнаго созерцанія вещей, и созданіе генія, Искусство, имѣеть привилегію «воспроизводить вѣчныя идеи, воспринятія имъ путемъ чистаго созерцанія, то-есть существенное и вѣчное въ явленіяхъ міра».

Романтики, въ свою очередь, на перебой провозглашаютъ высокую миссію искусства. Фридрихъ Шлегель своеобразно переноситъ въ теорію искусства идеализмъ Фихте, который сначала противопоставляетъ «Я» «Не Я», чтобы, въ концѣ концовъ, признать тождественность того и другого. Онъ уподобляетъ творческую дѣятельность нашего «Я» акту художественнаго творчества. Поэтъ, художникъ создаютъ фиктивный міръ; но этотъ міръ, въ сущности, обладаетъ такою же реальностью, какъ внѣшній, такъ называемый реальный міръ. Единственное различіе между этими двумя мірами состоитъ въ томъ, что послѣдній есть безсознательное созданіе нашего «Я», между тѣмъ какъ первый является его сознательнымъ созданіемъ. Мы приписываемъ «Не Я» независимое бытіе лишь благодаря иллюзіи, которая разсѣется съ развитіемъ нашего сознанія. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ мы будемъ яснѣе вглядываться въ самихъ себя, мы будемъ понимать все отчетливѣе, что міръ реальный и міръ поэзии тождественны, что Вселенная есть художественное созданіе нашего высшаго «Я», и что истинный художникъ есть творецъ міровъ.

Новались въ своей теоріи магическаго идеализма выводятъ послѣднія слѣдствія изъ этого парадоксальнаго отождествленія поэтическая генія съ деміургомъ, творцомъ реальной вселенной. Искусство является для него той освободительной силой, при помощи которой наше «Я» мало-по-малу достигнетъ всемогущества. Современный художникъ создаетъ частичныя иллюзіи, пользуясь той или иной способностью, которой онъ верховно располагаетъ. Такъ, живописецъ, вызывающій при помощи своей кисти

цѣлый міръ грезь, въ извѣстномъ смыслѣ господствуетъ надъ чувствомъ зрѣнія. Точно такимъ же образомъ музыкантъ господствуетъ надъ чувствомъ слуха, а поэтъ надъ фантазіей и воспримчивостью. Предположимъ теперь, что всѣ эти частичные гении слиты въ единый верховный гений, который создаетъ свой міръ по своему произволу и творить его всецѣло изъ себя, вмѣсто того, чтобы вступать въ соприкосновеніе съ чужой реальностью, и мы получимъ типъ магическаго идеалиста. Такимъ образомъ, искусство есть первая стадія того завоеванія міра напимъ «Я», къ которому стремятся мистики. Высшая побѣда идеализма, наступленіе «царства Вѣчности» будетъ въ тоже время апофеозомъ поэзіи. Когда погибнетъ «Царство Солнца», царство дуалистической иллюзіи, Сказка займетъ мѣсто Парка, и Поэзія замѣнитъ Судьбу и будетъ ткать нити всемірной исторіи. Блаженная жизнь не только царство абсолютнаго Разума, какъ утверждалъ философскій идеализмъ; она въ то же время и торжество Красоты; она свободно развертывается подобно гармонической поэмѣ или божественной грезѣ.

И если не всѣ романтики идутъ такъ далеко, какъ Новалисъ, въ обожествленіи Искусства и прославленіи его магической власти, то всѣ они склонны отождествлять Искусство, Философію и Религію, видѣть въ миссіи художника священнодѣйствіе, искать у поэтовъ, живописцевъ и музыкантовъ глубочайшихъ откровеній міровой тайны, видѣть въ нихъ ясновидцевъ, выражающихъ въ своихъ поэтическихъ, музыкальныхъ и пластическихъ символахъ истины высшаго порядка, до которыхъ разумъ не въ состояніи возвыситься собственными средствами.

Этотъ культъ Искусства проходитъ въ общемъ черезъ все ХІХ столѣтіе. Мы встрѣчаемъ его (ограничимся лишь этими примѣрами) у двухъ крупнѣйшихъ художниковъ современной Германіи: у Геббеля и Рихарда Вагнера.

Совершенно так же, как романтики, Геббель провозглашает, что человек для того, чтобы осознать свою судьбу во всей ее трагической необходимости, может выбрать один из двух путей: или путь Разума и Науки или путь Интуиции и Искусства. Подобно романтикам он убежден в меньшей ценности сознательного разума, твердо вѣря, что наиболее адекватную картину действительности нам дает интуиция, то «внутреннее озарение», которое бьет ключом в души поэта. Для него искусство есть продолжение акта творения, есть одновременно индивидуальное и символическое выражение всемирного становления, высшее проявление человеческих муз, нравственное сознание человечества, живое оправдание философии, высшая форма жизни.

Для Вагнера Искусство также является высшей освободительной силой. Художник в создаваемых им идеальных образах показывает человеку путем непосредственной интуиции цель, к которой он должен стремиться во всех областях своей деятельности. Между тем как ученый и философ стремятся сознательно познать вселенную, формулировать через разум и для разума мировую физическую и моральные законы, художник переводит с помощью своих символов чисто теоретическую и отвлеченную концепцию мыслителя для интегрального человека. Между тем как ввращающийся видит в торжестве над эгоистической волей высшую цель человеческих стремлений, поэт вызывает перед нашими глазами картину наших будущих побед, радостное видение возрожденного человечества. Художественное произведение, говорит Вагнер, есть «живое изображение религии». Фикции художников, подобно религиозным аллегориям священников, являются символическими образами той вѣчной истины, которая ускользает от всякого непосредственного изображения.

Музыка, которую Вагнеръ вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ считаетъ непосредственнымъ выраженіемъ воли, особенно приспособлена для возвѣщенія великой трагедіи грѣхопаденія и искупленія въ ея конечной реальности. Симфонія Бетховена есть болѣе высокое и чистое откровеніе христіанской истины, чѣмъ всѣ догматы священниковъ. Современная вѣра устала отъ традиціонныхъ религіозныхъ аллегорій, очень трогательныхъ по своей наивности, но въ то же время весьма несовершенныхъ и становящихся ложными, лишь только ихъ начинаютъ выдавать за метафизическіе и историческіе догматы. Вышее, выраженіе религіознаго чувства, современную форму религіознаго міеа мы находимъ въ великихъ произведеніяхъ Софокла, Шекспира, Бетховена и особенно въ музыкальной драмѣ, этой высшей формѣ симфоніи.

Такъ, черезъ весь XIX вѣкъ въ различныхъ формахъ красной нитью проходитъ это основное убѣжденіе въ безконечной цѣнности искусства и высококомъ призваніи художника. Считаетъ ли нѣмецкая мысль жизнь въ красотѣ послѣднюю цѣлью человѣческой культуры, отождествляетъ ли она художественное творчество съ творческимъ актомъ, изъ котораго возникъ міръ, приписываетъ ли она поэтическому воспроизведенію міра столь же значительную или еще большую степень «истинности», чѣмъ научному описанію, видитъ ли она, наконецъ, въ художникѣ преемника священнослужителя и наиболѣе авторитетнаго истолкователя нашей религіозной вѣры, она всегда придаетъ Искусству выдающееся значеніе. Она чтитъ въ немъ силу того же порядка, какъ наука, мораль и религія.

II. Реакція противъ культа искусства.

Развитіе предпринимательства нанесло тяжелый ударъ современной религіи Искусства и общей высокой культурѣ.

Прежде всего, оно дало чисто позитивную и прозаическую постановку проблемѣ культуры. Для современнаго предпринимателя культура лишь товаръ, высоко цѣнимый все болѣе и болѣе широкой публикой. Производство культурныхъ цѣнностей разсматривается, какъ индустрія, притомъ, какъ очень доходная индустрія. Дѣйствительно, съ общимъ ростомъ богатства сильно увеличивается число тѣхъ, кто можетъ притязать на тщательное образованіе, и особенно число интеллигентныхъ работниковъ, имѣющихъ возможность отдавать свои силы профессіямъ, непосредственно бесполезнымъ для матеріальной жизни. При этихъ условіяхъ «культуру» стремятся производить en gros. Въ XIX столѣтіи происходитъ чудовищный ростъ всѣхъ предпріятій, имѣющихъ цѣлью распространеніе культуры въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ среди всѣхъ слоевъ населенія.

Прежде всего весьма значительно развивается народное образованіе. Нѣсколько цифръ позволятъ намъ составить приблизительное представленіе о прогрессѣ въ этой области. Въ 1882 г. Пруссія насчитываетъ 20,440 начальныхъ школъ съ 1,427,045 учениками; въ 1901 году—въ городахъ 4,413 школъ съ 35,733 классами и въ сельскихъ мѣстностяхъ 32,332 школы съ 68,849 классами съ общимъ количествомъ болѣе, чѣмъ въ 5,680,000 учениковъ. Средняя школа развивается тѣмъ же темпомъ: въ 1835 году Пруссія имѣетъ 136 гимназій и прогимназій; въ 1905 году уже 363, къ которымъ нужно присоединить 335 реальныхъ гимназій и училищъ. Не менѣе поразителенъ, несмотря на явный упадокъ теологическихъ факультетовъ, которые теряютъ въ теченіе вѣка почти половину своихъ слушателей, и ростъ общаго числа студентовъ въ университетахъ: въ 1830 году ихъ было 15,870, въ 1850 году—12,426, въ 1905 году—37,677. Бюджетъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія и культовъ выросъ съ 10 миллі-

оновъ марокъ въ 1850 году до 185 милліоновъ марокъ въ 1905 году.

Прогрессъ народнаго образованія замѣчательнъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не только увеличивается число учебныхъ заведеній старыхъ типовъ, но въ теченіе вѣка возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ образовательныхъ учрежденій: высшихъ техническихъ, сельскохозяйственныхъ и коммерческихъ школъ, реальныхъ училищъ и гимназій, разнаго рода общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школъ, курсовъ для взрослыхъ, народныхъ университетовъ, бесплатныхъ и платныхъ лекцій, народныхъ библиотекъ, всякаго рода коллекцій и музеевъ. Численность учащихся и преподавательскаго персонала возросла въ огромныхъ размѣрахъ; въ то же время развилась и профессиональная подготовка этого персонала. Въ общемъ сумма познаній, получаемая націей, удивительно возросла. Германія гордится тѣмъ, что она въ дѣлѣ народнаго образованія идетъ во главѣ современныхъ цивилизованныхъ націй. Она ревливо слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не быть превзойденной въ этой области ни однимъ изъ соперничающихъ народовъ.

За школой слѣдуетъ книга. Германія, какъ извѣстно, является самымъ крупнымъ въ мірѣ производителемъ книгъ. Въ начала XIX вѣка годичная цифра новыхъ произведеній не превышала 3,900. Въ 1900 году она поднимается до 24,792, въ 1905 году до 28,886, между тѣмъ какъ Франція, которая занимаетъ въ книжномъ производствѣ второе мѣсто, выпустила въ 1904 году лишь 12,139 названій. Если считать каждое изданіе въ среднемъ по 1,000 экземпляровъ, то въ Германіи ежегодно печатается на каждыхъ два жителя по одной новой книгѣ! Книжная индустрія находится въ полномъ расцвѣтѣ: она насчитываетъ въ 1905 году 7,152 издательства и вывозитъ за границу на 290 милліоновъ марокъ. Мало того, книжное производство принимаетъ все болѣе и болѣе индустриальный

характеръ. Авторъ, и это относится даже и къ произведеніямъ научнаго характера, все болѣе становится простымъ, часто совершенно подчиненнымъ исполнителемъ предпринимателя, который заказываетъ ему то или иное сочиненіе. Множество всякаго рода словарей, энциклопедій, «коллекцій», «библіотекъ» и подписныхъ изданій ясно указываетъ, что огромное большинство выходящихъ въ настоящее время изданій является результатомъ скорѣе книгопродавческой спекуляціи, чѣмъ плодомъ художественной или ученой мысли.

Германія наводнена книгами. Но еще многочисленнѣе газеты и журналы. Гёте въ 1825 уже металъ молніи противъ газеты съ ея «разлагающей критикой» и шумливой гласностью, которая, правда, распространяетъ среди массъ своего рода полубразованіе, но «для творческаго таланта является лишь губительнымъ туманомъ, соблазнительнымъ ядомъ, который гложетъ зеленые побѣги фантазіи, срываетъ съ нея ея блестящую листву и проникаетъ въ самыя ея глубины, гдѣ находятся жизненные соки и самыя нѣжные волокна». Когда писалъ эти слова Гёте, въ Пруссіи было 845 газетъ. Въ 1869 году ихъ было 2,127, а въ 1891 году число газетъ занесенныхъ въ почтовый списокъ, достигло уже 7,082. Тиражъ всѣхъ этихъ газетъ возросъ въ огромныхъ размѣрахъ. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ число газетныхъ номеровъ, пересланныхъ по почтѣ, утроилось, поднявшись съ полумилліарда въ 1885 г. до полутора милліардовъ въ 1905 году. Жалобы на отрицательныя стороны журнализма и на посредственность того полубразованія, которое даютъ газеты широкой публикѣ, со времени Гёте не прекращались. Но зло, если оно существуетъ, лишь ухудшилось. Подобно книжной индустріи, индустрія новостей, оперирующая путемъ ли печатнаго текста или иллюстрацій, принимаетъ все болѣе и болѣе колоссальные размѣры.

При этихъ условіяхъ художественная дѣятельность также начинаетъ принимать все болѣе и болѣе индустріальный характеръ. Концерты, театральныя представленія, разнаго рода художественныя выставки становятся все многочисленнѣе. Съ 1882 по 1895 годъ число лицъ, добывающихъ средства къ существованію въ качествѣ музыкантовъ и актеровъ, поднялось съ 46,508 до 65,565, увеличившись такимъ образомъ на 41%, между тѣмъ какъ все народонаселеніе за тотъ же промежутокъ времени возросло лишь на 14%. Извѣстно громкое проклятіе, брошенное въ серединѣ вѣка Рихардомъ Вагнеромъ «эгоистическому» искусству капиталистическаго общества, тому порочному и въ корнѣ развращенному стремленію къ «блѣдному» металлу искусству, которое продажно, искусственно и удовлетворяетъ не инстинктивную потребность въ красотѣ, всегда дремлющую въ народѣ, а деморализующую потребность въ роскоши и нездоровую жажду развлеченій и наслажденій, томящую богачей. Несмотря на все свое романтическое преувеличеніе, проклятія Вагнера выражаютъ несомнѣнный фактъ, именно, что искусство, подъ вліяніемъ капиталистическаго духа изъ безкорыстнаго и идеалистическаго порыва къ красотѣ, все болѣе превращается въ методическую и обдуманную эксплуатацію потребности въ роскоши и внѣшнемъ блескѣ, развлеченіяхъ и удовольствіяхъ не только богатыхъ людей, но и народныхъ массъ. Нѣтъ сомнѣнія, что крупныя театральныя и концертныя предприятия, выставки картинъ и декоративнаго искусства носятъ прежде всего характеръ промышленныхъ предприятий. Какъ ученый нерѣдко является простымъ наемнымъ работникомъ у крупнаго книгоиздательства, точно такъ же и «художникъ» часто превращается въ поставщика театра, журнала или библіотеки романовъ и работаетъ, повинуваясь не своему внутреннему «генію», а просто для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ хорошо извѣстныхъ вку-

совъ публики. Въ наши дни театръ, романъ, опера, пѣсня, живопись и скульптура превратились въ особыя отрасли индустрiи. Все труднѣе становится рѣшить, гдѣ кончается промышленность, и гдѣ начинается искусство. Установить границы, отдѣляющія фабричный продуктъ, лишенный всякой эстетической цѣнности, отъ дѣйствительно художественнаго произведенiя, въ которомъ воплощается безкорыстное стремленiе къ красотѣ.

По мѣрѣ того какъ въ сферѣ культуры и искусства совершилась эволюция, общiй характеръ которой я только что отмѣтилъ, измѣнилось и положенiе, занимаемое ими въ таблицѣ цѣнностей.

Вполнѣ естественно, что, какъ только воля къ власти и богатству сдѣлалась доминирующимъ инстинктомъ, какъ только погоня за выгодой начала завоевывать все большее общественное уваженiе, цѣнность культуры и искусства стала падать. Классическiй и романтическiй идеализмъ видѣлъ въ свободной игрѣ духовныхъ силъ чловѣка, въ философи, искусствѣ, поэзи, религи, высшую форму чловѣческой дѣятельности и провозглашалъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ Шлегелемъ: «Высшимъ благомъ и единственно важной вещью является культура!» Реалистическiй и позитивный духъ вѣка рѣшительно выступаетъ противъ этой оцѣнки. Поворотъ общественнаго мнѣнiя, замѣчается уже у Гёте въ «*Wilhelm Meisters Wanderjahren*». Идеалу интегральной культуры, гармоническаго развитiя всѣхъ силъ чловѣческаго «я» Гёте настойчиво противопоставляетъ необходимость специализацiи, которая одна дѣлаетъ изъ индивидуума полезнаго члена общества: «Хорошо знать и хорошо дѣлать одну вещь—гораздо болѣе содѣйствуетъ развитiю, чѣмъ умѣнiе дѣлать наполовину дюжину вещей». Первая обязанность чловѣка—основательно изучить какую-либо профессiю. Для среднихъ умовъ эта профессiя останется ремесломъ, для выдающихся же натуръ она превратится

въ искусство. Даже геній увидить въ единственной совершенно созданной имъ вещи эмблему всѣхъ хорошихъ вещей, символъ всякой дѣйствительно плодотворной и полезной дѣятельности. Такимъ образомъ, практическая и полезная для общества дѣятельность выставляется Гёте какъ долгъ, обязательный для всѣхъ людей, даже для верховъ общества. Отнюдь не подчиняемая и приносимая въ жертву общей культурѣ, полезная практическая дѣятельность является, напротивъ, единственнымъ путемъ къ истинѣ и красотѣ.

Начиная со второй половины XIX вѣка, это убѣжденіе все болѣе укрѣпляется въ нѣмецкомъ обществѣ.

Успѣхи промышленности и торговли, реальная политика Бисмарка, развитіе матеріалистическихъ и позитивистическихъ идей въ философіи приводятъ къ оживленію утилитарнаго духа. Въ сферѣ народнаго образованія эта тенденція проявляется въ созданіи рядомъ съ гуманитарной классической гимназіей современной реальной школы, отводящей больше мѣста естественнымъ наукамъ и живымъ языкамъ, болѣе практической и потому болѣе приспособленной къ потребностямъ индустріальной и коммерческой буржуазіи. Новая система образованія, развивающаяся въ Германіи на основѣ естественныхъ и историческихъ наукъ, можетъ быть, не свободна отъ упрековъ. Извѣстно, съ какими гнѣвомъ и презрѣніемъ заклеимилъ Ницше въ своихъ «Несвоевременныхъ размышленіяхъ» дорогую для образованнаго филистера, для «Bildungsphilister»'а культуру, эту «сократическую» культуру, опирающуюся на стремленіе къ познанію и игнорирующую жизненныя необходимыя, тривиально оптимистическую и недовѣрчивую къ генію, рутинерскую и въ то же время нетерпимую въ своей посредственности. Мы вспоминаемъ ѣдкія нападки Заратустры на современныхъ «цивилизованныхъ» людей, которые гордо утверждаютъ, что «мы исполнѣ реальны и свободны отъ всякихъ вѣрованій

и сѣвѣрій», а въ дѣйствительности «сплошь отмѣчены знаками прошлаго» и представляютъ изъ себя пеструю смѣсь чертъ, заимствованныхъ у всѣхъ временъ и народовъ, съ которыми они бѣгло познакомились подъ руководствомъ неумныхъ наставниковъ.

Мы должны, прочемъ, признать, что, если этой утилитарной культурѣ, глубоко ненавистной такому аристократическому темпераменту, какимъ былъ Ницше, и недостаетъ, можетъ-быть, очарованія, величія и стила, она все же является нормальнымъ продуктомъ общей эволюціи нѣмецкой психологіи. Можно утверждать, что сама по себѣ она совершенно не привлекательна, но тѣмъ не менѣе она вдохновляла поколѣнія, побѣдившія при Садовой и Седанѣ. И сама ярость нападковъ Ницше указываетъ, что онъ чувствуетъ себя въ своихъ антипатіяхъ изолированнымъ, «несвоевременнымъ». Я думаю, что, несмотря на свой огромный успѣхъ, онъ остается такимъ и въ настоящее время. Несмотря на его страстные протесты противъ злоупотребленія исторіей, противъ филологическаго образованія, абстрактной науки и спеціализаціи, противъ дешеваго соціального оптимизма и вѣры въ непрерывный прогрессъ человѣчества, средняя культура современной Германіи остается преимущественно исторической, филологической, научной, утилитарной и оптимистической, не склонной къ крайнимъ рѣшеніямъ и всегда готовой разрѣшать путемъ болѣе или менѣе удачныхъ компромиссовъ всякія противорѣчія нашего времени, въ своихъ основныхъ чертахъ скорѣе практическаго, чѣмъ эстетическаго.

При этихъ условіяхъ искусство уже не можетъ представлять для національнаго сознанія ту исключительную цѣнность, которую она имѣла въ началѣ столѣтія. Успѣхи имперіалистическаго рационализма подорвали одновременно какъ религіозную, такъ и эстетическую вѣру. Современный

позитивизмъ иногда даже вообще оспариваетъ цѣнность искусства. Онъ предполагаетъ, что въ жизни будущихъ вѣковъ искусство и поэзія будутъ занимать лишь очень незначительное мѣсто. Онъ указываетъ, что естественное развитіе человѣка происходитъ отъ инстинкта къ познанію, отъ произвольнаго чувства къ разсудочности. Онъ утверждаетъ, что художественная интуиція есть смутное воспріятіе, уступающее въ цѣнности раціональнымъ идеямъ. Онъ предсказываетъ, что научное наблюденіе будетъ одерживать все большія побѣды надъ воображеніемъ, и что культурный человѣкъ все болѣе будетъ посвящать себя исключительно наукамъ, оставляя искусство и поэзію на долю наиболѣе склонной къ эмоціямъ части человечества, — женщинъ, дѣтей и юношества.

Современный натурализмъ отчасти раздѣляетъ сомнѣнія утилитарнаго позитивизма. Ницше подвергаетъ самой безжалостной критикѣ религію искусства классиковъ и романтиковъ. Несомнѣнно, художники хотѣли бы убѣдить насъ въ томъ, что они оракулы высшей мудрости, недоступной простому человѣку. «Они вѣрятъ, — говоритъ Заратустра, — что мечтатель, валяясь на травѣ и наостривъ свои уши, узнаетъ кое-что о тѣхъ вещахъ, которыя находятся между небомъ и землею». Но это только поза, отвѣчаетъ Ницше. Точное изученіе психологіи художника разсѣиваетъ нѣмбъ славы, которымъ онъ любитъ украшать себя. Не правда, что гений — чудный даръ небесъ; онъ, напротивъ, есть «долготерпѣніе», и мы можемъ теперь убѣдиться на основаніи черновыхъ рукописей Бетховена, что его самыя возвышенныя мелодіи вовсе не импровизаціи, а результатъ долгой работы и строгаго выбора. Не правда, что художественному произведенію присущъ характеръ «необходимости», которымъ обладаютъ живые организмы: передъ высшей реальностью художественнаго произведенія могутъ преклоняться только тѣ,

кто видит въ реальномъ человѣкѣ лишь силуэтъ, а не единственнаго, несравнимаго, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ необходимаго индивида, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности. Художникъ не искрененъ, онъ сражается не за истину, а за тѣ истолкованія жизни, которыя общаются ему наиболѣе красивые эффекты. Онъ не ясновидецъ, который приноситъ намъ въ символическихъ образахъ истины, угаданныя имъ въ силу пророческаго дара. Далеко не будучи пионеромъ культуры, онъ—запоздалый, эпигонъ, «заклинатель мертвыхъ», который нѣсколько расцвѣчиваетъ угасшія и поблѣднѣвшія представленія и искусственно оживляетъ устарѣлыя методы мышленія. Искусство расцвѣтаетъ, когда религіи теряютъ подъ собою почву, когда ихъ догматы, поколебленные критикой, вызываютъ къ себѣ непреодолимое недовѣріе. Тогда чувство, изгнанное изъ области религіи успѣхами просвѣщенія, находитъ себѣ новое поле дѣятельности въ сферѣ искусства. Художникъ становится преемникомъ священника. Послѣ гибели религіи онъ оживаетъ и поддерживаетъ священное пламя энтузіазма, утѣшаетъ человѣчество, давая ему, въ свою очередь, фиктивное объясненіе страданія и зла, помогаетъ ему на короткое время палліативами и наркотиками, не излѣчивая его окончательно. Но царство искусства такъ же эфемерно, какъ и царство религіи. Стремленіе къ знанію все болѣе властно гонитъ человѣка къ изученію природы и историческимъ изслѣдованіямъ. Уже теперь человѣчество смотритъ на искусство, какъ на грустное воспоминаніе о радостяхъ молодости, какъ на чудесное отраженіе уже закатившагося солнца, лучи котораго не доходятъ до насъ непосредственно, но все еще освѣщаютъ и озаряютъ золотымъ багрянцемъ небо нашей жизни, хотя его самого мы уже не видимъ.

Современная эпоха является реакціей романтическому

культу Искусства еще съ другой точки зрѣнія. Какъ мы видимъ, она рѣшительно отвергаетъ притязанія Искусства стать соперничающей съ Наукой силой, представить художественное произведеніе толкованіемъ дѣйствительности, равноцѣннымъ съ раціоналистическимъ ея изображеніемъ. Она отвергаетъ и домогательства Искусства стать выше дѣйствительности. Искусство не можетъ ни превосходить жизнь, ни исправлять ее: напротивъ, величіе искусства состоитъ въ томъ, чтобы служить жизни, украшая ее и дѣлая ее такой, чтобы стоило жить.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя идеи Ницше также обладаютъ, съ моей точки зрѣнія, не только индивидуальной, но и типической цѣнностью и выражаютъ однѣ изъ самыхъ глубокихъ тенденцій современной нѣмецкой души. Какъ извѣстно, для Ницше основной принципъ высшаго искусства состоитъ въ діонисическомъ опьяненіи, въ повышенномъ чувствѣ силы, въ чувствѣ быющей черезъ край жизни, которое заставляетъ человѣка обогащать собственной полнотой все, что его окружаетъ, и измѣнять вещи такъ, чтобы онѣ стали мысленнымъ отраженіемъ его воли къ могуществу. Человѣкъ создаетъ красоту, инстинктивно вкладывая въ вещи свое собственное совершенство, изливая въ природу излишки той жизненной силы, кипѣніе которой онъ въ себѣ чувствуетъ. Онъ — причина и мѣра всего прекраснаго и всего безобразнаго. Прекрасное есть высшая радость, которую чувствуетъ торжествующая воля къ могуществу, когда созерцаетъ въ самой себѣ и внѣ себя образъ своего славнаго совершенства. Безобразное, есть вырождающійся человѣкъ, есть ослабленіе воли къ могуществу. Красота есть тоническое, возбуждающее средство; безобразіе принижаетъ и придавляетъ. Такъ, въ рукахъ настоящаго художника искусство становится орудіемъ жизни. Прежде чѣмъ создавать художественное произведеніе въ собственномъ смыслѣ слова,

прежде чѣмъ заняться «искусствомъ творить художественныя произведенія», онъ долженъ поработать надъ тѣмъ, чтобы, сдѣлать существованіе болѣе прекраснымъ, сдѣлать человѣка болѣе выносимымъ и, если возможно, болѣе приятнымъ для ему подобныхъ. Онъ долженъ попытаться утончить его, привить ему изящество, элегантныя манеры, тактъ. Облагородить человѣческую жизнь, сдѣлавъ ее прекрасной, такова огромная и славная задача истиннаго и здороваго искусства, которое черпаетъ свою силу изъ бьющей черезъ край жизни и стремится сдѣлать жизнь такою, чтобы стоило жить.

Чистое искусство есть только высшій расцвѣтъ исключительно богатой и плодотворной природы. Великій гений, чувствующій въ себѣ избытокъ благодѣтельныхъ силъ, находитъ для нихъ выходъ, творя художественное произведеніе, апоэозъ роскошной, бьющей черезъ край и гармонической жизни. Это—великое и дѣйствительно классическое искусство, которое сверкаетъ въ произведеніяхъ Гомера, Софокла, Теокрита, Кальдерона, Расина, Гёте, искусство здоровое и благотворное, въ которомъ исключительно напряженная воля къ могуществу изливаетъ избытокъ своихъ силъ и распускается цвѣткомъ чудной красоты на радость и счастье людямъ.

Мысль, что искусство не должно замыкаться въ прерывательной изолированности, что оно не должно быть лишь изысканнымъ развлеченіемъ для небольшой группы утонченныхъ умовъ, что оно не можетъ безнаказанно отрываться отъ дѣйствительности, и что, напротивъ, оно должно работать на пользу Жизни, за послѣднее время, я думаю, получила въ Германіи широкое распространеніе. Не то, чтобы отвергали «искусства для избранныхъ» или осуждали дерзанія и утонченность современнаго импрессионизма, именно въ области лирики и музыки, а также и въ сферѣ живописи; но наблюдается довольно замѣтная реак-

ція противъ «декадентскаго» искусства, противъ крайностей нео-романтизма. Раздаются все болѣе и болѣе многочисленные голоса, требующія «возврата къ Гёте». Подъ этими словами разумѣютъ отнюдь не реставрацію эллинизирующаго эстетизма конца XVIII вѣка, а стремленіе къ новому классицизму, къ здоровому и гармоническому искусству, которое ставитъ своею задачей сдѣлать жизнь такою, чтобы стоило жить. Та же самая тенденція еще болѣе проявляется въ современномъ развитіи художественной промышленности, которая стремится придать извѣстный стиль современному жилищу и сдѣлать болѣе красивой обстановку, среди которой протекаетъ повседневная жизнь.

Стремясь служить жизни, искусство, повидимому, старается также стать болѣе демократическимъ. Наболѣе характернымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ является Вагнеръ. Непреодолимая потребность толкаетъ его къ возможно болѣе широкому общенію съ вѣшнимъ міромъ и массою. Онъ стремится всѣми своими силами къ народному искусству, подобному античной трагедіи, процвѣтавшей въ Греціи въ классическій періодъ, и народной пѣснѣ въ Германіи. Онъ хочетъ, чтобы искусство отвѣчало дѣйствительной національной потребности, а не было времяпрепровожденіемъ нѣсколькихъ бездѣльниковъ или отдыхомъ для капиталиста-предпринимателя, утомленнаго безумной погошей за богатствомъ. Онъ работаетъ съ неподобнымъ энтузіазмомъ надъ созданіемъ «универсальной» драмы, въ которой должны братски участвовать всѣ искусства, поэтъ, исполнители и публика. Этотъ порывъ къ человѣческой солидарности, благодаря которому Вагнеръ спустился съ эмпиреевъ идеальнаго искусства къ народу, какъ Лозенгринъ спустился съ чистыхъ высотъ Святаго Грааля на землю, чтобы прійти на помощь Эльзѣ въ ея скорби, раздѣляется въ XIX вѣкѣ очень многими

художниками. Живописцы и поэты наперерывъ стараются приблизиться къ толпѣ, изобразить вплоть до мелочей судьбы городскихъ рабочихъ и сельскаго населенія, вѣрно и добросовѣстно описать народную жизнь во всемъ ея областномъ и мѣстномъ разнообразіи, словомъ, ознакомить всѣхъ въ непосредственно доступной формѣ съ жизнью современнаго нѣмецкаго народа. Архитекторы и декораторы, съ своей стороны, рѣшительно берутся за разрѣшеніе трудной задачи создать для народа здоровыя и комфортабельныя жилища и внести нѣкоторую красоту въ повседневную жизнь простыхъ людей. Въ основѣ большей части этихъ попытокъ лежитъ, несомнѣнно, извѣстная доля романтическихъ иллюзій. Огромное большинство такого рода произведеній является «народнымъ» лишь по виду, а въ дѣйствительности обращается къ болѣе или менѣе ограниченному кругу образованныхъ людей. Если подумать о той пропасти, которая раздѣляетъ въ настоящее время культуру массы отъ культуры утонченныхъ людей, то можно задать себѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ возможно теперь вообще появленіе подлинно народнаго искусства, способнаго одновременно понравиться толпѣ и удовлетворить требованіямъ изысканнаго вкуса. Но нужно, по крайней мѣрѣ, признать, что у весьма большаго числа нѣмецкихъ художниковъ существуетъ очень искреннее и очень дѣятельное желаніе найти формулу такого искусства.

Необходимо также отмѣтить, что этому стремленію художниковъ стать ближе къ народу, соотвѣтствуетъ могущественный порывъ народа къ культурѣ и искусству. Соціалистическое движеніе привело къ пробужденію среди массъ научной любознательности и чувства красоты. Конечно, социализмъ утверждаетъ, что только общество будущаго откроетъ всѣмъ свободный доступъ въ царство истины и красоты, что лишь оно приведетъ къ великому художе-

ственному и интеллектуальному расцвѣту, который является конечною цѣлью соціальной эволюціи. Однако, думая, что одна лишь соціальная революція можетъ открыть народу доступъ къ высокой культурѣ, соціалъ-демократія тѣмъ временемъ прилагаетъ всѣ усилія теперь же улучшить положеніе пролетарія въ области образованія, такъ же, какъ въ экономическомъ отношеніи. Стремясь облегчить уже въ рамкахъ буржуазнаго общества условія жизни рабочаго класса, она старается поднять и его умственный уровень, и это удается ей въ широкой мѣрѣ.

Конечно, стремленіе соціалистовъ къ культурѣ не вполнѣ безкорыстно. Они хорошо сознаютъ, что наука есть сильнѣйшее орудіе власти, что, говоря словами Бэкона, «знаніе есть сила». Они говорятъ себѣ, что для завоеванія власти рабочіе должны не только заботиться о своемъ физическомъ развитіи, но и пріучить свой мозгъ къ мышленію и рефлексіи и усвоить себѣ возможно большее количество основательныхъ и стройно упорядоченныхъ познаній. Но они видятъ въ культурѣ не только дѣйствительное орудіе классовой борьбы: они начинаютъ мало-по-малу цѣнить ее ради ея самой. Среди рабочихъ развивается искренняя жажда знанія. Интеллигентные соціалъ-демократы интересуются не только экономическимъ ученіемъ партіи; они понимаютъ, что марксизмъ покоится на общемъ жизнепониманіи и стремятся, поэтому, быть au courantъ съ общими результатами естественныхъ и историческихъ наукъ. Этимъ объясняются успѣхи учреждений, ставящихъ своею цѣлью распространеніе просвѣщенія среди рабочихъ: клубовъ для собесѣдованія и чтенія, библиотекъ, литературныхъ и научныхъ лекцій, общеобразовательныхъ курсовъ, въ родѣ рабочей школы въ Берлинѣ. Стремясь къ образованію, рабочій заявляетъ свое право и на художественное развитіе; онъ хочетъ, чтобы «искус-

ство принадлежало народу». Онъ спѣшилъ съ энтузіазмомъ на представленія народныхъ театровъ, которые ставятъ для рабочей публики выдающіяся произведенія соціальной драмы, пьесы Гауптмана, Ибсена, Толстого, Горькаго и современныхъ нѣмецкихъ «натуралистовъ». Онъ съ интересомъ читаетъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ классиковъ, именно Гейне, который прославляется соціалистическими писателями, какъ одинъ изъ передовыхъ борцовъ германской демократіи. Его вниманіе начинаютъ привлекать и изящныя искусства; установлено, что многіе рабочіе охотно приобрѣтаютъ недорогія, но прекрасныя репродукціи шедевровъ живописи, выпускаемыя въ настоящее время на рынокъ нѣсколькими издательствами.

При этихъ условіяхъ, я не думаю, чтобы въ демократическомъ движеніи мы необходимо должны были бы видѣть угрозу искусству. Со времени Гейне и Ницше социалистовъ часто изображаютъ, какъ «внутреннихъ варваровъ», какъ разрушителей всякой высшей культуры. Это обвиненіе и несправедливо, и ошибочно. Въ настоящее время нѣмецкій пролетаріатъ проявляетъ, по видимому, не меньше научнаго и художественнаго идеализма, чѣмъ буржуазія. Съ другой стороны, нужно согласиться съ тѣмъ, что воображаемый союзъ между пролетаріатомъ и новымъ искусствомъ находится пока еще въ состояніи болѣе или менѣе смутныхъ надеждъ и стремленій. Какая судьба постигнетъ намѣчающееся движеніе? Появится ли когда-либо на сцѣну нашему искусству роскоши настоящее народное искусство, на самомъ дѣлѣ опирающееся на пониманіе и энтузіазмъ массъ? Ничто не мѣшаетъ намъ желать и надѣяться, но я не думаю, чтобы историкъ могъ сказать по этому поводу что-либо положительное. Этотъ вопросъ можетъ разрѣшить одно лишь будущее.

ГЛАВА II.

Романтизмъ, реализмъ и импрессионизмъ.

I. Р о м а н т и з м ъ.

Отмѣтивъ общія цѣли, къ которымъ стремится искусство въ Германіи, я хотѣлъ бы теперь охарактеризовать въ общихъ чертахъ основныя теченія, проявившіяся въ теченіе XIX вѣка въ исторіи нѣмецкаго искусства.

Ранѣе всего, въ началѣ вѣка, мы встрѣчаемъ «романтизмъ». Этимъ терминомъ я охватываю не только тѣ группы писателей и мыслителей, которыхъ историки литературы обычно называютъ ранними и поздними романтиками, но вообще всѣхъ писателей и художниковъ, у которыхъ преобладаетъ «романтическая» психологія. Основныя тенденціи послѣдней мы и пытаемся сейчасъ опредѣлить.

Когда въ послѣдніе годы XVIII вѣка впервые намѣчается романтическое движеніе, оно не возстаетъ противъ классицизма, какъ это сдѣлалъ позднѣе французскій романтизмъ. Противникомъ, котораго оно осыпаетъ своими сарказмами, является многочисленная партія самодовольныхъ и умѣренныхъ посредственностей, послѣдніе представители клонящагося къ упадку рационализма эпохи просвѣщенія. Пбо въ Германіи литературный и философскій классицизмъ самъ явился реакціей противъ вырождающагося рационализма съ его иссушающимъ интеллектуализмомъ и плоскимъ утилитаризмомъ. Таинмъ обра-

зомъ, въ началѣ романтики хотѣли лишь продолжить традиціи классицизма. Высмѣвая Николай и его аптеку анти-философскихъ элексировъ, выступая противъ «гармонической плоскости» самодовольныхъ филистеровъ, противъ узкаго утилитаризма «мораль-экономовъ», сводящихъ жизнь къ расчету интересовъ и не желающихъ знать ни о чемъ, что бы выходило за предѣлы осторожнаго, аккуратнаго и ограниченнаго буржуазнаго существованія, высмѣвая посредственныя величины текущей литературы, Лафонтена, Клоrensa, Ифланда, Коцебу, Фосса и Шмидта фонъ-Вернеухена, они сознательно продолжаютъ борьбу за оздоровленіе нѣмецкаго Парнасса, которая была начата еще Шиллеромъ и Гёте въ Ксеніяхъ. Въ теченіе долгаго времени романтики и классики являются союзниками и относятся другъ къ другу съ большимъ уваженіемъ. Романтики ссылаются на Канта въ сферѣ философіи и на Гёте—въ области литературы. Лишь мало-по-малу они начинаютъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ разногласіяхъ, отдѣляющихъ ихъ отъ ихъ образцовъ, и становятся въ оппозицію классицизму, который они переросли въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ романтики являются новаторами, возстающими противъ дряхлаго интеллектуализма, противъ чрезмѣрнаго благоразумія, и здраваго смысла старческаго рационализма, который, въ сознаніи собственной своей ничтожности, громко заявлялъ свои совершенно необоснованныя притязанія на непогрѣшимость. Ошибочно изображать романтизмъ въ видѣ религіозной и политической реакціи. Приверженцы романтизма менѣе всего являются робкими людьми, которыхъ устрашаютъ эксцессы слишкомъ дерзкаго Разума, и которые ищутъ убѣжища въ вѣрѣ прошлаго и въ историческихъ традиціяхъ. Они, напротивъ, смѣлые до безразсудства умы, которые доходятъ въ свободѣ отъ предрассудковъ почти до ниги-

лизма, и являются носителями высшей культуры эпохи. Это—безстрашные изслѣдователи, стремящіеся проникнуть въ такія сферы человѣческой души, куда не нашли доступа ихъ посредственные предшественники. Романтики вовсе не отрицаютъ завоеваній рационалистической науки, но заявляютъ, что теоретическій разумъ не является единственнымъ орудіемъ, которымъ располагаетъ человѣкъ для того, чтобы охватить дѣйствительность.

Въ области науки осторожному эмпиризму и аналитическому методу они противопоставляютъ интуицію и идеалистическую спекуляцію. Они хотятъ понять Космосъ въ его грандіозномъ единствѣ и конструируютъ независимую отъ опыта философію природы, которая видитъ въ природѣ безсознательный духъ, считаетъ естественныя силы органами темной воли и стремится всюду показать сложную таинственную связь между Сознательнымъ и Безсознательнымъ. Въ сферѣ религіи они, какъ мы уже видѣли, отвергаютъ компетентность разума и основываютъ религію на непосредственномъ созерцаніи міра, на чувствѣ, которое охватываетъ душу передъ лицомъ Безконечнаго. Въ сферѣ политики они вмѣстѣ съ Фихте противопоставляютъ космополитизму XVIII вѣка патріотическое воодушевленіе. На мѣсто индивидуалистической концепціи государства, которая превращаетъ послѣднее въ простую «страховую компанію», защищающую гражданъ отъ внѣшнихъ захватовъ и внутреннихъ правонарушеній, они ставятъ соціальную концепцію, согласно которой человѣкъ не можетъ достигнуть свободы, какъ индивидуумъ, но осуществляетъ ее лишь въ обществѣ при посредствѣ государства. Относясь на основаніи опыта революціонной Франціи скептически къ организуемымъ способностямъ Разума, они настаиваютъ на важности и правахъ исторіи и традиціи. Они проявляютъ величайшее уваженіе къ учрежденіямъ, которыя медленно развились въ теченіе

столѣтій и являются какъ бы нормальнымъ плодомъ исторической эволюціи, напримѣръ, къ англійской конституціи или Бернской республикѣ. Такія учрежденія имѣютъ, благодаря своей древности, огромную внутреннюю цѣнность и стоятъ неизмѣримо выше учрежденій, вышедшихъ изъ мозговъ законодателя или изъ дебатовъ учредительнаго собранія. Романтики реабилитируютъ средневѣковье, которое рационалисты заклеили, какъ эпоху обскурантизма и варварства. Они превозносятъ его учрежденія, его культуру, его искусство и литературу. Они вмѣстѣ съ Гуго и Савиньи видятъ въ правѣ не результатъ сознательнаго волевого акта, общественнаго договора, а бессознательный и необходимый актъ народной души (Volksgeist), которая живетъ во всѣхъ индивидуумахъ, входящихъ въ составъ одного и того же коллектива.

Въ области искусства они также борются съ рационалистической концепціей, которая считаетъ художественное произведеніе продуктомъ сознательной дѣятельности человѣка. Основной элементъ художественнаго генія они видятъ не въ умѣ и не въ техникѣ, а въ творческомъ воображеніи, съ одной стороны, и въ эмоціональной способности, съ другой.

Романтики имѣютъ повышенное представленіе о творческихъ способностяхъ художника. Какъ мы видѣли, ихъ эстетика опирается на идеализмъ Фихте. Она отождествляетъ художника съ фихтевскимъ «Я», которое утверждаетъ себя, противопоставляя себя «Не Я», и, въ концѣ-концовъ, признаетъ тождественность «Я» и «Не Я». Такимъ образомъ, она превращаетъ поэта въ своего рода деміурга, сознательныя фикціи котораго едва ли менѣе «реальны», чѣмъ бессознательныя фикціи нашего «Я», т. е. чѣмъ внѣшній міръ, «Не Я», которому мы приписываемъ независимое существованіе лишь въ силу иллюзіи, долженствующей разсѣяться съ прогрессомъ сознанія. Для самаго

глубокаго теоретика романтизма, Фридриха Шлегеля, художникъ—суверень. «Романтическая поэзія,—говоритъ онъ,—безконечна; ея высшій законъ состоитъ въ томъ, что вольная фантазія поэта не терпитъ надъ собою никакого закона». Художникъ свободенъ по отношенію къ Вселенной, какъ свободно наше автономное «Я», и долженъ сознавать свою свободу по отношенію къ тому, что есть «Не Я».

Изъ этой суверенной независимости художника вытекаетъ и знаменитый законъ романтической ироніи. «Абсолютное Я» Фихте, изначальное Я, первичная основа всякаго бытія и мышленія, не есть, а вѣчно становится. Существуетъ и вѣчно будетъ существовать противорѣчіе между «абсолютнымъ Я», которое существуетъ лишь идеально, никогда не реализуясь, и «эмпирическимъ Я», которое всегда реализовано, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда является въ индивидуальной, ограниченной и потому несовершенной формѣ. По Шлегелю, художникъ-романтикъ долженъ, поэтому, сознать несоотвѣтствіе, существующее между его «абсолютнымъ Я», т. е. творческимъ воображеніемъ, и его частными проявленіями. Другими словами, онъ долженъ чувствовать себя стоящимъ выше всѣхъ созданныхъ имъ произведеній. Этотъ контрастъ долженъ проявиться въ ироніи, въ той суверенной ироніи, которую Шлегель такъ восхищался въ «Вильгельмъ Мейстеръ» Гёте, и безъ которой, по его мнѣнію, не можетъ быть ни одного дѣйствительно высокаго художественнаго произведенія. Поэтъ-романтикъ не долженъ обманывать самого себя, и долженъ показать, что онъ этого не дѣлаетъ. Онъ долженъ стремиться вполне искренне вывить себя, вложить все свое «Я» въ произведеніе. Но онъ долженъ также знать, что ни одно его отдѣльное произведеніе не можетъ дать адекватнаго выраженія его «Я». Онъ долженъ, поэтому, всегда оставаться достаточно свободнымъ,

чтобы «сумѣть возвыситься надъ самыми лучшими своими произведеніями» и посредствомъ ироніи дать понять, что онъ самъ не относится къ нимъ вполне серьезно.

Наконецъ, романтическая поэзія, являясь иронической, должна въ то же время стать «поэзіей поэзіи». По Фихте трансцендентальный философъ не только стремится къ самосознанію и пытается дать объясненіе системѣ своихъ представленій. Онъ размышляетъ также объ этомъ стремленіи, другими словами, онъ философствуетъ о своей философіи. То же долженъ дѣлать и романтикъ-поэтъ. Создавая художественное произведеніе, онъ долженъ описать самого себя, какъ поэта. Онъ долженъ отдаваться своему художественному творчеству и, отдаваясь, въ то же время размышлять объ этомъ творествѣ. Это, Шлегель и называетъ поэзіей второй потенціи или «поэзіей поэзіи».

Такимъ образомъ, романтизмъ приходитъ къ абсолютному субъективизму въ области искусства. Въ теоріи онъ провозглашаетъ суверенитетъ творческой фантазіи, ея свободу отъ всякаго рода условныхъ правилъ, ея независимость отъ самой внѣшней реальности, ея право разрушать ироніей создаваемыя ею же фикціи. На практикѣ онъ порождаетъ странныя и временами удивительныя произведенія, въ которыхъ субъективизмъ художника выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. вызываетъ ли поэтъ цѣлый болѣе или менѣе фантастическій міръ грезъ, развлекается ли онъ собственными созданіями, разрушая иллюзіи ироніей, выступаетъ ли онъ самъ въ своихъ фикціяхъ, примѣшивая къ своему разсказу признанія, философскія размышленія, эстетическія разсужденія. Такія произведенія, какъ «Lucinde» Шлегеля, «Ofterdingen» Новалиса, «Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders» Вагенродера, «Genoveva» Тика могутъ быть признаны типичными въ этомъ отношеніи продуктами романтизма.

Вторая основная черта романтизма состоитъ въ томъ, что, полный презрѣнiя къ интеллектуализму, онъ высоко цѣнитъ чистое чувство. Поэтому, онъ тяготеетъ къ лиригѣ и музыкѣ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка все болѣе и болѣе развивается глубокое чувство природы во всемъ ея разнообразiи, культъ дружбы и любви. Психическая жизнь становится все богаче и сложнѣе: люди научаются все лучше чувствовать разнообразныя ея нюансы. Эта способность находить свое выраженiе въ быстромъ и величественномъ развитiи музыкальнаго чувства. Начало XIX вѣка является моментомъ высшего расцвѣта въ исторiи музыки. Именно въ это время создаетъ свои безсмертныя творенiя Бетховенъ, и послѣ долгаго забвенiя начинаютъ снова понимать огромную цѣнность Баха. Романсъ расцвѣтаетъ въ лицѣ Шуберта, романтическая опера—въ лицѣ Вебера. Въ лицѣ Бетховена музыка достигаетъ сознанiя огромности своей сферы и величественности своихъ задачъ. Она чувствуетъ, что можетъ выразить столь же хорошо, какъ поэзiя, только иными средствами, самыя глубокiя стремленiя, самыя возвышенныя чувства человеческой души.

Романтики предчувствуютъ эти новыя симпатiи къ музыкѣ. Они понимаютъ, что музыка является, можетъ быть, лучшимъ средствомъ, чтобы описать психическiя тенденцiи новаго времени, чтобы выразить весь этотъ мiръ болѣе или менѣе неопредѣленныхъ и колеблющихся впечатлѣнiй, который находится за порогомъ яснаго мышленiя, и который такъ сильно привлекаетъ къ себѣ современные умы, утомленные чрезмѣрнымъ здравомыслиемъ рационализма. Отсюда у нихъ развивается все болѣе культъ музыки, все болѣе ясное тяготѣнiе къ лиризму. Музыка для нихъ — «самое романтическое искусство», искусство, которое лучше другихъ учитъ насъ «чувство-

вать чувство». Романтики любят изображать типы музыкантовъ. Такъ, Вагенродеръ изображаетъ намъ своего Юсефа Берлингера, Гофманъ — своего Юганна Крейслера. Нѣкоторые романтики, какъ напримѣръ Гофманъ, одновременно и музыканты и поэты. Другіе, какъ Тикъ, пастойчиво провозглашаютъ примать музыки надъ другими искусствами, заявляютъ, что симфонія выше самой богатой драмы, пытаются соперничать съ музыкой съ помощью слова и стиха; они пишутъ поэтическія «симфоніи», стремятся въ своихъ лирическихъ строфахъ къ чисто-музыкальнымъ эффектамъ путемъ повторенія рифмъ и звуковыхъ сочетаній. Многіе изъ нихъ, не прибѣгая къ этому нѣсколько внѣшнему и искусственному подражанію музыкальнымъ средствамъ выраженія, все-же — глубоко лирическаго натуры, стремящіяся выразить главнымъ образомъ душевныя состоянія, чистыя эмоціи, излить въ волнахъ лирики эту тоску (*Sehnsucht*), то неопредѣленное, одновременно сладкое и мучительное томленіе, сотканное изъ сожалѣній, грусти и смутныхъ стремленій, изъ отчаянія и энтузіазма, которое вибрируетъ въ сердцахъ романтиковъ. Этотъ пропитанный музыкой лиризмъ давалъ романтизму, начиная съ «Гимновъ ночи» Новалиса и кончая «Интермеццо» Гейне и «Заратустрой» Ницше, его лучшія вдохновенія и создалъ его наиболѣе совершенныя шедевры.

Намъ остается отмѣтить послѣднюю черту, необходимую для пониманія нѣмецкаго романтизма: его постепенную эволюцію отъ эллинизма классиковъ къ самобытному, національному и народному искусству.

Какъ мы выше замѣтили, романтики выступили въ качествѣ продолжателей классицизма, въ качествѣ учениковъ Гёте и Канта. Фридрихъ Шлегель дебютировалъ блестящей апологіей эллинизма. Историческая эволюція послѣдняго кажется ему логическимъ развитіемъ Прекраснаго,

которое, начавъ съ натурализма іонической школы, достигать высшаго совершенства въ аттическомъ искусствѣ и, въ концѣ концовъ, завершается анархіей и варварствомъ александрійцевъ. Такимъ образомъ, греческій народъ является самымъ красивымъ въ мірѣ экземпляромъ челоѳчества, и его исторія не только показываетъ намъ судьбы привилегированнаго народа, но даетъ намъ типическую картину всего прекраснаго, что можетъ осуществить челоѳкъ на различныхъ стадіяхъ своего развитія. Греческая поэзія во всѣхъ родахъ и во всѣхъ фазахъ своей исторіи создала самыя совершенныя произведенія, какія когда-либо порождалъ челоѳческой геній. Взятая въ цѣломъ, она, по словамъ Шлегеля, является «идеаломъ и канонмъ поэзіи въ ея естественномъ развитіи». Нарождающійся романтизмъ начинаетъ, такимъ образомъ, съ доведенія до крайности сочиненной классиками «легенды» объ эллинизмѣ. Я не знаю, чувствовалъ ли какой-либо другой поэтъ съ такой интенсивностью тоску по античной красотѣ, какъ несчастный Гёрдерлингъ, котораго часто причисляютъ къ ранней романтической школѣ.

Но романтизмъ не долго останавливается на этой первой ступени. Принеся сначала «характерную» и «индивидуалистическую» поэзію современности въ жертву «объективной» поэзіи грековъ, Шлегель очень скоро признаетъ, что современное искусство стоитъ не ниже греческаго, что и то и другое въ сущности равноцѣнны, и что долгъ критики, признать «абсолютную тождественность античнаго и современнаго». «Классическому» искусству онъ, такимъ образомъ, противопоставляетъ въ качествѣ равноцѣнной величины искусство «романтическое». Родившись въ Германіи, гдѣ въ нѣдрахъ юнаго и чистаго народа живетъ поразительная героическая легенда, романтическая поэзія развивается въ тѣсномъ соприкосновеніи съ древней латинской и восточной культурой, создавая въ Ита-

ли — Данте, въ Испаніи — Сервантеса, въ Англіи — Шекспира. Послѣ періода упадка, приходящагося на время французскаго и англійскаго классицизма (въ которомъ Шлегель видитъ «систему ложной поэзіи») романтическая поэзія достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ Германіи. Здѣсь снова загорается факель греческой культуры. Винкельманъ раскрываетъ своимъ современникамъ красоты греческаго искусства. Гёте является какъ бы новымъ Данте, реставрируетъ поэзію и завершаетъ синтезъ античнаго съ современнымъ. Наконецъ, романтики сливаютъ поэзію съ философіей и религіей; они возводятъ переводъ иностранныхъ поэтовъ и подражаніе ихъ стихотворнымъ размѣрамъ въ искусство, превращаютъ критику въ науку и готовятъ почву для дѣйствительной «исторіи поэзіи». Вильгельмъ Шлегель въ своихъ извѣстныхъ берлинскихъ лекціяхъ, признаваемыхъ лучшимъ изложеніемъ нѣмецкой романтической доктрины, лишь развилъ эти мысли своего брата объ эволюціи міровой поэзіи и придалъ имъ болѣе систематическую форму.

Изъ классическаго романтизмъ сталъ, такимъ образомъ, космополитическимъ. Онъ сознательно ставитъ своею задачей пріобщить Германію къ иностраннымъ литературамъ. Онъ прославляетъ, какъ одну изъ типическихъ добродѣтелей германцевъ, способность къ усвоенію, которая позволяетъ имъ наслаждаться полностью лучшими иностранными произведеніями, и утверждаетъ, что какъ-разъ это качество поставитъ ихъ на первое мѣсто среди европейскихъ народовъ. «Мы стремимся,—пишетъ Вильгельмъ Шлегель,—лишь къ тому, чтобы объединить въ себѣ преимущества самыхъ различныхъ національностей, усвоить ихъ умомъ и чувствомъ и создать этимъ путемъ космополитическое средоточіе для чловѣческаго духа». Многочисленные переводы, самый извѣстный изъ которыхъ, переводъ Шекспира, сдѣланный А. В. Шлегелемъ, является настоящимъ шедевромъ, всяка-

го рода переработки и подражанія знакомятъ нѣмецкую публику съ литературами «единой Европы» среднихъ вѣковъ, Италіи и Испаніи, старой Франціи, Англіи временъ Шекспира, и даже съ поэзіей и культурой Востока, которую Фридрихъ Шлегель въ своей извѣстной книгѣ «О языкѣ и мудрости индусовъ» (1808 г.) рекомендуетъ образованной публикѣ какъ документъ первостепенной важности для изученія человѣческой мысли. Не опасаясь утратить своей собственной оригинальности, романтическая Германія стремится усвоить себѣ сокровища всемірнаго искусства и настолько расширить горизонты нѣмецкой мысли, чтобы превратиться въ своего рода духовный и художественный центръ всей культурной Европы.

Одновременно съ изученіемъ иностранныхъ литературъ романтизмъ, возстановляя и продолжая традиціи Гердера и молодого Гёте, набожно погружается въ изученіе нѣмецкой старины. Это вполне естественно. Антипатія романтиковъ къ интеллектуализму, ихъ религіозныя и мистическія стремленія, ихъ недовѣріе къ организаторской мощи разума въ области политическихъ отношеній, ихъ отвращеніе къ «искусственному» искусству, ихъ культъ природы неизбѣжно должны были привести ихъ къ реабилитаціи среднихъ вѣковъ, заклеянныхъ раціонализмомъ, какъ эра обскурантизма и варварства. Они преклоняются передъ средними вѣками, какъ передъ эпохой, когда царила горячая и наивная вѣра, когда Священная Римская Имперія сіяла при Оттонахъ и Гогенштауфенахъ несравненнымъ блескомъ, когда поэзія распускалась роскошнымъ цвѣткомъ въ устахъ простонародныхъ жонглеровъ и благородныхъ миннезингеровъ, когда живопись достигла высшаго расцвѣта въ лицѣ Альбрехта Дюрера и Петра Фишера. Въ 1793 году Тикъ и Вагенродеръ открываютъ во время лѣтней поѣздки живописную красоту стараго Нюрнберга; съ этого времени они влюбляются въ древне-нѣмецкое искусство. Этотъ эн-

тузіазмъ, распространяясь все шире и шире, захватываетъ почти всѣхъ романтиковъ.

Поэты, литераторы, филологи, живописцы и художники, всѣ начинаютъ искать вдохновенія въ среднихъ вѣкахъ. Опубликовываются и обрабатываются старыя поэмы, мирно лежавшія до тѣхъ поръ въ пыльныхъ библіотекахъ. Тикъ вызываетъ интересъ къ миннензингерамъ; Шлегель обращаетъ вниманіе публики на «Пѣснь о Нибелунгахъ». Изучаютъ старыя преданія, собираютъ народныя сказки, «Volksbücher» и «Volkslieder». Интересуются анонимной и безличной народной поэзіей, произведеніями, которыя, какъ думали, были плодомъ коллективнаго творчества. Созданія художественнаго чувства массы ставятся выше искусственныхъ произведеній надуманнаго искусства. Прославляется несравненная культура средневѣковья: преклоняются передъ величественнымъ энтузіазмомъ Крестовыхъ походовъ; пытаются оправдать турниры; находить красоту въ религіозныхъ войнахъ; открываютъ извѣстную поэзію даже въ геральдикѣ. Поэты любятъ сюжеты, взятые изъ германской старины; особенно охотно они воскрешаютъ древнія эпическія и героическія преданія; одна только легенда о Нибелунгахъ породила цѣлую литературу обработокъ и подражаній. Или же поэты изображаютъ характерныя черты народной жизни, бытъ бѣдныхъ и простыхъ людей, которые стоятъ еще близко къ природѣ.

Подобно писателямъ, романтическое движеніе увлекаетъ и художниковъ. Одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, Овербекъ и Ф. Фейтъ, пытаются возродить «христіанское» искусство и стремятся достигнуть прекраснаго, опираясь на интенсивность религіознаго чувства и горячій мистицизмъ, которые заставляютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ искать убіжища въ лонѣ католической церкви. Другіе, какъ Штейнле и Швиндъ, черпаютъ свои вдохновенія въ преданіяхъ средне-

вѣковья; они даютъ форму и краски легендарному и фантастическому міру, вызванному къ жизни поэтами и рассказчиками. Въ архитектурѣ опять начинаютъ высоко цѣнить готику, въ которой видятъ не только національное нѣмецкое искусство (что является исторической ошибкой), но и искусство религиозное по-преимуществу, искусство, которое «возносится къ небу» и приближаетъ душу къ Богу. Увлекаются достройкой кѣльнскаго собора. Скульпторы превозносятъ наивное совершенство готическаго искусства конца среднихъ вѣковъ и стремятся придать своимъ статуямъ дѣйствительно христіанское выраженіе. Культъ нѣмецкой старины проявляется даже въ мужскихъ и женскихъ модахъ: пытаются снова ввести древне-нѣмецкіе костюмы.

Такимъ образомъ, послѣ культа эллинизма и своихъ изслѣдовательскихъ странствованій по всемірному искусству, романтизмъ возвращается въ свою родную страну. Онъ стремится стать національнымъ и религиознымъ и ищетъ вдохновенія въ германской старинѣ и религиозномъ искусствѣ среднихъ вѣковъ.

II. Р е а л и з м ъ .

Однако, романтизмъ заключалъ въ себѣ несомнѣнные зародыши распада. Когда изъ революціоннаго движенія, какимъ онъ былъ вначалѣ, онъ сталъ рѣшительно реакціоннымъ, когда онъ вступилъ въ союзъ съ феодальнымъ абсолютизмомъ и клерикализмомъ, когда его субъективизмъ у нѣкоторыхъ экзальтированныхъ умовъ выродился въ своего рода мистическое безуміе и привелъ къ явво патологическимъ явленіямъ, когда его антираціонализмъ превратился въ нарочитыя странности или младенческую аффектированность, онъ мало-по-малу потерялъ свое вліяніе на умы. Послѣ 1830 года Генрихъ Гейне, самъ еще на-половину романтикъ, съ жестокой ироніей высмѣиваетъ слабыя сто-

роны и недостатки своих прежних учителей. Впрочем, очевидно, что развитие капиталистической системы противорѣчило основнымъ тенденціямъ романтиковъ. Какъ могло поколѣніе, упорно стремившееся къ власти и матеріальному богатству, работавшее изо всѣхъ силъ надъ прогрессомъ естествознанія и прогрессивной рационализацией техники, по прежнему давать свое одобреніе людямъ, которые умаляли разумъ въ угоду фантазіи и чувству, съ презрѣніемъ относились ко всякой полезной дѣятельности, защищали «божественное искусство лѣни», находили удовольствіе въ эксцентричностяхъ мистицизма и спиритизма, проповѣдывали фантастическую философію природы, отъ которой серьезные ученые стали теперь отвращаться съ презрѣніемъ, и низводили искусство въ положеніе фривольнаго и бессмысленнаго развлеченія, подобнаго капризамъ линіямъ арабесокъ! Какимъ образомъ нѣмецкая буржуазія и народъ, которые шли къ завоеванію политической свободы и соціальной эмансипаціи, могли симпатизировать апологетамъ средневѣковья, передовымъ борцамъ Священнаго Союза, католическаго клерикализма или ортодоксальнаго піетизма, заклятымъ врагамъ революціи и демократіи! Очевидно, что таблица цѣнностей представителей капиталистическаго общества не совпадаетъ съ таблицей цѣнностей романтизма. Въ ихъ глазахъ теоретическій и практический разумъ стоитъ выше поэтической фантазіи и благочестиваго преклоненія передъ стариной, точное и терпѣливое наблюденіе объективной реальности имѣетъ для нихъ большую цѣнность, чѣмъ блестящія, но неустойчивыя конструкторскія художественнаго воображенія.

Въ литературу и искусство проникаетъ болѣе рационалистическій духъ. Изъ романтизма мало-по-малу выдѣляется реализмъ. Правда, художники и ученые

продолжаютъ по прежнему интересоваться средними вѣками; но они уже не довольствуются приближительными и фантастическими реконструкціями. Историческая критика становится требовательнѣе: необходимы большая точность и большая опредѣленность, чѣмъ раньше. Научная филологія въ лицѣ братьевъ Гриммовъ и ихъ преемниковъ занимаетъ мѣсто романтическаго диллетантизма и начинаетъ методически разрабатывать документы національной старины. вмѣстѣ съ тѣмъ историческій романъ и историческая живопись стараются возсоздать съ возможной правдивостью духъ прошлыхъ эпохъ, важнѣйшіе моменты развитія человѣчества. Такъ, у новаго поколѣнія, высоко ставящаго точное наблюденіе, романтическая условность въ трактованіи среднихъ вѣковъ уступаетъ мѣсто все болѣе объективному изображенію исторической дѣйствительности.

Съ другой стороны, литература и искусство, проникнутыя тѣмъ же стремленіемъ къ истинѣ и правдивости, обращаются къ современной дѣйствительности, стараясь изобразить народную жизнь. Ее изучаютъ во всѣхъ ея различныхъ проявленіяхъ, на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, во всемъ мѣстномъ разнообразіи. Изображаютъ жизнь высшихъ классовъ, интеллигенціи, трудолюбиваго бюргерства, крестьянства, городского пролетаріата, рисуютъ все разнообразіе мѣстной жизни отъ Помераніи до Швейцаріи, отъ Швабіи до Штиріи.

Принимая реалистическій отпечатокъ, искусство вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ иногда преслѣдовать и практическія задачи. Между тѣмъ какъ романтизмъ склонялся къ консервативнымъ и реакціоннымъ традиціямъ, реализмъ, несмотря на нѣкоторыя исключенія, тяготеетъ въ цѣломъ скорѣе къ различнымъ отѣнкамъ демократіи, начиная съ очень умѣреннаго буржуазнаго либерализма и кончая самымъ рѣшительнымъ социализмомъ.

Наконецъ, съ точки зрѣнія формы реализмъ также представляетъ изъ себя реакцію противъ романтизма и его субъективныхъ крайностей, которыя нерѣдко приводили къ почти полной безформенности, чисто музыкальному лиризму и безудержной фантастикѣ его произведеній. Въ сферѣ литературы большее вниманіе къ формѣ оказалось особенно благоприятнымъ для драмы, въ области которой романтизмъ почти ничего не сдѣлалъ. Въ исторіи живописи вліяніе реализма было еще болѣе значительнымъ. Романтики охотно приносили исполненіе въ жертву идеѣ. Они работали въ области религіозной и символической живописи, писали театральныя декораціи, историческія сцены и юмористическія или сантиментальныя жанровыя картины. Но для нихъ важнѣе былъ не столько въ собственномъ смыслѣ слова живописный элементъ въ картинѣ, сколько ея историческая цѣнность, ея символическое или анекдотическое значеніе. Это глубокое непониманіе важности формы въ искусствѣ имѣло для романтической живописи самыя печальныя результаты, и теперь всѣ сходятся въ невысокой оцннкѣ произведеній Овербека, Корнелюса, Пилоти и Макарта. Съ развитіемъ реалистическихъ тенденцій нѣмецкіе художники мало-по-малу освобождаются отъ этихъ недостатковъ. Они заботятся не только о вѣрной передачѣ дѣйствительности, но и о томъ, чтобы захватывать публику не какой-либо красивой «идеей», а прежде всего чисто художественными средствами, совершенствомъ своей техники.

Я, конечно, не могу въ рамкахъ этого изслѣдованія прослѣдить, хотя бы въ общихъ чертахъ, эволюціи литературы и изящныхъ искусствъ въ сторону реализма, которая тянется въ теченіе всего XIX вѣка, тѣмъ болѣе, что совершенно невозможно провести точную границу между романтиками и реалистами. Дѣйствительно, у многихъ романтиковъ мы находимъ элементы реализма; достаточно указать на Клей-

ста, у котораго реалистическая и «классическая» сторона настолько развита, что критика иногда не рѣшается причислить его къ романтикамъ. И, наоборотъ, существуетъ не мало реалистовъ, какъ, напримѣръ, Готфридъ Келлеръ, у которыхъ легко можно различить несомнѣнно романтическія черты. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ поэтовъ XIX вѣка, Генрихъ Гейне, въ теченіе всей своей жизни колебался между романтизмомъ и реализмомъ, одинаково привлекаемый и отталкиваемый обоими теченіями. Неисправимый романтикъ по своему воображенію и неустрашимый реалистъ по своему уму, онъ, впрочемъ, сознавалъ дуализмъ своей натуры и порой глубоко страдалъ отъ этого внутренняго разлада. Прослѣдить детально переходъ отъ романтизма къ реализму, поэтому, въ высшей степени трудно. Не входя въ подробный анализъ, мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что расцвѣтъ нѣмецкаго реализма по времени почти совпадаетъ съ развитіемъ нѣмецкаго импрессионизма. Высшимъ пунктомъ его развитія въ живописи являются, можетъ-быть, Менцель и Вильгельмъ Лейбль, до послѣднихъ мелочей реалистическія и безупречныя въ смыслѣ техники картины которыхъ представляютъ изъ себя одни изъ самыхъ законченныхъ созданій современнаго нѣмецкаго искусства. Въ литературѣ натуралистическая драма Гергарда Гауптмана и его школы характернѣе всего, можетъ-быть, воплощаетъ въ себѣ стремленіе съ возможно большей объективностью изобразить современную дѣйствительность во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, не извращая ее никакими философскими и эстетическими тенденціями. Отмѣтимъ мимоходомъ, что этотъ «послѣдовательный реализмъ», несмотря на всю свою объективность, былъ воспринятъ народнымъ сознаніемъ какъ демократическое искусство, и что социалистическіе рабочіе произвольно почувствовали свое родство съ натурализмомъ въ области литературы, какъ съ матеріализмомъ въ сферѣ философіи.

III. Импрессионизмъ.

Одновременно съ развитіемъ нѣмецкаго искусства XIX вѣка отъ романтизма къ реализму совершается и его развитіе въ сторону импрессионизма.

Несомнѣнно, что червная возбудимость современнаго человѣка значительно возросла въ теченіе послѣдняго столѣтія. Лампрехтъ видитъ въ богатствѣ, въ сложности, въ возрастающей интенсивности элементарной нервной жизни великій психическій фактъ, господствующій надъ современной эпохой. Чтобы мы ни думали объ его остроумной попыткѣ объяснить развитіемъ возбудимости (*Reizsamkeit*) всѣ экономическія, политическія и художественныя явленія современной Германіи, самый фактъ интенсификаціи нервной жизни несомнѣненъ. Несомнѣнно также и то, что исторія искусства въ XIX вѣкѣ отражаетъ то ускореніе жизненнаго ритма, то напряженіе нервовъ, то прогрессивное утонченіе чувственныхъ воспріятій, которыя всѣ считаютъ одной изъ характерныхъ чертъ современности.

Эта эволюція въ сторону импрессионизма ранѣе всего и, быть-можетъ, рѣзче всего выступаетъ въ исторіи музыки.

Какого бы мнѣнія не придерживаться относительно спорнаго вопроса о значеніи музыки, несомнѣнно, что музыка, если разсматривать ея развитіе, начиная приблизительно съ XVI вѣка, все болѣе и болѣе становилась субъективнымъ искусствомъ, выражающимъ или отражающимъ все болѣе тонкіе оттѣнки индивидуальныхъ душевныхъ состояній. Въ средніе вѣка, когда психическая жизнь индивидуума еще не эмансипировалась отъ психической жизни общества, когда всюду, какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, какъ въ морали и религіи, такъ и въ правѣ, наблюдается одна и та же безличность, одинъ и тотъ же условный типъ, музыка также была безличнымъ искус-

ствомъ. Въ періодъ расцвѣта контрапункта, этого искусства съ сложными правилами, которое Вагнеръ называлъ «произвольной игрой искусства съ самимъ собой, математической чувства, механическимъ ритмомъ эгоистической гармоніи», музыкальная композиція подчинялась математическимъ и архитектурнымъ принципамъ. Она сочетала звуки на основаніи объективныхъ и чисто формальныхъ правилъ, нисколько не стремясь къ тому, чтобы выразить ими что-нибудь, какое-нибудь состояніе души, страсть, желаніе, волю. Для того, чтобы творить, композитору необходимо было лишь техническое умѣніе. Его произведенія возникали скорѣе въ его мозгу, чѣмъ въ его сердцѣ. Въ большинствѣ случаевъ они рождались не изъ субъективной эмоціи, которая стремится въ силу внутренней необходимости излиться наружу, выразится на языкѣ звуковъ.

Напротивъ, въ современной музыкѣ значеніе эмоціального элемента непрерывно возрастаетъ. Чисто формальная красота музыки перестаетъ быть самоцѣлю. Композиторъ уже не только трудолюбивый техникъ: онъ переживаетъ извѣстныя эмоціи и хочетъ заставить другихъ переживать ихъ. Первый источникъ вдохновенія для своего творчества онъ находитъ въ нѣкоторомъ душевномъ состояніи, въ нѣкоторыхъ тончайшихъ нервныхъ ощущеніяхъ, которыя могутъ быть и въ большинствѣ случаевъ бываютъ безсознательными или полу-сознательными въ томъ смыслѣ, что художникъ обычно не въ состояніи анализировать ихъ, опредѣлить словами ихъ смыслъ и нюансы. Онъ инстинктивно стремится переложить эти ощущенія на языкъ музыкальныхъ звуковъ, передать ихъ своимъ слушателямъ и вызвать въ нихъ съ помощью этого языка ощущенія аналогичныя тѣмъ, которыя переживаетъ онъ самъ. Такимъ образомъ, музыкальное развитіе въ широкой мѣрѣ опредѣляется психическими факторами. Чѣмъ интенсивнѣе психическая жизнь данной эпохи, чѣмъ

болѣе способны люди воспринимать дифференцированныя нервныя ощущенія и переживать утонченныя эмоціи, тѣмъ больше и музыка будетъ стремиться обновлять и совершенствовать свою технику, чтобы имѣть возможность передать эти ощущенія во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ. Итакъ, мы видимъ, какое важное значеніе получаетъ музыка не только въ исторіи искусства, но также и въ исторіи современной души, особенно души нѣмецкой. Она — краснорѣчивый свидѣтель развитія нервной жизни. Благодаря музыкѣ элементарная психическая жизнь, до тѣхъ поръ темная и смутная, стремится выйти изъ сферы безсознательнаго, чтобы мало-по-малу подняться до ясности сознанія.

Итакъ, музыка стремится въ XIX вѣкѣ передать возможно болѣе адекватно при помощи все болѣе усовершенствованныхъ техническихъ средствъ сложность современной души. И, наоборотъ, успѣхи музыкальнаго языка свидѣтельствуютъ о возростающей сложности нервной жизни. Если мы сравнимъ музыкальный языкъ начала столѣтія, языкъ Бетховена, Шуберта, Вебера, съ языкомъ великихъ композиторовъ середины и конца вѣка, Листа, Вагнера или Рихарда Штрауса, то намъ сейчасъ же бросится въ глаза, насколько послѣдній богаче и сложнѣе. Музыкальное произведеніе становится все болѣе сложнымъ, все болѣе дифференцированнымъ въ своихъ элементахъ, но въ то же время и все болѣе единымъ организмомъ. Гармонія дѣлается все болѣе искусной и утонченной благодаря тому, что на мѣсто диатоническаго строя, на которомъ все еще, по крайней мѣрѣ въ теоріи, покоится современная тональная система, становится все болѣе смѣлый хроматизмъ. Полифонія становится все болѣе сложной благодаря возростающему значенію вторыхъ голосовъ, которые долгое время были подчинены главному голосу. Ритмъ все болѣе выигрываетъ въ свободѣ и разнообразіи; онъ становится все гибче и естественнѣе и все менѣе подчиняется схематизму такта.

Такимъ образомъ, составные элементы музыкальнаго произведенія усложняются и дифференцируются, что позволяетъ имъ выражать все болѣе тонкія, нѣжныя и мимолетныя нервныя ощущенія, — ощущенія, схватить и фиксировать которыя не было бы въ состояніи сознаніе прежнихъ временъ.

Но, дифференцируясь, эти элементы обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ все болѣе строгому единству. Пользуясь формулой Спенсера, можно сказать, что одновременно имѣеть мѣсто какъ дифференціація, такъ и интеграція элементовъ музыкальнаго произведенія. Гармонія становится сложнѣе, хроматизмъ — смѣлѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Но въ той же мѣрѣ обостряется и утончается и чувство тональнаго единства. Такъ, напримѣръ, въ *Парсифалѣ*, общее тональное единство (1а бемоль мажоръ) проведено, быть-можетъ, строже, чѣмъ во многихъ симфоніяхъ предшествовавшихъ эпохъ. Ритмъ дѣлается несравненно болѣе гибкимъ, чѣмъ раньше. Расхожденіе между ритмомъ и тактомъ входитъ во все большее употребленіе; однако, ухо воспринимаетъ и дѣлаетъ единство самыхъ широкихъ и сложныхъ ритмическихъ системъ. Но, прежде всего, потребность въ органическомъ единствѣ композиціи становится несравненно настойчивѣе. Раньше легко допускали, чтобы симфонія или соната представляла изъ себя соединеніе нѣсколькихъ равнородныхъ, а иногда и совершенно отличныхъ другъ отъ друга частей, чтобы опера являлась произвольною смѣсью отдѣльныхъ, едва связанныхъ между собой кусковъ, увертюры, арій, дуэтовъ, ансамблей, хоровъ, балетовъ, интермедій. Теперь требуютъ гораздо болѣе строгаго единства впечатлѣнія и конструкціи. Какъ въ симфоніи, такъ и въ сонатѣ этого единства стараются достигнуть, тѣсно связывая между собой отдѣльныя части произведенія различными средствами. Едва ли слѣдуетъ напоминать, съ какою заботливостью

стерь Вагнеръ въ своихъ музыкальныхъ драмахъ традиціонныя раздѣленія оперы, чтобы придать своимъ произведеніямъ возможно большее единство. Извѣстно, напримѣръ, что весь *Морякъ-Скиталецъ* представляетъ изъ себя лишь развитіе мотивовъ, заключающихся въ балладѣ *Сенты*. Часто отмѣчали и гармоническую симметрію въ планѣ Тристана. Одинъ остроумный комментаторъ доказывалъ, не впадая въ абсурдъ, что вся партитура «*Нюрнбергскихъ* *Мейстерзингеровъ*» построена на одной только темѣ, темѣ «*Весны*», въ которой можно видѣть лейтмотивъ всего произведенія.

Въ итогъ мы можемъ сказать, что въ теченіе послѣдняго столѣтія музыкальный языкъ сталъ неизмѣримо богаче, искуснѣе и утонченнѣе, чѣмъ онъ былъ раньше. Можно находить, что это развитіе не было прогрессомъ, и что старые композиторы не хуже современныхъ. Я отнюдь не хочу пускаться въ обсужденіе этого вопроса. Но несомнѣнно одно: они говорили не то, что говорятъ современные композиторы. Если сравнить оперы и симфоніи Моцарта или даже первыя симфоніи Бетховена съ великими музыкальными твореніями, въ которыхъ нашли свое отраженіе тенденціи современной Германіи, съ послѣдними драмами Вагнера, симфоническими поэмами и «*Саломеей*» Штрауса, мы немедленно увидимъ радикальное измѣненіе, происшедшее въ глубинѣ современной нѣмецкой души. Для того, чтобы эти произведенія могли быть не только созданы, но и восприняты публикой, необходимо было не только исключительное утонченіе специфически музыкальной восприимчивости, нужно было также, чтобы произошелъ рѣшительный переломъ во всей способности чувствовать, чтобы душа современнаго челоука, сдѣлалась способной воспринимать болѣе тонкія, болѣе мимолетныя, болѣе интенсивныя ощущенія, чѣмъ раньше.

Что мы сказали про музыку, можно сказать и про

живопись. Зрительная воспримчивость развилась такъ же, какъ и слуховая. Лампрехтъ предлагаетъ остроумное объясненіе эволюціи изящныхъ искусствъ въ направленіи къ импрессионизму, имѣвшей мѣсто сначала въ Англіи и Франціи, а потомъ и въ Германіи. Въмѣсто того, чтобы воспроизводить просто внѣшніе контуры предметовъ и затѣмъ болѣе или менѣе произвольно раскрашивать ихъ, художники, по его мнѣнію, мало-по-малу привыкли воспроизводить непосредственно самыя ощущенія, производимыя цвѣтовыми лучами на зрительные нервы, и въ концѣ-концовъ, стали воспроизводить уже не внѣшній міръ, какимъ мы его представляемъ въ силу приобретенныхъ привычекъ, а мимолетные образы, которые возникаютъ въ нашей глазной сѣтчаткѣ, т. е. дѣйствительно внутреннія явленія нервного и психологическаго характера. Какъ бы ни относиться къ этому любопытному объясненію, несомнѣнно, что художники научились видѣть вещи, которыхъ они раньше не различали или инстинктивно не хотѣли замѣчать. Такъ, напримѣръ, они научились видѣть и писать свѣтъ, его игру и многообразныя отраженія, между тѣмъ какъ художники старой школы заявляли о невозможности изобразить свѣтъ на полотнѣ. Они осознали такія субъективныя впечатлѣнія, которыя у ихъ предшественниковъ не переступали за порогъ сознанія. И если среди современныхъ нѣмецкихъ импрессионистовъ, Либермана, Штука, Экстера, Гофмана, и не имѣется генія, котораго можно было бы поставить рядомъ съ Вагнеромъ и Штраусомъ, если вообще зрительная воспримчивость развита въ Германіи, можетъ быть, слабѣе, чѣмъ музыкальная, то все же и та, и другая развиваются въ одномъ направленіи.

На тотъ же путь вступила и поэзія. Чтобы дать себѣ въ этомъ отчетъ, достаточно сравнить воспримчивость Гёте съ воспримчивостью Гейне и Ницше. У Гёте—здоровая, нормальная, гармонически уравновѣшенная натура. У Гейне

—преувеличенно нервный темпераментъ, проявленія котораго очень быстро принимаютъ характеръ чрезмѣрной и аномальной интенсивности; обостренная воспримчивость, которая позволяетъ ему анализировать вплоть до мельчайшихъ деталей самаго, повидимому, простаго душевнаго состоянія; повышенная чувствительность, благодаря которой всё чувства, радость ли или печаль, любовь ли или ненависть, вырастаютъ у него до огромныхъ размѣровъ и болѣзненно потрясаютъ все его существо; жестокая иронія, которая не позволяетъ ему переживать прѣстыя чувства, и заставляетъ его горько смѣяться во время страданія и страдать во время счастья. У Ницше мы также можемъ отмѣтить исключительно сложную и многогранную личность, объединяющую въ себѣ разнообразныя дарованія художника и мыслителя, филолога и музыканта, пламенную и страстную натуру, которая переживаетъ свои мысли съ несмысленной интенсивностью и доводитъ ихъ до крайнихъ, трагическихъ слѣдствій, которая вѣчно стремится «превзойти» самое себя, которая знакома какъ съ невыразимой тоской одинокаго мышленія, такъ и съ незказанными экстазами плодотворнаго вдохновенія и безъ отдыха идетъ по своему пути съ отчаянной энергійей, пока напряженная нервная система внезапно не отказывается служить и не погружается въ мракъ безумія. Ницше въ высшей степени типичный представитель современной «впечатлительности». И, если среди современниковъ мы не встрѣчаемъ другой, столь крайней природы, то все же несомнѣнно, что Рихардъ Демель, Стефанъ Георгъ, Детлевъ фонъ-Лилленкорнъ и Гуго фонъ-Гофмансталъ являются, несмотря на всё раздѣляющія ихъ индивидуальныя отличія, въ высокой степени нервными темпераментами. Ихъ страстная, утонченная и полная тайнъ лирика ясно говоритъ о томъ, въ какія глубины человѣческой души они погружаются, какія темныя уголки

нашей элементарной нервной жизни они стремятся изслѣдовать.

Отмѣтимъ, наконецъ, что, подобно тому, какъ реализмъ наслѣдовалъ на романтизмъ, такъ и импрессионизмъ лишь сталъ рядомъ съ реализмомъ и романтизмомъ, а не вытѣснилъ ихъ. Современные художники—одновременно романтики, реалисты и импрессионисты. Эти тенденціи встрѣчаются у нихъ въ разной степени и смѣшиваются въ различныхъ пропорціяхъ, не исключая другъ друга. Самыми великими изъ нихъ являются именно тѣ «проблематическія натуры», которыя не поддаются никакимъ попыткамъ упрощенной классификаціи. У Вагнера, Ницше, Бёклина, Клингера и Гергардта Гауптмана мы встрѣчаемъ самые разнообразные элементы. Они въ одно и то же время натуралисты и идеалисты, реалисты и символисты, но прежде всего импрессионисты! «Символомъ современной души,—говоритъ Ницше,—является лабиринтъ». Когда опредѣляютъ современную эпоху, какъ эру нео-романтизма, когда утверждаютъ, что Германія въ настоящее время вступаетъ въ періодъ культуры чувства, въ которой первая роль будетъ принадлежать искусству, то, несомнѣнно, имѣютъ въ виду опредѣленные характерные факты современности. Романтизмъ снова входитъ въ моду. Его писателей и мыслителей изучаютъ съ удвоеннымъ интересомъ. Теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, опять возникаютъ сомнѣнія относительно цѣнности «малаго разума». Погружаются съ симпатіей и любопытствомъ въ изученіе религіозныхъ явленій. Снова входятъ въ моду спиритизмъ и оккультныя науки. Музыка и лирика цѣнятся высоко. Символизмъ процвѣтаетъ въ искусствѣ и литературѣ. Но современная Германія не менѣе цѣнитъ и реализмъ; она же является классической страной империалистическаго расцвѣта. Эта черта налагаетъ свою печать и на ея художниковъ и мыслителей. Ницше, если угодно, романтикъ,

но онъ въ то же время одинъ изъ наиболѣе удивительныхъ реалистическихъ наблюдателей, которые когда-либо существовали въ Германіи. Гергардъ Гауптманъ—романтикъ въ «Постовушемъ колоколѣ» и натуралистъ въ «Ткачахъ». И мы не знаемъ, должны ли мы удивляться реализму и безупречной техникѣ произведеній Клингера или его могучему лиризму и глубокому символизму.

Вполнѣ ли здоровой является эта богатая и сложная культура? Не обнаруживаетъ ли она нѣкоторыхъ болѣзненныхъ симптомовъ? Нѣмецкая критика поставила передъ собой этотъ вопросъ и не скрываетъ возникающихъ у нея сомнѣній. Опасность «декаданса», жертвой котораго пали такія избранныя натуры, какъ Гейне и Ницше, несомнѣнно грозитъ современному обществу. Тѣ черты, которыя можно отмѣтить у жертвъ этого зла, гипертрофія нервной возбудимости, чрезмѣрная впечатлительность, слабость воли, полный разладъ личности, встрѣчаются въ различныхъ степеняхъ у очень многихъ изъ современниковъ. Эти факты, можетъ-быть, даютъ основаніе для нѣкоторыхъ опасеній. Если, напримѣръ, нападки на Ницше были такъ ожесточенны, если и теперь извѣстная часть критики все еще продолжаетъ обрушиваться на него, то это объясняется, конечно, тѣмъ, что она ненавидитъ въ немъ типъ «декадента», что борется противъ тѣхъ его тенденцій, которыя считаетъ опасными для психическаго здоровья націи. Въ общемъ, однако, боязнь передъ возможнымъ «вырожденіемъ», повидимому, не очень распространена въ Германіи. Вѣрять въ нѣсколько грубоватое здоровье расы, въ всевозрастающее могущество ея въ экономической сферѣ, въ ея солдатскіе инстинкты, въ чувство дисциплины и солидарности. Охотно допускаютъ, что эксцессы современнаго импрессионизма представляютъ изъ себя лишь болѣзнь роста, нарушеніе равновѣсія, необходимое для достиженія будущихъ синтезовъ, высшихъ гармоній. На-

дѣются, что этотъ кризисъ приведетъ къ возрожденію гётевскаго классицизма и научнаго рационализма, къ новой здоровой эрѣ, когда разовьется столь же богато одаренный, но болѣе устойчивый и гармоническій, чѣмъ современный, типъ человѣчества.

ГЛАВА III.

Синтетическое искусство.

I. Синтетическое искусство въ поэзіи и музыкѣ.

Эволюція, если опять воспользоваться уже приведенной выше формулой Спенсера, происходитъ не только путемъ дифференціаціи, но и путемъ интеграціи. Естественное развитіе идетъ сначала отъ однороднаго къ разнородному, отъ единства, къ разнообразію. Законъ прогрессирующей специализаціи оправдывается въ сферѣ искусства такъ же, какъ въ области естественныхъ и физическихъ наукъ. Въ силу этого закона «интегральное» примитивное искусство, встрѣчающееся на раннихъ ступеняхъ человѣческаго общества и являющееся одновременно и пляской, и музыкой, и поэзіей, и религіознымъ культомъ, стремится дифференцироваться. Искусство мало-по-малу отдѣляется отъ религіи; слитыя первоначально въ одно различныя искусства дифференцируются, и въ каждой отдѣльной отрасли искусства образуются все новыя и новыя подраздѣленія. Тѣмъ не менѣе, основнымъ закономъ эволюціи является интеграція. Во всѣхъ областяхъ, въ астрономіи и въ естествознаніи, въ биологіи и въ лингвистикѣ, прогрессъ совершается путемъ возникновенія все болѣе сложныхъ организмовъ, все болѣе обширныхъ единствъ. Исторія искусства не составляетъ исключенія изъ этого правила. Одновременно съ процессомъ распадѣнія первоначальнаго «коммунизма» искусствъ, возни-

каютъ разнообразныя попытки создать синтетическія художественныя произведенія путемъ сотрудничества различныхъ отдѣльныхъ отраслей искусства. Германія даетъ намъ въ XIX вѣкѣ въ высшей степени интересные примѣры этого стремленія къ синтезу, какъ въ области поэзіи и музыки, такъ и въ сферѣ пластическихъ искусствъ.

Объясненія этого процесса интеграціи, можетъ-быть, слѣдуетъ искать въ одномъ замѣчательномъ и еще недостаточно освѣщенномъ явленіи нашей психической жизни: въ явленіи взаимнаго соответствія между собой различныхъ группъ ощущеній, въ силу которыхъ, напримѣръ, звуковыя волны могутъ вызывать зрительныя ощущенія, осязательныя ощущенія приводятъ къ слуховымъ впечатлѣніямъ, свѣтovyя волны порождаютъ обонятельныя впечатлѣнія и т. д. Это явленіе связано, очевидно, съ общимъ развитіемъ нервной возбудимости, которая, какъ мы отмѣтили выше, является одной изъ характерныхъ чертъ современной эпохи. Дѣйствительно, это явленіе мы наблюдаемъ въ Германіи у нѣкоторыхъ романтиковъ, у которыхъ нервная жизнь достигла крайней и нѣсколько аномальной степени интенсивности. Такъ, напримѣръ, Тикъ заявляетъ, что въ его стихахъ звучатъ различные инструменты: скрипки, гобои, охотничьи рожки; онъ слышитъ поэтическія симфоніи, видитъ звукъ флейты голубымъ, изображаетъ намъ художника, который воспроизводитъ пѣніе соловья красками на полотнѣ. У страдающаго галлюцинаціями алкоголика Гофмана эти соответствія еще чаще и поразительнѣе. Онъ говоритъ, что у музыканта зрѣніе превращается въ слухъ, что краски, запахи, свѣтовые лучи ему кажутся тонами, и что ихъ созвучіе образуетъ для него дивный концертъ. Запахъ красной гвоздики вызываетъ въ немъ впечатлѣніе далекихъ звуковъ охотничьяго рожка. Онъ олицетворяетъ музыкальныя интервалы. Его фантастъ Крейслеръ серъ-

езпо разсказываетъ, что онъ носитъ костюмъ цвѣта до діеъ миноръ и воротникъ ге мажоръ: кромѣ того, онъ грозитъ заколотъ себя повышенной квинтой. Со времени Гофмана эти явленія становятся все чаще у художниковъ, начиная съ живописца Фейербаха, у котораго цвѣта всегда ассоціировались съ музыкальными впечатлѣніями, и кончая драматургомъ Отто Лудвигомъ, у котораго мысль о Гёте и Шиллерѣ сопровождалась красочными впечатлѣніями, или капельмейстеромъ Гансомъ фонъ-Бюловымъ, просившимъ оркестръ сыграть то или иное мѣсто «краснѣе» или «зеленѣе». Эти крайніе и, несомнѣнно, нѣсколько болѣзненные случаи представляютъ изъ себя, повидимому, преувеличенныя проявленія одного весьма распространеннаго феномена. Если въ настоящее время приемы отдѣльных искусствъ сближаются, если художники теперь болѣе, чѣмъ когда-либо проявляютъ себя въ совершенно различныхъ отрасляхъ искусства, то это, можетъ быть, указываетъ на все усиливающееся взаимодействие между различными психическими и фізіологическими функціями въ жизни современнаго человѣка, благодаря чему, лишь только одна ихъ цихъ будетъ приведена въ дѣйствіе, приходятъ въ движеніе путемъ какой-то таинственной симпатіи и всѣ другія.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ XIX вѣкѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, музыка стремится къ поэзій и, обратно, поэзія тяготеетъ къ музыкѣ. Въ поразительномъ развитіи симфонической поэмы отъ Листа до Вагнера, въ присоединеніи къ симфоніи вокальныхъ частей отъ Бетховена до Малера уже выражается стремленіе абсолютной музыки дополнить себя словомъ и мыслью. Съ другой стороны, мы уже указали, что романтики, стремясь выразить чистое чувство, превозносили музыку, какъ высшее искусство и тѣмъ самымъ какъ бы обращались за содѣйствіемъ къ музыканту. Союзъ музыки съ словомъ осуществляется

сначала въ элементарной формѣ въ сферѣ пѣсни, которая, въ своемъ развитіи, отъ Шуберта и Карла Лёве и до Шумана, Брамса и Туго Вольфа, достигаетъ высшаго художественнаго совершенства. Наконецъ, онъ получаетъ необычайно всеобъемлющее и блестящее выраженіе въ сферѣ драмы благодаря Вагнеру.

Идея лирической драмы, которая не была бы, подобно оперѣ, простымъ собраніемъ болѣе или менѣе слабо связанныхъ между собой чисто музыкальныхъ отрывковъ, вокальныхъ и балетныхъ номеровъ, но дѣйствительно представляла изъ себя результатъ настоящаго сотрудничества всѣхъ искусствъ, появляется въ исторіи нѣмецкой культуры еще задолго до Вагнера. Она была формулирована еще въ XVIII вѣкѣ эстетиками, какъ, напримѣръ, Шулцгеромъ, и поэтами, какъ, напримѣръ, Виландомъ. Она, разработана вплоть до мелочей въ «Ардрастейѣ» Гердера. Съ этого момента она уже не исчезаетъ съ литературнаго горизонта. Часто указывали, что шиллеровская драма «съ ея внутренней мелодіей и музыкальнымъ ритмомъ» сама стремилась дополнить себя музыкой, что «Мессинская невѣста» является оперой безъ музыки. Точно также, вторая часть гётевскаго «Фауста» для того, чтобы она могла произвести полное сценическое впечатлѣніе, требуетъ содѣйствія всѣхъ искусствъ и заключаетъ въ себѣ значительное количество настоящихъ оперныхъ мотивовъ. Самъ Вагнеръ, особенно во второй половинѣ своей жизни, считалъ очень важнымъ связать свою дѣятельность съ классиками, установить, что музыкальное произведеніе будущаго, которое такъ высмѣивали современники, представляеть изъ себя ничто иное, какъ развитіе извѣстныхъ зародышей, данныхъ уже въ «Мессинской невѣстѣ» и «Вильгельмѣ Теллѣ». Онъ былъ счастливъ установить, что его артистическій идеализмъ происходилъ по прямой линіи отъ идеализма Шиллера.

Музыкальная драма является также и той художественной формой, къ которой тяготеет романтизмъ. Теоретики послѣдняго, Шеллингъ, Зольгеръ, Шлейермахеръ, предпочитаютъ ее или пытаются ее опредѣлить. Гофманъ, бывшій одновременно и композиторомъ и поэтомъ, вполне ясно формулируетъ программу художественнаго произведенія будущаго и самъ работаетъ, впрочемъ безъ особеннаго успѣха, надъ ея осуществленіемъ. Среди самихъ современниковъ Вагнера два наиболѣе знаменитыхъ мастера театральнаго искусства, Отто Людвигъ и Фридрихъ Геббель, еще до 50-хъ годовъ приходятъ къ идеалу музыкальной драмы, совершенно независимо отъ Вагнера, въ то еще время, когда послѣдній создавалъ свои первыя крупныя композиціи. «Интегральное художественное произведеніе» не является, слѣдовательно, индивидуальной фантазіей гениальнаго художника, а представляетъ изъ себя необходимый и нормальный продуктъ вѣковой эволюціи. Оно есть осуществленіе программы, формулированной еще за-долго до Байрейтскаго маэстро, и является какъ бы удачнымъ конечнымъ результатомъ соединенныхъ стремленій цѣлаго ряда поколѣній художниковъ и поэтовъ.

Оно, конечно, не является и не можетъ быть единственной и окончательной формой искусства. Какъ бы глубоко ни было вліяніе Вагнера на современное искусство, эра его исключительнаго господства въ Германіи уже прошла. Композиторы и драматурги стремятся эмансипироваться отъ его формулъ. Критика старается точно опредѣлить его историческое значеніе. Ницше прославивъ съ почти дирическимъ подъемомъ Вагнера въ своей книгѣ «Richard Wagner in Bayreuth», какъ діонисическаго художника по преимуществу, первый низвергнулъ съ неслыханной яростью своего кумира, которому онъ раньше поклонялся, и съ страстнымъ ожесточеніемъ бросилъ въ лицо временникамъ свои обвиненія противъ вагнеріанства. Ницше

опредѣляетъ его, какъ преимущественно романтическаго гонія. Онъ видитъ въ немъ необыкновеннаго артиста, удивительнаго «комедіанта», который соединяетъ средства всѣхъ искусствъ, чтобы произвести колоссальный общій эффектъ, который становится поэтомъ, композиторомъ, декораторомъ, актеромъ, чтобы сильнѣе захватить свою аудиторію. Благодаря своему выдающемуся пониманію театральнаго эффекта, своимъ религіознымъ стремленіямъ, своимъ симпатіямъ къ мистическому аскетизму неопредѣленно католической окраски, своему пессимизму, своему недовѣрію къ сознательной волѣ и разсчитанной дѣятельности, Вагнеръ является гениальнымъ представителемъ современнаго неоромантизма. Но для Ницше въ основѣ этого неоромантизма въ значительной степени лежитъ «декадентство», фізіологическое вырожденіе. Если вліяніе Вагнера будетъ расти, если эволюція культуры будетъ безконечно прогрессировать въ этомъ направленіи, то мы неизбежно придемъ къ пессимистическому нигилизму, а черезъ него — и къ нигилизму практическому, къ гибели и смерти современной цивилизаціи. Пора противопоставить романтическому идеалу идеаль классическій, религіи человѣческаго страданія, культъ жизни и воли къ могуществу, Рихарду Вагнеру, Баху и Бетховену или даже Бизе, — Софокла, Расина, Гёте.

Новѣйшая критика, при всемъ своемъ преклоненіи передъ самымъ мощнымъ художественнымъ гениемъ современной Германіи, признаетъ нерѣдко вмѣстѣ съ Ницше, что вагнеровскій идеаль не можетъ быть художественнымъ и философскимъ сгедо людей нашего времени. Она лишь съ большими колебаніями ставитъ Вагнера рядомъ съ дѣйствительными героями нѣмецкаго племени, съ Лютеромъ, съ Гёте, Бахомъ, Бетховеномъ. Последніе представляютъ крѣпкія, здоровыя, удивительно жизнеспособныя натуры; вся энергія у нихъ какъ бы концент-

рирована и собрана въ одинъ пунктъ, чтобы гармонически развиваться во всѣхъ направленіяхъ. Вагнеръ, напротивъ, — натура крайняя и дисгармоническая, находящаяся во власти то экзальтированнаго стремленія къ могуществу, то религіознаго мистицизма съ наклономъ къ нирванѣ. Источникомъ его вибрирующаго, дрожащаго отъ возбужденія искусства является не полнота личности, у которой жизнь бьетъ черезъ край, какъ у великихъ гениевъ нѣмецкой культуры, а грандіозные диссонансы болѣзненной и рвущейся на части натуры. Поэтому, онъ не можетъ быть пророкомъ грядущаго времени. Въ своей интегральной драмѣ онъ слилъ въ мощное цѣлое всё созданія тѣхъ плодотворныхъ эпохъ, когда возникли религіи, космогоніи, миѳы. Его работа резюмируетъ работу первобытныхъ временъ; она даетъ намъ удивительно яркое представленіе о тѣхъ силахъ, которыя создали нѣкогда нѣмецкую и европейскую культуру. Но это — не антиципація грядущаго, не пророческое видѣніе скрытыхъ силъ, которыя дремятъ въ сердцѣ націи и опредѣляютъ задачи будущихъ поколѣній. Съ всемогущимъ очарованіемъ своихъ звуковъ это искусство, по словамъ Макса Графа, есть пѣніе арфы, которое сопровождаетъ сумерки боговъ, предсмертные стоны умирающей культуры.

Идеаль, къ которому стремится современная Германія, какъ мнѣ кажется, уже не вагнеровскій романтизмъ. Она уже не пытается осуществить интегральнаго художественнаго произведенія, великой миѳической драмы, которая выражаетъ въ своихъ символахъ глубочайшія философскія и религіозныя идеи. Она, какъ мы уже указали, стремится къ гётевскому искусству, къ идеалу мѣры и гармоніи, самообладанія, храбраго и мужественнаго пріятія реальной жизни. Не въ вагнеризмъ, слѣдовательно, должна искать Германія еще не открытую формулу желаннаго для нея искусства.

II. Синтетическое искусство въ пластических искусствахъ.

Въ сферѣ пластическихъ искусствъ Германія также старалась осуществить синтетическое художественное произведеніе, путемъ сотрудничества архитектуры, живописи и скульптуры. Другими словами, она взялась за разрѣшеніе трудной задачи создать гармоническій и вполне приспособленный къ потребностямъ современной жизни стиль новаго жилища. Впрочемъ, лишь въ послѣднее время нѣмецкіе художники ясно поняли предѣлы, въ которыхъ ставится эта проблема, и начали приближаться къ ея разрѣшенію.

Экономическая эволюція, совершившаяся въ теченіе XIX вѣка, повлекла за собой глубокія измѣненія въ условіяхъ матеріальной жизни. При постройкѣ общественныхъ зданій и частныхъ жилищъ, при устройствѣ и декорировкѣ домовъ и комнатъ архитекторы столкнулись съ новыми требованіями. Съ другой стороны, появились техническія нововведенія первостепенной важности. Примѣненіе желѣза и стекла въ качествѣ строительнаго матеріала стало все болѣе и болѣе распространяться и открыло новыя архитектурныя возможности. Далѣе, во множествѣ случаевъ, именно, въ производствѣ мебели и домашней утвари механическая работа машины замѣнила ручной трудъ рабочаго. Такимъ образомъ, современный художникъ стоитъ передъ новыми потребностями и для ихъ удовлетворенія располагаетъ новыми техническими средствами. Сама сила вещей поставила XIX вѣку задачу создать оригинальный стиль, который соответствовалъ бы условіямъ современной жизни.

Сначала Германія пытается разрѣшить эту задачу путемъ подражанія старымъ стилямъ. Художники подражаютъ греческому и готическому стилямъ, черпаютъ свое вдохновеніе въ итальянскомъ или французскомъ ренессансѣ; словомъ, они берутъ формы у прошлаго, вмѣсто того, чтобы смѣло искать новыхъ формъ. Они строятъ зданія, лишенныя архитектурной правды, форма которыхъ искусственна и не вытекаетъ изъ назначенія зданія и характера строительныхъ матеріаловъ. Часто они замѣняютъ настоящій матеріалъ менѣ цѣннымъ, напримѣръ, камень—штукатуркой, не желая понять, что характеръ строительнаго матеріала опредѣляетъ архитектурныя формы, и что всякая фальсификація, въ концѣ-концовъ, анти-художественна.

Въ этомъ отношеніи художественная индустрія, развившаяся въ новой Германской Имперіи въ эпоху грюндерства, знаменуетъ собой высшую точку безвкусія. Она возвела въ принципъ машинное подражаніе изъ плохого матеріала сдѣланнымъ отъ руки и изъ хорошаго матеріала орнаментамъ эпохи нѣмецкаго ренессанса, барокко, рококо. Она гордилась тѣмъ, что изготовляетъ художественные продукты настолько дешево, что они становятся доступными для людей даже съ самымъ скромнымъ достаткомъ, и распространяла свою отвратительную макулатуру въ огромныхъ количествахъ по всѣмъ, даже самымъ скромнымъ нѣмецкимъ домамъ. Этимъ путемъ она рѣшительно испортила вкусъ публики, начиная съ среднихъ классовъ и кончая низшими слоями населенія. Благодаря ней всюду распространились цинковыя поддѣлки подъ бронзу, бумажныя поддѣлки подъ кожу, поддѣлки подъ старинныя стекла съ свинцовыми обрамленіями, представляющія изъ себя простыя стекла съ наклеенной на нихъ прозрачной бумагой, пивныя кружки, перегруженныя орнаментами въ стилѣ ре-

несанса или идиллическими сценами, фаянсовая посуда, грубо украшенная калькомани, статуэтки из панье-маше, имитация подь дерево или мраморъ. Промышленники, эксплоатировавшіе эту отрасль индустріи, не только наводнили своими продуктами національный рынокъ, но стали вывозить эту макулатуру и за границу, преимущественно въ Англію и Америку, гдѣ она, само-собою разумѣется, вызывала чувство презрѣнія у всѣхъ, кто обладалъ какимъ-нибудь художественнымъ вкусомъ, но тѣмъ не менѣе находила себѣ покупателей благодаря своей дешевизнѣ. Однако, эта спекуляція принесла не однѣ только выгоды. Если еще и теперь интернаціональное общественное мнѣніе относится весьма скептически къ нѣмецкому «вкусу» и склонно низко оцѣнивать всю художественную промышленность Германіи въ цѣломъ, то это настроеніе объясняется, несомнѣнно, въ значительной степени тѣмъ, что въ глазахъ иностранцевъ нѣмецкое искусство представлено, главнымъ образомъ, этою претенціозной макулатурой, которая весьма сурово осуждается самой нѣмецкой публикой.

Въ настоящее время было бы весьма несправедливо продолжать судить о нѣмецкомъ искусствѣ на основаніи продуктовъ этой недобросовѣстной индустріи. Конечно, нѣмцы продолжаютъ вывозить свою макулатуру и украшать претенціозными поддѣлками свои дома. Но среди интеллигентныхъ слоевъ за послѣдніе десять лѣтъ развилась рѣшительная реакція противъ ошибокъ прошлаго. Передовые борцы этого движенія стремятся, вдохновляясь принципами англійскаго декоративнаго искусства, создать въ Германіи дѣйствительно современное и нѣмецкое искусство. Они рѣшительно отказываются отъ подражанія старымъ формамъ, считая, что наше время обязано создать собственные оригинальныя формы. Но особенно строго осуждаютъ они дешовую имитацию внѣшнимъ орнаментамъ сошедшихъ со сцены стилей. Они возводятъ въ принципъ, что хорошій мате-

риаль и добросовѣстная работа являются необходимымъ моральнымъ условіемъ всякаго дѣйствительно художественнаго производства. Они хотятъ, чтобы форма произведенія ясно указывала на его назначеніе и матеріаль, изъ котораго оно сдѣлано.

Рѣзко порывая съ заблужденіями своихъ предшественниковъ и громко провозглашая основной принципъ «правдивости» и честности, безъ которыхъ невозможно ни одно искусство, достойное этого имени, они устанавливають вмѣстѣ съ тѣмъ и общія начала выработки новыхъ формъ.

Вмѣсто того, чтобы обращать свое вниманіе на отдѣльные предметы, они берутъ въ качествѣ единства комнату, цѣлый *intérieur*, все зданіе. Они ставятъ своею цѣлью создать синтетическія художественныя произведенія, единства, точно отвѣчающія своему назначенію, гдѣ архитектурный планъ, общій тонъ, отдѣльные декоративные мотивы, внутренняя обстановка содѣйствовали бы созданію общаго впечатлѣнія, полного соответствія, ясности и гармоніи. Впрочемъ, они не только создаютъ дорогіе *intérieurs*, доступные лишь богатому классу, но стараются рабстать и для людей съ самымъ скромнымъ достаткомъ. Идя по этому пути, они научились изготовлять мебель, хотя и машиннаго производства, но хорошаго качества и безупречной работы, могущія соперничать въ отношеніи цѣны съ претенціозной макулатурой, которая все еще заполняетъ большіе нѣмецкіе мебельные магазины.

Нѣмецкая критика возлагаетъ весьма большіе надежды на это художественное движеніе, которое возникло менѣе, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, и которому предстоитъ блестящее будущее. Въ настоящее время инициаторы этого возрожденія художественной индустріи составляютъ уже цѣлую школу. Возникли значительные мѣстные центры, — въ Дармштадтѣ, Дрезденѣ,

Вѣнѣ, Мюнхенѣ. Это новое искусство, подвергавшееся первоначально жестокимъ нападкамъ, доказало свою цѣнность не только на мѣстныхъ выставкахъ, напр., на Дармштадтской выставкѣ 1901 года, бывшей первымъ выдающимся выступленіемъ новой школы, но также и на интернаціональныхъ выставкахъ, въ частности, на выставкѣ въ Сентъ-Луи, гдѣ оно одержало блестящій успѣхъ.

Конечно, сейчасъ еще преждевременно предсказывать судьбу этого молодого движенія. Но ясно уже теперь, что оно исходитъ изъ плодотворной идеи, которая въ той или иной фирмѣ, въ концѣ-концовъ безусловно реализуется. Наше время явнымъ образомъ стремится породить добросовѣстное, практическое, трезвое искусство, которое изгоняетъ всякій ненужный орнаментъ и пытается создать съ помощью техники и художественнаго вкуса въ одно и то же время рациональныя и эстетически удовлетворительныя формы, которое не только строитъ дорогія роскошныя жилища для немногочисленныхъ богачей, но можетъ спуститься въ народную среду и придать нѣкоторую долю красоты существованію низшихъ классовъ. Съ этой точки зрѣнія рожденіе новаго синтетическаго искусства, стремящагося превратить весь современный домъ въ художественное произведеніе, придать ему, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, извѣстный стиль, является, можетъ-быть, болѣе важнымъ фактомъ, чѣмъ возникновеніе въ живописи или скульптурѣ того или иного теченія. Современная Германія ясно поняла новыя обязанности искусства по отношенію къ жизни и формулировала принципы одной изъ наиболѣе интересныхъ реформъ въ сферѣ искусства. Теперь остается выждать, въ какой мѣрѣ ея художники сумѣютъ реализовать намѣченную ими программу, и также въ какой мѣрѣ общество, какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, под-

держитъ ихъ усилія и проявитъ то стремленіе къ красотѣ, безъ котораго не сможетъ развиваться синтетическое и коллективное искусство.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Если, дойдя до конца нашего очерка, мы попытаемся формулировать общее впечатлѣніе, которое производитъ на насъ эволюція современной Германіи, мы должны будемъ свести его къ одному чувству, подавляющему всё другія, — чувству глубокаго удивленія передъ изумительнымъ развитіемъ нѣмецкаго могущества въ теченіе XIX вѣка.

Въ началѣ XIX вѣка Германіи, какъ великой державы, не существуетъ. Священная Римская Имперія представляетъ изъ себя лишь развалину, разрушающуюся самымъ жалкимъ образомъ среди всеобщаго равнодушія. Нѣтъ Германіи. Существуютъ лишь отдѣльные нѣмецкіе князья, глубоко разъединенные между собой, завистливые, заботящіеся исключительно о своихъ мелочныхъ династическихъ интересахъ, готовые совершить любую низость, любой обманъ, лишь бы сохранить и укрѣпить свой драгоценный суверенитетъ, неспособные подчинить свои эгоистическія цѣли національному интересу, и, наоборотъ, всегда расположенные вступить въ союзъ съ иноземцами и, въ случаѣ нужды, начать даже войну съ своими соотечественниками, если есть надежда извлечь какую-нибудь выгоду изъ измѣны. У этой разъединенной и безсильной націи политическая жизнь отсутствуетъ. Всюду господствуетъ монархическій абсолютизмъ, перѣдко тираннический деспотизмъ, который населеніемъ переносится съ почти рабской покорностью. Строго отстраняемые отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, крестьяне и горожане, ремесленники

и буржуа пассивно подчиняются властной и грубой тиранни государства и его бюрократовъ, теряютъ всякій интересъ къ жизни націи и замыкаются въ ограниченномъ кругу своихъ частныхъ занятій. Впрочемъ, экономическая жизнь націи узка и скудна; населеніе—малочисленно, страна—бѣдна, капиталы—рѣдки, индустрія—почти отсутствуетъ. Чтобы уйти отъ этой жалкой жизни, открыть одинъ только путь: мышленіе и искусство. И цвѣтъ нѣмецкой интеллигенціи вступаетъ на этотъ путь съ поразительнымъ энтузіазмомъ. Въ раздробленной, униженной, наполовину разоренной войнами и иностранными вторженіями Германіи расцвѣтаетъ высокая литературная и философская культура, которая даетъ націи, можетъ быть, лучшее право на славу. Съ этого времени Германія считается классической страной идеализма и мечтательности. Такъ какъ Англія завладѣла моремъ, а Франція господствуетъ надъ сушей, то Германіи остается, по извѣстной поговоркѣ, лишь царство воздуха. Но здѣсь она царитъ съ несравненнымъ блескомъ.

Но вотъ, въ этой отсталой, обездоленной въ смыслѣ земныхъ благъ націи, которая, казалось, могла увлекаться лишь химерами и миражами, развивается духъ предпринимательства. Вскорѣ выясняется, что нѣмецкій народъ изъ всѣхъ западно-европейскихъ націй обладаетъ, можетъ быть, наибольшими данными, чтобы одержать верхъ въ экономической борьбѣ. Въ своемъ изумительномъ подъемѣ онъ не только перегоняетъ романскіе народы, которые задолго до него вступили на путь матеріальнаго прогресса, но угрожаетъ теперь даже старинной индустріальной и коммерческой супрематіи самой Англіи.

Выясняется, что этотъ нѣсколько тяжеловѣсный и медлительный, но крѣпкій и здоровый народъ представляетъ изъ себя исключительно благоприятную почву для развитія капиталистической цивилизаціи. Нѣмецъ—совѣзмъ

не художникъ. не страстная натура, стремящаяся къ наслажденіямъ, какъ романистъ. Онъ не любитъ, подобно послѣднему *far niente*, бездѣлье, красивую жизнь, веселую общительность. Серьезный и сильный, упорный и добросовѣстный работникъ, онъ издревле приученъ къ строгой нравственной дисциплинѣ, суровой военной выучкѣ. И вотъ, въ этомъ лишенномъ изящества и блеска, но зато крѣпкомъ и настойчивомъ народѣ, развивается сильная воля къ могуществу, терпѣливая, методическая, способная преслѣдовать съ неутомимымъ постоянствомъ разъ намѣченную цѣль, никогда не уклоняясь въ сторону благодаря какому-либо капризу или страсти, никогда не отступая ни передъ какимъ затрудненіемъ или препятствіемъ. Нѣмецъ стремится къ могуществу не потому, что онъ хочетъ занять первое мѣсто, и даже не ради матеріальныхъ выгодъ, которыя оно даетъ; онъ стремится къ нему ради него самого, потому-что оно является мѣриломъ истинной цѣнности человѣка, группы, партіи, народа.

Экономическій законъ съ фатальной необходимостью заставляетъ Германію вступить на путь предпринимательства. Нѣмецкая раса, какъ было уже указано, очень плодovита. Ежегодный приростъ населенія имперіи за періодъ 1816—1905 гг. равняется 1,01%. Въ 1900 и 1905 гг. онъ достигаетъ 1,50% и 1,45%. Населеніе Германіи въ 1816 году равнялось 25 милліонамъ жителей, въ 1855 году —36 милл., въ 1905 г.—60-ти милл., въ 1910 г.—64,9 милліонамъ¹⁾. Въ 1820 году Франція имѣетъ на четыре милліона жителей болѣе, чѣмъ Германія. Приблизительно въ серединѣ вѣка обѣ страны имѣютъ по 34½ милліоновъ жителей. Въ настоящее время Германія насчитываетъ на 20 слишкомъ милліоновъ жителей больше, чѣмъ Франція, и эта разница продолжаетъ непрерывно возро-

¹⁾ Въ 1912 году населеніе Германіи составляетъ уже около 66-ти милліоновъ. *Прим. пер.*

стать. Приведенныя цифры говорятъ достаточно краснорѣчиво, насколько нѣмецкая рождаемость превѣшиваетъ французскую, и насколько, слѣдовательно, многодѣтныя семьи встрѣчаются въ Германіи чаще, чѣмъ во Франціи.

Это обстоятельство въ высшей степени благоприятно для развитія капитализма. Ежегодные излишки населенія дали Германіи ту армію работниковъ, въ которой нуждается индустрія для своего развитія. Съ другой стороны, въ обеспеченныхъ классахъ населенія широко распространенъ духъ предпринимательства. Въ Германіи отецъ семейства не стремится создать для своихъ дѣтей обеспеченнаго положенія и опредѣленной ренты. Онъ даетъ имъ хорошее воспитаніе, основательно снаряжаетъ ихъ для жизненнаго боя и затѣмъ предоставляетъ имъ самимъ бороться за мѣсто подъ солнцемъ. Такимъ образомъ, плодovitость расы явилась однимъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ политическаго и хозяйственнаго расцвѣта Германіи.

Это стремленіе къ власти растетъ и увеличивается во всѣхъ сферахъ нѣмецкой жизни, во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Оно проявляется въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, въ политическихъ партіяхъ, въ социальныхъ группахъ, въ государствахъ. Оно проявляется во всемъ нѣмецкомъ обществѣ въ формѣ имперіализма и міровой политики. Германія стремится къ военному, морскому и дипломатическому преобладанію, къ экономической, промышленной и торговой гегемоніи, къ первенству въ сферѣ науки, потому что наука также является видомъ человѣческаго могущества, и Германія значительной долей своихъ успѣховъ обязана, безъ сомнѣнія, своей наукѣ. Мало-по-малу, воля къ могуществу одерживаетъ въ нѣмецкой душѣ верхъ надъ стремленіемъ къ культурѣ, незамѣтно отодвигая его на второй планъ. Культъ искусства падаетъ или, скорѣе, мѣняетъ свой характеръ: искусство разсматривается уже не какъ цѣль въ себѣ, а

какъ вспомогательное средство къ жизни. Среди нѣмцевъ растетъ культъ силы. Но они преклоняются, и это мы должны подчеркнуть, не передъ грубой, тираннической, произвольной силой, которая вытекаетъ изъ каприза, подавляетъ безъ всякаго смысла, ради лишь собственнаго удовольствія, и является отрицаніемъ права. Ихъ культъ чимѣетъ своимъ объектомъ разумную силу, которая утверждаетъ себя въ силу собственной добродѣтели, потому что не только неизбѣжно, но полезно, мудро и нормально, чтобы сила подавляла слабость, чтобы высшая монада подчиняла себѣ низшую монаду. Они преклоняются передъ Силою, которая въ то же время является и Правомъ, потому что она есть выраженіе истиннаго превосходства, которое, по справедливости, должно быть признано и почитаемо.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что стремленіе къ могуществу у нѣмцевъ проявляется въ упорядоченной, насколько это возможно, формѣ.

Режимъ свободной конкуренціи, создавая войну каждаго противъ всѣхъ и доводя такимъ образомъ до высшей степени развитія индивидуальныи эгоизмъ, заключаетъ въ себѣ, безспорно, анархическое и разлагающее начало. Какъ нѣкогда въ Италіи во время Ренессанса, онъ можетъ породить ожесточенныя индивидуальности, которыя съ отчаяніемъ борются за первенство и безжалостно уничтожаютъ другъ-друга. Весьма замѣчательно, что развитіе свободнаго предпринимательства въ Германіи не повлекло за собою подобныхъ слѣдствій. Какъ бы ожесточенна не была конкуренція между отдѣльными индивидуумами и общественными группами, она никогда не вырывается въ анархическую борьбу.

Борьба за политическое преобладаніе между нѣмецкими государствами была очень продолжительна и ожесточенна, и въ концѣ-концовъ, она разрѣшилась войной. Но какъ

только сила вынесла свой приговоръ, антипатія очень скоро утихла, ненависть успокоилась. Въмѣсто того, чтобы разстрачивать свои силы въ бесполезныхъ раздорахъ и напрасныхъ возмущеніяхъ, Германія, быстро приняла новый порядокъ вещей и соединила все свои силы для экономической и политической борьбы въ Европѣ и во всемъ мѣрѣ.

Борьба между политическими партіями также очень ожесточенна и настойчива. Но она почти никогда не приводитъ къ серьезнымъ смутамъ. Борьба классовъ, можетъ-быть, острѣе, чѣмъ во всехъ другихъ странахъ. Но она не носитъ революціоннаго характера. Даже среди самыхъ непримиримыхъ противниковъ капиталистическаго государства, среди нѣмецкихъ социаль-демократовъ, реформизмъ получаетъ все большее преобладаніе. Они безусловно осуждаютъ всякій призывъ къ насилию, всякую попытку осуществить конечную цѣль путемъ насильственнаго переворота; они рѣшительно отвергаютъ антимиитаризмъ и обращеніе къ всеобщей стачкѣ. Промышленная и торговая конкуренція очень ожесточенна, индивидуальная инициатива очень сильна и смѣла. Но Германія, классическая страна картелей, крупныхъ рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ, является, несомнѣнно, одной изъ странъ, болѣе всего сдѣлавшихъ для урегулированія производства, для установленія контроля надъ рынкомъ, для ограниченія конкуренціи и, слѣдовательно, для предотвращенія кризисовъ и смягченія ихъ остроты.

Словомъ, частная инициатива очень сильна въ Германіи, но она не приводитъ къ индивидуалистическому анархизму. Это, можетъ-быть, объясняется одной хорошо извѣстной чертой національнаго характера. Нѣмецъ менѣе другихъ народовъ испытываетъ потребность въ полномъ развитіи своей личности. Онъ охотно ограничивается какимъ-нибудь однимъ специальнымъ занятіемъ, которому онъ

отдается цѣликомъ. Онъ охотно жертвуетъ частью своей индивидуальности, превращается, по мѣткому нѣмецкому выраженію, въ Teilmensch'a, въ часть человѣка, въ специалиста, который выполняетъ съ выдающимся совершенствомъ ту или иную весьма специальную функцію, несколько не заботясь о томъ, что происходитъ за предѣлами его тщательно отграниченной сферы. По этой причинѣ онъ любитъ соединяться съ другими и подчиняться. Онъ охотно становится членомъ многочисленныхъ союзовъ, которыми кипитъ Германія. Онъ любитъ чувствовать себя составной частью обширной организаціи, болѣе или менѣе важной деталью большого механизма. Онъ счастливъ соединить свою личную судьбу съ судьбой какого-нибудь великаго дѣла, и посвятить ему всѣ свои силы. Словомъ, въ немъ есть инстинктъ дисциплины. Онъ умѣетъ повиноваться, но умѣетъ также и командовать: онъ умѣетъ пунктуально исполнять полученныя приказанія, но можетъ также и проявить инициативу въ отведенной ему области. Такимъ образомъ, нѣмецкій народъ доставляетъ прекрасный человѣческій матеріалъ для разнаго рода огромныхъ организмовъ, которые создаетъ капиталистическій строй: національныхъ армій, административныхъ кадровъ, обширныхъ финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, синдикатовъ и картелей. Даже въ сферѣ искусства онъ стремится осуществить синтетическое художественное произведеніе, въ видѣ ли музыкальной драмы или же зданія, стилизованнаго во всѣхъ своихъ частяхъ. Эта любовь къ ассоціаціи и къ подчиненію является прирожденной чертой нѣмца. Онъ подчиняется дисциплинѣ не насилуя себя, а напротивъ, съ радостью. Онъ специалистъ по собственной охотѣ и несколько не сожалѣетъ о томъ, что остается за предѣлами его горизонта. Онъ замыкается въ границы своей специальности, въ свой Fach, съ извѣстной гордой радостью, къ которой часто

примѣшивается отѣнокъ нѣкотораго презрѣнія или веселой ироніи по отношенію къ диллетанту, который берется за то, что плохо знаетъ, притязаетъ разсуждать «de omni re scibili» и съ анпломбомъ рѣшаетъ самыя высокія вопросы политики, религіи, морали и искусства. Его серьезность, его «Gründlichkeit» заставляеть его инстинктивно презирать всѣхъ этихъ импровизаторовъ, краснобаевъ, «универсальныхъ» людей, которые берутся за все съ одинаковой смѣлостью и одинаковой некомпетентностью. Онъ гордится тѣмъ, что не выходитъ за предѣлы той области, которую знаетъ. Или проще, у него нехватаетъ любознательности: для него міръ кончается за предѣлами его специальности.

Этотъ столь распространенный въ Германіи инстинктъ дисциплины и іерархіи объясняетъ и общій консерватизмъ націи. Индивидуальная мысль въ Германіи необыкновенно смѣла, она не отступаетъ ни передъ какой проблемой и изслѣдуетъ всѣ вопросы совершенно независимо. Но въ конечномъ итогѣ она чувствуетъ отвращеніе къ крайнимъ рѣшеніямъ. Въ религіозномъ отношеніи Германіи не атеистична и не клерикальна. Она не отвергаетъ ни одного завоеванія научнаго рационализма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда сохраняетъ уваженіе къ инстинктивной мудрости, которая выражается въ религіозной эволюціи человѣчества. Она стремится, насколько это возможно, примирить Науку съ Вѣрой, истину рациональную съ истинной традиціонной. Въ политической области она также старается согласовать принципъ авторитета съ принципомъ демократіи. Она уже не можетъ допустить деспотическаго абсолютизма, но въ то же время она сохраняетъ добровольное уваженіе къ монархіи, къ установленной іерархіи, къ «законнымъ» властямъ. Нѣмецкая демократія не претендуетъ быть единственной руководительницей народныхъ судебъ. Она охотно соглашается раздѣлить власть съ верховнымъ вождемъ, опирающимся не на народное избраніе, а на свои традиціонныя права.

Далѣе, повидимому, благодаря этому чувству порядка и дисциплины Германія постепенно поднимается до солидаристическаго пониманія жизни, которое дополняетъ и исправляетъ агональную концепцію свободной конкуренціи. Я думаю, что въ этомъ отношеніи ея эволюція болѣе всего заслуживаетъ удивленія съ нашей стороны. Развитіе политическихъ партій, социальныхъ группировокъ, предпринимательскихъ и рабочихъ союзовъ, широкое распространение социальнаго страхованія говорятъ намъ о все прогрессирующемъ развитіи идеи солидарности. На мѣсто всеобщей конкуренціи, войны всѣхъ противъ всѣхъ, мало-по-малу ставится сознаніе необходимости солидарнаго стремленія къ могуществу. Вслѣдъ за періодомъ великихъ потрясеній, неустойчивости и необезпеченности, явившагося слѣдствіемъ развитія системы свободнаго предпринимательства, Германія ожидаетъ наступленія болѣе обезпеченнаго экономическаго и социальнаго порядка съ болѣе устойчивой іерархіей и менѣе неопредѣленной нравственной «вѣрой». Вслѣдъ за грандіознымъ усиленіемъ, направленнымъ къ достиженію политической гегемоніи и матеріальнаго богатства, она стремится къ возрожденію идеалистическаго порыва къ культурѣ и искусству. Это, конечно, прекрасныя перспективы. Какъ бы неопредѣленны онѣ не были, вполне достаточно уже того, что онѣ не кажутся неосуществимыми, чтобы нѣмцы имѣли право смотрѣть съ вполне законной гордостью на пройденный ими путь и взирать съ извѣстнымъ оптимизмомъ на будущее.

Намъ остается теперь еще отмѣтить, что въ настоящее время чувство солидарности у нѣмцевъ является почти исключительно національнымъ. Нѣмецъ все болѣе и болѣе сознаетъ себя солидарнымъ съ другими нѣмцами. По отношенію къ другимъ націямъ онъ стоитъ большей частью на агональной точкѣ зрѣнія свободной конкуренціи. Элементарная сила современнаго нѣмецкаго націонализма пред-

ставляет въ этомъ отношеніи рѣшительный контрастъ въ сравненіи съ благороднымъ космополитизмомъ начала вѣка. Пангерманистическій империализмъ, столь сильный, воинственный и увѣренный въ своей собственной силѣ и звѣздѣ, столь энергичный въ своихъ предпріятіяхъ, бдительный и всегда готовый бить тревогу, столь иногда носившій въ своихъ угрозахъ, столь рѣшительно отвергающій всѣ предложенія пацифистическаго и интернаціональнаго характера, представляетъ изъ себя, несомнѣнно, и образецъ и предостереженіе для другихъ народовъ. Онъ показываетъ, что эра конкуренціи еще не миновала ни для индивидуумовъ, ни для народовъ, и что нація должна во всякомъ случаѣ сохранять нетронутой свою силу.

Надолго ли останется націонализмъ послѣдней ступенью нѣмецкой эволюціи? Можетъ быть, мы въ правѣ надѣяться, что Германія не всегда останется въ этомъ боевомъ положеніи и перестанетъ быть препятствіемъ для наступленія мѣнѣе анархическаго положенія вещей въ цивилизованномъ мірѣ. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, народъ, такъ хорошо понявшій необходимость конкуренціи и ассоціаціи, плодотворнаго соревнованія и солидарности, не смогъ подняться отъ точки зрѣнія національной солидарности до точки зрѣнія европейской или общечеловѣческой солидарности? Многочисленные симптомы указываютъ, что въ экономической и социальной сферѣ, а также въ области научной и художественной культуры, это развитіе давно уже началось, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ. Можетъ быть, не слишкомъ уже фантастична надежда, что двадцатый вѣкъ увидитъ ростъ и процвѣтаніе новой религіи солидарности, что мы постепенно приблизимся къ идеалу «добраго европейца», о которомъ дерзалъ проповѣдывать своимъ соотечественникамъ Ницше въ самый разгаръ націоналистической горячки. Этимъ пожеланіемъ мы хотѣли бы закончить нашу книгу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Міровоззрѣніе релігіозное и міровоззрѣніе научное.—
Развитіе рачіоналізма. Противорѣчіе между релігіей и
наукой.—Антипатіи нѣмцевъ къ крайнимъ рѣшеніямъ. 1

КНИГА I.

Экономическая эволюція.

ГЛАВА I.—Развитіе капитализма.

Возникновеніе капиталистическаго строя въ Германіи.—
Идеаль „пропитанія“.—Развитіе свободнаго пред-
принимательства.—Экономическое освобожденіе Прус-
сіи вслѣдъ за пораженіемъ при Іенѣ 13

Стади капиталистическаго развитія.—Германія въ началѣ
XIX вѣка.—Періодъ съ 1800 по 1848 годъ.—Хозяйствен-
ный подъемъ послѣ революціи 1848 года.—Спекулятив-
ная горячка вслѣдъ за 1870 годомъ.—Блестящіе успѣхи
нѣмецкой промышленности въ концѣ вѣка 17

ГЛАВА II.—Вліяніе капиталистическаго строя на старыя формы промышленности.

I. Домашняя промышленность.—Исчезновеніе домашнихъ
промысловъ у крестьянъ.—Домашняя промышленность
въ деревнѣ.—Крупная домашняя промышленность въ
городахъ 28

II. Ремесло.—Старинная организація ремесла.—Прогрес-
сивное распаденіе цеховаго строя.—Опасность, грозя-
щая ремеслу со стороны крупной индустріи.—Экономи-
ческий и соціальныи упадокъ класса ремесленниковъ . 32

ГЛАВА III.—Вліяніе капитализма на земледѣліе.

Аграрная эволюція.—Ростъ сельско-хозяйственнаго про-
изводства въ теченіе XIX вѣка.—Неприложимость за-
кона концентраціи капитала къ сельскому хозяйству.—
Переходъ отъ общиннаго землепользованія къ индиви-
дуальному.—Ликвідація феодальнаго землевладѣнія.—
Послѣдствія этой ликвидаціи для крупныхъ землевла-
дѣльцевъ и для крестьянъ.—Эволюція нравовъ сельскаго
населенія 37

Аграрный кризисъ.—Его причины: конкуренція новыхъ странъ; задолженность земельной собственности.—Послѣдствія кризиса для дворянства и крестьянства. — Уменьшеніе значенія земледѣлія для народнаго хозяйства. 51

ГЛАВА IV.—Соціальная эволюція.

- I. Соціальныя послѣдствія капиталистическаго строя.— Старые классы: дворянство, средній классъ, народъ.— Современные классы: аристократія капиталистическихъ предпринимателей и армія труда. — Образованіе и развитіе пролетаріата въ Германіи 56
- II. Обще результаты экономической эволюціи. — Положительныя и отрицательныя стороны капиталистическаго строя.—Симптомы реакціи противъ системы свободной конкуренціи 65

К Н И Г А II.

Политическая эволюція.

ГЛАВА I.—Проблема единства и свободы Германіи.

- I. Безсиліе Германіи въ началѣ XIX вѣка. — Отсутствіе единства и либеральныхъ учреждений 70
- II. Австрія. — Реакціонная политика Меттерниха. — Враждебное отношеніе Австріи къ объединительному и освободительному движенію 77
- III. Пруссія.—Силы Пруссіи. — Симпатіи Пруссіи къ объединительнымъ стремленіямъ.—Прусская монархія и либеральныя стремленія: эволюція Пруссіи въ сторону конституціонализма.—Реформы Штейна и Гарденберга. Политическая раздробленность Германіи. 81

ГЛАВА II. — Идеалистическое стремленіе къ единству и свободѣ.

- I. Возникновеніе либерализма. — Первоначальный идеалистическій характеръ либерализма. — „Органический“ характеръ эволюціи политическихъ учреждений Пруссіи.— „Неорганический“ характеръ политической эволюціи южно-нѣмецкихъ государствъ 89
- II. Эволюція либерализма.—Развитіе либерализма въ сторону націонализма. — Развитие либерализма въ сторону радикализма. 103
- III. Революція 1848—49 гг. — Революціонный взрывъ въ Германіи.—Франкфуртскій парламентъ. — Безсиліе парламента по отношенію къ нѣмецкимъ государямъ.—Безплодность его усилій осуществить единство Германіи.—Причины этой неудачи. 106

ГЛАВА III.—Освоеніе Германской Имперіи.

- Новая психологія.—Развитіе позитивизма и реализма.—
 Бисмаркъ, какъ типическій представитель реалистиче-
 ской эпохи; его воля къ власти; ясность его интеллекта;
 его первая воспримчивость 115
- Осуществленіе нѣмецкаго единства.—Завоеваніе Герма-
 нии Пруссіей.—Таможенный Союзъ.—Неудача объеди-
 нительной попытки Пруссіи.—Реакція въ Германіи и въ
 Пруссіи.—Возстановленіе военной силы Пруссіи.—Борьба
 за гегемонію съ Австріей; битва при Садовой.— Война
 1870 года; ея причины; отвѣтственность за нее Франціи
 и Германіи. — Возстановленіе Германской Имперіи. . . 121

ГЛАВА IV.—Внѣшняя политика Германской Имперіи.

- Европейская политика Германіи.—Миролюбіе Германіи.—
 Необходимость развивать свои военныя силы.—Франція
 и Германія послѣ 1870 года.—Нѣмецкая армія.—Поли-
 тическіе союзы Германіи.—Вооруженный миръ. 137
- II. Мировая политика.—„Великая Германія“.—Нѣмцы внѣ
 Германіи.—Нѣмецкіе интересы за границей.—Образова-
 ніе колониальной имперіи 147
- III. Нѣмецкій империализмъ.—Национализмъ и империа-
 лизмъ.—Противоположность интересовъ нѣмецкаго сель-
 скаго хозяйства и нѣмецкой промышленности.—Посред-
 ническая роль правительства 156

ГЛАВА V.—Внутренняя политика Германской Имперіи.

- I. Внутренняя жизнь Германіи.—Партіи принимаютъ все бо-
 лѣе реалистическій характеръ; мѣсто борьбы принци-
 по въ занимаетъ борьба классовыхъ интересовъ. 164
- II. Соціалъ-демократы.—Утопическій социализмъ.—Эволюціи
 социализма въ сторону практической дѣятельности.—
 Соціалисты-революціонеры и соціалисты-реформисты.—
 Профессиональное движеніе. 167
- III. Либералы.—Идеологическое происхожденіе либераль-
 ной партіи.—Превращеніе либеральной партіи въ партію
 буржуазіи.—Эволюція національ-либеральной партіи:
 она становится политическимъ органомъ крупной про-
 мышленности 173
- IV. Консерваторы.—Авторитарность и партикуляризмъ.—
 Положительныя стремленія консерваторовъ.— Ихъ при-
 миреніе съ Бисмаркомъ.— Консерваторы превращаются
 въ защитниковъ интересовъ сельскаго хозяйства: Bund
 der Landwirte 177
- V. Католическій центръ. 181
- VI. Общие результаты партійной эволюціи.—Упадокъ пар-
 ламентской жизни.—Исчезновеніе всякаго политиче-
 скаго идеализма.—Партіи и императоръ 183

ГЛАВА VI.—Современный политический идеализмъ.

- I. Школьная политика. — Постепенная секуляризация народного образования. — Тѣмъ не менѣе, церковь сохраняетъ значительное вліяніе на школу. — Болѣе реалистическій и болѣе демократическій характеръ современной школы. 188
- II. Соціальная политика. — Капиталистическій строй и рабочее законодательство. — Вмѣшательство государства въ социальный вопросъ. — Соціальная политика Бисмарка. — Вступленіе на престолъ Вильгельма II: періодъ реформъ; періодъ реакціи. — Возрожденіе общественнаго идеализма въ современной Германіи. 195

К Н И Г А III.**Эволюція религіозной и философской мысли.****ГЛАВА I.—Возрожденіе католицизма въ Германіи въ XIX вѣкѣ.**

- I. Развитие научнаго рационализма трансформируетъ религію современнаго человѣка 207
- II. Упадокъ и возрожденіе католицизма въ началѣ XIX вѣка. — Реформистскій католицизмъ. — Видимый упадокъ римскаго католицизма. — Возвратъ къ положительнымъ формамъ религіи. — Союзъ трона и алтаря противъ революціи. — Борьба за католическую „свободу“. — Упадокъ реформистскаго католицизма. — Романтическое движеніе благоприятствуетъ успѣхамъ католицизма среди интеллигенціи. — Успѣхи католицизма въ народныхъ массахъ; католическія общества 208

ГЛАВА II.—Успѣхи католицизма въ теченіе XIX вѣка.

- I. Торжество римскаго католицизма надъ реформистскимъ. — Гермесіанство. — „Нѣмецко-католическое“ движеніе. — „Старо-католики“ 229
- II. Борьба между церковью и государствомъ. — Постепенная эмансипация католицизма въ теченіе двухъ первыхъ третей XIX вѣка. — Столкновеніе римской куріи съ новой германской имперіей. — Kulturkampf. — Примиреніе центра съ правительствомъ. — Центръ становится правительственной партіей. — Вильгельмъ II и католицизмъ. — Католицизмъ „политическій“ и католицизмъ „идеалистическій“. 232

ГЛАВА III.—Протестантскій духъ.

- I. Основные тенденціи протестантизма. — Католическій „пудраціонализмъ“ и протестантскій „ирраціонализмъ“. — Протестантизмъ устанавливаетъ взаимную независимость разума и вѣры. — Онъ стремится примирить науку

сь религіей.—Разграниченіе областей религіи, метафизики и морали.	242
II. Протестантскій мистицизмъ.—Мистическій элементъ въ религіи Лютера.—Піэтизмъ и его основныя черты.—Эволюція піэтизма въ XVII и XVIII вѣкахъ.—„Пробужденіе“.—Современный піэтизмъ	245
III. Протестантскій субъективизмъ.—Постепенное распаденіе догмы.—Радикальный субъективизмъ Шлейермахера.—Прогрессивное освобожденіе христіанства отъ его историческихъ элементовъ; рационализмъ XVIII вѣка; миеологическое истолкованіе библѣйскихъ разсказовъ.—Религія теряетъ свой абсолютный характеръ	259
IV. Попытки примирить науку съ религіей.—Рационализмъ XVIII вѣка.—Идеализмъ XIX вѣка: философія Канта; новѣйшая эволюція идеалистической философіи.—Современный протестантскій идеализмъ.	268
ГЛАВА IV.—Протестантская церковь.	
I. Протестантская ортодоксія.—Возникновеніе новой ортодоксіи.—Ортодоксія и піэтизмъ въ XIX вѣкѣ.—Конфликтъ между „положительными“ и „отрицательными“ тенденціями.	280
II. Протестантская церковь.—Понятіе церкви въ средніе вѣка.—Протестантизмъ противопоставляетъ церковной іерархіи понятіе о всеобщемъ священствѣ.—Протестантская церковь подъ господствомъ государства.—Неизбѣжный разрывъ между государствомъ и церковью.—Оффиціальная церковь и свободная церковь.—Разрывъ между протестантской церковью и протестантскимъ духомъ.—Противорѣчіе между протестантскимъ субъективизмомъ и церковностью.	286
ГЛАВА V.—Свободная мысль.	
I. Материализмъ.—Распространеніе материализма въ XIX вѣкѣ.—Причины его успѣховъ.—Современный упадокъ вліянія материализма среди интеллигенціи.	301
II. Позитивизмъ.—Позитивизмъ, какъ реакція противъ метафизическаго догматизма.—Его распространеніе въ XIX вѣкѣ.	310
III. Пессимизмъ.—Возникновеніе пессимистскаго ученія.—Его распространеніе во второй половинѣ XIX вѣка.—Реакція противъ пессимизма	316
IV. Натурализмъ.—Нигилизмъ Ницше.—Переопѣяка дѣвностей и донисизмъ.—Ницше есть одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей души современнаго человѣка	321
V. Современные тенденціи.—Антипатія къ ницшеанскому радикализму въ Германіи.—Современныя стремленія къ новому классицизму.—„Возвратъ къ Гёте“	329

К Н И Г А І V .

Эволюція искусства.

ГЛАВА I.—Цѣнность искусства.

- I. Культъ искусства.—Классическая концепція искусства; „нео-эллинизм“ Гёте.—Восторженное поклоненіе искусству у романтиковъ.—Распространеніе культа искусства въ XIX вѣкѣ 335
- II. Реакція противъ культа искусства.—Взглядъ на искусство и культуру, какъ на продуктъ промышленности.—Успѣхи утилитарнаго реализма.—Искусство должно занимать подчиненное положеніе по отношенію къ жизни.—Искусство должно служить жизни.—Демократическое искусство.—Стремленіе народа къ искусству 345

ГЛАВА II.—Романтизмъ, реализмъ и импрессионизмъ.

- I. Романтизмъ.—Романтизмъ выступаетъ первоначально, какъ продолженіе классицизма.—Его основныя черты: субъективизмъ.—Лиризмъ.—Романтизмъ стремится стать національнымъ и народнымъ искусствомъ 361
- II. Реализмъ.—Распаденіе романтизма.—Распространеніе реалистическихъ тенденцій 373
- III. Импрессионизмъ.—Прогрессивное утонченіе нервной воспримчивости въ теченіе XIX вѣка.—Развитіе импрессионизма въ музыкѣ.—Импрессионизмъ въ живописи и поэзи.—Импрессионизмъ и декаденство. 378

ГЛАВА III.—Синтетическое искусство.

- I. Синтетическое искусство въ поэзи и музыкѣ.—Соответствіе между ощущеніями разнаго порядка.—Музыкальная драма Вагнера.—Критика вагнеризма. 388
- II. Синтетическое искусство въ пластическихъ искусствахъ.—Исканія новаго стиля.—Періодъ подражанія старымъ стилямъ.—Тенденціи современной художественной промышленности 395

З А В Л Ю Ч Е Н І Е .

- Воля къ власти и солидаризмъ.—Развитіе нѣмецкаго могущества.—Чувство порядка и дисциплины.—Переходъ отъ агональнаго пониманія жизни къ солидаристическому пониманію. 401

